

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



УЛЛА-ЛЕНА ЛУНДБЕРГ

**ОСТРОВА
В СЕРДЦЕ
АФРИКИ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

Ulla-Lena Lundberg
Öar i Afrikas inre
Borgå: Alba, 1981

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), *Л. Б. АЛАЕВ*,
Л. М. БЕЛОУСОВ, *А. Б. ДАВИДСОН*, *Н. Б. ЗУБКОВ*,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, *Р. Г. ЛАНДА*, *Н. А. СИМОНИЯ*

Сокращенный перевод со шведского

Л. Р. СЕРЕБРЯННОГО

Ответственный редактор,
автор примечаний и послесловия

К. П. ФИЛОНОВ

Л $\frac{1905020000-018}{013(02)-87}$ 63-96

ББКл8

- © Ulla-Lena Lundberg, 1981.
© Перевод, примечания и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

Для холодного рассудка, воспринимающего природу без восторга, почти весь окружающий мир не существует.

У. Бэрчелл

ВВЕДЕНИЕ

Я никогда не жила вдали от моря, всегда чувствовала запах морской воды. Страны, о которых мне приходилось слышать в детстве, располагались по берегам океанов, куда заплывали суда аландцев во время дальних рейсов. Из рассказов у меня сложилось представление, что все страны мира находятся на побережьях и становились известны благодаря портовым городам. Когда я сообщила, что еду в Замбию, то первый вопрос, который задали мне аландцы, был: «А какой там порт?» Тогда я поняла, что изменю сложившееся у них представление о мире, отправившись в страну, не имеющую выхода к морю, — на материк, где огромные водопады и коварные песчаные отмели препятствуют судоходству по рекам, даже на небольшом удалении от устьев.

Я уехала в Африку без особых замыслов, хотелось просто побывать на этой земле. Но жизнь обернулась другой стороной. Едва я сошла с трапа самолета в Замбии, как поняла, что для меня она такой же близкий край, как моя родина — Аландские острова. Невсведущий чужестранец, который попадает в дебри Африки, испытывает какое-то беззаботное состояние и чувство дома. Это состояние, хорошо известное многим путешественникам по Африке, возможно, объясняется той притягательной силой, которую она оказывает на человека, ступившего на ее землю.

Впервые я побывала в Африке в качестве туриста, и меня глубоко заинтересовала природа этого материка. Здесь я вернулась к блаженному состоянию детства, когда охотно усваиваешь новое, заучиваешь незнакомые названия и понятия. Я почувствовала себя человеком, попавшим в неведомый мир.

Позднее, в 1976 г., я вернулась в Африку с возросшим интересом и более определенными планами. За четыре месяца поездок по африканским странам мне ста-

ла ясна основная канва будущей книги. Я с легкостью рассталась с прибрежными районами этого материка и сконцентрировала внимание на его внутренней части, которая привлекла меня своей богатой и разнообразной природой.

Решив написать об этом книгу, я исходила из того, что целесообразнее всего сначала изучить отдельные районы, и выбрала четыре из них. Каждый характеризует определенный тип среды Внутренней Африки: горы Абердэр в Кении, район Серенгети-Нгоронгоро в Танзании, долина реки Луангвы в Замбии и пустыня Калахари в Ботсване. О них и пойдет речь в четырех разделах.

Я стремилась создать цельную картину районов, показать их природу, которая влияет на условия жизни населения. Надеюсь, что приведенные характеристики дают представление о типах среды в каждом из районов. Желая придать изложению более доступный характер, я решила больше писать о млекопитающих, меньше — о птицах и почти не касаться насекомых, а также многочисленных почвенных микроорганизмов.

Книга содержит и краткие сведения по истории развития человека в Африке, которая, как известно, началась в лесах и продолжалась в саванне. В разделе о долине реки Луангвы описываются бантуязычные народы, в настоящее время доминирующие к югу от Сахары. Книга завершается характеристикой бушменов в Калахари — одного из последних народов охотников и собирателей.

Полевые работы я проводила с апреля 1978 по ноябрь 1979 г. Мною были совершены три продолжительные поездки в каждый из районов с целью описать их в разные времена года. В периоды между поездками я работала в библиотеках и музеях Найроби, Лусаки и Габороне.

Одна из моих любимых историй об африканских путешественниках рассказана Соней Коул (Cole, 1975). В ней речь идет о геологе и археологе Э. Вейленде, который в начале нынешнего века путешествовал пешком по всей Уганде. В 1919 г. один издатель попросил его написать книгу о своих приключениях, на что Вейленд ответил: «У меня не было никаких приключений, только несведущие люди ищут здесь приключений». Сама же я могу сказать, что неожиданности подстерегали меня довольно редко и дикая природа в Африке казалась мне менее опасной, чем где-либо еще.

Я проснулась утром на возвышенности и подумала: теперь я там, где должна быть.

Карен Бликсен

Взглянув на карту, можно представить себе, что по линии птичьего полета горы Абердэр находятся не так уж далеко от побережья Кении. Однако, чтобы преодолеть это расстояние, неафриканским путешественникам в прошлом требовалось немало времени.

Благодаря близости Аравийского полуострова и стран Ближнего Востока народы Восточной Африки рано установили связь с внешним миром. Пассаты облегчали сообщение с Индией и даже с островами Индонезии.

Торговые центры, выроставшие на берегах Восточной Африки, поддерживали связи с разными странами и приобретали многоликий облик.

В XV веке на арене появились португальцы, которые разоряли города восточафриканского побережья. Они больше интересовались богатствами Африки, чем ее географией, да и были чересчур малочисленны, чтобы осуществлять контроль над этим материком, за исключением прибрежных земель. Внутренняя часть Африки все еще оставалась неизведанной и представлялась населенной мифическими людьми и животными. Ресурсы этого края казались неиссякаемыми. Караваны невольников направлялись на рынок в Занзибар, после того как рабов использовали в длительных переходах к побережью в качестве носильщиков слоновой кости, считавшейся после рабов самым ценным товаром, вывозившимся из внутренней части Африки.

Один из крупнейших таких путей проходил через нынешнюю Танзанию с ответвлениями до Буньоро и Буганды в современной Уганде. Другой важный путь вел от Килвы к озеру Ньяса в современном Малави. Менее значительный северный путь следовал от Танги мимо Килиманджаро к озеру Виктория. Но там была северная граница работорговли. Могущественные масаи способствовали тому, что территория нынешней Кении была относительно защищена от набегов за рабами. Из-за

масаев внутренние районы в Кении были «открыты» позднее, чем в Танзании и в Уганде.

В 1847 г. миссионер Ребманн сообщил, что на горе Килиманджаро лежит снег. При этом он поставил перед ученым миром явно парадоксальную загадку: снег под самым экватором! Такое же удивление испытал его друг и коллега Крапф, увидевший блистающую вершину горы Кения в 1849 г. Он был настолько не подготовлен к восприятию подобного зрелища, что до конца дней своих полагал, будто это был мираж.

О горах Абердэр ничего не было известно вплоть до 1883 г., когда английскому путешественнику Джозефу Томсону удалось проникнуть в страну кикуйю. Он вывел небольшую группу к горе Кения и впоследствии писал, что в миле от экватора он грел ноги у костра и кутался в пальто. Во время этого путешествия Томсон обнаружил еще одну гору или, вернее, целый хребет. Обычно он искал слова для обозначений вновь открытых местностей в языке коренного населения. И на этот раз Томсон пытался выяснить, имеют ли горы какое-нибудь общее название, но оказалось, что такового нет, хотя у отдельных вершин и местных ориентиров, разумеется, были свои наименования на языках кикуйю и масаев. Томсон считал возможным дать этим горам имя лорда Абердэра, президента Географического общества в Лондоне, снарядившего его экспедицию.

Так они назывались до недавних пор, когда их переименовали в Ньяндаруа. Однако я использую прежнее название, так как оно еще применяется в Кении. Здесь можно провести аналогию с другими новыми африканскими названиями — например, озеро Туркана пока более известно как озеро Рудольф.

Джозефа Томсона и последующих путешественников поражал первозданный облик лесов и вересковых зарослей в горах Абердэр. Эти горы в густонаселенной стране кикуйю — подлинный уголок дикой природы. Во времена Томсона горные леса здесь служили местному населению защитой от враждебных сил извне. Именно благодаря этому буферу кикуйю могли дольше сохранять свою независимость, тогда как другие племена вынуждены были уступить силе. Эпидемии оспы, падеж скота и внутренние распри очень ослабили кикуйю в начале нашего столетия, однако они еще долго верили в то, что горные леса могут укрыть их от внешних посягательств.

На примере Абердэр можно показать, что горы вооб-

ще играют защитную роль — не только в жизни человека, но и в мире животных. В настоящее время в горах Абердэр находится национальный парк площадью около 590 квадратных километров, удаленный всего на 60 километров от Найроби, столицы Кении. Этот парк — подлинное чудо. Удивительно, что такая жемчужина могла сохраниться в густонаселенной провинции Кении, тогда как в других частях страны сходные лесные массивы были целиком вырублены и распаханые земли там поднимаются все выше по склонам гор.

В Кении постоянно проявляются противоречия между интересами охраны природы и законными потребностями жителей в пахотных и пастбищных угодьях. По официальным данным, прирост населения в этой стране составляет около 3 процентов, но в действительности он выше — один из самых высоких в Африке, что дает повод для различных дискуссий, возникающих на почве столкновений поборников охраны природы и расширения жизненного пространства для населения.

Легче всего поддержать в этом споре одну из сторон и пренебречь интересами другой.

Участки дикой природы уже сейчас сократились до минимума, но человечество нуждается в землях, которые важны не только для рекреационных целей, но и как ценный генофонд растений и животных. Ведь не исключено, что те виды, которым сейчас угрожает истребление, впоследствии могут оказаться необходимыми для человека. Мы знаем, например, что лишь часть лекарственных растений и все культурные растения восходят к своим диким предкам. Поэтому необходимо сохранить весь фонд растений для будущего.

Леса — один из самых важных природных ресурсов. По данным Нормана Майера (Myers, Swara, 1979, vol. 2, № 1), тропические леса все еще покрывают почти одну двенадцатую часть земной поверхности, и на их долю приходится четыре пятых всей массы растительности нашей планеты. Однако на земле ежегодно уничтожаются леса на площади 150 тысяч квадратных километров. При этом особенно сильно страдают африканские леса¹.

Проблема сохранности лесов сталкивается с другой, не менее важной проблемой — расширения пахотных земель, чтобы прокормить быстро растущее население. В Кении ощущается явная нехватка пахотопригодных земель. Лишь треть территории этой страны получает до-

статочное количество осадков для возделывания сельскохозяйственных культур, а остальная часть годится только под пастбища, да и то они не везде хорошего качества. Разумеется, в подобных условиях потребность в земле для сельского хозяйства возрастает. Заметим, что кикуйю, крупнейший по численности народ в Кении, по традиции сильно привязаны к земле. Они прочно удерживают за собой земельные участки, даже переселившись в города.

В настоящее время леса занимают менее 3 процентов общей площади Кении, и наибольшая часть их принадлежит государству. 75 процентов всех лесов расположено на склонах гор. Возделывание земель в горных районах не может служить непреодолимым препятствием для народа, издавна научившегося террасировать склоны. В этих районах осадков вполне достаточно для рационального земледелия, в то время как предгорные равнины сильно страдают от засухи. Лесные почвы, как выяснилось, не столь плодородны, а сплошная вырубка лесов на склонах гор приводит к эрозии. Однако это не может остановить трудолюбивого крестьянина, который не всегда предвидит последствия своей деятельности.

Кикуйю бросают жадные взоры на лесистые склоны гор Абердэр. Национальный парк окружен ровом настолько глубоким и широким, что его не могут преодолеть ни слоны, ни буйволы, ни антилопы. По одну сторону его — земельные наделы кикуйю — пашни и пастбища; по другую, на территории национального парка, раскинулось море яркой, радующей глаз зелени. Человек здесь не вмешивается в жизнь растений и животных.

Сотни лет назад, когда предки кикуйю начали осваивать земли юго-западнее горы Кения, их возделанные поля выглядели как островки в обширном зеленом море. Теперь, наоборот, горы Абердэр и Кения выделяются как два зеленых острова среди пестрого моря обрабатываемых земель, поселений и интенсивно используемых пастбищ. Народ, умело возделывающий землю и обеспечивающий себя пищей, заслуживает уважения. Проезжая из Найроби в Ньери, я любовалась посадками кофе, ананасов и овощей, которыми изобилует этот благодатный край, где выпадает достаточно осадков, а солнечного тепла как раз в меру и нет губительной жары.

Кикуйю — искусные земледельцы, очень предприимчивы и трудолюбивы. Однако земли, которую они умеют так тщательно обрабатывать, не хватает.

Города в Кении не могут обеспечить работой всех переселенцев из сельской местности. Уже теперь Найроби сильно перенаселен, и там не хватает жилья, а его окраины, застроенные жалкими хибарами, являются рассадниками болезней и преступности.

Если взглянуть на последние леса в Кении с позиций охраны природы, то не остается никакого сомнения в том, что их необходимо охранять. Все биологические и экологические факторы подтверждают, что если поддерживать стремление кикую свести на нет последние массивы, то в перспективе их среда обитания будет катастрофически обеднена.

Наверняка защитники природы правы, ратуя за природные резерваты, считая их экологическими стабилизаторами. Но при этом нельзя забывать о тех миллионах голодающих, которые живут рядом с нами. Разве плохо, что люди хоть как-то смогут обеспечить себя пищей, а иногда и продать излишки на внешнем рынке? Против этого тоже не возразишь. Тем не менее правительство Кении всерьез занимается проблемами охраны природы, стремясь сочетать их с интересами местного населения. Я с удовольствием гляжу на цветущие поля кикую и искренне радуюсь, попадая в чащи лесов в горах Абердэр. Вслед за Джозефом Томсоном я могу назвать эти леса воистину чарующими.

Во времена путешествия Томсона по стране кикую горы Абердэр так сильно не выделялись среди своего окружения, как сейчас. Кажется, будто попадаешь на остров, изолированный в географическом и экологическом отношениях. И все же на меня, как и в свое время на Томсона, огромное впечатление произвели волнистые контуры холмов и разнообразные оттенки зелени в горах Абердэр. Томсон тоже восхищался густой темной зеленью лесов на крутых склонах и светлыми травяными коврами на прогалинах.

Горный хребет венчается рядом платообразных поверхностей, что, по выражению Томсона, «придает ландшафту впечатляющее величие» (Thomson, 1885). После того как он пробрался сквозь чащу леса, достиг бамбукового пояса и вышел к вересковому зарослям на холодных высоких плато, вершины гор Абердэр показали ему изолированными друг от друга. Конечно, можно согласиться с Томсоном в том, что плато впечатляют, но, по-моему, лес захватывает воображение целиком, манит к себе, обостряет восприятие окружающего мира.

И Томсон, и я были загипнотизированы пустынным, нетронутым величием природы, но это впечатление, как оказалось, обманчиво. Здесь до нас побывало немало людей и произошла масса всевозможных изменений.

В каменном веке, когда климат был теплее современного, люди жили на склонах гор Абердэр и Кения на высотах до 2000—2500 метров, тогда как теперь там нет постоянных поселений. Такое проникновение людей в горы обычно объясняют тем, что в жаркие и сухие периоды, сменявшие влажные и холодные (соответствовавшие оледенениям Северного полушария), озера на африканских равнинах полностью или частично пересыхали и люди заселяли горные местности, где выпадало больше осадков и сохранялись постоянные водотоки.

Согласно сведениям самих кикую, вероятно, в конце каменного и в начале железного века в горах Кении существовали поселения людей, известных под названием «гумба». Жили они в крытых землянках или в пещерах, отличались низким ростом и отталкивающими чертами лица. По мнению Сони Коул (Cole, 1954), это могла быть группа первобытных охотников, оттесненных в горные леса и на верещатники кикую, захватившими окружающие территории примерно 800 лет назад.

Любопытно отметить, что в устных традициях кикую до сих пор сохранилась легенда об этих низкорослых охотниках, которых нельзя смешивать с доробо, живущими в пещерах Кении и Танзании. Кроме того, имеются описания бегущих маленьких людей с примитивными луками и стрелами. Подобные орудия не изготовлялись никаким другим племенем, обитавшим в данной области, кроме гумба. Возникают самые смелые догадки, что эти низкорослые люди могли быть самой восточной группой пигмеев.

Джон Бойес, англичанин, появившийся в северной части страны кикую в конце XIX века, где до него еще не было контроля англичан, и установивший связи с вождями, впоследствии выпустил книгу (Boyes, 1911), в которой пишет, что кикую рассказывали ему о низкорослых охотниках, населявших леса и называвшихся масвач-ванья. Существует легенда о том, что они ушли под землю и живут там как гномы и что женщина из племени масаев, с которой плохо обращался муж, убежала к ним и стала там жить. От нее пошли нынешние кикую, но уже не маленького, а обычного роста. Кикую как будто верили, что горные леса принадлежали

этим людям или их духам (возможно, со временем они слились в воображении в своеобразных гномов), и старались не причинять им никакого вреда.

Кикуйю не были особенно искусными охотниками, поскольку они употребляли большей частью растительную пищу, что весьма удивило Джона Бойеса и других англичан — любителей мяса, которые, даже изголодавшись на родине, не могли полностью истребить всех диких животных, водившихся в этой части Африки.

Перед приходом англичан небольшая группа кочевников доробо, остатки ранее значительного племени охотников и собирателей, покинула леса. Это племя, подобно лиангулу в Восточной Кении, озадачивает науку. Полагают, что оно не относится к бантуязычным народам и в настоящее время смешалось с соседними племенами, заимствовав их языки. Некоторые исследователи считают их даже носителями древней бушменской культуры, следы которой мало сохранились. Рассматриваемая группа рискует утратить свою индивидуальность, поскольку очень энергичное Управление охотничьего хозяйства лишает ее законных прав на традиционные охотничьи угодья.

Со времени движения Мау-Мау² на склонах гор остались следы: воронки от бомб, либо прикрытые яркой зеленью, либо заполненные водой, куда на водопой приходят звери и где купаются птицы; искривленные и покореженные при бомбежках деревья. Но этот ущерб незначителен по сравнению с тем, который могли бы нанести стихийные бедствия. Природа — как занавес на сцене жизни: там, где возможно, она прячет изъяны под травостоем и заслоняет их зеленым пологом деревьев; ветер замечает, а дождь смывает следы. Гиены уносят гниющие останки; на зеленом мху не видно костей, пробуждающих воспоминания о прошлом, в частности о бурных событиях тридцатилетней давности.

Движение и восстание Мау-Мау вспыхнуло из-за прав на землю в стране кикуйю — народа, ставшего символом национального самосознания и достоинства.

Когда англичане пришли в Кению (в 80-х годах прошлого столетия) и когда поток переселенцев в текущем столетии увеличился, страна кикуйю из-за эпидемий, болезней скота и голода была очень слабо населена и пришельцы, осевшие на этой земле, стали говорить, что она «никогда» не использовалась местным населением. Они не хотели признавать, что кикуйю на протяжении мно-

гих лет выработали свою систему землевладения, которая во многом напоминала европейскую. Во время войн земля мало обрабатывалась, но это вовсе не означало, что она никому не принадлежала. Они должны были исходить из того, что земля в Африке находится в собственности какого-либо племени, а не руководствоваться своими понятиями о праве владения.

Когда в Кении завершилось установление колониального господства, администрация стала претендовать на так называемые свободные земли, поступавшие в продажу или дешево сдававшиеся в аренду лицам, которых поощряли селиться на них и которые вскоре поняли, насколько плодородны осваиваемые ими земли. Белые поселенцы осваивали высокие плато, создавая крупные хозяйства с образцовым растениеводством и животноводством. Англичане всячески рекламировали жизнь в этих хозяйствах, созданных на отнятых у местного населения землях. Истины ради надо добавить, что британский колониализм нигде не угнетал местное население так сильно, как в Кении. Европейцы широко расселились по стране, и многие, лишенные земель кикуйю были вынуждены наниматься в сельскохозяйственные рабочие. Из них за короткое время сформировался недовольный своим положением сельский пролетариат.

После второй мировой войны в Кении усилился земельный голод и кикуйю предъявили свои права на землю, принадлежавшие их отцам. Естественно, англичане не могли с этим согласиться, полагая, что земли они приобрели законным путем. Этот конфликт стал одной из причин восстания кикуйю, которое продолжалось целых десять лет.

В жизни гор превратности человеческих судеб и даже целых народов имеют преходящее значение. Геологическая история гор уводит в дебри прошлого, хотя надо заметить, что по сравнению со многими другими горными массивами горы Абердэр не особенно древние. Грандиозные геологические процессы, происходившие в Восточной Африке в течение последних нескольких миллионов лет, придали ей нынешний облик.

Если бы можно было запечатлеть события геологической истории на киноплёнку, мы смогли бы увидеть, как осушалось морское дно и поднимались горы вдоль гигантской зоны разломов, которая простирается от долины реки Иордан до устья Замбези и, вероятно, имеет связь с разломами на дне Индийского и Атлантического

океанов. Эта система, заложенная на месте тектонических трещин, называется Великой африканской зоной разломов. По очертаниям она отнюдь не похожа на прямолинейный грабен и, кроме того, местами раздваивается. В экваториальных районах Восточной Африки восточная ветвь грабена проходит через возвышенности Кении до озера Рудольф (Туркана), тогда как западную ветвь можно проследить от верховьев Нила и озера Эдуард через озера Танганьика и Ньяса (Малави) и далее к югу до реки Луангвы. Отдельные части Великой африканской зоны разломов имеют довольно древний возраст; например, территория, где находятся котловины озер Танганьика и Ньяса, образовалась в неогене, тогда как другие части возникли гораздо позже.

По всей зоне разломов интенсивно проявляется вулканическая деятельность. Наиболее заметные результаты ее наблюдаются в горах Килиманджаро и Кения, самых высоких в Африке, достигающих соответственно 5895 и 5198 метров. Предполагают, что в отдаленном прошлом эти горы были намного выше и почти достигали уровня Эвереста, но при последующих вулканических извержениях были немного разрушены. Особенно захватывает дух зрелище горы Килиманджаро, пики которой проступают из облаков, поднимаясь на пять километров среди окружающих плоских равнин.

По сравнению со своей соседней горой Кения горы Абердэр имеют скромные размеры — их самая высокая точка не превышает 4000 метров над уровнем моря. Причина того, что я выбрала именно эти горы, а не Кению или Килиманджаро, заключается в том, что их площадь значительно обширнее и поэтому они более интересны для изучения. Здесь много лесов, представлено огромное разнообразие птиц и зверей, вместе с тем благодаря значительной высоте хорошо выражены климатические и растительные пояса.

В ясные дни с гор Абердэр видна покрытая снегом вершина Кении. Горы Абердэр не только несколько ниже, но и доступнее, чем Кения и Килиманджаро. Я не очень хорошо ориентируюсь в лесах и именно поэтому с самого начала отказалась от работ в обширных влажных лесах Центральной Африки, убедив себя в том, что эти работы были бы сильно затруднены из-за языковых, организационных и экономических факторов. Тем не менее надо признать, что равнинные леса более характерны для внутренней Африки, чем остатки восточноафри-

канских горных лесов. И я интуитивно остановилась на лесах Абердэр, изучение которых дало бы возможность ответить на вопрос, почему участки дикой природы все больше превращаются в экологические острова. Одновременно исследование природы гор Абердэр способствовало бы решению чисто биологических проблем, связанных, с одной стороны, с изолированными популяциями животных в горных лесах — остатками единой лесной фауны, сохранившимися с тех времен, когда леса покрывали большую часть Африки, а с другой стороны, с тем, насколько разные виды животных приспособляются к определенным условиям среды.

Средняя высота гор Абердэр около 2700 метров, протяженность их примерно 65 километров. На востоке они граничат с землями кикуйю, на западе подходят к зоне Великих африканских разломов. Западные склоны гор крутые; восточные — более пологие. Там хорошо выражен пояс древовидных вересковых и обширный лесной пояс, ниже 2000 метров начинаются сельскохозяйственные угодья кикуйю. На восточных склонах выпадает большее количество осадков, чем на западных, и леса пересекаются реками и ручьями. На высоте более 2700 метров часто бывают заморозки.

Обзорный маршрут, пересекающий разные высотные пояса в национальном парке Абердэр, начинается у любого входа в парк на высотах около 2000 метров. Здесь мы вступаем в разреженный лиственный лес с естественными лугами и широкими прогалинами, рощами, более густыми зарослями и быстрыми ручьями. Среди пологохолмистого ландшафта изредка и неожиданно открываются виды на горные вершины. Здесь значительно больше видов деревьев, чем в лесах умеренного пояса Северной Европы. Встречаются, например, разные виды фикусов (*Ficus spp.*), африканская маслина (*Olea africana*), подокарп (*Podocarpus gracilior*) со своими красными плодами, манящими птиц и обезьян, и африканский можжевельник (*Juniperus procera*). Среди кустарников доминирует один из видов рода *Cassia*, привлекающий внимание красивыми желтыми цветами.

Выше древостой в лесах становится все гуще, а склоны круче, что заметно по изменению уклонов русел ручьев. На высотах порядка 2500 метров появляются лишайники, известные под названием «испанский мох». Серыми бородами они свисают с ветвей деревьев. В наземном ярусе растительность более обильная. Заросли по-

рой настолько высоки, что в них целиком укрываются крупные животные — антилопы, буйволы и другие. Дороги идут вдоль склонов, и взору наблюдателя постоянно открываются широкие панорамы лесов и гор. В ясную погоду гора Кения выглядит словно блестящее облако над пологом леса.

Поднявшись выше, мы достигаем бамбукового пояса. Бамбук — это травянистое растение с одеревеневшим стеблем высотой до 20 метров. Он образует почти непроходимые заросли, которые также являются надежным укрытием для многих видов животных. Бамбуковый пояс поднимается до высот порядка 2800 метров, где проходит и верхняя граница лесов.

Выше начинается пояс вересковых — длинные полосы, поросшие большей частью жесткой соломовидной травой, где попадаются и гигантские верески. Над ними простираются альпийские луга, где встречаются виды, характерные для всех достаточно высоких гор Африки: гигантская лобелия и высотой с дерево крестовник, который выглядит гротескно среди пустынного ландшафта. Из прочих растений попадаются сородичи североамериканских манжеток и бессмертников, шпажников, фиалок, орхидей и ряда других, которых я не могла определить до вида. Ботаники найдут тут много интересного.

Наконец мы выходим к трем крупным водопадам — Чаниа, Гура и Каруру (высота двух последних 240 и 270 метров, каждый из них состоит из трех ступеней). Расположены водопады в такой величественной и пустынной местности, что трудно поверить в близость большого столичного города — Найроби. Здесь нет дорог и растительность местами абсолютно непроходима — можно с уверенностью сказать, что на обширных пространствах тут не ступала нога человека. Повсюду журчат ручьи и помимо трех больших водопадов здесь имеется множество более мелких.

Далее мы поднимаемся на Саттиму — вершину Абердэр; теперь над нами простирается только небосвод.

Горы Абердэр находятся чуть южнее экватора. Здесь нет ярко выраженных сезонных различий. Климатические условия, и особенно температуры, изменяются в зависимости от высоты, а не от времени года. С подъемом в горы становится холоднее; в лесах и в бамбуковом поясе осадки обильнее, чем в поясе вересковых. Смена времен года зависит прежде всего от муссонов, прони-

кающих сюда с Индийского океана. В горах Абердэр, так же как и в центральных районах Кении, выделяется первый сезон дождей (с середины марта до конца мая) и второй, менее выраженный, влажный сезон (с середины октября до декабря). Солнечная сухая погода устанавливается в середине декабря и длится до начала марта. С июня по август прохладно и пасмурно и в обычные годы выпадает довольно мало осадков, но в это время в горных лесах часты густые туманы (гатано).

Здесь приведены средние данные о климате и погоде, но они из года в год колеблются, причем в горных местностях колебания температур и осадков гораздо значительнее, чем на окружающих равнинах. Если о многих районах Африки можно точно сказать, какой месяц самый сухой и какой наиболее влажный, то о горах Абердэр этого сказать нельзя. Суммы осадков там в разные годы сильно колеблются. Так, 1978 и 1979 годы были избыточно влажными, и только в мае 1979 г. выпала среднегодовая норма осадков. Кроме того, количество осадков сильно меняется от места к месту: на западе, как правило, меньше, чем на востоке, на больших высотах больше, чем на малых, и в целом уменьшается выше верхней границы леса. Например, на высоте 2150 метров, там, где находится гостиница «Ковчег», в сухой 1976 год выпало 670,8 миллиметра, а во влажный 1978-й — 1139,1 миллиметра. На ближайшей станции Вандэр на высоте 2500 метров соответствующие показатели составляли 1044,7 миллиметра в 1976 и 1470,3 — в 1978 г.

Даже без анализа многолетних данных о количестве осадков совершенно ясно, что горы Абердэр достаточно обеспечены влагой. Зелень производит ошеломляющее впечатление, особенно когда поднимаешься с севера со стороны полупустынь или с запада от зоны Великих африканских разломов. Когда человек, усталый, покрытый пылью, приходит в лес, то, погружаясь в зеленую прохладу, всем своим существом ощущает лес как источник жизни на Земле.

Хочется сказать несколько слов о восприятии человеком здешней природы. Поляны, чередующиеся с горными вершинами, открывают перспективу, дают возможность определять расстояния, обостряют чувство прекрасного. Живописные пейзажи неожиданно сменяют один другой, пробуждая любопытство: хочется скорее

узнать, что скрывается за очередным массивом деревьев. Появляется острое желание оценить виденное, поразмыслить — возможно, эта тяга к творческому полету фантазии лежит в основе приспособляемости человека к природной среде. Изменения в жизни зверей и птиц также вызывают потребность к систематическим наблюдениям, что должно сделать человека не столько умнее, сколько внимательнее и принести ему большую пользу. Когда я впервые появилась в горах Абердэр в 1976 г., я даже не представляла себе, что их леса так обогатят мою жизнь. Лес окружал меня, молчаливый, сырой, и, хотя бил озноб, не покидало чувство благополучия и спокойствия, чего я здесь менее всего ожидала.

Теперь пора открыть истинную причину моего особого интереса к горам Абердэр, переросшего в страстное увлечение. Дело в том, что именно здесь представляется наиболее благоприятная возможность близко наблюдать редкую и крайне боязливую антилопу бонго.

Однажды поздно вечером я сидела в лесной гостинице «Ковчег» и смотрела на залитую светом поляну. В поле зрения было несколько больших лесных свиней и два бушбока. Животные подняли головы, и, проследив за их взглядом, я впервые в жизни увидела бонго. Он выскользнул из кустарника, словно единорог, сошедший с гобелена, волшебный и таинственный, но безусловно живой. Это был крупный самец, ростом с лося, красного цвета с четкими белыми полосами, с великолепными лировидными рогами, концы которых были добела отполированы. Вечно ускользящая, боязливая, ведущая ночной образ жизни, антилопа бонго стала известна европейцам только в 1901 г. и была описана в научной литературе.

Бонго стоял неподвижно лишь один миг, затаив дыхание и прислушиваясь к доносившимся из гостиницы приглушенным звукам человеческих голосов, и, так же весь обращенный в слух, подошел к солонцу, чуть переждал, уперся рогами в глину и стал ее лизать. Иногда он поднимал голову и снова чутко вслушивался, продолжая осторожно лизать. Постояв так несколько минут, он обернулся и внезапно исчез, как сквозь землю провалился. Ни один листок не шелохнулся, когда бонго скрылся. Я застыла на месте, думая о том, как необычно это крупное и сильное животное и какое странное впечатление оно производит.

Однажды некий студент на семинаре по литературе,

анализируя стихотворение Рунеберга³ «Мгновение», утверждал, что животное, о котором там говорится,— лось. Возможно, так оно и было, но мне кажется, эти стихотворные строки можно отнести и к бонго. Они перекликаются с множеством преданий и легенд, вызывают ощущение непредсказуемого внезапного соприкосновения со сказочным миром. Впрочем, для тех, кто никогда не мечтал увидеть живого единорога, подобные ощущения невозможно передать словами.

В тот раз я полагала, что такое мгновение будет единственным. И когда я вновь попала в горы Абердэр в 1978 г., уже на более длительный срок, я была готова к тому, что никогда больше не увижу бонго. Но мне необычайно повезло. Есть люди, которые неделями бродят по лесам Абердэр и ни разу не встретили бонго, что же касается меня, то не было дня, чтобы я не увидела одного или нескольких этих замечательных животных. Находясь в состоянии эйфории, я даже внушила себе, что у меня с бонго возникло взаимное притяжение.

Теперь я не имею возможности систематически изучать его. Ни один университет не командует меня в Африку, и я не могу просить разрешения у местных властей совершать пешие прогулки по лесам, тем более ночью, а днем выслеживать бонго в непроходимых бамбуковых зарослях. Не могу я также нанять какого-нибудь сотрудника резервата в качестве проводника и помощника. Однако, находясь дома, я вновь и вновь вспоминаю свои поездки по тропическим лесам.

Там я довольствовалась тем, что изучала бонго из гостиницы «Ковчег» и во время эпизодических прогулок в окружающие гостиницу леса. Мне удалось узнать о бонго ровно столько, сколько необходимо, чтобы понять, как много нам еще о нем неизвестно и почему такое крупное и такое восхитительное животное столь мало изучено. Считают, что никакая из всех антилоп так нетерпима к человеку, как бонго, хотя детеныш бонго становится на редкость ручным и может сильно привязываться к людям.

Стадо бонго не подпускает к себе человека, за ним невозможно следовать даже на расстоянии. Бонго передвигаются по ночам и на большие расстояния, что вызывает огромные трудности для наблюдателей.

Я посвятила несколько лет изучению бонго, подстергая их в холодных влажных лесах и в сумрачных бамбуковых зарослях. Конечно, я не надеялась, что бонго

сделают для меня исключение и будут великодушно подпускать к себе, и все же была уверена: при любых обстоятельствах смогу сделать ряд важных наблюдений.

Во время моих посещений гор Абердэр в 1978 и 1979 гг. я научилась различать отдельные особи и собрала новые материалы для регулярного изучения бонго. Затем я дополнила свои наблюдения сведениями из литературы. В этой работе мне во многом помог Ян Харди, который составил картотеку разнообразных данных об этой западноафриканской антилопе, еще сохранившейся в горных лесах Восточной Африки, остатках первобытных лесов, которые произрастали в более влажные и прохладные периоды, называемые плювиалами. В последнем плювиале, продолжавшемся примерно от 50 до 10 тысяч лет назад, температуры были примерно на 5 градусов ниже современных. Снеговая линия в восточноафриканских горах располагалась на 900 метров ниже, чем теперь. В горах Абердэр тогда были ледники.

В настоящее время различают два подвида бонго: западный (*Boocercus euryceros euryceros*), распространенный от Сьерра-Леоне до юго-восточного Заира в лесах на небольших высотах, и восточный (*B. e. isaaci*), обитающий в горных лесах и на больших высотах, прежде всего в Судане и Кении. В Кении самая крупная популяция водится в горах Абердэр и меньшие — на горе Кения, на плато Мау и горах Черангани. Однако на Мау за последние годы леса были сильно вырублены, а пашни и пастбища поднялись вверх по склонам. То же самое можно сказать и о Черангани. Вот почему в этих местах популяция бонго находится под угрозой исчезновения. Зато в горах Абердэр и Кения, где поддерживается заповедный режим, она хорошо сохранилась и численность ее даже увеличивается.

Бонго — представитель подсемейства винторогих антилоп (*Tragelaphinae*), к которому относятся еще несколько видов: бушбок, ситатунга, большой куду, канна и другие. Мне все они очень нравятся, трудно отдать кому-либо предпочтение. Слишком поверхностно было бы утверждать, что куду — самый красивый, канна — самая величавая, бушбок — наиболее грациозный, а ситатунга — самая замечательная, но бонго для меня все же остается самым восхитительным.

Айзек, по имени которого был назван восточный подвид бонго, был английским офицером, служившим в районе расселения народа нанди. В 1901 г. ему удалось

первому из европейцев убить бонго, который позднее в Музее естественной истории в Лондоне был определен как самостоятельный вид. Бонго считался чрезвычайно редким животным, которого охотникам во время сафари удавалось увидеть далеко не всегда. И потом они с восхищением вспоминали эти встречи. Такой исключительно опытный охотник и знаток природы, как К. Ионидес (Ionides, 1965), убивший желтоспинного дукера⁴, описывает охоту на бонго как «состояние почти непрерывного крушения надежд». Для того чтобы выследить его, Ионидесу понадобилось четыре месяца, поэтому, видимо, он и заключил, что бонго вряд ли будет истреблен, пока существуют леса. Этот вывод, конечно, нельзя принять без критики. Между тем выяснилось, что доробо весьма успешно охотятся на бонго с собаками. Когда бонго пытается защититься от подбежавших собак, охотники поражают животное копьями.

Доробо — исключительно тонкие наблюдатели, и именно от них исходят многие сведения, которыми мы располагаем о бонго. По словам Ионидеса, они с явным уважением относились к бонго, которые сами нападают на человека, даже когда тот им ничем не угрожает. Однако такое поведение, как правило, не характерно для антилоп. Правда, однажды (в 60-х годах) бонго без всякого повода бросился на посетителя зоопарка в США. Но этот случай еще ничего не доказывает, поскольку животные в неволе ведут себя неестественно. В конце 1979 г. была еще одна информация, на этот раз из Судана, о том, что бонго разорил хижину и убил двух человек. Здесь нападение произошло случайно, из-за щепотки соли, но все же и эти случаи показывают, что доробо правильно оценивали поведение бонго.

Очевидно одно: в необычной ситуации при контакте с людьми бонго может проявлять агрессивность, видимо потому, что он более, чем какое-либо другое животное, боится человека. Племя покот, живущее в горах Черангани, называет бонго «сирубей», что в переводе примерно означает «летающий дух». Это образное название подходит именно для животных, которые, избегая человека, перешли на ночной образ жизни, а в дневные часы лежат в бамбуковых зарослях и внимательно прислушиваются к звукам.

Именно поэтому бонго считают ночным животным, что не совсем верно. Правда, они, подобно многим другим антилопам, которых не включают в разряд типич-

ных ночных животных, по ночам совершают большие переходы, пасутся и лижут соль, однако это вовсе не означает, что они не активны днем. Четко разделяют сутки на день и ночь в животном мире только обезьяны, которые, подобно людям, плохо видят в темноте. Многие животные, за исключением типично ночных, таких, как некоторые летучие мыши, мелкие кошачьи, грызуны и другие, проявляют активность как днем, так и ночью, и максимум ее падает на вечерние часы, раннее утро и время после полудня. Применительно к бонго следует констатировать, что их ночной образ жизни — это реакция на активность человека, которая ограничена дневным временем.

Я встречала немало бонго в лесах, расположенных значительно ниже бамбукового пояса, в дневные часы и видела достаточно много свежих следов проходящих и пасущихся бонго, чтобы усомниться в том, что эти животные передвигаются только по ночам.

Стидженд, опубликовавший первое значительное и правильное описание бонго (Stigand, 1909), сообщил, что они, в противоположность другим животным, не проявляют интереса к солончакам, вполне довольствуясь любой красной соленосной почвой. Тонкий наблюдатель Ионидес (Ionides, 1946) и последующие исследователи, напротив, утверждали, что бонго регулярно пользуются солонцами и никогда не отходят слишком далеко от них.

В правильности точки зрения Ионидеса меня убедили собственные наблюдения у лесной гостиницы «Ковчег». Она была построена у естественного солонца, к которому, судя по следам, приходило множество животных, в том числе и бонго. В природную почву, содержащую ряд минеральных компонентов, теперь два раза в неделю добавляется соль, и это привлекает такое число зверей, о каком создатели гостиницы и не мечтали. С момента ее открытия в 1971 г. численность бонго, пользующихся солонцом, постоянно увеличивается. В 1971 г. ночные визиты бонго отмечались 86 раз, а в 1973 г. — 132 раза, в 1976 г. эта цифра возросла до 190 и в 1979 г. — до 252. Иными словами, посетителю гостиницы, который остановился на две ночи, можно было почти наверняка гарантировать возможность увидеть бонго.

Прежде всего их привлекает соль. Хотя в лесах во многих местах имеются выходы природных минералов, в псчве соль нигде не встречается в таких концентрациях,

как возле гостиницы «Ковчег». К этому месту приходило больше бонго, чем можно было предполагать (Ян Харди отмечает 1500 особей, что, вероятно, близко к истине), и они готовы совершать самые опасные переходы в поисках соли. Я часами наблюдала голову одного бонго, торчавшую у солонца. Это доказывает, вероятно, что соль им необходима.

Эти антилопы, очевидно, знают, что в гостинице живут люди, но опыт подсказывает им: если люди внутри дома, то они не причинят вреда, особенно ночью. Это не означает, что бонго привыкли к людям. Замечено, что чуткость у отдельных особей или групп в разное время сильно меняется. Звук от передвигаемого стула может быть достаточно, чтобы обратить бонго в бегство, хотя иной раз он не среагирует и на более сильный шум. Как правило, один или несколько факторов определяют реакцию животного, тогда как общая внешняя и внутренняя обстановка предопределяет часто непонятные и нелогичные модели поведения животного.

К солонцу у гостиницы «Ковчег» приходили разные бонго. В основном это были одиночные самцы, но иногда появлялись и целые стада. Однажды к солонцу одновременно подошло 27 особей. Стада появлялись, как правило, на рассвете, когда еще темно и большинство людей крепко спит. Проснувшись, они, естественно, не верят, что к солонцу у гостиницы недавно наведывались бонго. Стадо редко останавливается надолго, никогда не подходит достаточно близко и проявляет исключительную осторожность. Поскольку в стаде несколько животных, какое-нибудь из них всегда при малейшем подозрении бьет тревогу. Во время бегства бонго сохраняют свою необычную способность передвигаться совершенно бесшумно, и даже когда все животные стремятся попасть на ограниченную территорию, между ними никогда не бывает столкновений. И скрываются они так же бесшумно, соблюдая определенный порядок.

Наблюдатель, который остановился в гостинице на короткое время, легко может представить себе, что одно и то же стадо или одни и те же одиночные самцы часто посещают солонец. Если задержаться подольше и фиксировать посетителей солонца, то видно, как к нему устремляется по крайней мере три-четыре стада и около двадцати одиночных самцов.

Нам слишком мало известно о территориях и путях передвижения стад бонго, чтобы судить о том, какая

часть всей предполагаемой популяции этих антилоп в горах Абердэр (возможно, около 1500 особей) спускается к гостинице «Ковчег» или как часто одни и те же особи наносят эти визиты.

Мы также слишком мало знаем, как организованы стада, насколько постоянен их состав и как складываются отношения между разными группами. Возможно, трудности, возникающие с опознаванием стад, посещающих солонец, связаны с тем, что на пути к солонцу случайно могут соединиться два стада. Изучение других видов животных показало, что их территории не всегда включают водопои и солонцы. Не исключена такая возможность и для бонго, даже при отсутствии контактов между отдельными стадами. Днем в лесу я никогда не видела столь больших стад, какие иногда встречались ночью у гостиницы «Ковчег». Если допустить, что днем я наблюдала лишь часть стада, это еще не значит, что стадо, побывавшее у солонца, однородно по составу. Такие крупные группы, которые часто встречаются на равнинах, редко или вовсе не наблюдаются в лесах⁵. Тем не менее стада близкого сородича бонго — антилопы канны довольно велики. На равнинах в них можно насчитать более ста особей (тогда возникает вопрос о миграционных движениях), но и в довольно густых кустарниковых зарослях в долине Луангвы я наблюдала «обычные» стада по 40 и более особей.

Все авторы работ о бонго довольно осторожно определяют размеры стад и обычно ограничиваются указаниями вроде «относительно большой». Те, кто отмечает широкий диапазон изменчивости — от одного-двух одиночных самцов до стад в 30 особей, наиболее близки к истине. Кроме того, авторы указывают, что обычно в стаде имеется один самец. О том, насколько это справедливо, свидетельствуют и мои наблюдения, хотя среди спускавшихся к «Ковчегу» больших стад я иногда замечала двух самцов. Наверное, к солонцу одновременно подходили два стада. Многие исследователи сходятся в том, что идущий со своим стадом самец довольно молодой. Некоторые авторы утверждают даже, что старые самцы никогда не присоединяются к стаду. Однако, наблюдая, с одной стороны, действительно молодых и некрупных самцов, а с другой стороны, великоленных, зрелых, держащихся особняком, я позволю выразить свое мнение: самцы редко далеко отходят от стада и всегда знают, где оно находится. Возможно, когда у самки начинается

течка, взрослый самец присоединяется к стаду, прогоняет молодого самца и становится вожаком, а затем, спустя некоторое время, снова держится особняком. В этом можно было бы легко убедиться, следуя за стадом в течение нескольких месяцев.

Излюбленная пища бонго — побеги бамбука, питаются они также листьями деревьев и кустарников, которые достают, сбивая рогами ветки. По-видимому, бонго едят крапиву и другие травянистые растения. Установлено пристрастие этих антилоп к обугленной древесине (она встречается чаще, чем можно себе представить, ибо в лесах бывают пожары), а также к гнилой и прелой. Все это дает организму животного необходимые соли и микроэлементы. С этой же целью бонго лижет землю, обогащенную некоторыми минералами. По сообщению Стивенса, они грызут корни некоторых деревьев, выкапывая их рогами, и кору.

В горах Абердэр бонго, как уже говорилось, зачастую день проводит в бамбуковых зарослях на высотах более 2400 метров. Туда почти невозможно добраться, да и видимость нулевая. Когда наступаешь на сухие побеги бамбука, раздается резкий треск, подобный ружейным выстрелам, а опавшие листья на земле шелестят, как рассыпанный корнфлекс. Бонго все это вполне устраивает: враг не может подкрасться бесшумно. Когда в горах льют дожди, почва в бамбуковом поясе остается сухой, так как бамбук обладает очень высокой влагоудерживающей способностью. Жизнь бонго в гораздо большей степени зависит от его обостренного слуха, чем от зрения. Пробираясь сквозь бамбуковые заросли, представляешь, что вокруг лежат и чутко прислушиваются к каждому звуку сотни бонго, причем оглушительный хруст под собственными ногами мешает заметить, когда животные срываются с места и исчезают.

Бонго — типичная лесная антилопа, которая приспособлена для прохождения через густые заросли. Мощные лировидные рога они держат вдоль мускулистой спины, голова несколько опущена, но обращена вперед и походит на клин, легко раздвигающий зелень, которая потом вновь смыкается, будто животное и не проходило.

В противоположность своему сородичу — антилопе канне, ловко прыгающей в высоту и в длину, бонго старается не прыгать, а скорее проползать под препятствием. Об этом сообщает Стивенс, наблюдавший, как бонго проползал под деревом, находящимся на расстоянии

75 сантиметров от земли. Вероятно, это происходит оттого, что эти животные редко видят пространство у себя над головой, но зато привыкли лежать распластавшись. Однако бонго могут и прыгать: на поляне у гостиницы «Ковчег» я видела их изящные прыжки.

Как-то вечером мне удалось наблюдать проявление воинственности в поведении бонго. Обычно они игнорируют гиен, но все же поглядывают на них, поскольку гиены, улучив момент, могут схватить детеныша. В тот вечер на поляне у гостиницы собралось необычно много гиен, очевидно на охоту, и одна из них намеревалась вцепиться в бок молодого самца бонго, наклонившегося к воде напиться. Гиена несколько раз пыталась хватать его, но он быстро, словно молния, повернулся, опустил голову к земле и помчался прямо на гиену, нацеливаясь остриями полированных, подобных штыкам рогов. В тот раз я также увидела, насколько быстра реакция у гиены: она вовремя увернулась и чудом избежала расправы.

Совершенно ясно, что таким же весьма эффективным способом бонго отваживали от себя собак доробо. Этот способ наверняка совершенствовался в борьбе с гиенами, леопардами и немногочисленными львами, обитающими в горных лесах. Редко случается, чтобы стая гиен или леопард схватили здорового взрослого бонго. Почувяв близость леопарда, бонго проявляют сильное беспокойство, обычно поднимаются, принимают прислушиваются и убегают при малейшем шевелении кустов. Но еще больше, чем леопарда, они боятся льва. Как правило, львы не водятся в густых горных лесах, их места обитания либо внизу, на равнине, либо выше, среди вересковых зарослей. В лесу же встречаются преимущественно проходящие особи, направляющиеся в какие-то другие места.

Однажды вечером, когда в долине ниже гостиницы «Ковчег» зарычал лев, бонго мгновенно покинули солонец и целую неделю не осмеливались подходить к нему. Таким образом, в борьбе со своими более сильными врагами бонго выживают благодаря исключительной бдительности и способности, если нужно, дать отпор. Но некоторые из них все же погибают, и в этом выражается закон природы, в которой существует баланс между хищниками и их жертвами. Он нарушается только человеком как из-за охоты, так и косвенно — за счет воздействия на окружающую среду и ее преобразования⁶.

Пока людей было не больше, чем сильных хищников, охота не выходила за рамки законов природы; при этом само собой подразумевалось, что хищник убивает свои жертвы, чтобы прокормить себя и своих сородичей. Более подробно я рассматриваю современную охоту в разделе о долине реки Луангвы, здесь лишь скажу, что, на мой взгляд, охота дискредитировала себя из-за применения современных методов и не оправдывается никакими доводами морального плана. Ограниченный отстрел не причиняет ущерба, и ни один охотник, руководствуясь здравым смыслом, не желает прекращения охоты в будущем из-за чрезмерно большого отстрела в настоящем. Лишь охота, которая грозит уничтожением или искоренением вида, вызывает осуждение. Однако наибольшую опасность для животного мира представляет собой не охота, а резкие изменения природной среды.

Бонго являлся объектом охоты доробо, и она не нарушала равновесия в природе, хотя, конечно, и способствовала изменению повадок и привычек животных: они перешли к ночному образу жизни и стали забираться все выше в горные леса, вплоть до вересковых зарослей, куда обычно эти антилопы не проникают. Страшные последствия для бонго имела чума крупного рогатого скота, которая в конце прошлого века пришла с севера в Восточную Африку. Высказывалось мнение, что чума привела к почти полному исчезновению бонго в горах Абердэр. К счастью, бонго, подобно многим другим животным, обладают замечательной способностью к восстановлению популяции, численность ее может увеличиться, даже в, казалось бы, безвыходном положении, в которое порой попадали эти животные.

После чумы в горах Абердэр шло восстановление популяции естественным путем. Человек тогда, возможно, еще не вмешивался в процесс развития животного мира. Немногочисленные уцелевшие животные должны были бы пасть жертвами изголодавшихся хищников, рыскавших в поисках пищи среди белеющих костей. Напротив, природа позаботилась о том, чтобы и популяция хищников соответственно уменьшилась, а затем восстановились популяции как хищников, так и травоядных. Позаботилась она и о дальнейшем равновесии между ними.

Наконец, приведем пример, показывающий, насколько жизнь такого пугливого и «незаметного» животного, как бонго, зависит от прихоти человека. В Судане сох-

рачилась крупная популяция бонго, поскольку там распространено поверье, будто мясо полосатых зверей вызывает проказу. Спокойному существованию бонго положили конец англичане, опровергнувшие вышеупомянутое поверье. Впрочем, многие африканские народы, потребляющие мясо, с большой охотой тоже отвергли нелепое табу на полосатых животных и за полвека почти полностью истребили бонго. В 50-х годах в Судане произошла революция, направленная против колониализма, и бонго были снова объявлены источником проказы. И ныне популяция этого животного там восстановилась.

Наряду с бонго в лесах Абердэр водится еще одно заслуживающее внимания животное, весьма исключительное, хотя и не столь очаровательное. Это большая лесная свинья (*Hylochoerus meinertzhageni*), которая стала известна европейцам только в 1904 г., на три года позже, чем бонго и окапи, и долгое время оставалась загадкой. Самая крупная из африканских свиней, она весит до 200 килограммов и достигает метра в высоту. Шкура у нее черная с зеленоватыми пятнами. Блейни Персиваль (Percival, 1924) сообщает только, что европейцы, вероятно, слышали рассказы коренных жителей об этих животных задолго до того, как лейтенант Мейнерцхаген убил одного из них, но тогда полагали, что речь шла о западноафриканском карликовом гиппопотаме.

Мейнерцхаген, британский офицер, выходец из аристократических кругов, прибыл в Кению в начале нынешнего века и участвовал в жестоком подавлении восстания нанди и кикуйю. Поскольку он был также естественным испытателем, в его дневнике наряду с описаниями военных действий излагаются наблюдения. Им дано описание первой встречи с бонго и большой лесной свиньей в горах Абердэр 5 сентября 1902 г. Он писал, что, бродя по лесу в сумерках, заметил двух зверей, которых прежде никогда не встречал. К сожалению, он видел их не слишком отчетливо и притом в беге. Самым крупным из этих животных была своеобразная красная антилопа с белыми полосами. Другой зверь — черная свинья гигантских размеров, вероятно лесная форма бородавочника.

11 марта 1904 г. один из его спутников убил большую лесную свинью на склонах горы Кения, но не смог взять тушу с собой. Мейнерцхаген понял только, что уби-

тое животное не походило на других известных свиней, и потому стал уделять много времени охоте, желая добыть еще одну особь, которую можно было бы отправить в Музей естественной истории. Это удалось ему 16 июня в лесу на землях народа нанди.

Большая лесная свинья в представлении некоторых современных поборников красоты — страшный черный зверь. На самом деле она весьма привлекательна, целеустремленна и даже красива, с благородными, изящными пропорциями и с отважным сердцем. Когда лесная свинья бьет своими короткими крепкими ногами по земле и тем самым дает понять, что готова к схватке, от нее убегают и гиена, и леопард.

По своей природе эти свиньи миролюбивы и сами ни на кого не нападают. Между собой они ссорятся и дерутся гораздо реже, чем бородавчники, и проявляют трогательную заботу о потомстве. Поросята всегда находятся под чутким присмотром родителей. Последние весьма уверены в своей мощи. Мне приходилось видеть больших лесных свиней, которые паслись в опасной близости от пускавших слюнки гиен. В подобных ситуациях хотя бы один из родителей внимательно наблюдает за гиенами, и, когда вся семья снимается с места, он (или она) выступает впереди, за ним в ряд, словно привязанные к веревке, движутся поросята, а в арьергарде следует другой родитель.

Подобно всем свиньям, большая лесная свинья очень любит наслаждаться жизнью. Забавно видеть, как она греется на солнышке после холодной ночи, млея от удовольствия, катается в грязи, похрюкивая в предвкушении корма в зарослях кустарников и травах, или просто нежится, закрыв глаза.

Хотя большая лесная свинья была впервые описана так поздно, ее нельзя считать редким животным. Она обитает в густых лесах Восточной и Западной Африки и в Заире. Однако в силу особенностей природного окружения и образа жизни это животное чаще всего встречается в горах Абердэр и Кения. При выборе кормовых угодий большая лесная свинья, подобно бонго, отдает предпочтение именно горным лесам — подальше от все расширяющейся хозяйственной деятельности человека. Здесь эти животные чаще всего образуют семейные группы из трех-девяти, а иногда и более особей. Глубоко в чаще лесов, среди густых зарослей, находятся их удобные лежки, что иногда дает повод говорить о «жили-

щах», которые они используют довольно длительное время, а, следовательно, имеют постоянные места обитания, подобные земляным ямам или логовицам у других видов свиней.

В отличие от других свиней большая лесная свинья меньше роет землю и питается преимущественно частями растений, находящимися над поверхностью почвы, — травами, листьями, упавшими плодами и ягодами. Конечно, она добывает и некоторые легкодоступные корни, копается в земле, восполняя недостаток солей. Некоторые неверно полагают, что лесная свинья ведет в основном ночной образ жизни. На самом же деле она пастись в любое время суток и греется на солнце на полянах. В лесах Абердэр она довольно регулярно выходит на поиски пищи в сумерки и на рассвете. Увидеть лесных свиней, валяющихся в грязи на поляне перед гостиницей «Ковчег», можно было в любой час ночи. В призрачном лунном свете эти животные казались лиловатыми. У более взрослых особей разреженный волосяной покров и местами просвечивает кожа. Цвет при этом становится примерно таким же, как у гиппопотама во время ночной прогулки, поэтому заключение, первоначально сделанное европейцами на основании рассказов коренных жителей о том, что здесь водятся гиппопотамы, имеет под собой основания. Хотя на самом деле в быстрых холодных реках гор Абердэр гиппопотамы не могут обитать.

Зато в этих местах, как нигде больше, в один день можно встретить свиней всех трех видов, распространенных в Африке к югу от Сахары. Кроме большой лесной свиньи в лесах Абердэр водятся бородавочник и кистехухая свинья⁷.

Бородавочник, обитающий во всех крупных национальных парках, где устраивают сафари, хорошо известен. Кистехухую свинью туристам редко удастся увидеть, но в соответствующей природной среде их больше, чем бородавочников. Она мало попадает на глаза, потому что вынуждена скрываться, так как крестьяне применяют все средства борьбы против этого грабителя огородов и садов. По ночам кистехухие свиньи неумоимо совершают набеги, и притом столь успешно, что заслужили всеобщую ненависть в пределах всего своего ареала. В овощеводческом районе небольшая группа этих животных может почти полностью уничтожить урожай; и вполне обычна ситуация, когда живущие по соседству с

лесами земледельцы часто за несколько ночей теряют весь годовой доход.

Кистеухая свинья — яркий пример животного, приспособившегося к ландшафтам, преобразованным человеком. До того как люди приступили к обработке земель, она вела такой же образ жизни, как лесная свинья и бородавочник, но с созданием земледельческих хозяйств в лесном краю и по берегам рек пути упомянутых видов разошлись. Ни лесная свинья, ни бородавочник не совершают набегов на огороды и сады: риск слишком велик. Лесная свинья направилась вверх, в горные леса, а бородавочник — в заросли кустарников или на равнины. Кистеухая же свинья не удержалась от соблазна и не отступилась. Между тем человек успел стать опытным земледельцем и выращивать привлекательные для нее лакомства. Это животное приобрело невероятную изворотливость и легко обходит изгороди, силки, ловушки, отравленные приманки, увертывается от собак и даже пуль. Естественно, многим из них пришлось заплатить жизнью, но темпы воспроизводства этой свиньи слишком велики, и в итоге животное выходит победителем в прямом конфликте с человеком. Подобных примеров в животном мире можно отыскать немало.

Конечно, есть еще кистеухие свиньи, которые за всю свою жизнь ни разу не нападали на возделываемые земли. В долине реки Луангвы, например, я видела, как эти животные утром выходили из леса и рыли землю, удаленную на несколько миль от ближайшего возделываемого участка, вовсе не подозревая об опыте своих более хитрых сородичей, выбирающих для набегов пред рассветные часы. Большинство кистеухих свиней в настоящее время все же вступает в контакт с человеком.

Представления о кистеухих свиньях, полученные мной в лесах Абердэр, сводятся к следующему: это красивое животное красноватого цвета с белой гривой, бегущее, словно яркая молния, в ту часть леса, которая находится в подозрительной близости от широкого рва, отделяющего лес от плантаций кикуйю. Однажды я заметила, как две кистеухие свиньи промчались на луг у опушки леса, где, несмотря на проливной дождь, паслись буйволы и бородавочники. Возможно, кистеухим свиньям казалось, что их никто не видит, и они вели себя так, словно ничем не отличались от бородавочников.

Здесь же на опушке, рядом с лугом, находилось не-

сколько больших свиней, и мне представилась возможность сравнить свиней трех видов и легко выявить их внешние различия. Большая лесная свинья — самая крупная, самая темная и более пропорционально сложенная, чем свиньи двух других видов. Хвост у нее свешивается, голова удлинённой формы, массивная, со сплюснутым рылом и широкими хрящевыми наростами под глазами. Клыки у самцов — весьма внушительных размеров, но не столь велики и не так обращают на себя внимание, как у бородавочника.

Кистеухая свинья вдвое меньше лесной и по внешнему виду напоминает домашнюю свинью, с той лишь разницей, что у нее красноватая щетина, белая грива, белые кисти на ушах и белые пятна вокруг глаз, а также удлинённое, узкое, похожее на хобот рыло и заостренные книзу копыта.

Бородавочник также относится к семейству свиней, но образует вполне самостоятельный род. На равнинах он скрашивает поездку многочисленным туристам, которые, не видя особо интересных объектов, начинают высказывать недовольство. И тут появляется бородавочник с поднятой головой и гордой осанкой, которую придают ему сильные плечи, четкий изгиб спины и стройное туловище. Обращает на себя внимание и его крупная голова. Почти лишенная волосяного покрова, она имеет чуть ли не такие же размеры, как и туловище. Морда животного широкая и плоская, с широким вытянутым рылом и двумя парами наростов, похожих на бородавки. У самцов есть клыки, направленные вверх, с изгибом, похожие на сабли. Они кажутся чересчур большими для животного, которое, если смотреть на него сзади, не слишком крупное. Людям, ничего не смыслящим в красоте, он представляется смешным и даже уродливым.

Все, что делает бородавочник, отличается основательностью: идет ли речь о земляных работах (тогда животное, чтобы облегчить труд, встает на колени), о «купании» днем в грязи, о безмятежном сне (я однажды натолкнулась на бородавочника, громко храпевшего на поляне) или о пререканиях с родней. Если он бежит, значит, спасает свою жизнь: хвост с черной кисточкой поднят вертикально, как сигнальный флаг, и мчится он так, что земля дрожит. За ним бежит его семья — все также с поднятыми хвостами — предупреждение для следующих позади сородичей и забава для туристов.

Меню у всех свиней весьма разнообразное. Бородавочник в отличие от лесной свиньи больше занимается откапыванием корней и корнеплодов, но он также питается травами, листьями и ягодами. Естественно, пищевой рацион меняется в зависимости от места. На равнинах травы и корни потребляются в большей мере, чем в чаще леса.

То, что мы встречаем бородавочника на полянах в парке Абердэр на высотах более 2100 метров, служит яркой иллюстрацией широкой приспособляемости данного вида и подтверждает тот факт, что горы Абердэр в экологическом отношении представляют собой остров. Известно, что бородавочники — прежде всего обитатели равнин, но в стране кикуйю равнины с давних пор распаханы, и эти животные были постепенно оттеснены в горные леса, и в настоящее время они прочно там обосновались. Поэтому многие полагают, что бородавочники шире распространены в нижнем поясе лесов Абердэр, чем на соседних равнинах. Однако это мнение не совсем верно, поскольку бородавочник предпочитает открытые поляны, которых в лесу много. Создается превратное представление о плотности этих животных в данном районе. И все же то, что бородавочник в горах Абердэр чувствует себя исключительно хорошо и прекрасно приспособился к этой среде, — бесспорный факт.

Горы Абердэр, как уже упоминалось, в настоящее время являются экологическим островом, что подтверждается не только сохранением там реликтов животного мира, но и присутствием таких животных, как бородавочник, буйвол, носорог и слон, широко распространенных в Африке. Буйвол для гор Абердэр — наиболее типичный пример — с него и начнем наше описание.

Раньше различали равнинных и лесных буйволов. Последние встречались преимущественно в Западной Африке и отличались меньшими размерами и красным цветом по сравнению с массивными черными равнинными буйволами. Тех, что обитают в горах Абердэр, можно было бы отнести к лесным, но они так же массивны и столь же черны, как и равнинные.

В настоящее время считают, что все буйволы должны рассматриваться как один вид. Различные эпидемии вызывают массовый падеж этих животных в Африке, некоторые районы оказываются полностью опустошенными.

ми, но потом постепенно заселяются буйволами популяции, мигрировавшей из другого района. Кроме того, надо иметь в виду деятельность человека, оказывавшую большое влияние на передвижения буйволов, как и на ряд других животных.

Если буйволы, населяющие ныне горы Абердэр, сходны с равнинными, то, возможно, оттого, что они большей частью произошли от животных, вытесненных в горные леса во время, когда происходило сельскохозяйственное освоение окружающих равнин. Прежде в горных лесах наверняка существовала коренная популяция буйволов, хотя вряд ли столь значительная, как нынешняя. Судя по тому что в работах ранних путешественников, побывавших в горах Абердэр, редко упоминаются буйволы, можно заключить, что коренная популяция могла полностью вымереть во время массового падежа скота на рубеже XIX—XX веков.

Теперь нельзя провести и дня в горах Абердэр, не заметив несколько сотен буйволов. При отсутствии конкуренции они стали там наиболее часто встречающимися животными. Буйволы освоили не только опушки лесов с лугами и прогалинами, но и внутренние участки, а также бамбуковый пояс, и периодически проникают еще выше. Это свидетельствует о том, что буйвол успешно приспосабливается к весьма изменчивым условиям среды. На данном примере мы еще раз убеждаемся в том, что горы Абердэр являются экологическим островом. Его со всех сторон окружают обширные пространства, природа которых сильно изменена хозяйственной деятельностью человека. Это порождает специфические проблемы.

Существование буйволов в горах Абердэр представляется чересчур благополучным. Разница между экологическим островом и ненарушенной средой, где все популяции сбалансированы со своим окружением, такова, что названная среда допускает поступление особей извне и расходование избытка. В природе существуют механизмы, регулирующие численность животных. Возникают ситуации, когда некоторые популяции становятся многочисленными и животные мигрируют на свободные (или с меньшей численностью) участки, а затем оказываются там в изоляции: ни одно животное не может проникнуть на эту территорию или покинуть ее. Этот район превращается в экологический остров с присущим ему набором растений, насекомых, птиц и зверей, кото-

рые словно плывут на корабле. Многие современные национальные парки (а возможно, большинство из них) станвятся такими же экологическими островами⁸.

Поэтому такие парки должны иметь очень большие размеры, причем оптимальная величина их зависит от природных особенностей, которые, разумеется, сильно меняются от парка к парку. Во многих современных национальных парках проблема островного эффекта конкретно проявляется в перенаселении какого-нибудь вида животных с последующим нарушением равновесия. О ней более подробно рассказывается в разделе о долине реки Луангвы, здесь же она затрагивается лишь применительно к горам Абердэр.

Среди районов, рассматриваемых в настоящей книге, горы Абердэр — самый маленький экологический остров. В одном отношении им очень повезло: вследствие достаточной влажности зелени там в изобилии, а это означает, что все обеспечены пищей, даже если численность буйволов и слонов станет выше, чем бывает в нормальных условиях.

Однако вернемся к буйволам. Выше отмечалось, что животные в лесах редко образуют крупные группы. Это положение применимо также и к буйволам, которые, по данным Сэма Уэллера, еще 30 лет назад редко объединялись в группы более чем из 20 особей. Стадо из 40 особей считалось крупным, а из 10—15 — обычным. Такие цифры характерны и сейчас для бамбукового и самого низкого поясов гор, но и там встречаются отдельные небольшие группы, которые бродят вокруг крупных стад. Зато луга и прогалины на средних высотах обычно осваиваются все более крупными стадами численностью до 200 особей в каждом. Такие скопления обычны для саванн и разреженных зарослей кустарников, но не для горных лесов.

Популяция буйволов в горах Абердэр без особого преувеличения оценивается в 7500 особей. Когда наблюдаешь этих животных в течение одного дня, кажется, что вся популяция предстала перед твоим взором. О том, как мало развито браконьерство, можно судить по спокойному поведению животных. Буйволы весьма мирно лежат, жуют жвачку, крайне неохотно поднимаются наверх, в горы, и лениво отходят в сторону, уступая место идущим по тропинкам. Сходство их с домашним скотом весьма разительно, ведь буйволы, пасущиеся в лесу Абердэр, принадлежат к тому же самому виду, что и

равнинные. Они с шумом проносятся, поднимая за собой облака пыли, убегая от преследующих их людей.

На меня буйволы в горах Абердэр сначала не произвели необычного впечатления. Казалось, что они находятся в добром здравии и не портят пастбища. Однако люди, наблюдавшие здесь их последние 20 лет, считают, что крупные стада этих животных в парке нежелательны и связанные с ними пагубные последствия, вероятно, будут осознаны слишком поздно. Старые охотники с неприязнью смотрят на буйволов и отмечают, что их популяция резко ухудшается: исчезают рекордно крупные особи и остается только масса жалких бедолаг, которые в нормальных условиях никогда не получили бы возможность продолжать род. Стада слишком велики, элитных быков мало, и поэтому второстепенные производители передают потомству свои невысокие качества. «Надо отстреливать этих бедняг! — говорят охотники. — Иначе у нас разведутся самые плохие буйволы во всей Африке».

У меня не было возможности судить о том, насколько они правы или до какой степени заблуждаются, тем не менее факт, что буйволы в горах Абердэр на самом деле находятся отнюдь не в лучшем состоянии, хотя у них здесь в избытке травы и воды, да и охота не ведется. Прошло много лет со времени последнего массового падежа. Теперь популяция буйволов страдает лишь от избыточной влажности, которая в сочетании с обильным зеленым кормом способствует устойчивому расстройству желудка. Кроме того, животным досаждают пиявки. Из-за их укусов буйволы выглядят так, словно истекают кровью. И тем не менее поголовье увеличивается в размерах, наводняя леса.

О буйволе нельзя сказать, что он ведет здесь естественный образ жизни, поскольку в горах Абердэр у него фактически нет врагов. Охота, даже в небольших масштабах, подобная той, которую в прошлом вели доробо, пошла бы на пользу популяции буйволов, особенно после резкого сокращения популяций хищников. Отдельные львы, проходящие через эти леса, за год уничтожают незначительное число буйволов, а леопарды предпочитают другую добычу. Гиены часто хватили телят и даже взрослых особей, когда стада были меньше, теперь же, когда они стали гораздо крупнее, гиены тоже переключились на другую добычу.

В отношении дальнейшей судьбы буйволов сказать что-либо трудно. Возможно, очередная эпидемия сокра-

тит их численность или администрация парка разрешит частичный отстрел, либо обнаружится, что горы Абердэр без особых последствий будут поглощать избыток популяции, пока прирост не достигнет предельного уровня и стада перестанут увеличиваться в том же темпе, что и раньше. Однако эти надежды слишком слабы. Популяции, отличающиеся столь быстрым приростом, как буйволы, вряд ли прекратят размножаться в такой ситуации, когда естественные механизмы регуляции сильно ослаблены.

Носорог также прекрасно приспособился к довольно чуждой ему лесной среде. Мы привыкли представлять себе носорогов в сухой жаркой обстановке среди зарослей колючих кустарников, но вместо этого мы находим, что самая крупная популяция носорогов в Кении теперь находится в горах Абердэр. Трудно сосчитать их в лесах и зарослях бамбука. Весьма приблизительно их численность оценивается в 800—1000 особей. Это хороший показатель и для Восточной Африки, и для Африки в целом, где носорог отнесен к видам, находящимся под угрозой истребления⁹.

В этой связи, может быть, целесообразно сказать несколько слов о слишком эмоциональном понятии «виды, которым угрожает истребление». Мне представляется, что друзья животных оказали медвежью услугу охране природы, преувеличив опасность угрозы для разных видов, руководствуясь, разумеется, благими намерениями. Обычно указывают, что численность вида сократилась до нескольких сотен особей (когда на самом деле речь идет о нескольких тысячах), что принимают за достаточно критический показатель. Вызывает недоумение то, что среди рассматриваемых видов сравниваются такие, не поддающиеся сравнению животные, как, например, леопард, который успешно преодолевает опасности, и носорог, гораздо слабее защищенный. В итоге наши понятия обесцениваются и у циников возникает желание сделать вывод, будто носорогам ничто не угрожает и они уходят от опасности, видимо, столь же успешно, как леопарды.

Где-то я слышала забавную «теорию», что носороги, нормально развиваясь, выпадают из естественной истории. В эволюционно-историческом отношении это на самом деле древний вид, с трудом приспособляющийся к меняющимся условиям среды. Уже одно то, что он без

изменения сохранил свои особые привычки, — признак его плохой приспособляемости в мире, где требуется быстрая реакция при необходимости уйти от преследования. Слабое зрение носорога и особенности его поведения во время брачного периода также указывают на его малую приспособляемость. В критические времена геологической истории бесчисленные виды не выдержали конкуренции и вымерли еще задолго до появления человека. Природа постоянно экспериментирует, и эксперимент с носорогом продолжается до сих пор.

С этими рассуждениями я отчасти готова согласиться, но их не следует понимать так, что человек должен оказать природе помощь в завершении этого эксперимента. Напротив, надо помочь носорогу прожить еще две тысячи лет — не слишком большой период в его эволюции.

Конечно, носорог нуждается в помощи человека. Это великолепный крупный зверь с рогом из того же материала, что волосы и ногти¹⁰. Этот рог и послужил причиной истребления носорогов. Тысячелетиями властители в странах Востока, озабоченные проблемой потенции, готовы были платить баснословные суммы за афродисиакку — препарат, изготовленный из рога носорога; и сейчас не ослабел интерес к этому средству. Кроме того, среди состоятельных людей пользуются популярностью изделия из рога этого животного.

Однако вовсе не спрос на афродисиакку и на изделия из рога подталкивает носорога к трагической развязке. Подлинным бичом божьим было нашествие белых охотников, «открывших» для себя Африку с ее крупными дикими животными примерно на рубеже двух последних столетий. Они буквально опустошили целые районы.

Носорог давал горы мяса, а также кожу, из которой изготовлялись отличные хлысты и ремни. Многие охотники отстреливали носорогов просто ради удовольствия. Один «доблестный» охотник с восторгом рассказывал, как он усадил пять туш вокруг стола, накрытого к завтраку перед его палаткой!

Поскольку Южная Африка была рано колонизована, первым подогнали к краю пропасти белого носорога, а затем удалось добить и почти всех черных. Естествоиспытатель и охотник Ф. Силус (Selous, 1881) сетовал над тушей убитого им энного носорога, что этот вид может быть полностью истреблен, но никакого выхода из создавшегося положения не предлагал. В Восточной Аф-

рике отстрел черных носорогов осуществлялся в столь же огромных масштабах. При этом много говорят о способности данного вида к выживанию, дескать, несмотря ни на что, ему все же удается сохранить жизнеспособные популяции.

Позже в Южной Африке были приняты меры по спасению белого носорога и настолько успешные, что круги любителей животных чуть не оказались в несколько затруднительном положении. Дело в том, что в полуневолле этот вид размножился настолько, что через 20 лет, по окончании спасательной кампании, он распространился по всей территории своего прежнего ареала и избыток носорогов даже пришлось переправить в национальные парки, где их не было.

Черный носорог также хорошо прореагировал на защитные мероприятия. Однако в Восточной Африке сильно развилось браконьерство, особенно после запрета охоты на животных в Кении (а вскоре и в Танзании). Оказалось, что там, где охота осуществляется под контролем, браконьерства больше. Служба охраны диких животных не располагает достаточными ресурсами, чтобы осуществлять контроль на всей территории парков и резерватов. Никому не хочется, чтобы служащие превращались в полувоенизированную охрану. А ведь ни один браконьер не действует, не обеспечив себя сильным нелегальным прикрытием.

Несмотря на конфискуемые трофеи, в том числе и оружие, на штрафы и тюремные приговоры, а иногда и гибель отдельных браконьеров, их профессия не вымирает, она сулит столь большие прибыли, что не ощущается недостатка в услужливых охотниках, в посредниках и в обеспеченных состоятельных и весьма почтенных деловых людях, организующих браконьерство и поставляющих товар на внеафриканские рынки. За одну лишь вылазку браконьер может получить столько денег, сколько земледelec или разнорабочий зарабатывает за целый год. Синдикаты браконьеров оплачивают посредников и подкупают таможенных начальников. И тем не менее им достаются такие барыши, которые компенсируют и риск, и расходы.

Одна из причин широкого распространения браконьерства состоит в том, что еще не удалось разработать систему, при которой местное население получало бы прямую выгоду от национальных парков, хотя эпизодические усилия в целях устранения очевидных недостат-

ков предпринимались. Не делается никакого различия между отстрелом животных для нужд населения и крупномасштабным браконьерством. В такой ситуации охотники из коренных жителей, которые первоначально довольствовались отстрелом тех или иных диких животных, чтобы прокормить себя и своих близких, теперь могут быть завербованы синдикатом и получить отличный заработок, тем более что риск в обоих случаях одинаковый.

Носорогов никто теперь не убивает ради мяса, на повестке дня стоит только охота из-за рога. Наверняка в любом резервате можно заметить носорогов с особенно большими рогами. Замечено, что в горах Абердэр сохранилась более крупная по сравнению с другими районами Кении популяция носорогов и что носороги на равнинах и в разреженных зарослях кустарников, скажем, в Масаи-Мара и Самбуру, выглядят хуже, чем в горных лесах.

В горах Абердэр браконьерство было развито не в таких крупных масштабах, как в других местах. И в этом не последняя заслуга Билла Вудли, который в 50-х годах вел борьбу с браконьерами в Цаво, а затем в течение 20 лет руководил национальным парком Абердэр и добился того, что парк стал четко функционировать. По отношению к браконьерам он применял самые строгие меры, заимствовав их из практики в Цаво, и уже на ранней стадии ему удалось доказать, что браконьерство себя не оправдывает. Те носороги, которые ныне наслаждаются жизнью в горах Абердэр, могли бы вполне носить медальоны с надписью: «Спасен Биллом Вудли». К чести Вудли надо сказать, что, когда в начале 1978 г. этот администратор вновь перешел на работу в Цаво, многие нашли, что буквально спустя несколько месяцев популяция носорогов в парке Абердэр резко сократилась! При этом не говорилось прямо, что браконьерство здесь не представляет опасность, просто отсутствовали признаки увеличения масштабов данного промысла.

Достоверных сведений о численности этих животных по всему парку нет, но наблюдения у гостиницы «Ковчег» показывают, что в 1978—1979 гг. носорогов было намного меньше, чем в 1976—1977-м. Отмечено, что в настоящее время эту местность ежегодно посещают 40—50 носорогов; еще 20—30 особей появляются на склонах у опушки леса. При этом в районе «Ковчега» зафиксировано уменьшение на четыре-пять особей. Воз-

можно, некоторые из них погибают и независимо от деятельности человека.

Посторонний наблюдатель не заметит никаких негативных изменений, если в течение часовой прогулки увидит в лесу десять носорогов или будет наблюдать каждую ночь посещение четырьмя-пятью носорогами солонца. Но заслуживающие доверия и весьма опытные наблюдатели могут сказать, например, что в горах Абердэр в тех местах, где раньше было 20 носорогов, сейчас — лишь 10. Если так будет продолжаться и дальше, то вскоре, по их мнению, от популяции носорогов здесь ничего не останется. Я же с огромным трудом представляю себе подобную тенденцию развития, видя многочисленных носорогов, мирно пасущихся на лесных полянах. Носороги, которым браконьеры наносят действительно большой урон (в частности, во многих национальных парках Танзании), ведут себя совершенно иначе. Они и быстры, как ветер, и агрессивны, стремительно нападают на браконьера, который в ужасе вынужден спасаться бегством.

Возможно, носорог движется по пути к вымиранию, но тот факт, что это животное, сохранив свои привычки, все же адаптировалось в среде сухих зарослей колючих кустарников, столь сильно отличающейся от условий прохладных влажных горных лесов, свидетельствует о том, что, несмотря ни на что, оно все же не совсем беспомощно в этом сложном мире.

Так же как и в случае с буйволом, можно быть уверенным в том, что в горах Абердэр еще до появления там человека существовала своя популяция носорогов, но ясно и то, что за последние века этих животных стало слишком много и, кроме того, под влиянием деятельности человека они вынуждены были постепенно отступить выше в горы.

Пришельцы смешивались с коренной популяцией, их потомство выросло в лесу и знало только эту среду. В настоящее время горный лес оказался в изоляции и носороги живут и размножаются на экологическом острове.

Говорить о размножении носорогов — значит использовать чересчур банальные слова для обозначения невероятно сложного процесса. Только лица, никогда не наблюдавшие за животными, считают, что взаимоотношения между партнерами у них необычайно просты. В период течки половое влечение у животных обостряется. Со стороны кажется, что дело сводится лишь к тому, чтобы

самка нашла самца и произошло спаривание, но в действительности все не так просто. У многих животных слишком затягиваются брачные игры, во время которых иногда самка, хотя она и инстинктивно тянется к самцу, оттягивает момент спаривания, а самец, пытаясь завоевать ее и все более возбуждаясь, проявляет неуверенность. Подобное поведение особенно характерно для носорогов. В настоящее время известность носорога связана не только с его рогом, стимулирующим сильное возбуждение, но и с длительностью периода спаривания.

Носорог ведет довольно уединенный образ жизни. Самка бродит одна с детенышем, самцы тоже ходят поодиночке, но как будто поддерживают какие-то формы контактов с другими пасущимися поблизости самцами. Самки при встрече чаще всего дружелюбно приветствуют одна другую, а затем расходятся в разные стороны. Между самцом и самкой часто происходят раздоры, и случается, что кто-нибудь из них убегает с разодранной шкурой. Носороги, которые собираются у облюбованных водоемов или солонцов, держатся на некотором расстоянии. Тем не менее можно сказать, что носороги, живущие в определенной местности, знают друг друга. Во время своих обходов они часто опознают по запаху других носорогов, с которыми ранее в разных ситуациях эпизодически поддерживали контакты.

Такой уединенный образ жизни означает, что перед течкой самка чаще всего одинока или разделяет общество своего подросткового детеныша. Прежде чем она сама осознает, что с ней происходит, она дает знать об этом находящимся поблизости самцам своим запахом, а возможно, и другими средствами. В любом случае проходит время, пока какой-нибудь самец не «пронюхает» о случившемся, а между тем самка ведет себя так, словно у нее по телу ползают муравьи.

Однажды ночью я наблюдала, как беспокойно вела себя самка. Около десяти часов вечера на поляне находилась только одна самка со своим почти взрослым детенышем. Вскоре к ним подошла другая самка, у которой явно была течка. Первая терпимо отнеслась к ней, а детеныш (это была самочка) проявил очевидный интерес. Они немного пободались, а потом самка пыталась прыгнуть на молодую самочку. В то же время она не раз наскакивала на все, что двигалось: дикими выпадами разгоняла подходивших к солонцу буйволов и бушбоков, прогнала прочь бонго. Я никогда не видела,

чтобы носорог двигался так легко. Эта самка совершала невероятные прыжки с места, словно желая выскокить из своей шкуры, причем каждый рывок сопровождался быстрыми движениями туловища и головы — казалось, перед нами чистокровная арабская лошадь.

Так продолжалось несколько часов. Между тем молодая самка улеглась отдыхать, по-видимому, устав от возни, а самка, у которой была течка, стала бодаться с другой, взрослой, самкой. Потом я устала наблюдать за ними и около полуночи отправилась спать.

Часа в три ночи я проснулась и увидела, что вдоль всей поляны из кустов выглядывали бонго. Это был редкий визит крупного стада. Каждый раз, когда какое-нибудь, надо полагать, самое смелое животное пыталось подойти к солонцу, оно вынуждено было отступить назад под напором возбужденной самки носорога. Я взглянула на нее с неприязнью: ее вальсирующие движения до поляне мешали мне вести наблюдения за бонго и определить их численность (в то время я особенно интересовалась этими антилопами).

Самка носорога с детенышем наконец удалились, а на смену им появился молодой самец. Он и оставшаяся на поляне самка сразу же обратили друг на друга внимание. Она агрессивно стала наскакивать на него, всякий раз, когда он отступал назад, оставляя на его шкуре глубокие раны. Если он подходил к ней, она кидалась на него и их головы смыкались так, что слышался звон. Эти брачные игры были жестокими: у обоих из ран у основания рогов и в других местах выступила кровь. Самка пыталась проткнуть рогом брюхо и пах самца. Бывает, что самкам это удается и партнер погибает, именно поэтому носорожьи игры при спаривании называют смертельными.

Самец пытался приблизиться к самке сзади, но она предпочитала встречать его рогом к рогу. Каждый раз, когда ему удавалось зайти к ней сзади, он опускал голову ей на спину, выражая то ли просьбу, то ли глубокую преданность. Иногда самка на миг останавливалась, возможно, чтобы ощутить прикосновение, но как только самец пытался взобраться на нее, она взбрыкивала, как цирковая лошадь, и бодала его. У самца появились признаки изнеможения, и после особенно агрессивного нападения самки, казалось, он собрался ретироваться, но та в отчаянии бросилась следом.

Так проходил час за часом, борьба двух животных

прерывалась лишь короткими паузами, когда самец спускался к воде напиться, а самка бросалась на землю передохнуть. Затем все начиналось опять: самка переходила в нападение, самец парировал и пытался подойти к ней сзади, она отбивала, наверное, его пятидесятую попытку. Перед самым рассветом они совсем обессилели. Оба тихо стояли с поникшими головами, и вот самка, не оборачиваясь, удалилась в кусты. Самец постоял мгновение, собрался с силами и устало пошел за ней, поводя ноздрями вслед запаху. Я так и не узнала, произошло ли у них спаривание или же эта страшная ночь, поглотившая столько энергии, ничем не завершилась.

Местность у гостиницы «Ковчег», где я вела свои наблюдения, со стороны может показаться искусственной средой. Однако именно там удалось получить наиболее точные сведения. Днем, когда появляется человек с сопровождающими ему шумами, все в природе замирает. Чаще всего сам человек побуждает животных к бегству, а если они и остаются, то внимательно следят за ним. Когда я вела наблюдение, сидя на дереве или в кустах у водопоя, случалось, что птицы предупреждали зверей о моем присутствии и те убегали. Часто я пугала их, меняя позу, когда у меня затекали ноги, — это сопровождалось шумом.

Из гостиницы «Ковчег» удобно изучать повадки животных в ночные часы, чего нельзя сделать в естественной, природной обстановке без специального снаряжения и разрешения местных властей. Здесь, у гостиницы, я рассматривала отдельные особи достаточно долго и пришла к выводу, что у каждого животного, даже одного вида, имеется свой характер, отличный от других особей. Чрезвычайно интересно изучать взаимоотношения между особями одного вида и между особями разных видов. Получены интересные данные о типах поведения и реакциях животных, которые понемногу становятся более понятными. Появляется соблазн исходить при этом из норм человеческого поведения и констатировать, что достигнуто «понимание» поведения рассматриваемого вида животных. Однако, к сожалению, согласиться с подобными рассуждениями невозможно: новые наблюдения и факты доказывают, что у животного есть много такого, чего человеку трудно понять.

Животные в малой степени следуют одинаковым нормам поведения. Только изучив их внешние и внутренние факторы, можно понять, как будет вести себя жи-

вотное в той или иной ситуации. То же относится и к прогнозированию поведения людей. Иногда мы оказываемся более терпимы, иногда легко возбудимы и агрессивны, иногда терпеливы и мягки.

Для носорогов характерна такая же шкала изменчивости поведения. Мы уже встречали самку, которая бешено набрасывалась на все, что двигалось, и у гостиницы «Ковчег» наблюдали носорогов обоюбого пола, проявляющих агрессивность. Имеются также противоположные примеры. Я была свидетельницей трогательной сцены, когда только что родившийся, еще не ведавший мирского зла буйволенок, робко подошел к самке носорога и стал принюхиваться к ее носу. По всем правилам буйволенка следовало бы забодать до смерти, но самка стояла и позволяла себя обнюхивать, будто понимала, что буйволенок еще мал и совершенно беспомощен.

Несколько ранее та же самка была вовлечена в небольшую психологическую стычку со слоненком, который первым подошел к солонцу. Она казалась не более свиньи средних размеров по сравнению с рослым слоненком. Известно, что слоны, особенно молодые самцы, легко выходят из равновесия. Впрочем, если стоять на своем, слоны иногда ретируются. Эта самка начала наступать на слоненка, пока они не прикикли морда к морде, пытаясь переглядеть друг друга. Слоненок выиграл, и самка носорога отступила в кусты, не углубляясь в дебри. Потом остановилась, потопталась на месте и вновь понеслась на слоненка. И вот они опять стоят друг против друга и смотрят в глаза. Еще миг — и расходятся в разные стороны.

«Мал золотник, да дорог», — гласит поговорка о людях невысокого роста. То же можно сказать и о животных. Однажды вечером группа из двадцати слонов находилась у солонца в то время, когда туда подошли пять носорогов. Животным было тесно, и многие из них, включая двух крупных носорогов, вынуждены были держаться чуть в стороне, куда их отталкивали слоны. Одна небольшая самка носорога с очень маленьким детенышем упрямо лезла в самую сутолоку. Она, очевидно, хорошо знала слонов и не желала уступать места даже гигантскому слону, у которого бивни были длиной с ее туловище. Поскольку запугать ее не удалось, слоны оказались сначала в самой гуще, а затем стали пятиться назад до тех пор, пока самка носорога и ее детеныш не завладели всем солонцом.

Самый трудолюбивый и целеустремленный носорог, которого мне довелось видеть, тоже был небольшим. Однажды дождливым, мгlistым вечером я видела, как такой самец-носорог стал рыть землю, что вызвало любопытство не только у меня, но и у многих пришедших к солонцу животных. Казалось, носорог намеревался «работать» всю ночь и проникнуть в самые недра земли. Рыл он передними ногами, как собака, и вдобавок использовал рог в качестве кирки. Глина, вязкая от проливного дождя, налипала на рог, отчего тот приобрел прямо-таки фантастические очертания. Если бы кто-нибудь впервые встретил носорога с таким сапогообразным наростом и захотел бы описать его, то это описание привело бы всех в полное заблуждение относительно вида животного.

Носорог вовсе не собирался уходить от вырытой ямы и не подпускал к ней любопытных, включая 13 слонов, которым очень хотелось поскорее узнать, что за сокровище там раскапывают. Они стояли, тесно сомкнувшись и изредка подаваясь вперед, но, как только носорог переставал рыть и поднимал голову, они отступали. И что удивительно: ночью, когда молодая беременная самка носорога подошла к солонцу, он сразу подпустил ее к яме и позволил лизать там землю.

Взаимоотношения между слонами и носорогами — особенно притягательная тема, поскольку традиционно этих животных считали врагами. Около 100 лет назад дигмеи сообщали Стэнли (Stanley, 1890), что носороги и слоны терпеть не могут друг друга. Андерссон (Andersson, 1856) описывал поединок между носорогом и слоном, завершившийся гибелью обоих. Действительно, эти животные, как правило, не пасутся вместе, при встрече более сметливые отступают, однако, наблюдая каждый вечер их довольно мирное сосуществование у гостиницы «Ковчег», я начинала склоняться к тому, что упомянутые представления не совсем отвечают действительности. Конечно, иногда слоны приходят в состояние возбуждения, что имеет плачевные последствия для носорогов, не успевших вовремя удрать, но ведь подобная участь может постигнуть и других животных.

Впрочем, иногда я и сама видела такое, после чего могу поверить, что старые истории действительно основываются на фактах.

В ночь с 6 на 7 мая 1979 г. слон убил носорога. К вечеру стадо слонов подошло к солонцу у гостиницы. Сло-

ны были возбуждены, и особенно слониха — их вожак. Возможно, случайно или в результате нападения какого-нибудь животного она потеряла детеныша. Пока слоны беспокойно носились по поляне, к солонцу подошла самка носорога со своим детенышем, который начал играть со слоненком. И вдруг слониха-вожак в неистовой ярости бросилась к малышу-носорогу и, олутившись на колени, хотела было пронзить его бивнями, но оба свалились на землю. Когда началась эта возня, мать детеныша подпрыгнула и свирепо бросилась прямо на слониху, которая отступила на шаг только для того, чтобы позволить матери забрать своего детеныша. Оба носорога спаслись бегством, причем детеныш был явно вне себя, хотя он и благополучно отделался.

Слоны продолжали возбужденно топтаться на поляне. Не иначе, их предводительница пришла в неистовство: когда молодой, ничего не подозревавший носорог забрел на злополучную поляну, она накинулась на него и подбросила высоко вверх, явно замышляя убийство. У нее, по-видимому, даже созрел план, как это сделать. Когда носорог упал, она налегла на него всем телом, придавив к земле, и уверенно вонзила бивень ему под ребро, прямо в легкое, нанеся смертельную рану.

Смерть пришла к носорогу не сразу. Подобно многим умирающим животным, он потащился вниз, к воде, и там стоял или полулежал, издавая пронзительные, душераздирающие крики, тем сильнее вселявшие в меня ужас, так как я никогда не слышала, чтобы носороги издавали какие-либо звуки, кроме фырканья и очень тихого посвиста.

Когда носорог совсем ослаб, слониха снова напала на него и подбросила вверх. Вероятно, при падении у носорога были отбиты внутренности. Не удовлетворившись содеянным, слониха еще раз вонзила бивень, теперь уже в шею бедного животного. Затем она столкнула его в воду и хоботом нажала на голову, чтобы она ушла под воду, — явно понимая, что топит носорога, потом поднялась на берег, но вскоре вернулась и слегка пнула мертвого носорога, будто желая убедиться в его смерти. На мгновение слониха застыла в неподвижности, переживая свой полный триумф, а потом медленно пошла к другим слонам, которые тихо стояли поодаль и наблюдали. Когда она проходила мимо окон гостиницы «Ковчег», было видно, как дрожали сухожилия на ее задней ноге.

Слоны топтались на поляне большую часть ночи. Это была вторая ненастная, туманная ночь. Из-за тумана было не разглядеть, вернулась ли предводительница слонов. Так или иначе, она выпала из моего поля зрения и причина ее агрессивного поведения осталась нераскрытой.

Слон — умное, чувствительное и пластичное животное. Мы склонны объяснять его побуждения и многие повадки с антропоморфных позиций в большей степени, чем в отношении других животных. При благоприятных обстоятельствах слон — точная копия человека. Жизнелюбивый, со стадной организацией, позволяющей заботиться о детях и даже о больных и немощных сородичах, с рыцарским отношением к слабому полу, что порой может вызвать чувство зависти, со способностью к адаптациям, которые довольно близки к нашим. Подобно человеку слон имеет и разрушительные привычки: неуравновешенность характера с сопутствующей непредсказуемостью поступков.

Более подробно я рассматриваю слонов в разделе о долине Луангвы; здесь же затрагиваются только те аспекты, которые относятся к горам Абердэр.

Часто обитающих в этих горах слонов называют «лесными», однако, вероятно, в разные времена этот старый термин употреблялся в разных смыслах. Настоящий лесной слон — подвид африканского слона, а вовсе не самостоятельный вид, распространен в обширных тропических лесах Западной и Центральной Африки, где получили развитие особи небольших размеров с ушами округлой формы и тонкими, направленными книзу бивнями.

Можно с уверенностью сказать, что слоны гор Абердэр не являются эталоном лесных слонов, поскольку в этой части Африки они традиционно предпринимали продолжительные кочевки. Эти сезонные перемещения охватывали весьма разнообразные типы природных условий — от колючих кустарников и саванн до крупных массивов горных лесов. По пути происходил генетический обмен с местными популяциями, и в итоге ни одна группа слонов в Восточной Африке не развивалась обособленно. Как мы видели, возраст изоляции не очень давний и сама она связана с превращением участков дикой природы в экологические острова.

Древняя трасса кочевков слонов проходит от равнин между горами Килиманджаро и Кения к горам Абердэр

и далее на северо-восток к болотам Лориан, на северо-запад в Марсабит и на юг, снова в горы Абердэр. Общая протяженность этого кольца около 650 километров. Считают, что миграция обычно занимает приблизительно три года — все зависит от состояния кормовых ресурсов, охотничьего промысла и т. д. Конечно, не все слоны находятся в пути одновременно и охраняемые области, как, например, горы Абердэр и Марсабит, имеют собственные относительно постоянные популяции. Описываемые в литературе мощные миграционные волны — результат соединения многих стад, устремлявшихся к единой цели. Они, как правило, — реакция на экстремальные условия, скажем, резкую продолжительную засуху. Более типичными были миграции небольших групп, происходившие спокойно, с определенной скоростью передвижения, по традициям, сложившимся за тысячи лет. Такие миграции способствовали перемешиванию генетического материала и не оказывали слишком сильного воздействия на окружающую среду.

Пустынные горные кряжи, леса и полупустыни вокруг Марсабита и болот Лориан все еще редко заселены. Основное занятие местных жителей — отгонное животноводство. Здесь слоны еще могут совершать сезонные кочевки, тщательно обходя поселения и обрабатываемые участки. Они быстро и бесшумно преодолевают огромные расстояния по ночам. Словно молнии слоны проносятся мимо городов и деревень, оставаясь совершенно незамеченными.

В более южных районах ситуация иная. Приближаясь к горе Кения с севера, замечаешь, что она так же, как расположенные к юго-западу от нее горы Абердэр, окружена кольцом деревень и ферм. Через эту местность проходит железная дорога в Наньюки, пересекающая экватор. Кроме этого, имеется густая сеть других дорог. В 60-х — начале 70-х годов считалось, что миграции слонов в этом районе прекратились: те немногие животные, которых издавна замечали на старом пути кочевков и часто убивали за разорение какой-либо фермы, составляли исключение.

Однако к концу 70-х годов произошло нечто такое, чего защитники природы не могли предвидеть. Еще лет пять до этого во всей Кении отмечалась засуха, и национальный парк Самбуру, расположенный как раз на старом пути кочевков слонов между горами Абердэр и болотами Лориан, жестоко пострадал. Популяция сло-

нов в парке была тогда большей, чем, может быть, когда-либо раньше, поскольку слоны быстро соображают, где их будут охранять, и стекаются в национальные парки и резерваты с обширных соседних территорий. В Самбуру засуха совпала с усилением браконьерства. Слоны из этого района известны своими большими красивыми бивнями, и в условиях открытого ландшафта к этим животным легко подобраться. «Давление» на слонов возросло настолько, что однажды в 1977—1978 гг., когда хлынули дожди, все эти животные внезапно собрались и отправились в путь по направлению к горам Абердэр, к которым по проселочной дороге от Самбуру всего около 200 километров, и этот путь короче, чем до горы Кения (куда добралась часть популяции). Однако им пришлось преодолеть гораздо большее расстояние, поскольку, само собой разумеется, слоны выбирают отнюдь не короткую, а наиболее легкодоступную дорогу и, кроме того, вынуждены обходить поселения и добывать себе пищу. Известно, что по крайней мере от 800 до 1000 слонов менее чем за год вырвались из Самбуру и, словно лавина, устремились к северной части гор Абердэр.

Когда было обнаружено это массовое перемещение, жизнь вышла из обычной колеи. Вероятно, слоны пытались двигаться не привлекая к себе внимания, однако чем передвижение становилось интенсивнее, тем меньше они заботились о тактичности своего поведения, устремляясь напрямик, через фермы и деревни, иногда задерживаясь на несколько дней в садах и огородах, лакомясь вкусными плодами, чтобы подкрепиться перед дальнейшей дорогой. Предпринимались активные попытки отогнать слонов назад, в Самбуру: самолеты и вертолеты пытались с воздуха направлять движение животных; в них стреляли холостыми патронами и петардами. Местные жители дни и ночи напролет били в барабаны, чтобы уберечь свои посадки.

А слоны все двигались вперед. Создаваемые на их пути преграды лишь ненадолго изменяли их маршрут. Ни что не могло заставить слонов свернуть с выбранного направления, идти туда, куда они не хотели. Управление охотничьего хозяйства вынуждено было признать свое бессилие и сделать все возможное, чтобы как можно скорее отогнать слонов к горам Абердэр, стремясь помешать им разорять уголья, где многие животные не прочь были бы задержаться, ведь они привыкли к открытым местностям и не желали углубляться в лесную чащу.

Однако, когда слоны все же очутились там, пришлось срочно расширять и углублять рвы, отделявшие леса Абердэр от земель кикуйю, чтобы воспрепятствовать передвижению слонов в обратном направлении.

Прошло не менее 30 лет со времени последней массовой миграции слонов. Однако они прекрасно помнят об этом пути, хотя с тех пор его пересекла не одна дорога и стерла поля. Культурный ландшафт резко вторгся в мир слонов, а нам остается лишь восхищаться их удивительной остротой восприятия.

Неизвестно, какие ориентиры использовали старые предводительницы слонов, возглавлявшие их движение из Самбуру, но очевидно, что у них были хорошая память и достаточно опыта в этом деле. Не менее замечательно и то, что свои способности слоны могут передавать из поколения в поколение. Словом, очень многие черты у слонов вызывают восхищение.

В 1978—1979 гг. исследования слонов в горах Абердэр предоставили дополнительные количественные данные, благодаря которым удалось отличить пришельцев из Самбуру от местной популяции. Пришельцы, в свою очередь, подразделялись на более дробные группы. В целом же, они отличались более повышенной нервозностью и возбудимостью по сравнению со слонами из Абердэр. Заметна была и внешняя разница: у пришельцев мощные бивни и сами они крупнее, особенно самцы. Все это было отчетливо видно при наблюдении за обеими группами животных у солонца.

Небезынтересно отметить при этом, что слоны разных групп мирно сосуществуют. Они либо не обращают друг на друга внимания, либо тепло приветствуют пришедших, и слонята играют вместе. Отдельные самцы, направляясь мимо, проверяют самок из обеих групп, чтобы выяснить, у какой из них течка, а затем спокойно идут выкапывать соленосную почву, в то время как находящиеся поблизости слонята не проявляют признаков беспокойства, не боятся гигантов размерами с дом и сильных, как локомотивы.

Если вспомнить, какие тяжелые испытания выдержали слоны по дороге в Абердэр, поражаешься тому, как быстро они адаптировались к тихой размеренной жизни в этих горных лесах. Вероятно, хорошим примером в этом отношении им послужили местные слоны. Различия в поведении постепенно настолько сглаживаются, что становится трудно определить (если, конечно, не учиты-

вать внешние признаки), к какой группе относятся отдельные особи или небольшие группы. Слоны из Самбуру уже произвели потомство в лесах Абердэр, а их слонята вырастут в настоящих лесных условиях, и сторонний наблюдатель найдет, что подобный процесс происходил без особых осложнений.

Все это само по себе наглядно демонстрирует не только высокую приспособляемость слонов, но и их четко функционирующую стадную организацию, благодаря чему они могут спокойно существовать как в условиях жаркого и сухого Самбуру, так и в густых горных лесах, и притом без изменений сохранять структуру своей популяции.

Если мне когда-нибудь вновь доведется изучать бонго в горах Абердэр, то я непременно проведу наблюдения и за леопардами, которые меня интересуют не меньше, чем бонго. Леопарды — умные и удачливые звери, возможно поэтому они редко попадаются человеку на глаза. Слухи об их скором вымирании, к счастью, значительно преувеличены. Их сородичи гепарды, которых туристы во время сафари на равнинах видят гораздо чаще, и потому делают заключение, что с этим животным дела обстоят благополучно, на самом деле находятся в большей опасности. Короче говоря, гепард становится редким зверем, поскольку часто встречается людям, а леопард скрывается от них и потому пребывает в полном здравии.

Когда день за днем я прочесывала леса, не встретив ни одного леопарда, я тешила себя мыслью, что многие из них замечали меня. Часто мне попадались свежие следы этих зверей; казалось, всего минуту назад перебежал дорогу леопард и скрылся среди зелени. Знающие люди говорят, что леопард бывает только там, где нет людей.

У доробо есть предание о том, что пятна на шкуре леопарда — это следы всех животных мира. Они дают образное описание и шкуры, и самого зверя, отличавшегося независимым характером и собиравшего следы, которые попадались ему во время путешествий. Он обошел всю Африку и большую часть Азии, где и теперь широко распространен. Следы леопарда можно встретить от берегов океана до увенчанных ледниками гор и в разных природных условиях — от речных долин с их значительными водными ресурсами до полупустынь, зарослей ко-

лючих кустарников у верхней границы леса в холодных горах. Оказалось, что леопард вполне приспособлен также жить поблизости от густонаселенных районов. Это, вероятно, от того, что это животное тесно привязано к своей территории. Часто в предместьях Найроби исчезают собаки, и выясняется, что это поохотился леопард, спустившийся с гор Нгонг.

Единственное требование, предъявляемое леопардом к среде обитания,— это достаточно густые заросли кустарников, где он мог бы, оставаясь незамеченным, выследить добычу. Охотиться же на равнинах он великодушно предоставляет гепарду.

В горах Абердэр такая масса деревьев и кустарников, что леопард чувствует себя среди них как рыба в воде, и человек считает себя удачливым, если этот зверь попадает на глаза. Случается, он промелькнет на поляне или кружит по дороге, не оставаясь подолгу в поле зрения, будто разделяя мнение Марианны Мур, что *superior people never make long visits* (воспитанные люди никогда не задерживаются подолгу в гостях).

Леопард вполне обеспечивает себя пищей и ведет уединенный образ жизни. Детеныши леопарда остаются с матерью до тех пор, пока совсем не подрастут. Бывает, что особи одного пола из одного выводка, став самостоятельными, некоторое время держатся вместе, однако в целом леопард принадлежит к тем кошачьим, для которых свойствен обособленный образ жизни. Самец дружелюбно относится к самке только в период течки, и иногда они вместе проводят несколько суток. Но и в такие периоды я могла глядеть на леопардов не больше, чем полсекунды.

Леопард, имевший участок поблизости от гостиницы «Ковчег», был самым крупным из всех, каких я когда-либо видела. Роскошный самец с широкими плечами и большой головой. Его пушистая, богато разукрашенная шкура была в прекрасном состоянии. Этот зверь был таким холеным, что, казалось, уподобляясь Нарциссу, он должен подолгу созерцать свое отражение в потаенных источниках, откуда пил воду.

Самка, с которой леопард временами общался, была гораздо ниже ростом и не столь массивна. Иногда оба появлялись на краю опустевшей поляны у гостиницы «Ковчег» и вместе подкарауливали какое-нибудь животное. Возможно, тогда они настолько были увлечены друг другом, что сидеть вместе в засаде представлялось им

продолжением любовной игры. В обычное время каждый из них охотился порознь.

Существует мнение, будто леопард ведет преимущественно ночной образ жизни. Вероятно, в других местах это и так, но не в горах Абердэр, поскольку здесь он чувствует себя в безопасности, и его можно увидеть в любое время суток, но чаще всего утром и ближе к вечеру, а на охоту он выходит по ночам. В лесах Абердэр для него много пищи, в его распоряжении имеются антилопы разных видов, иногда буйволенок, свиньи трех видов, павианы (по-видимому, представляющие собой особое лакомство) и масса мелких животных, вплоть до крыс и полевок. Леопарды не пренебрегают и птицами. В горах Абердэр ему предоставляются такие прекрасные лакомства, как лесной франколин и франколин Джексона¹¹. Леопардов пытались подразделять на лесных и равнинных. Отмечалось, в частности, что первый из них ниже ростом, но это не подтверждается на примере описанной мной прекрасной особи¹², обитающей близ гостиницы «Ковчег».

Часто шкуры лесных леопардов отличаются темным цветом и густо расположенными пятнами. Согласно данным по другим районам Африки, горным леопардам, обитающим на высотах свыше 2900 метров, в той или иной степени присущ меланизм. В горах Абердэр меланизм обычно наблюдался у генет и сервалов¹³, но, как ни странно, ни разу у леопардов. Никто не встречал там «черную пантеру»¹⁴. Даже на горе Кения нет таких леопардов, тем не менее знаток этого района Раймонд Хук, оперируя сведениями по другим горам Кении, рассчитал, что по крайней мере один из восьмидесяти леопардов, встречающихся в высокогорных районах, в том числе в горах Кения и Абердэр, должен быть черным.

Вопрос о меланизме, полном или частичном, подводит нас к другой загадке гор Абердэр — к обитающей там небольшой популяции львов. Это действительно тайна, особенно если учесть, что значительные высоты, холодный климат и густая растительность обычно никогда не привлекали этих животных, к тому же прежде, особенно в 20—30-е годы нынешнего столетия, ходил слух, что в горах Абердэр, вероятно, обитает особый подвид (некоторые говорили даже о виде) — горный лев, отличавшийся меньшими размерами по сравнению с львом

саванн и тем, что у взрослых особей на шкуре были темные пятна. Две шкуры с темными пятнами, снятые с убитых в горах Абердэр львов в начале нашего века, бесспорно принадлежали низкорослым, но вполне взрослым особям с развитыми гривами. «Пятнистый лев» послужил стимулом для полета фантазии. Англичанин Кеннет Гендер Дауэр потратил немало времени и средств, чтобы раздобыть такое животное. Единственным итогом этих усилий стала занимательная книга, которая так и называется «Пятнистый лев» (Dower, 1957).

Как известно, на шкуре львят имеются красивые, похожие на розетки пятна, у взрослых молодых львов их можно различить на брюхе и бедрах. Однако, как правило, они впоследствии исчезают. Было бы действительно весьма интересно отыскать популяцию львов, на шкуре которых пятна сохраняются всю жизнь и у которых, возможно, есть и другие отличительные признаки. Это был бы прекрасный сюжет для книги.

Доробо пошли навстречу Дауэру и сообщили ему, что знают одного такого льва. Они называли его «марози». Затем выяснилось, что и другим горным народам известны подобные звери, вероятно, мифические. Например, упоминали о звере, представлявшем собой нечто среднее между львом и леопардом, а в долине реки Убанги есть аналогичное животное, именуемое «бақанга». В окрестностях вулканов Муфумбиро водится хищный зверь, именуемый «икимизи» — также полулев, полулеопард.

Все это чрезвычайно заинтересовало Дауэра, и он с энтузиазмом взялся за дело. Ему пришлось немало помокнуть под холодными ливнями в горах, пока он не обнаружил следы, которые с натяжкой можно было бы приписать взрослому, хотя и меньших размеров, чем обычный, льву. На какое-то потрясающе короткое мгновение удалось перехватить взгляд промелькнувшего в зарослях низкорослого льва, казавшегося темнее обычного и, возможно, даже пятнистым.

После того как все попытки Дауэра поймать хотя бы одного такого зверя оказались неудачными, он был вынужден отбросить свою затею и прийти к выводу, что если в горах некогда и существовала популяция пятнистых львов, то со временем она настолько смешалась с массой обычных (которые в свою очередь были отеснены в горные леса и на верещатники из предгорий, где расширились площади полей и поселений), что теперь уже нет надежды отыскать хотя бы одну такую особь.

Обнаруженные впоследствии животные по цвету и размерам были совсем нехарактерными. Возможно, упомянутые шкуры львов, на которые опирается приведенная выше версия о частичном меланизме, говорят о каком-то исключении, поскольку меланизм среди львов вообще не известен.

После того как поиск пятнистых львов изжил себя, распространилось представление о существовании обычных львов в зарослях вересковых. Там, наверху, в холодной среде у них якобы развивается такой волосяной покров, который делает их похожими на шотландских пони. Мне было трудно поверить, что львы вообще могут жить в столь неблагоприятной для них среде, пока я не увидела их там своими глазами.

На вездеходе я проехала через лес, пересекла бамбуковый пояс и выбралась на верещатники. Высоко в небе одно за другим проплывали дождевые облака, а в ручьях, рассыпаясь, звенели льдинки. На мне были свитер и плотная куртка, на голове платок и тем не менее я сильно замерзла. Мы находились на высоте более 3000 метров. Я озиралась вокруг в поисках темных сервалов, которых видела здесь прежде, а также приглядывалась к интересовавшим меня цветам и птицам. Внезапно мой проводник Кимати остановился. Мы оба молча устали на заросли гигантских верескоцветных, уходящих вниз от нашей тропы. (Позже Кимати сказал мне, что за 25 лет работы в национальном парке он никогда не видел львов.)

Они лежали там — две львицы, наполовину скрытые в высоких зарослях. Как только мы остановились, они совершенно скрылись в зарослях, однако можно было разглядеть морду одной из львиц, следившей за нами из своего убежища. Мы долго ждали, но ничего не изменилось и наконец уехали, а вернувшись туда через пару часов, не обнаружили никаких признаков пребывания львов на верещатниках. Можно было бы побродить среди вересковых зарослей в тех местах, где были видны просветы, но ни у меня, ни у Кимати не возникло желания совершить такую прогулку.

Зверь, которого мы наблюдали одно мгновение, был дозольно низкорослым, но не очень маленьким, оливкового цвета (так выглядят намокшие под дождем львы), однако я не заметила никакого сходства с шотландским пони. Сначала мне показалось, что львам было холодно и неудобно. Судя по их манере передвигаться и крайней

настороженности, ясно, что по крайней мере у одной из львиц имелись детеныши.

Бедняги, подумала я, ведь им действительно не повезло: животные, приспособленные к существованию в саванне, вынуждены обитать в этой холодной глуши. Впрочем, никаких других лишений, кроме холода, они не испытывали: недалеко от них паслась группа водяных козлов¹⁵, кроме того, для верещатников характерны постоянные популяции горных тростниковых козлов¹⁶ и антилоп-дукеров, туда иногда забредает стадо буйволов. Львы предпочитают хорошо просматриваемые на большие расстояния верещатники лесам, где эти звери встречаются лишь эпизодически, да и то преимущественно во время миграций.

Однажды мне довелось услышать предположение, что все львы в горах Абердэр ведут кочевой образ жизни, но, поскольку я почти уверена, что у одной из увиденных мной львиц были детеныши, я склонна думать о наличии в этих горах постоянной популяции львов с определенным распределением участков.

Больше я никогда не встречала здесь львов. Вверху, на верещатниках, эти животные настолько скрыты от глаз наблюдателя, что там можно, ничем не рискуя, ходить пешком и располагаться лагерем. Однако львы в горах Абердэр водятся и составляют неотъемлемую, хотя и невидимую частицу природы, намного увеличивая ее притягательную силу.

В горных лесах, возможно, скрывается еще одно редкое животное из семейства кошачьих. Однажды там была обнаружена шкура предположительно золотой кошки (западноафриканского лесного кота). Она действительно имела золотисто-коричневый цвет и была несколько больше домашней кошки. Известное до сих пор крайнее восточное место обитания рассматриваемого животного — плато Мау расположено недалеко от гор Абердэр (а сама кошка ведет довольно скрытый образ жизни), так что вполне можно предположить, что она обитает также и в этих краях.

Выслеживая сервалов, я одновременно с большой надеждой искала и золотых кошек. На верещатниках, по видимому, преобладают темноокрашенные особи, и, когда видишь там черных, как уголь, длинноногих кошек, с большими ушами, крупнее, чем домашние, кажется, что это совершенно другой вид, а не великолепная желтая кошка с изящными черными пятнами и резкими попереч-

ными полосами на хвосте, которую, если очень повезет, можно встретить в нижних поясах гор.

Меланизм наблюдается также у генеты, которая стоит близко к мангустам. По внешнему виду и повадкам она похожа на кошку: ловко лазает по деревьям, с аппетитом пожирает птиц и их птенцов, охотно пьет молоко. В горах Абердэр обитает пятнистая генета, обнаруживающая довольно большую изменчивость окраски. В лесах основной фон ее шкуры светло-желтый или бежевый с крупными темно-коричневыми пятнами, которые расположены так, что образуют широкие полосы. В выводке бывает один или два совершенно черных детеныша. Считают, что по крайней мере 10, а возможно, и больше процентов от всей популяции генет в лесах Абердэр составляют темноокрашенные особи.

Генета — это наглядный пример животного, ведущего исключительно ночной образ жизни, поэтому ее днем в лесу не заметишь. Но их нетрудно застать на поляне у гостиницы «Ковчег». Это относится также к белохвостому и, реже, к водяному мангусту. Третий вид мангуст, пушистохвостый, встречается даже днем.

Среди других небольших животных, которые обитают в горах Абердэр, отметим африканского зайца и дикобраза. Оба ведут ночной образ жизни. Днем можно увидеть самую красивую в мире мыш, полосатую травяную, а также лазающую мыш, которую мне не удалось определить до вида (я наблюдала, как она лазила по кустарникам высотой более четырех метров)¹⁷. В последнее время здесь распространилось чужеродное животное — южноамериканская нутрия, которую в 30-х гг. завезли на зверофермы ради получения меха. Во всем повторился эксперимент с разведением ондатры в Финляндии: результат не оправдал надежд, а сбежавшие особи быстро расселись по водоемам. Правда, в горах Абердэр нутрия еще не распространилась слишком широко.

Самый распространенный хищник в лесах Абердэр — гиена. О том, насколько эффективно она охотится, я могла составить представление, сидя однажды вечером у окна гостиницы «Ковчег».

Почти всякий раз у солонца разыгрываются драмы, особенно в ненастную погоду. Вот и тогда то и дело принимался лить дождь, клубился туман. На поляне было

тихо. Три буйвола топтались в грязи, и неподалеку стояла молодая буйволица.

Обитавшая вокруг гостиницы стая гиен состояла примерно из 12 особей, но обычно только две из них каждый вечер выходили выслеживать чутких бушбоков.

В половине десятого гиен стало больше. Внезапно две из них напали на буйволицу, укусив ее сзади. Они повисли на ней, продолжая вгрызаться. Буйволица закружилась на месте и стала бить копытами. Вскоре ей удалось стряхнуть с себя гиен и зайти по колени в воду. Обе гиены убежали, но две другие направились вброд к буйволице и вцепились зубами в то место, где была кровоточащая рана. Буйволица замычала и затрясла головой, а к ней одна за другой уже спешила вся стая, и каждый зверь отрывал кусок мяса от ее бедра. Буйволица не предпринимала никаких попыток защищаться рогами, не двигалась, стоя на месте с потухшими невидящими глазами, будто находилась в состоянии глубокого шока, и в конце концов, когда почти все ее бедра были обглоданы, упала головой в воду.

С начала нападения и до этого момента прошло примерно 25 минут. Еще до того как она утонула, гиены через анальное отверстие вырвали ее внутренности. Казалось, они знали, что их жертва не станет защищаться и поэтому не пытались броситься ей на шею, как это часто делают.

Вся стая собралась вокруг туши, более чем наполовину погруженной в воду, и гиены принялись грызть голову. Под кожей у буйволицы просматривался тонкий слой жира, что указывало на хорошее здоровье. Затем гиены под дикий вой, огрызаясь и царапаясь, принялись за остальные части и в считанные секунды добела обглодали ребра. Насытившиеся, покачиваясь, они выбрались на берег, тогда как остальные еще дожирали видневшуюся из воды тушу.

Пока все это происходило, прочие звери, находившиеся на поляне, вели себя, мягко говоря, поразительно. Все бушбоки исчезли, но три буйвола оставались на своих местах и мрачно пялили глаза на то, как заживо пожирали их соплеменницу. Группа слонов, обычно легко возбудимых, продолжала заниматься каждый своим делом, словно ничего не случилось. Носорог, появившийся в самый разгар драмы, спустился к водоему и стал пить прямо напротив убитой буйволицы, не обращая на нее внимания, хотя над водой наверняка витал запах крови. Он

лишь оттолкнул в сторону подошедшую к нему слишком близко гиену и продолжал утолять жажду.

Наутро видны были лишь торчащие из воды дочиста обглоданные ребра и позвоночник. Просто не верилось, что всего восемь часов назад здесь, на поляне, стояла здоровая, полная жизни молодая буйволица. Когда совсем рассвело, гиены убралась в лес и вернулась лишь после полудня.

Голодные, они бегали вдоль берега, но только с наступлением темноты одна из гиен, а за ней еще две с явным неудовольствием направились вброд к лежащей под водой части туши. Чтобы добраться до остатков мяса, гиенам приходилось окунать голову. Эта малоприятная процедура прерывалась громкоголосой перебранкой, всплесками воды и отвратительным воем.

Наблюдая за тем, как пять гиен в воде грызут тушу, а остальные, помахивая хвостами, носятся по берегу, некоторые туристы, остановившиеся в гостинице «Ковчег», высказывали удивление, почему гиены не сообразили общими усилиями вытащить тушу на берег на радость всей стае, что удалось бы им без труда. На этот счет я могла лишь заметить, что нам, людям, наверное, везет: если бы гиены умели принимать какие-либо решения, вряд ли мы находились бы здесь. Если бы такие сильные и выносливые хищники, которые к тому же охотятся стаями, обладали способностью делать логические заключения, то человеку не поздоровилось бы, отойди он от своих плантаций и поднимись на открытые участки гор. Многие звери гораздо сильнее человека, однако, обладая быстрой сообразительностью и способностью оценивать ситуацию, он вышел победителем в состязании с животными.

Пищей для хищников в горах Абердэр служит целый ряд растительноядных животных. Кроме бонго здесь обитает еще шесть видов антилоп. (Я ограничиваюсь только территорией национального парка и не учитываю западный склон гор, куда иногда заходят животные равнин.) Среди крупных млекопитающих наиболее распространена антилопа бушбок, по численности занимающая второе место (после буйвола).

Бушбок имеет обширный ареал к югу от Сахары и характеризуется большой региональной изменчивостью по внешнему облику и поведению. В разных ситуациях было описано до 40 подвидов этого животного! Все они

предпочитают заросли кустарников. Мой опыт также говорит о том, что бушбока легче всего увидеть среди густой лесной растительности и труднее — в разреженных кустарниках, где он пронесется, словно молния. Значит, это настоящая лесная антилопа, которая чувствует себя в наибольшей безопасности там, где вокруг густая зелень.

Я встречала бушбоков во многих местах Восточной Африки, в Замбии и в дельте Окаванго, но животных, которые мне там попадались, всегда что-нибудь пугало, и они с бешеной скоростью пронеслись мимо и исчезали из поля зрения. Поэтому здесь, в парке Абердэр, мне было нелегко привыкнуть к созерцанию бушбоков, спокойно расхаживавших на полянах и в лесах среди буйволов, бородавочников и носорогов. Кроме того, чисто внешне они отличались от бушбоков Южной Африки, которые ниже ростом, с более короткими ногами, с отчетливыми белыми пятнами на красной шкуре. В горах Абердэр эти антилопы длинноноги, стройны, у них более или менее отчетливо выражены полосы и меньше белых пятнышек. Взрослые самцы приобретают темную, почти черную окраску, чего я никогда не наблюдала в Южной Африке.

В то время как в Южной Африке бушбоки почти всегда встречаются парами или поодиночке, в лесах Абердэр, как мне показалось, они держатся небольшими стадами. Можно подчас увидеть 10—15 особей на одной поляне. При более внимательном наблюдении видно, что животные пасутся, соблюдая определенную дистанцию, и чаще всего держатся парами.

Ко всему окружающему бушбоки относятся с предельной чуткостью, которая наряду с быстротой реакции и бега только и может спасти их от гиен, леопардов и других хищников. Рога есть только у самцов, у самок же, если и бывают, то недоразвитые или деформированные.

В лесах и на горных верещатниках Абердэр обитает антилопа водяной козел, представляющий собой особую группу антилоп. Он встречается также в других частях Африки, но в условиях более теплого климата производит странное впечатление из-за длинного густого меха. Зато в прохладной среде гор Абердэр водяной козел чувствует себя превосходно. Здесь для него условия идеальные, тем не менее он встречается отнюдь не так часто, как можно было бы ожидать, особенно по сравнению с

нижележащими долинами рек, таких, как Луангва и Руфиджи.

Горы Абердэр — один из немногих районов, где представляется счастливый случай увидеть суну¹⁸ — одну из самых маленьких, размером с зайца, африканских антилоп. Она вовсе не редко встречается в пределах своего довольно ограниченного ареала в Восточной и Юго-Восточной Африке, но благодаря небольшим размерам и защитной коричневато-серой окраске его легко проглядеть, тем более что он предпочитает густые леса и заросли кустарников. Суну выглядит очень беззащитным на своих ножках-карандашах, кажется чудом, что он дожил до нашего времени. Однако на самом деле он не так уж и беспомощен. Животное, сохранившееся в ходе эволюции, несомненно, обладает жизнеспособностью и вполне приспособлено к существованию в своей особой экологической нише. Сила суну заключается в его мастерской способности становиться невидимым, кроме того, вся жизнь этих антилоп протекает на ограниченном участке, где им известен каждый миллиметр.

Над верхней границей леса, на горных верещатниках обитают два вида антилоп, которые иногда встречаются вместе с небольшими группами водяных козлов. Это горная редунка, довольно мало известная, с ограниченными ареалами в горах южной Эфиопии, Судана и Кении, и обыкновенный дукер, который, напротив, встречается к югу от Сахары повсеместно, кроме густых лесов. Эта антилопа приспособлена к самым разным природным условиям и является одной из немногих, сосуществующих с человеком, поскольку она обитает, скрываясь, по краям полей и по ночам совершает вылазки на эти поля, в чем сходна с кистеухой свиньей. Дукеры осваивают и другие места обитания — от пустыни Калахари до холодных скал на высотах свыше 3000 метров.

Обыкновенный дукер, впрочем, — единственный представитель антилоп-дукеров, который приспособлен к довольно открытым типам ландшафта. Все другие виды этого подсемейства (а их не менее 14) — четко выраженные лесные антилопы. В горах Абердэр водится красный дукер. Полагают, что и осторожный западноафриканский желтоспинный дукер также встречается там. Ведь известно, что он обитает (или, вернее, совсем недавно расселился) в горах Мау, к западу от Абердэр. Пока горы Абердэр ревниво хранят свою тайну, и тем более заманчивы прогулки по лесам, есть о чем помечтать.

Правда, чтобы увидеть красного дукера, не требуется особого везения. С блестящей медно-красной шкуркой и слегка выгнутой спиной, с черной полоской, идущей от лба к носу, и небольшими острыми, темными, направленными назад рогами, этот дукер — чрезвычайно пугливое животное. Он никогда не подходит близко к лесной гостинице, но его видишь мчащегося к какой-нибудь поляне или, в редких случаях, пересекающего вам дорогу.

Насколько обособлены отдельные лесные массивы, можно судить по тому факту, что на близлежащих горах Кения и Элгон водится другой дукер — чернолобый, которого нет в Абердэр. Красный дукер редко встречается на высотах более 2500 метров, тогда как чернолобый обитает выше указанной отметки.

Дж. Вильямс (Williams, 1967) считает, что, возможно, в Восточной Африке будут обнаружены и другие, пока не известные дукеры. Я сама мельком видела в бамбуковом поясе дукера, которого не удалось определить. Это еще один небольшой комментарий к описанию тех возможностей и тайн, которые делают горы Абердэр столь привлекательными и порождают столько иллюзий¹⁹.

Мы спустились вниз от верещатников и только что вошли в бамбуковый пояс на высоте около 1750 метров. Кимати и я одновременно увидели дукера, который застыл на мгновение, а затем нырнул в зеленую чашу и исчез.

Он был не столь интенсивной окраски, как красный дукер, и не имел черной полосы на морде. Возможно, это был красный дукер необычной окраски, случайно забредший на такие непривычные для него высоты. Кимати, видевший прежде много дукеров, уверен, что такого он никогда не встречал; это заключение было тем более удивительным, что обычно он вежливо соглашался со мной. Вероятно, я так никогда и не узнаю, какой из дукеров попался нам на глаза, хотя для себя решила, что, если мне когда-нибудь еще придется выслеживать бонго в бамбуковом поясе, я продолжу наблюдения и за дукерами.

Прошло очень много времени с тех пор, как люди покинули леса, и теперь трудно завязать настоящее знакомство с обезьянами, которых мы обогнали в развитии и оставили жить в лесах. Ныне там обитают три вида:

павиан, изящный черно-белый колобус и мартышка Сайкса, подвид коронованной, или голубой, мартышки. Окружающая среда вполне подходит и для горных горилл: здесь есть, например, все растения, которыми они питаются, но, насколько известно, сами животные никогда тут не встречались. Крайнее восточное местонахождение их давно установлено: на западе Уганды (сохранились ли они там до сих пор, не выяснено) и в районе зулканов Вирунга в Руанде и Заире.

Среди приматов горилла и шимпанзе считаются наиболее близкими к человеку, но развитие этих обезьян несколько миллионов лет назад пошло самостоятельным путем. Человек произошел не от современных обезьян, основные формы которых имеют не более древний возраст, чем люди, а от более архаичных и менее специализированных приматов. Эта тема затрагивается в разделе о Серенгети, а здесь я упоминаю гориллу только в связи с теорией, которая основывается на том, что горилла и шимпанзе в ходе эволюции частично регрессировали, остались в лесах, площадь которых сократилась, тогда как древние человекообразные обезьяны при резких климатических изменениях на заре истории человека рискнули выйти на открытые плато.

В этой теории есть свой смысл. Лес играет защитную роль, но вместе с тем и изолирует. Там в избытке имеются травы, плоды, ягоды и съедобные корни во все времена года, и, пройдя днем несколько километров, обычная обезьяна без особых усилий может обеспечить себя пищей. Наибольшая опасность исходит от леопардов, но в лесу много высоких деревьев и укромных убежищ. Густая и теплая шерсть защищает от холода. Во влажных лесах равнин и в окутанных облаками горных лесах сквозь деревья пробиваются солнечные лучи, согревающие обезьян.

Без чувства созидательной неудовлетворенности обезьяна вряд ли бы нашла повод покинуть леса. В те времена, когда далекие предки людей расселялись по открытым плато, а площадь лесов подвергалась значительным изменениям, гориллы отступали все дальше в глубь лесов и их развитие там приостановилось. В этом плане не исключено, что горилла может вымереть естественным путем. Ведь в процессе эволюции человек определил многих своих сородичей из мира обезьян, и прежде всего других близких гоминидов, которые были обречены на вымирание. На заре антропогенеза существова-

ло немало форм гоминидов, но выжил только один человек.

Хотя в генетическом отношении горилла стоит ближе всего к человеку, многие исследователи полагают, что человек унаследовал больше от павиана, если учесть в какой-то мере материалы по ранней истории антропогенеза. Подобно людям, павианы успешно освоили самые разные типы природной среды, и их образ жизни приспособлен к этим типам. Павиан также сходен с человеком по своей всеядности: исследователи установили, что он потребляет не только любую вегетарианскую пищу, но столь же охотно и мясо, если ему удастся его добыть. Более того, некоторые павианы активно отлавливают детенышей антилоп и пожирают их. Такое поведение представляется явно приобретенным, поскольку установлено, что одни группы павианов едят мяса больше, чем другие. На основании имеющихся фактов исследователи предполагают, что потребление мяса становится все более обычным для павианов в естественных условиях.

Иногда выдвигались гипотезы, что мало специализированный привычный пищевой рацион дает людям еще одно преимущество перед остальными приматами и другими строго вегетарианствующими гоминидами. Любители мясной пищи легче освоить чуждые природные обстановки, где флора неизвестна, и выжить. Соответственно павианы, обитающие на краю саванны, должны потреблять больше мяса, чем павианы, живущие в глубине леса, и поэтому возникло предположение, что лесные павианы — исключительно вегетарианцы. Но однажды я наглядно убедилась в том, что это не абсолютное правило.

Вместе с Кимати мы совершали обход леса. Мы спустились с горки на вездеходе с отключенным мотором. Из леса до нас донеслись возбужденные гортанные звуки. В них чувствовалась какая-то таинственность и тревога, так что в первый момент мы решили было, что это браконьеры. Кимати наляг слух, чтобы расслышать, о чем они говорят, и усмехнулся. «Это павианы!» — воскликнул он.

Мы осторожно миновали поворот и увидели примерно 15 павианов, собравшихся вокруг животного, которого мы вначале не узнали. Павианы еще сильнее закричали, увидев, что мы приближаемся, и спрятались в зарослях кустарников, откуда стали глядеть на дорогу. По-

близости на деревьях сидело еще 20—30 павианов. Следовательно, всего их было около 40 в группе, что обычно характерно для гор Абердэр. Еще немного павианы оживленно «переговаривались», а затем сразу замолкли, и стало так тихо, что слышно было дыхание стоявшего на дороге животного.

Это был буйволенок, родившийся не более получаса назад, с кровотокающей пуповиной. Слизь, заполнявшая ноздри, пузырилась и мешала ему дышать, поэтому он фыркал, стараясь освободиться от нее. Буйволенок пошатывался на широко расставленных ножках, падал, пытаясь шагнуть вперед. Потом поднимался, с каждой минутой координация его движений становилась надежнее, скоро он смог сделать несколько шагов не падая.

Это был отважный буйволенок, который имел шансы выжить, если бы его не бросили на произвол судьбы. О том, что случилось с его матерью, можно было лишь строить догадки. Поблизости мы не обнаружили ни одного стада буйволов, и трудно было представить себе, чтобы какой-нибудь хищник убил беременную буйволицу и не польстился на новорожденного. Буйволицы крайне редко погибают при родах. Даже если бы она, вопреки всем предположениям, погибла и теперь лежала мертвая где-нибудь поблизости, буйволенок обязательно оставался бы возле нее. А он был совершенно один. Возможно, буйволица рожала впервые и не поняла, что с ней происходит, поэтому бросилась вдогонку за ушедшим стадом (что испугало животных, нам неизвестно), и плод выпал из нее.

Буйволенок подошел к нашему вездеходу и прижался к нему, инстинктивно готовый следовать за первым крупным предметом. Он тщательно обследовал колеса и доверчиво прижался мордой к капоту. Когда мы тронулись в путь, он побежал за нами, и мы снова остановились. Однако ничего нельзя было поделаться: ведь сама идея национальных парков такова, что люди (и особенно случайные посетители) не имеют права вмешиваться в их природу. Мое женское сердце сжалось, когда машина прибавила скорость и двинулась от буйволенка, скакавшего на своих маленьких желтых копытцах, — мужественного в своем отчаянии и такого одинокого в этом мире.

За поворотом еще было видно, что павианы-самцы вновь сели на дорогу, выжидая, когда мы скроемся.

Оки, конечно, намеревались схватить буйволенка, но мы помешали им, и теперь готовы были олять взяться за дело, как только мы удалимся. Подобное поведение было несвойственно павианам. Мне никогда раньше не приходилось слышать, чтобы эти животные общались, издавая звуки, да еще столь неприятные. Похоже, они что-то обсуждали, возбужденные голоса указывали на их намерение совершить нечто для них необычное, но привлекательное.

Боюсь, смерть буйволенка была ужасной, так как павианы неопытные убийцы. Вероятно, они вообще предприняли нападение лишь потому, что видели абсолютную беспомощность своей жертвы. Некоторые павианы в этой стае наверняка пробовали мясо впервые, и было бы интересно узнать, понравилось ли оно им?

Павианы никогда полностью не переходят на мясную пищу; у них сильная потребность в овощах и зерне. Когда Джейн Гудолл изучала мясоедство у шимпанзе, она наблюдала, например, что они впихивали в рот листья с кусочками мяса; совсем как люди накладывают овощи и салат на тарелку.

Самая красивая в лесу обезьяна — черно-белый колобус (*Colobus abyssinicus*)²⁰. Он отличается от других обезьян, тем, что у него только четыре (нет большого) пальца. Колобусы лазят по деревьям, прыгают между ними и забираются выше, чем павианы и мартышки Сайкса. Особенно впечатляют их акробатические прыжки вверх (до 10 метров) с дерева на дерево. Возможно, иногда колобусы, ошибочно определив расстояние или потеряв опору, падают. Но они не думают об опасности, когда носятся между деревьями. На фоне голубого неба капюшон и хвост колобуса сверкают белизной, с ними контрастирует остальная часть туловища, черная, как уголь.

Красота колобуса обернулась для него бедой. В горах у кикуйю часто холодно и спрос на меха был большой. Из шкуры колобуса изготавливали головные уборы и плащи.

Мартышка Сайкса, может быть, не столь известна, как колобус, но это во всех отношениях привлекательное существо: у нее могучий рост по сравнению с другими мартышками, красиво обрамленная морда, каштановая спина и светлое брюхо. В горах Абердэр эти мартышки встречаются от верхней границы леса до бамбукового пояса на высоте 3000 метров. Их видишь сидящи-

Мы на стеблях бамбука и сосредоточенно очищающими побеги, которые они затем съедают.

Изучение птиц приводит к мысли, что когда-то горные леса Восточной Африки представляли собой единый лесной пояс. В этих горных лесах встречаются всевозможные виды и подвиды птиц, которых нет в других местностях Восточной Африки, но которые представлены в обширных лесах Западной и Центральной Африки.

Десятки тысяч лет назад существовал единый лесной пояс, о чем свидетельствуют успевшие сформироваться в горных лесах разновидности, подвиды и даже самостоятельные виды птиц²¹. У некоторых видов (например, у представителей родов дроздов и белоглазок) есть четко выраженные подвиды в горных ущельях, удаленных на 30—40 километров одно от другого.

Занимаясь птицами, а также флорой гор Абердэр, можно прийти к выводу, что и эти, и другие горы Восточной Африки следует рассматривать как экологические острова, имея в виду не только деятельность человека в окружающих районах, но и различные природные особенности, благодаря которым они изолированы от окружающей территории и существование их флоры и фауны тесно зависит от специфических лесных условий.

Конечно, встречаются птицы, вполне приспособившиеся к различным типам среды, но здесь я ограничусь рассмотрением прежде всего типичных лесных видов.

Среди представителей семейства утиных встречается абиссинская черная утка с отливающими жемчугом белыми пятнами, которая стремительно, словно баклан, ныряет в бурные воды горных ручьев. Горные леса укрывают также редкого и загадочного зеленого ибиса. У водоемов обитают различные кулики, среди них — африканский бекас и чернокрылый чибис.

Над нами парит множество хищных птиц. Наиболее обычный — рыжий канюк, который здесь выглядит красивее, чем в любом другом месте, — со снежно-белым брюхом, ржаво-красной гузкой, темными крыльями и спиной. Встречаются также совершенно черные, меланистические особи. Выше над горными лесами и верещатниками кружит мохноногий курганник. На меньших высотах можно иногда заметить в лесу обыкновенного канюка. Встречаются ястребы, красные коршуны, а также два вида орлов: хохлатый на меньших высотах и крупный,

Независимо держащийся над горными лесами, венценосный орел — самая большая хищная птица в горах Абердэр. По размерам и силе ее превосходит только воинственный орел в саваннах и разреженных кустарниках. Венценосный орел известен тем, что убивает таких крупных животных, как бушбоки, и, по некоторым сведениям, питает особое пристрастие к обезьянам. Весьма разнообразные мелкие травоядные, разумеется, тоже числятся в его пищевом рационе. Он устраивает себе гнезда на деревьях. Взобравшись на дерево, можно наблюдать за единственным совершенно белым орленком, который лежит плашмя в гнезде, считая себя поэтсму незаметным.

Горы Абердэр — это подлинный рай для голубей. Их там насчитывается одиннадцать видов. Голоса голубей создают акустический фон горных лесов, к которому подключаются крики турако Хартлауба. Увидев впервые в лесу турако, можно обомлеть — так он красив! Его ярко-зеленая и сине-лиловая расцветка неожиданно меняется, когда птица поднимается в воздух и перепархивает, раскрывая алые крылья. Такие же яркие красные крылья есть не только у турако Хартлауба, но и у многих других видов турако.

Турако — дальние сородичи попугаев²². Среди последних в лесах Абердэр обитает только один вид — красноголовый попугай. Он ярко-зеленого цвета, с красным опереньем на лбу. Его можно заметить утром и во второй половине дня, когда небольшая стая в стремительном полете пронесится мимо, издавая резкие, похожие на действующую электродрель звуки.

Из множества красивых африканских шурок в этих горах на больших высотах встречается только один вид — коричнегрудая шурка. Зато можно увидеть два вида птиц-носорогов: крупного черно-белого хохлатого трубача-носорога (иной раз я ошибочно принимала его за колобуса) и меньших размеров более темного венценосного токо, сварливый голос которого заглушает общий птичий гомон.

Огряд сов здесь представлен капской сипухой, крупными африканским и капским филинами (последний — подлинно редкий вид, встречающийся лишь на самых высоких горах Кении).

Порой на одном и том же дереве или кусте удается разглядеть множество птиц, например бородатку, оливкового дрозда, обыкновенного бюльбюля, полосатую птицу-мышь, три-четыре вида мухоловок, краснолицего тка-

чика и два вида чижей. У водопоев встречаются два вида трясогузок часто вместе с другими мелкими птичками.

Редкие виды можно обнаружить в лесах, особенно среди мелких птиц. Для парка Абердэр характерны: исключительно красивый и голосистый кустарниковый сорокопут Догэрти, пестрый абиссинский ткачик, коричневая славка, славка-портниха Хантера и черный ткачик. Многих мелких птичек трудно заметить, и поэтому можно считать, что тебе сильно повезло, если увидишь маленькую пеструю золотобрюхую бородатку, белобровую славку или какую-либо из слявок-аналисов.

На верещатниках и вершинах гор птиц немного: несколько хищников осматривают верещатники, франколин Джексона и бесстрашная горная каменка бегают вокруг водопада, а высоко над ним летают скальные ласточки. У водопада, если повезет, можно также увидеть подлинную редкость — каштановокрылого скворца — бархатно-темную птицу с блестящими ржаво-красными крыльями, длинным хвостом и тонким изогнутым клювом, которая гнездится за водопадом и встречается весьма ограниченно в горных местностях Восточной Африки.

Особая гордость и достопримечательность парка Абердэр — блестящие яркие нектарницы, которые отчетливо выделяются в разреженном чистом воздухе горных лесов. Здесь насчитывается одиннадцать видов этих птиц, но гуляя обычным маршрутом по лесу, наверняка увидишь только золотокрылую и восточную воротничковую нектарницу. Последняя отличается наименьшими размерами и самой пестрой расцветкой среди всех нектарниц Абердэр.

Все эти птицы обитают в горных лесах, и их жизнь не связана с ручьями и ручейками, которые с шумом низвергаются по склонам гор к сухому и жаркому Великому африканскому грабену. Вода их не испаряется и не используется для мелиорации, а стекает в озера, расположенные на дне этого грабена, где фауна птиц совершенно иная. Часто между как будто бы взаимоисключающими и контрастными природными условиями имеется внутренняя связь, и поэтому мы продолжим вертикальный профиль гор Абердэр вниз, до озер Великого африканского грабена.

Путешествуя по Кении, можно изучать различные среды обитания в пределах ограниченной территории.

Накуру и Найваша, находящиеся не слишком далеко от Найроби, представляют собой наглядные примеры двух типов озер Африки. Бóльшее по размерам Найваша относится к немногим пресным озерам, тогда как Накуру является одним из примеров многочисленных более или менее соленых озер Великого африканского грабена, отличающихся повышенной концентрацией натрия.

Присутствие натрия связано с поступлением вулканического пепла в эти озера. Они бессточные, в них осажается материал из водосборных бассейнов. Образующийся раствор весьма благоприятен для развития водорослей, которые составляют основу пищевого рациона малго фламинго. В этом отношении значение натриевых озер очень велико: из мировой восьмимиллионной популяции фламинго по крайней мере половина обитает в Восточной Африке.

Периодически большая часть восточноафриканской популяции фламинго слетается на озеро Накуру, которое в настоящее время является национальным парком. На дне темного ущелья озеро кажется нереально спокойным. Его обрамляет широкая розовая лента — это многие тысячи фламинго. Птицы отцеживают водоросли и микроорганизмы своими специально приспособленными для этого клювами. Далее, в полосе мелководья ловят рыбу флотилии пеликанов, применяя приемы, напоминающие траловый промысел²³. Большие бакланы и большие белые цапли заполняют побережье около тех мест на озере, где в него впадает пресная вода и где меньше содержится натрия. Когда на Накуру слетаются фламинго и пеликаны, только орнитологи-фанатики способны искать другие места для наблюдений за этими птицами.

Накуру — одно из самых богатых птицами озер Африки. На самом озере и в полосе обрамляющих его лесов насчитывается свыше 400 видов птиц — почти непревзойденный рекорд для столь ограниченной территории.

Трудно сказать, насколько Накуру сможет сохранить эту славу в будущем. На его берегу находится быстро растущий город Накуру, который сбрасывает сточные воды в озеро. Кроме того, вокруг него расположен обширный сельскохозяйственный район, откуда в его воды поступает большое количество фосфатов. Оба этих фактора способствуют увеличению массы водорослей, что само по себе не должно нарушать жизнь фламинго.

Тем не менее в 1978 и 1979 гг. в районе Накуру было крайне мало фламинго, многие стаи этих птиц переселились на озеро Богория (прежнее название Хеннингтона), лежащее в более северной части Великого африканского грабена. Возможно, причиной были частые дожди 1977 и 1978 гг., вследствие чего повысился уровень воды в озере и теперь он располагается выше средней отметки. Под водой оказались глинистые и песчаные отмели, облюбованные многочисленными птицами. Затоплены также прибрежные тропы и заросли акаций у самой воды. Но так бывало и прежде. Уровень воды в озере подвержен резким колебаниям: в прошлом площадь его иногда была во много раз большей, чем теперь, а иногда оно почти целиком пересыхало. Оценивая эти изменения в небольшом временном диапазоне, человек начинает вопить: катастрофа! На самом деле озеру Накуру вряд ли угрожает опасность, и можно спокойно наблюдать за происходящими в нем переменами²⁴.

Когда приходишь от изобилующего птицами, пахнущего гуано Накуру к Найваше, заметен резкий контраст. Пресная вода предопределила иной характер растительности. Здесь обширные заросли тростника и папируса, существенно отличается и мир птиц. Вместо пеликанов и фламинго необычайно широко представлены многие виды цапель, утиных и куликов. По богатству видового состава птиц Найваша вполне может соперничать с Накурой.

Поразительно, однако, что видовой состав птиц обоих озер очень сильно отличается, хотя расстояние между ними всего около 70 километров.

Наиболее заметный ориентир в районе Найваши — еще действующий вулкан Лонгонот, расположенный в центре сухого равнинного ландшафта со множеством пасущихся стад, принадлежащих масаям. Горы, возвышающиеся на этой равнине, кажутся нереальными и далекими. Они ограничивают кругозор и географический мир масаев. И сами масаи видят почти непреодолимый барьер между равнинными животными и таинственными существами, скрывающимися в горных лесах.

У меня две шкуры: на одной я лежу,
другая расстилается надо мной.
Что это? Земля и небо.

Масайская загадка

Это началось на равнинах. Наши самые глубокие корни уходят в леса, где возник отряд приматов. Однако полагают, что именно в африканских саваннах произошел крутой перелом в развитии и мы сделались гоминидами, а потом постепенно стали своего рода уникалами, шествуя дальше как единственные представители рода человеческого.

По-видимому, многое в истории нашего развития мы так никогда и не узнаем. Один из интересующих меня вопросов сводится к **выяснению** того момента, когда же, собственно, люди стали выделять себя среди прочих млекопитающих и считать себя уникальными существами, создав легенды о сотворении мира и о том, что человек является повелителем всего живого на Земле. Об этом убедительно свидетельствуют мифы и сказки, к примеру бушменов и других народов мира. Они повествуют о временах, когда все животные (включая и человека) были равны и понимали друг друга.

На заре творения успех, предстоящий человеку в развитии, не был отмечен на его лбу. Среди близких обезьянолюдей мы имели в общем равные возможности. Совсем не две ноги и большой череп ставили нас выше других, и не широкая улыбка была типично человеческим украшением — другие гоминиды также обладали этими качествами. Подобно всем другим животным мы тоже объекты эксперимента эволюции. Следовательно, результат, который мы видим в зеркале, не является ее конечным продуктом, поскольку эволюцию нельзя ограничить минувшим историческим периодом. Но если оглянуться назад, на путь, приведший к нынешней стадии развития, то нас можно рассматривать как своего рода конечный продукт уже пройденных этапов эволюции.

Около 20 миллионов лет назад ряд видов обезьян семейства дриопитековых населял Азию, Африку и Европу. Во многих отношениях они были более похожи на

людей, чем современные обезьяны, потому что прежде всего не были специализированны и сочетали в себе черты, присущие и обезьянам, и людям. Теоретически считалось, что они положили начало и нынешним человекообразным обезьянам и людям.

Примерно 14 миллионов лет назад вычленились первые обезьянолюди, известные под названием рамапитеки, и эта группа включала ряд видов, среди которых по крайней мере один стал ходить отчасти выпрямившись и переселился в более открытые местности. На основании ископаемых, находок обнаруженных в Восточной Африке и Индии, он был признан предком человека, хотя и не исключено, что параллельно развивались и другие виды обезьянолюдей.

Прежде чем сенсационные археологические находки 60—70-х гг. внесли сумятицу в упорядоченную схему, была разработана действительно стройная последовательность перехода от дриопитека к человеку разумному — через рамапитека, австралопитека и питекантропа. Родословное древо выглядело опрятно, пока раскопки супругов Лики в Олдовайском ущелье не показали, что австралопитек жил в одно время с человеком умелым и, следовательно, австралопитек — это не предок, а боковая линия в эволюции человека, которая постепенно выпала из линии исторического развития.

В последующем изложении я не выхожу за пределы последних трех миллионов лет; периода, который археологи представляют себе довольно хорошо, а территориально ограничиваюсь Восточной Африкой, считающейся ныне прародиной человечества. Итак, мы на пути в саванну — среду, открывшую много возможностей для развития прямоходящих гоминид.

В этой главе рассказывается о районе Серенгети — Нгоронгоро в северной Танзании, где расположено Олдовайское ущелье, представляющее собой если не колыбель человечества, то, во всяком случае, место, где было получено больше всего фактов для современного понимания и познания истории первобытного человека. В этом ущелье супруги Луис и Мэри Лики в 50—60-х годах шаг за шагом и слой за слоем добрались до истоков древнейшей истории человечества, до материка из базальтовой лавы, уходящей в глубь веков почти на 2 миллиона лет.

Олдовайское ущелье стало краеугольным камнем, изменившим наши представления о предыстории чело-

Вѣка Благодаря находкам ископаемых костей гоминид. В новейшие времена образовалось глубокое ущелье 50 километров длиной и местами до 90 метров глубиной с четко выраженным напластованием пород, по которым, как на карте, можно выделить климатические периоды. Эрозия обнажила также ископаемые остатки более чем 150 различных видов млекопитающих (многие из них к настоящему времени вымерли), птиц, пресмыкающихся и рыб, а также кости скелетов человека. Четко ограниченные экологические серии отложений и находки вымерших животных, равно как и кости скелетов древних людей в тех же слоях привлекались для калий-аргоновой датировки. Определение возраста с помощью этого более тонкого метода подтвердило первоначальные оценки.

Многие слои памятника, вскрытые на дне ущелья, представляют особенно большой интерес, поскольку в них обнаружены следы древнейших приматов, обитавших в этом районе. В 1959 г. Мэри Лики обнаружила зинджантропа. Из сотен обломков был реконструирован почти полный череп. В том же месте залегало множество каменных отщепов, грубых орудий и расколотых костей ископаемых животных. Возраст зинджантропа был определен примерно в полтора миллиона лет.

Уже в 1960 г. были найдены остатки другого существа с емкостью черепной коробки большей, чем у зинджантропа. Судя по объему черепа, этот гоминид был на шаг ближе к современному человеку, чем к зинджантропу, хотя находка была сделана на том же самом уровне и даже чуть ниже, чем череп зинджантропа. В 1964 г. появилось сообщение об этой находке. Она была названа презинджантроп, или человек умелый (*Homo habilis*).

Постепенно сложилось мнение, что человек умелый и зинджантроп жили в одно время и представляли параллельные линии развития. Зинджантропы понемногу вымерли, тогда как человек умелый продолжал развиваться и этот процесс в конечном итоге привел к становлению современного человека.

Из обнаруженных австралопитеков зинджантроп все не был первым. Более ранние находки их, сделанные в каменоломнях Южной Африки, относятся к 20—30 гг., но лишь остатки зинджантропа удалось точно датировать. Оказалось, что австралопитеки были довольно широко распространены, и в этой области знаний возникла

путаница, поскольку каждый исследователь был уверен, что нашел новый вид и считал необходимым продолжить латинский список гоминид. Все еще идет спор о том, можно ли рассматривать более изящного (грацильного) и массивного австралопитеков как два разных вида или только как подвиды. Имеющийся в распоряжении исследователей исходный материал весьма фрагментарен, и, возможно, вариации в пределах одного и того же вида могли быть значительными.

Много вопросов приходит в голову, пока бродишь по ущелью или рассматриваешь превосходный маленький полевой музей. Если следовать маршрутом от озера Ндуту на северо-запад по Олдовайскому ущелью, то легко представить себе, как выглядела местность во времена человека умелого и зинджантропа. Изучение соответствующих пород в ущелье показало, что на месте нынешнего крайне аридного ландшафта приблизительно два миллиона лет назад находилось озеро, которое питалось водами речек и ручьев, стекавших с вулканического нагорья на востоке.

По берегам озера обитали многочисленные виды животных, в том числе гоминиды. По крайней мере в начале своего пути они вряд ли могли вызвать тревогу среди животных большую, чем появление хищника в наши дни. Когда этот предок человека охотился за добычей, животные спокойно паслись поблизости.

Впрочем, человек умелый был не только охотником. Немало времени он, вероятно, уделял собиранию съедобных растений. Не исключено, что он захватывал добычу у львов или гепардов, заранее изучив повадки этих животных.

Начав охотиться, гоминиды, что называется, вошли во вкус. На стоянках древних охотников встречается много костей очень крупных животных, которые, конечно, не были убиты наповал каменным топором. Надо полагать, первобытные люди сначала загоняли животных в топкие места, где те оказывались беспомощными, или подгоняли их к обрыву. Некрупного зверя охотник мог поймать, утомить долгим преследованием или загнать в ловушку.

Лук и копье появились позднее, и представляется, что орудия первобытных людей часто служили им и оружием, и наоборот. Добычу надо было разделать, снять шкуру, отрезать куски мяса, а кости расколоть. В повседневной жизни требовались каменные орудия, например, камни, чтобы придать тяжесть палке, которую использовали

для выкапывания корней. Существовали орудия из кости и, вероятно, дерева, хотя последние не сохранились в Африке, где термиты пожирают древесину. Известны и каменные орудия. Тогда население было немногочисленным. Преобладали бродячие группы, которые не переносили с собой тяжелые каменные орудия, а изготовляли их на месте новой стоянки.

Способность человека применять орудия общеизвестна. Однако другие животные тоже используют орудия. Разница состоит в том, что человек может изготавливать орудия для определенных целей. Но такая способность едва ли находится в зависимости от объема мозга (мозг достиг своего нынешнего объема не ранее, чем примерно 100 000 лет назад). В большей степени здесь сказалось влияние прямохождения, способствовавшее высвобождению передних конечностей для хватания. Эти свойства получили развитие в то время, когда мозг по объему существенно не отличался от мозга других обезьян.

Современные бушмены проходят большие расстояния во время своих кочевков, чем животные, располагающие постоянными территориями, и легко представить себе гоминид во время соответствующих передвижений вокруг Олдовайского озера. На их ментальных картах озеро, конечно, занимало центральное положение, и мы можем быть совершенно уверены в том, что они детально знали террасы и прилегающую территорию. Карта зарослей кустарников и павнины становилась все более схематичной и преимущественно состояла из ориентиров и направлений между ними, однако территория гоминидов все же была более обширной по сравнению с территорией павианов и других обезьян, обитавших в этих же местах.

Вероятно, интересно было бы присутствовать при встрече двух групп гоминидов. Теперь мы охотно представляем себе первобытных людей как кровожадных людоедов, которые точили свои боевые топоры, чтобы вонзить их в черепа других ликарей. Ясно, что были убийства и набеги так же, как они бывают теперь, но судя по разным фактам, они происходили не систематически. Прежде всего потому, что само население было малочисленно и весьма рассредоточено. Разные группы населяли территории, которые они рассматривали как свои, но это вовсе не значит, что, когда две группы устанавливали между собой контакт, встреча их кончалась кровопролитием. Трудно провести слишком далеко иду-

Шие сравнения между современными бушменами и самыми древними людьми, но, поскольку они вели сходный образ жизни, некоторые особенности поведения бушменов можно использовать как сравнительный материал для выяснения специфики самых древних людей.

Бушмены передвигаются группами численностью в среднем по 25 человек (такие же размеры групп известны и у других групп охотников и собирателей). Группа живет не в изоляции — ее члены активно поддерживают различные контакты с другими группами. Как полагают, одна из причин такого поведения — потребность найти извне брачных партнеров для членов группы: в пределах популяции из 25 человек невелика статистическая вероятность, что каждый родившийся мальчик или девочка найдет себе подходящего партнера. Эти контакты, в свою очередь, приводят к тому, что культура приобретает некоторую однородность на обширной территории, где живут племена охотников и собирателей.

Ориентируясь на бушменов, я полагаю, что разные группы гоминидов в Олдовае поддерживали дружественные контакты между собой. Как и у современных бушменов, территориальные границы не являлись препятствием для прохода.

Подобно современным охотникам и собирателям древние люди в Олдовае вряд ли располагали большим числом стоянок. Им легче было разбить лагерь у какого-нибудь убитого крупного животного, чем тащить домой мясо. В сущности, многие стоянки раннего палеолита были местами разделки туш животных и носили случайный характер. Поскольку древние люди, возможно, имели представление о сезонных миграциях животных, у них существовали и другие, более длительные стоянки, прежде всего в сухие периоды, когда животные были вынуждены спускаться к источнику на воловоп. Они наверняка устраивали стоянки немного выше, в зарослях кустарников, пока мужчины организовывали засаду на животных у самой воды.

Стоянки такого рода известны в Олдовайском ущелье. На одной из них был обнаружен очень ранний тип жилища — уложенные в круг камни. Это «кольцо», вероятно, служило основанием ветрового заслона. Такие же сооружают сейчас и бушмены. Вокруг стоянки находят кости разных животных. — по-видимому, сезонная добыча была относительно доступна.

Геологические напластования в ущелье прежде все-

го свидетельствуют о тысячелетних климатических изменениях. Самые нижние слои, где обнаружены следы зинджантропа и человека умелого, складывались в более благоприятных условиях, когда произрастала пышная растительность, было много воды и животных. Затем наступил сухой период, отмеченный развитием полупустынь. На смену ему вновь пришла благоприятная эпоха с многочисленными признаками заселения, далее — очередной сухой период, время вулканических извержений и активных проявлений других геологических процессов.

Все упомянутые климатические колебания и смены обстановок происходили, конечно, миллионы лет. В наименее благоприятные времена испытывалась способность вида к выживанию. Вид, который мог мигрировать и приспособиться к новой обстановке, найти необходимые источники питания, конечно, имел большие шансы выжить, чем тот, который, не обладая способностью к адаптации, деградировал в изменившихся условиях.

Одна из причин успешного развития человека состоит, вероятно, в том, что у него как у вида отсутствует трофическая специализация. Вряд ли найдется такое место на земном шаре, где человек не мог бы приготовить или добыть себе пропитание. Именно в этом кроется ответ на вопрос, почему мы выжили в ходе эволюции, оставив сопутствующие виды на обочинах пройденного пути. По крайней мере, ту часть австралопитеков, которая была вегетарианцами и соответственно отстала, когда эти источники питания истощились. Таким образом, изменившиеся климатические условия могли быть одной из причин вымирания этих предков человека. Зато человек умелый, будучи всеядным, всегда доставал себе пропитание, вступая в новый этап эволюции.

Впрочем, не только человек пережил критические ситуации в ходе своего развития. Изменения климата нередко сопровождалось вымиранием многих видов животных, потому что им в большей степени, чем людям, присуща трофическая специализация, и развиваясь, они заполняли определенные ниши в экосистеме. Когда они нарушались, для животных оставалось меньше выбора, чем для человека. Оледенения Северного полушария — показательные примеры изменений, которые сопровождались исчезновением целых видов, но даже Африка, где никогда не было никаких ледниковых покровов, испытала изменения климата, которые оказали большое

воздействие на видовой состав фауны. Не все виды животных смогли выжить.

Фауна во времена гоминидов, естественно, сильно отличалась от современной. Примитивные плиоценовые слоны (*Stegadon* и *Stegolophodon*) исчезли в раннем плейстоцене, когда развивались обезьянолюди, тогда как другой древний слон (*Palaeoloxodon recki*), короткошейный рогатый жираф (*Sivatherium*) и трехпалая лошадь (*Stylohipparion*) продолжали развиваться до среднего плейстоцена. В то время они обитали в Олдовае вместе с гоминидами и предками многих нынешних представителей животного мира саванн. В саваннах тогда существовали также крупная лошадь (*Equus oldowayensis*), гигантская овца (*Pelovorus*), гигантский буйвол (*Bularchus*), а в озере — гигантский бегемот с выпученными глазами, известный под названием *Hippopotamus gorgops*.

В конце эоплейстоцена, примерно миллион лет назад, эти животные вымерли, и с тех пор фауна приобрела почти современный облик. На ранней стадии человека нельзя обвинять в уничтожении всех упомянутых видов; надо полагать, что именно климатические изменения положили им конец. По мнению некоторых исследователей, одной из причин могла быть высокая трофическая специализация вымерших форм, занимавших узкие экологические ниши по сравнению с нынешними видами (Leakey, 1979).

Ученые все еще обсуждают, как можно сопоставить между собой оледенения Северного полушария и плювиалы Южного полушария. Эти продолжительные влажные и холодные периоды в Африке приходились, вероятно, на интервалы, приблизительно отвечавшие оледенениям. Например, как уже отмечалось, самый последний плювиал обусловил распространение обширного лесного пояса на большей части Африки, по времени совпадавшего с самым последним оледенением. Правда, и задолго до этого различные климатические периоды сменяли один другой, сухие и жаркие чередовались с прохладными и влажными. При этом одни виды приспосабливались к изменениям и получали шанс выжить (между прочим, полагают, что такие типичные лесные животные, как бонго и окапи, мигрировали на равнину), а другие — адаптировались не столь успешно и отошли в историю.

Как бы ни напоминал сегодняшний Серенгети зате-

Рянный во времени ландшафт, словно неизменявшийся с начала сотворения мира, необходимо иметь в виду, что пейзажи и животные, приковывающие наше внимание, вовсе не походят на те формы, на которых останавливался наблюдательный взор человека умелого. Район Ндуту в юго-восточном углу Серенгети имеет, как мне представляется, наибольшее сходство с ландшафтами первобытной эпохи, поэтому я и выбрала его в качестве базы, тем более что он занимает стратегически важное положение между северо-западными частями Серенгети и горами Нгоронгоро на востоке.

Озеро Ндуту (другое его название Лагая) и соседнее небольшое озеро Масак находятся в конце Олдовайского ущелья, в том месте, где оно утрачивает облик ущелья и представляет собой неширокую котловину. Озера лежат в нижней части котловины и отличаются водой с повышенным содержанием натрия. Вода настолько мягкая, что кажется маслянистой, а после купания ощущаешь, словно не смыл как следует мыло. Волосы приобретают более светлый и даже рыжеватый оттенок. По берегам озер отлагается белый налет соды. Впрочем, воду из озер пьют все животные и люди, хотя требуется время, чтобы желудок привык к ней.

Вокруг озер местность разнообразна по своему ландшафту. Густые заросли кустарников, в которых водятся весьма интересные некрупные животные, сменяются более разреженными колючими кустарниками, посещаемыми жирафами; голые склоны облюбовали разные антилопы; топкие низины, где очень удобно наблюдать за птицами и почти всегда можно увидеть льва и гепарда, переходят в небольшие лесные массивы у озера Масак, и, наконец, во все стороны расстилается обширная саванна, которую во многих отношениях рассматривают как наилучший пример естественной травянистой формации, сохранившейся в ненарушенном состоянии.

С вершины холма над озером Ндуту видно эту травянистую равнину, простирающуюся на многие километры к северу, востоку и западу. На юго-востоке открывается вид на вулканический массив Нгоронгоро, который находится на расстоянии 40 километров от озера. Он выглядит словно грозная туча, стоящая над горизонтом; дождевое облако скрывает вершину массива большую часть года. Эта гора могла бы быть надежным ориентиром, если бы не была расположена так далеко. Когда едешь по саванне, вместе с тобой перемещается

и гора; кажется, что она всегда одинаково удалена и появляется на горизонте в разных пунктах.

Я плохо ориентируюсь на местности и сбиваюсь с пути, как только съезжаю с дороги. Обычно меня сопровождали Рашиди или Теодорси, которые имели врожденные навыки ориентирования, казавшиеся мне чистой магией, но однажды я отправилась по маршруту одна и заблудилась настолько, что могла лишь сказать себе: я нахожусь где-то в Африке. Пока, обливаясь холодным потом, я кружила вокруг в поисках колеи, мне стало казаться, что гора Нгоронгоро переместилась на 180 градусов, тогда как сама я оставалась на месте. Лагерь в Ндугу находился не более чем в 10 километрах, но, хотя гора была передо мной, я не могла, даже перед лицом смерти, определить, в какой он стороне.

Лишь благодаря счастливой случайности мои кости не остались в Серенгети: мне удалось отыскать еле заметные следы колеи, по которой я добралась в лагерь до наступления темноты. Я страшно устала и пришла в полное отчаяние при мысли, что по способности в ориентировании я, должно быть, нахожусь на расстоянии светового года от человека умелого. В самом деле, я совершенно безграмотна, когда дело касается поиска ориентиров на равнине, а он был полноправным хозяином положения. Я выросла в местах, где много ориентиров и мне никогда не требовалось определять положение стран света по солнцу, тогда как, без сомнений, наш предок, человек умелый, превосходно справлялся с этой задачей и, кроме того, вероятно, обладал врожденным инстинктом, подсказывавшим ему, где находится его стоянка.

Наверняка он знал и умел еще многое, о чем я не имею никакого представления. Во время поездок в Серенгети я часто думала о том, что у нас нет никаких оснований заноситься перед человеком умелым.

У человека умелого, размышляла я, человеческие начала должны были проявляться весьма заметно, хотя, может быть, он еще не умел зазнаваться. Он был человеком в такой же степени, в какой газель была газелью и лев — львом, но это качество давало ему преимущества над другими животными, о чем сам он, вероятно, не задумывался. Те, кто изучал шимпанзе, говорят, например, что они очень расстраиваются, когда не могут унести с собой бананов больше, чем умещается в передних конечностях. Гоминиды же на ранней стадии развития

Могли осознать свои преимущества, применив листья или шкуру для ношения в них предметов. Это открытие позволило им совершать все более дальние передвижения. Человек — единственное существо в природе, которое способно нести с собой запас воды. Вначале, вероятно, он носил ее в опорожненных страусовых яйцах, легких и вполне удобных вместилищах, используемых некоторыми народами и в наши дни.

Подобно тому, как человек умелый, по-видимому, выходил из Олдовайского ущелья на равнину Серенгети с наполненными водой страусовыми яйцами, я отправлялась туда, наполнив термос чаем, приготовленным на воде из озера Ндугу. Когда мы оставили позади озеро и защищающие его деревья, перед нами раскинулась почти такая же равнина, с той лишь разницей, что во времена первобытного человека ее фауна была значительно богаче. По сравнению с человеком умелым я знаю гораздо больше о саванне, но это не дает мне никакого повода для зазнайства. Он познавал саванну своими ногами и руками, разумом и инстинктом, с недоступными мне глубиной и широтой, тогда как я привязана к миру фактов, которые мне предоставляют моя эпоха и мой интеллект. Человек умелый вряд ли смог бы найти что-либо годное в пищу в описываемых мной дарах Серенгети, а его образ саванны, вероятно, произвел бы расплывчатое и отрывочное впечатление на меня, привыкшую оценивать условия на основе фактов и деталей. И все же я убеждена в том, что сложившиеся у нас образы природного окружения, видимо, имеют абсолютные точки соприкосновения в отношении других живых существ, с которыми мы разделяем природную среду.

При описании саванн я опираюсь прежде всего на работы Д. Ф. Веси-Фицджеральда (Vesey-Fitzgerald, 1973) и Лесли Брауна (Brown, 1972), крупных знатоков саванн и других типов растительности Африки.

Из общей площади Африки (30,3 миллиона квадратных километра) почти половина, а именно 13 миллионов, классифицируется как травянистая формация. Качество этих травянистых угодий сильно варьирует. Большой частью это результат видоизменения лесов в заросли кустарников, которые вследствие многократного выжигания превратились в бедные питательными веществами травянистые угодья с небольшим видовым набором растений. Крупные животные были истреблены или

вытеснены, и обширные территории, испытывавшие нехватку влаги и вторжение мухи цеце, оказались непродуктивными в Африке — на материке, который периодически страдает от катастрофического дефицита растительных и животных белков²⁷.

Поскольку столь значительная часть травянистых угодий фактически представляет собой дегенерированные леса, очень многие экологи полагают, что вся саванна возникла под влиянием деятельности человека, в результате его неосторожного и необдуманного обращения с огнем. Этому мнению противоречит хотя бы тот факт, что типичные животные саванн развились задолго до появления человека. К тому же заметим, что самый последний продолжительный влажный период был всего лишь фазой в длинной цепи климатических изменений. Действительно, в промежутке от 50 000 до 10 000 лет назад широкий лесной пояс пересекал всю Африку, но ведь даже в Европе наши представления не основываются на учете естественных и дегенерированных типов растительности, которые были распространены в ледниковую эпоху.

Имеется целый ряд фактов, подтверждающих, что саванна — это четко сложившийся влажный тип среды с исконно присущей ей фауной. Восточноафриканская травянистая формация преимущественно располагается на вулканогенном субстрате, и уже этот факт указывает на возможность другого естественного объяснения. Выжигание трав происходило задолго до человека, и в местностях, расположенных на неустойчивых субстратах, где извержения вулканов могли вызывать громадные пожары, было особенно много возможностей для развития травянистых формаций. Лесли Браун приводит еще один убедительный аргумент: слой почвы, сформировавшийся на лаве, часто весьма маломощен, и в подобных случаях большие деревья не укореняются. По его мнению, маломощная почва в сочетании с тяжелой глиной, впитывающей влагу в сезон дождей, является причиной распространения большей части травянистых формаций Восточной Африки.

Веси-Фицджеральд четко выделяет различия между травянистыми формациями, возникшими на базе дегенерированных лесов и находящимися в состоянии равновесия. Первые характеризуются небольшим набором видов растений и распространением эрозии; вторым присущи сотни разных трав, образующих сомкнутый траво-

стой, который препятствует развитию эрозии. Постоянное присутствие диких копытных животных поддерживает травостой: трава постоянно использовалась (но не эксплуатировалась до корней), и это ускоряло ее прирост.

Здесь следует указать на различия в пастьбе домашнего скота и диких животных. Домашний скот пасется плотными стадами и довольно долго задерживается на одном месте, что способствует развитию эрозии. Поскольку во многих районах Африки скот все еще рассматривают как деньги на банковском счете, большинство владельцев скота придерживается мнения, что чем больше животных, тем им легче прокормиться, а это в свою очередь ускоряет процесс оскудения окружающей среды. То, что не стравливается крупным рогатым скотом, объедают козы. Они сильно портят деревья, и в тех местах, где разводят коз, новые деревья и кустарники не растут. Там, где есть скот, есть и люди, которые имеют злополучную привычку выжигать кустарники в неподходящее время и тем самым обеднять и без того скудный растительный покров.

Зато дикие животные редко используют пастбища на полную мощь. Если численность их слишком возрастает, она затем естественным путем и сокращается. Они не привязаны к хлеву, а свободно бродят по обширным территориям, и растительность отдельных частей страны может периодически восстанавливаться. Интенсивность пастьбы проходит в соответствии с эволюцией видов, обеспечивающей каждому животному определенное место в экосистеме.

Последовательность выпаса диких животных схематически может быть охарактеризована следующим образом. Такие крупные животные, как зебра и буйвол, которые пропорционально размерам тела требуют не столь высококачественного корма, чем небольшие антилопы с присущим им быстрым расходом энергии, сначала осваивают участки с более высокой и жесткой травой, которую они вытаптывают и стравливают, до тех пор пока не откроется путь для более избирательно пасущихся животных, например гну. Последние, в свою очередь, уступают место газелям, которые теперь лобятся до богатых питательными веществами побегов в самой земли. Ясно, что при данной системе травостой поддерживается в состоянии равновесия даже в самые засушливые годы.

Влияние человека на саванны путем выпаса домашнего скота и выжигания травы сказывается весьма ощутимо. Вопрос о том, следует ли выжигать траву, возбуждает почти такие же страсти, как проблема слонов, рассматриваемая в разделе о долине реки Луангвы. Здесь люди так же разделяются на две группы, и старые друзья грозят друг другу над дымящейся саванной, восклицая: «Именно так мы уничтожаем здесь наши последние травянистые угодья!» или: «Представьте себе, как бы это выглядело, если бы не проводилось выжигание!»

Сама я уклоняюсь от этих споров, но боюсь, что присоединюсь к группе «поджигателей». Поскольку я согласна с экспертами, констатирующими, что обширные пожары проносятся по саваннам, и разделяю также точку зрения Алистера Грэма (Graham, 1973) о том, что Серенгети не является нетронутой землей. Эта территория представляет собой результат многовекового, может быть, многотысячелетнего выпаса и контролируемого выжигания растительности разными племенами скотоводов-кочевников. Это подготовило почву для великолепной концентрации диких животных, которыми так славится Серенгети. Я также слышала от егерей, что им известны случаи, когда животные покидали заповедник, после того как там в интересах охраны природы прекращали сжигать сухую прошлогоднюю траву.

Конечно, трудно сравнивать климатические условия Северной Европы и Восточной Африки, но даже наш опыт показывает, что прошлогодняя трава, оставленная в ненарушенном состоянии, препятствует росту молодой и ни одно травоядное животное по своей воле не станет там пастись, если поблизости имеется какая-нибудь другая пища.

Известно также, что масаи, один из скотоводческих народов Восточной Африки, во многом учитывали последовательность использования пастбищ дикими животными, когда они пасли свой домашний скот, и проводившееся ими контролируемое выжигание травы шло на пользу диким животным, поскольку ускоряло рост свежей, богатой питательными веществами травы и уничтожало болезнетворные споры. Однако необходимо также подчеркнуть, что прежде у масаев не было так много скота, как теперь, и истощение пастбищ шло в меньших масштабах, поскольку люди не могли предотвратить болезни скота. В настоящее время в Восточной

Африке великолепно поставлена ветеринарная служба, которая успешно борется с болезнями, и поголовье скота возросло, зато пастбища масаев за последние 20—30 лет впервые обнаруживают признаки эрозии, обусловленной чрезмерным выпасом.

Я почти убедилась в пользе выжигания, так что для восстановления равновесия надо взглянуть и на обратную сторону медали. Она отражает неконтролируемое выжигание и является следствием возросших размеров стад и хронического чрезмерного выпаса. Контролируемое выжигание, практикуемое скотоводческими племенами на протяжении тысячелетий, обычно проводится как раз вскоре по окончании сезона дождей, когда почва еще слишком влажная и огонь быстро и легко распространяется понизу, охватывая прошлогоднюю траву и не повреждая кустарники и деревья.

Неконтролируемое выжигание теперь начинается уже во время сухого сезона. Оно иногда осуществляется безответственными сборщиками дикого меда, разводящими огонь под деревом, чтобы выкурить пчел, но еще чаще старую траву выжигают люди, которые видят, что их скот голодает, и знают, что после сухого сезона пробивается свежая, богатая питательными веществами трава. Разница лишь в том, что почва теперь сильно высохла, а кустарники и деревья стали сбрасывать листву в ожидании сезона дождей. В это время при выжигании кустарники нередко охватывает адское пламя, трава сжигается до корней, и огонь набрасывается на деревья. Продолжительное выжигание причиняет растительности серьезный ущерб, и, поскольку почва сухая и трава фактически не прорастает, пока не начнутся дожди, появляются идеальные предпосылки для широкого развития эрозии. Как упоминалось выше, почва саванн часто маломощна, и производит сильное впечатление, когда видишь, как огромные массы ее вздымаются в воздух.

Можно стоять там с разъедаемыми дымом глазами и вопить, что пришел конец света, но это приносит слабое утешение. Впрочем, травянистая формация имеет врожденные защитные механизмы, которые, по крайней мере частично, могут противостоять разрушительным силам. Корни деревьев и кустарников, а также некоторых многолетних травянистых растений могут быть укрыты от огня в почве, и, как только огонь пронесется мимо, они способны выбросить великолепный стебель. Если

Очередное выжигание будет слабое или частичное, у растений появляется реальная возможность выжить, и, если подряд пройдут несколько благоприятных сезонов, кустарники и деревья достигнут такой высоты, что приобретут шанс выжить и в следующем адском пламени.

Эта последняя хрупкая защитная реакция — приспособление к естественному выжиганию после сезона дождей. Надо, впрочем, подчеркнуть, что лучшая охрана саванны и всех других травянистых угодий происходит при пастбе. Итак, деградацию среды вызывает вовсе не сам по себе домашний скот, а его чрезмерная многочисленность и то, что он больше не перегоняется с места на место в столь высокой степени, как следовало бы. Поэтому домашние животные уступают функцию защитников природы диким животным саванн, приспособившимся к окружающей среде за миллионы лет.

Серенгети — самое подходящее место для изучения этого механизма адаптации и одно из последних мест на Земле, где все еще довольно свободно происходят естественные миграции животных. Здесь можно выяснить направленность процессов, которые происходили в природе без мощного антропогенного воздействия, изменившего облик нашей планеты.

Прежде чем подробно остановиться на крупных миграциях в Серенгети, уместно сначала кратко охарактеризовать природно-климатические особенности этого района.

Национальный парк Серенгети, в котором происходит значительная часть сезонных передвижений животных, занимает площадь около 15 000 квадратных километров и относится к числу крупнейших парков мира (но это не самый большой из них). На территории Кении его непосредственное продолжение — национальный резерват Масаи-Мара площадью 1800 квадратных километров. Серенгети расположен на высоте от 900 до 1900 метров над уровнем моря. Среднегодовое количество осадков составляет 750—1000 миллиметров, этого достаточно для произрастания преобладающей естественной травянистой формации. Если годовая сумма осадков не достигает 750 миллиметров, появляется полупустынная растительность или заросли ксерофильных кустарников. Количество осадков из года в год сильно колеблется, бывали годы (в последний раз в 1978—1979 гг.), когда в горах Серенгети выпадало необычно много осадков, но на самой равнине — очень мало.

В Восточной Африке в году выделяют два влажных сезона с двумя промежуточными сухими сезонами. В ноябре—декабре выпадают так называемые короткие дожди, освежающие ливни разной силы, чередующиеся с безоблачными прекрасными часами или днями. Затем несколько месяцев стоит сухая погода, пока в марте не начнется затяжной сезон дождей, который продолжается в апреле и иной раз в мае. В эти месяцы дожди идут чаще и сильнее, но с перерывами и не каждый день.

Туристы все еще часто посещают Серенгети; проблема осложнена лишь состоянием дороги из Аруши через Нгоронгоро: во время обильных дождей она становится непроходимой. Уже с середины мая в Серенгети устанавливается прекрасная сухая погода, хотя требуется время (до начала июня), пока дороги не будут приведены в порядок. Сухой сезон продолжается до ноября.

Вся территория парка характеризуется как травянистая равнина, или саванна, но с учетом разных типов растительности схематически можно выделить низкотравную и высокотравную равнины.

Низкотравные равнины находятся на востоке и юге. Местности вокруг озера Ндугу и оттуда до Нааби-Хилл — замечательный пример плоских равнин, поросших низкими травами, представителями родов *Cynodon*, *Sporobolus*, *Digitaria*, *Andropogon*. Это большей частью многолетние растения с тонкими сочными стеблями, образующие подушковидные кочки и приспособленные к длительным сухим периодам с резким суточным колебанием температур. Кочки растут, пока их стравливают, за исключением продолжительного сухого сезона, 7—8 месяцев, когда крупные травоядные животные покидают равнины и последние кажутся пустынными и выжженными. Кустарниковая растительность саванн состоит преимущественно из акаций.

Далее к северо-западу местность постепенно меняет свой облик. Вокруг рассеяны останцовые гранитные горы, которые в Африке называют «копес», и в целом ландшафт становится более пересеченным. Во все стороны еще расстилаются обширные равнины, но даже на непосвященного наблюдателя они производят несколько иное впечатление, чем низкотравные равнины, потому что здесь доминируют другие виды трав, например, представители родов *Themeda*, *Pennisetum*, *Panicum*, *Setaria* и *Brachiaria*. Они выше и жестче, чем травы на юго-востоке. Поскольку в северных районах Серен-

гети выпадает больше осадков, чем в южных, эти равнины редко страдают от засухи так сильно, как низкотравные равнины, и вегетационный период там более продолжительный. Бросается в глаза большее число деревьев в саванне.

Следовательно, на севере Серенгети и в Масаи-Мара ландшафт более холмистый и поросший деревьями и на периферии, особенно в Масаи-Мара, приобретает сходство с волнистым парковым ландшафтом.

Восточноафриканская саванна может прокормить самое большое в мире число диких животных в расчете на квадратный километр. По скромным оценкам, в Серенгети крупные травоядные животные составляют биомассу порядка 7000—8000 килограммов на квадратный километр, что соответствует более 80 крупных млекопитающих на квадратный километр, не говоря о мелких животных и огромной массе почвенных микроорганизмов, которая в совокупности может весить 6 килограммов на гектар.

В сухой сезон мы не видим крупных животных, равномерно рассредоточенных по местности (некоторые районы временами кажутся почти пустынными), поскольку значительная часть их мигрировала. Длительные сезонные кочевки проявляются прежде всего у гну, зебр и газелей Томсона. По оценкам, эти животные в течение годового цикла передвигаются на 1500 километров.

В декабре в Ндуту ждут дождя. Запах первого ливня ощущается еще до его начала. И вот он проливается на растрескавшуюся от зноя равнину, разрушает травяную крышу и прорывает брезент в нашем лагере, отбивает дробь на зеркальной поверхности озера и с сильным порывистым ветром уносится дальше. Он исчезает с бешеной скоростью, и равнина некоторое время выпускает пар, а затем вновь погружается в томительное ожидание того времени, когда вырастут травы и придут копытные животные.

Для появления зелени одного ливня недостаточно, может пройти еще одна, другая и третья неделя. Только когда более мощные и продолжительные ливни часто проследуют один за другим, трава пробуждается к жизни. За неделю равнины приобретут чистейший и нежнейший зеленый покров. Небольшие белые цветы заблестят, словно звезды в зелени, и скроют белеющие прошлогодние кости гну, рассеянные по равнине, как

на аллегорической картине викторианской эпохи²⁸. Каковы местные ливни, можно судить по тому, что некоторые участки равнин еще лежат бурые и выжженные, тогда как другие, расположенные поблизости, зеленеют.

Теперь в любое время можно ожидать появления гну. Они движутся крупными стадами по несколько сотен, иногда даже тысяч, особей в каждом, и их приход резко меняет облик ландшафта. Грозовая туча разворачивается вдоль горизонта, и темно-синий фон разрывается роскошными молниями, в то время как над равниной еще светит солнце. Когда приближаются первые колонны гну, часто в сопровождении больших или малых стад зебр, становится понятно, почему звуковые эффекты в фильмах о природе столь неправдоподобны. Эффекты преувеличены: появление гну могло бы быть положено на музыку Вагнером и отснято кинокомпанией «Метро-Голдвин-Майер».

Что-то предопределенное самой судьбой заключено в миграциях гну, которые носят отпечаток невероятного постоянства. Эти животные идут не спокойной рысью, а движутся подстегивающим галопом, с развевающимися хвостами, жадно втягивая в себя воздух. В своем порыве они устремлены только вперед, и стада, как правило, следуют прямо к озеру Ндугу, чтобы перебраться на другую сторону. В годы с высоким уровнем воды случается, что отдельные особи, а бывает и несколько сотен их, тонут или их затапывает другое стадо, которое рвется вперед, не желая уступить путь или переждать.

Однажды мне довелось быть в топкой приозерной низине, когда группа из нескольких сотен гну и, возможно, сотни зебр появилась, как облако пыли, у горизонта и затем двинулась во весь опор вниз по склону, пока животные не заполнили зеленеющую котловину. Это зрелище должно было захватить дух и дать стимул для возвышенного описания одной из последних великих драм дикой природы, но мне пришли в голову воспоминания, навеянные прочитанными в детстве книгами об индейцах. Казалось, что это команчи летели в атаку.

В местностях вокруг болота давно не было дождей, и, вероятно, гну и зебры не нашли того, что искали. Они спустились вниз, к краю болота, и стали пить; не притронувшись к жесткой осоке, начали беспокойно вертеться одна возле другой, обходя своих более уста-

Лых спутников, которые улеглись на земле отдыхать. Примерно час спустя в движениях животных появилась какая-то целеустремленность, выделились отдельные группы и сформировались колонны. Одна за другой они выбирались из котловины, пока все гну и зебры не оказались снова в пути.

В том же, 1978 г., дожди больше выпадали как раз за пределами парка, поблизости от Макау, и именно туда направились колонны гну. Еще несколькими днями раньше мы встретили там первые стада гну, смешанные с зебрами и газелями Томсона. В тех краях росла зеленая трава, на вид столь прозрачная и тонкая, что трудно было представить, как она сможет устоять перед тысячами изголодавшихся гну, но на самом деле трава была весьма стойкой и росла быстрее, когда ее стравливали.

Издаваемый гну звук трудно описать. В индивидуальном исполнении он слишком короткий, чтобы воспроизвести его как «му», и напоминает прерывистые хрипы. Звук, издающийся сотнями гну, воспринимается как ночное кваканье африканских мычащих лягушек в пруду.

Мы видели шакалов на рекогносцировочной прогулке среди стад гну и заметили двух притаившихся поодаль настороженных гепардов. Затем встретили нескольких львиц, одиночного льва и совершавших обход гиен. Для хищных животных в этой части Серенгети наступили хорошие времена. Гну не проявляли чрезмерного беспокойства. Если бы каждая из них могла рассуждать, то ход ее мыслей, видимо, был бы таков: «Хорошо, что нас так много, для меня вероятность оказаться жертвой хищника крайне мала».

Гну сопровождают не только своры хищников, но и тучи птиц, охотящихся на насекомых, которых гну перекосят на себе или спугивают при выпасе. Мы насчитали тридцать дроф кори, несколько птиц-секретарей и стаю недавно прилетевших европейских аистов. Кроме того, равнина была наводнена менее заметными пернатыми: жаворонками, коньками, чеканами, зуйками и бегунками. Многочисленные страусы, которые производят необычное впечатление, напоминая млекопитающих, несмотря на свои две ноги, бродили среди гну, а небо было испещрено хищными пернатыми, которые зорко наблюдали за тем, что происходит на земле.

Сразу после нового года почти все травоядные жи-

Вотные в Серенгети собираются на низкотравных равнинах. У гну происходит отел, и почти все телята рождаются в течение трех недель, в январе—феврале. Пик отела падает на то время, когда стада находятся на открытых равнинах с хорошей видимостью. Само по себе это не обеспечивает защиты от хищных животных, нападающих иногда и на беременных гну. Но из многочисленных телят, родившихся в один день, лишь определенный процент может стать добычей хищников, а остальные выживают. Если бы отел растягивался на весь год, хищники круглый год хватали бы беременных самок и телят. Эта угроза для гну, впрочем, не устраняется даже при чересчур быстром отеле, хотя новорожденный теленок, которому всего полчаса от роду, может поспевать за передвижением стада.

Гну остаются пастись на низкотравных равнинах до конца долгого сезона дождей. Здесь хватает корма до начала мая, когда прирост высококалорийной травы замедляется. Уже в конце апреля в стадах возникает беспокойство. Начинается период течки, одновременно формируются колонны, и гну постепенно передвигаются к северу. В эту пору у самцов начинаются поединки. Гну имеют так называемые подвижные территории, и поэтому миграционные движения приобретают заметно хаотический характер: на каждой остановке в пути для отдыха и пастбы организуются территории, в пределах которых самцы приманивают самок и спариваются с ними.

Когда стада гну покинут район озера Ндугу, можно впервые за долгое время спокойно уснуть, не боясь, что тебя потревожит настойчивый рев этих животных; низкотравные равнины получают временную передышку. Через две недели стада гну достигнут района реки Серонеры в центре Серенгети и разбредутся по высоко-травным равнинам. Продолжительность их пребывания там зависит от погоды в данном году, но обычно в августе стада переходят через границу в Масаи-Мара или устремляются в коридор к озеру Виктория. Затем постепенно волна снова устремляется на юг, и в декабре передовые группы этих животных достигают Ндугу.

Больше всего сезонные миграции гну сходны с миграциями американского бизона, которые, к сожалению, отошли в прошлое. Поэтому гну — последний пример мигрантов, четко выдерживающих определенную сезонную последовательность в своем образе жизни. Гну и

Саванна ставят нас, впрочем, перед одной и той же классической дилеммой о яйце и курице: что было раньше? Стада гну, поддерживавшие саванну как травянистую формацию с незапамятных времен, или саванна? Однако ведь сами гну не могли развиваться ни в одном другом месте, кроме саванны.

Хотя эти животные наиболее заметны, они вовсе не единственные мигранты в саваннах. Сезонные передвижения совершают газели Томсона, конгоны, топи, зебры. Массивную антилопу канну также можно увидеть иногда стадами по паре сотен особей, быстро и решительно устремляющимися к какой-либо дальней цели, но эти миграции не носят столь регулярный характер, как у гну.

Всего в Серенгети обитает восемь видов травоядных животных, но не все они совершают миграции. Например, газель Гранта, внешне очень похожая на газель Томсона, мало зависит от воды и поэтому остается на сухих равнинах, тогда как газель Томсона направляется к северу, вслед за гну. Буйвол тоже не участвует в миграциях, но по иным причинам. Он настолько зависит от воды, что почти не отходит от постоянных источников влаги и редко встречается на низкотравных равнинах. Передвижения буйволов носят местный характер и происходят поблизости от рек и озер, около которых они чувствуют себя как дома.

По разным причинам в миграции вовлекаются не все гну. Отдельных особей можно встретить, например, в районах Ндугу и Серонеры круглый год. Но чаще всего там их видят в количестве до нескольких сотен голов, и поэтому местное население не наделяет гну индивидуальными чертами. Это на редкость хорошо приспособленные животные, и недаром масаи детально наблюдали за их поведением, чтобы наилучшим образом увязать выпас домашнего скота с сезонными изменениями климата и растительности. Подобно домашнему скоту в благоприятных условиях гну очень быстро размножаются. За последние годы численность популяции гну в Серенгети постоянно увеличивалась на 10—15 процентов в год и ныне достигла рекордного уровня — свыше 2 миллионов особей (по некоторым оценкам, до 4 миллионов). Однако в мире животных взрывы численности популяций неизбежно сменяются их сокращением, от этого стада домашнего скота масаев были в последние годы избавлены, что нанесло ущерб окружающей среде.

Гну часто описывают как гротескное животное, как бы состоящее из двух разных частей. Массивные голова и передняя часть туловища сильно выделяются по сравнению со значительно меньшей задней частью. Иногда их подпрыгивающий галоп сбивает с толку, производя впечатление неуклюжего бега, тогда как на самом деле гну очень быстро движется и может развить скорость до 55 километров в час. Из животных соответствующего размера только антилопы конгони и топи могут перегнать гну, поскольку их предельная скорость достигает 60 километров в час. У антилоп меньших размеров, таких как газели, наибольшая скорость — примерно 64 километра в час, а при коротких бросках — даже 70.

Появление гну в окрестностях Ндугу и ее уход можно предсказать с предельной точностью до нескольких недель, но там есть и постоянно обитающие антилопы. Одна из них — антилопа дикдик, похожая на суну, которую мы встречали в горах Абердэр. По своим привычкам и внешнему виду они очень сходны. Обе маленькие коричнево-сероватые, с тонкими ножками, огромными глазами и большими настороженными ушами. Они живут парами и крайне привязаны к своей маленькой территории, которую знают вдоль и поперек. Разница лишь в том, что суну — лесная антилопа, а дикдик обитает среди колючих кустарников и на каменистых склонах.

В моих ежедневных маршрутах по району Ндугу я довольно быстро разобралась, под каким кустарником и в какое время дня я могу обнаружить дикдиков и иногда натыкалась на их аккуратные навозные кучки. Дикдики оставляют твердые хорошо переваренные фекалии в одних и тех же местах. У некоторых африканских народов есть об этом очаровательная легенда. Давным-давно король дикдиков находился в отлучке и, во время прогулки наткнувшись на навоз слона, упал. Тогда он созвал всех дикдиков и велел им впредь оставлять свой навоз в одном и том же месте, пока не соберется достаточно большая куча, чтобы о нее споткнулся слон.

Еще одна обитающая здесь круглый год антилопа — стенбок. Они тоже живут парами или поодиночке среди колючих кустарников. С ней мы позже снова встретимся в Калахари.

В кустарниках, поблизости от озер, могут промельк-

нуть один или два тростниковых козла (редунки). Недалеко от озер мы увидим также чернопятых антилоп — импал, которые в Африке встречаются на обширных территориях. В долине реки Луангвы и в дельте Окаванго импала — самый распространенный вид антилоп.

Интересная маленькая антилопа — спрингбок не встречается в районе озера Ндугу, но водится в других частях национального парка, в своих излюбленных местах обитания — на склонах гор и достаточно крупных останцах.

Две изящные крупные антилопы, которых можно наблюдать в окрестностях Ндугу, — топи и конгони. Последняя, называемая также коровьей антилопой, — красивого золотистого цвета с лировидными рогами. У нее есть родственные формы в других частях Африки: на севере и западе — бубал Джексона, на юго-востоке — бубал Лихтенштейна, в Южной Африке — красный бубал. Конгони обращают на себя внимание благодаря привычке стоять на термитных кучах и являются своеобразным символом ландшафта. Топи (сородич южноафриканской сассаби) имеют красивую сливовую окраску, на ногах оранжевую, и считаются самыми быстрыми из антилоп Африки.

Как упоминалось, конгони и топи в ограниченных масштабах предпринимают сезонные миграции вокруг озера Ндугу, где круглый год нет перебоев с водой и по берегам всегда найдется корм. В данном районе всегда можно наблюдать небольшие стада этих животных. Крупные популяции топи особенно заметны в Масаи-Мара, где они за последние несколько лет сильно размножились.

В зарослях можно вспугнуть отдельных бушбоков, но вообще они редко встречаются в районе Ндугу, и их здесь гораздо труднее увидеть, чем в лесах Абердэр. Водяной козел, обитающий в Серенгети, относится к подвиду *defassa*. Сзади у него белое пятно, которое также выделяется у обыкновенного водяного козла. Они оба нередко рассматриваются как самостоятельные виды, но оказалось, что в тех местностях Восточной Африки, где встречаются эти как будто разные популяции, они спариваются между собой и гибрид вполне способен давать потомство. Определение вида обычно предусматривает, что в естественных условиях не происходит спаривание с другими близкими видами, а если это и бывает, то потомство оказывается бесплодным. Учитывая

это, водяного козла и обыкновенного козла надо рассматривать как подвиды одного вида²⁹.

В Серенгети есть также минимальный шанс увидеть орикса, или сернобыка, но для этого должно сильно повезти. То же самое относится и к лошадиной антилопе, более известной под названием *roan*, которая становится все менее заметной во всех частях своего ареала. Несколько раз ее видели в Серенгети и Масаи-Мара, но всегда, как правило, вместе с каннами. Поэтому внимательно присматривайтесь к каждой особи в проходящем мимо стаде канн!

Хотя именно антилопы создавали и создают славу Серенгети, наибольшей известностью там пользуются львы. Этому мнению придерживаются и масаи, для которых убить льва значит стать мужчиной.

В 1892 г. Бауман первым из европейцев заглянул в кратер вулкана Нгоронгоро и затем устремился в Серенгети. После того как тогдашняя Танганьика после первой мировой войны от Германии перешла к Великобритании, возросло значение туризма. Начали устраивать охотничьи сафари, солидные мероприятия с пятьюдесятью носильщиками, которые транспортировали все оборудование от побережья до только что основанной Найроби. В 1920 г. прибыл первый автотурист — американец Симпсон, а с 1925 г. Серенгети стал самым популярным объектом для охотников-профессионалов и их разборчивых клиентов.

В то время не было никаких твердых правил для спортивной охоты: люди доезжали до ближайшего льва-самца с красивой гривой, всаживали в него несколько пуль и получали свой трофей. Уже в 1937 г. поголовье диких животных понесло такой ущерб, что возникла необходимость преобразования Серенгети в резерват, который с 1957 г. стал национальным парком. В 1959 г. у парка были отторгнуты некоторые территории на востоке, что компенсировалось за счет земель на севере и западе.

Когда читаешь старые описания охоты, поражаясь, как Серенгети может гордиться львами! Настолько жестокие бои они пережили. Однако львы здесь служат ярким примером того, что даже в таких условиях животные могут сохранять способность к восстановлению популяции (конечно, если сократится отстрел и

территория, взятая под охрану, способна будет приютить у себя резерв животных из наиболее посещаемых и легкодоступных районов).

Львов в Серенгети все еще довольно много. Они там необычайно крупны, великолепны, с самыми роскошными в Африке гривами, словно никакие охотники никогда не пытались извести их. Эти звери не только красивы, но и легкодоступны для наблюдения, особенно если они не таясь лежат на равнине, хотя чаще всего львы прячутся у скал на останцовой горе. Здешние львы никогда не имели славу людоедов, как в Цаво и в долине Луангвы. Они хорошо приспособились к местным условиям, ведут открытый образ жизни и потому их основательно изучили. Пройдет немало времени, прежде чем кто-нибудь превзойдет точные и одновременно творческие изыскания Джорджа Шаллера, которые были опубликованы и в виде популярных книг, и в большой научной монографии «Лев Серенгети» (Schaller, 1972).

В этих источниках перед нами предстает действительно полная картина жизни льва. Мы получаем информацию о его питании и пищевых привычках, быстроте реакций, силе, брачной жизни, о суточных перемещениях и т. д. Узнаем, как часто львицы в среднем охотятся и насколько им сопутствует удача; знакомимся с социальной организацией прайдов и их охотничьими участками, поведением львов на этих участках и поведением кочующих львов; с тем, насколько велики для льва шансы достичь зрелого возраста и сколько времени требуется, чтобы он стал полноправным членом прайда, и как долго он может удерживать свое положение. Мы можем примерно сказать, когда и при каких обстоятельствах лев закончит свои дни, а также понять основы его психологии.

Одновременно важно отметить, что Шаллер изучал львов как раз в Серенгети и что в других условиях поведение львов может несколько отличаться. Тем не менее есть основания считать, что выводы Шаллера в целом показательны и для других групп.

Мы уже упоминали, что есть львы, идущие за стадами гну. Значит, единственное, на что должен быть способен лев из Серенгети, чтобы поддерживать себя в хорошем состоянии, — это ориентироваться в сезонных миграциях антилоп, добывая пропитание. Задача, конечно, не из легких. Наиболее интересная особен-

Нюсть в мире львов, на которую указывает Шаллер, — огромное значение для них охотничьего участка. Прайд львов, остающийся на своем охотничьем участке после ухода гну, столкнется с тяжелыми днями, но все же он несравненно лучше выдержит борьбу за существование, чем те эсоби, которые движутся за стадами гну.

Узнав об этих особенностях из разных источников, подкрепим их собственными наблюдениями. В районе Ндугу обитает преуспевающий прайд из четырех великолепных львов и девяти львиц с разным числом детенышей. Другой легко локализуемый прайд имеет охотничий участок у останцовых гор Симба, немного севернее Нааби-Хилл. Там насчитывается пять взрослых самцов, по крайней мере 13 самок и много детенышей. Их существование производит благополучное впечатление: даже в неудачные дни они всегда могут застигнуть врасплох бородавочника, газель Гранта или еще какоснибудь пробегающее мимо животное.

В противоположность этим прайдам кочующие львы, с которыми я завязала кратковременное знакомство, производят впечатление отнюдь не свободных и благополучных животных. Хотя время для них было довольно хорошее, выглядели они более тощими и изнуренными по сравнению с оседлыми львами. То что они нарушают установившийся порядок, проходя через охотничьи участки хозяев-львов, вызывает у них беспокойство и вселяет неуверенность, словно они чувствуют себя полупреступными бродягами в мире, где господствуют сплоченные прайды. Легко также убедиться в том, что у кочующей львицы мало шансов прокормиться самой и прокормить своих детенышей.

Давно известно, что в мире львов охотятся и трудятся в основном самки, тогда как самец шествует к «накрытому столу», охотится за дамами и набивает себе утробу в одиноком величии, пока не насытится, после чего позволяет «дамам в фаворе» приблизиться к пище. Такое поведение дало повод для многих язвительных сравнений, хотя на самом деле лев выполняет очень важную функцию. Он заботится о том, чтобы львицы могли охотиться в относительно безопасной обстановке, которая им предоставляется на охотничьем участке.

Льву необходим большой охотничий участок (250 квадратных километров устанавливается как верхний предел, однако размеры сильно варьируют в зависимо-

сти от доступности добычи и условий среды), причем в периоды экспансии в мире львов борьба за участки становится особенно острой. Поэтому не так уж мало требуется от одного-двух самцов, которые должны защищать свой участок.

Ни один львиный прайд не бывает стабильным. Часто одна или две самки с детенышами (или без них) покидают прайд и живут некоторое время отдельно, либо один или два самца живут вне прайда и присоединяются к нему, лишь когда их приглашают на трапезу. Важно, что эти сепаратистские тенденции проявляются на общих охотничьих участках и что их обитатели знают друг друга. Очевидно, чужой лев, которого встречают на общем участке, ведет себя терпимо по отношению к другим львам, однако если чужак сильно «зазнается», отношение прайда к нему становится совершенно иным.

Если это самка, то, может статься, она путем беспредельного унижения и всецелого подчинения получит разрешение жить возле прайда, но, если самец, дело иногда кончается кровопролитием. Самцы прайда хорохорятся, от их урчания и рыка дрожит земля. Они угрожают нарушителю порядка. Если пришелец молод и неопытен, он улепetyвает изо всех сил, преследуемый до границы участка и немного дальше. А бывает, что этот лев примерно равен по силе хозяину и, кроме того, одержим желанием создать собственный охотничий участок и свой прайд. Тогда начинается борьба, которая, как показал Шаллер, может привести к гибели одного или даже обоих противников.

Исход схватки непредсказуем. Хозяин участка борется, сознавая, что на его стороне все права, и боясь их утратить. Нарушителю же нечего терять, его ожесточила суровая кочевая жизнь, тогда как лев-хозяин, часто расслабленный благополучным существованием, может сдать, особенно если почувствует, что перевес не на его стороне. Тогда его убьют или изгонят, новый самец возглавит прайд и в нем произойдут серьезные изменения.

Очень часто самец-победитель загрызает еще сосущих львицу детенышей. Потерявшие детенышей львицы скоро вновь становятся сексуально восприимчивыми, и новый вожак приобретает положение продолжателя рода. Перестройка прайда неизменно сопровождается высокой смертностью, так как даже самки, обитающие

На своём охотничьем участке, вынуждены терпеть самок, которых новый самец приводит с собой. Случается также, что одной или несколькими самкам приходится покинуть прайд и перейти к кочевому образу жизни, к которому они плохо приспособлены.

В обоих прайдах, которые я наблюдала, было несколько взрослых самцов, и, несмотря на это, прайды были весьма устойчивыми. Нигде я больше не видела пятых, видимо, одинаково сильных львов, живущих в таком согласии, как в симбском прайде. Возможно, они и мерялись силами, после чего осознали свое равенство. А в идутуском прайде, когда один лев начал заметно сдавать из-за возраста, три других самца все же терпели его. Можно сделать предположение (правда, осторожное), что старый лев прежде был вожаком и его мирно «отстранили от власти», но оставили в прайде. Пришлому льву трудно захватить охотничий участок, если там имеются два самца или больше, которых надо покорить. Поэтому я не могу допустить, что эти исключительно устойчивые прайды завоевывались извне; скорее всего они обновлялись изнутри.

Там, где только один самец, легко описать социальную структуру прайда, которая состоит из самца, имеющего охотничий участок, и «гарема», и допустить, что все другие самцы, включая подрастающих соперников в самом прайде, изгоняются прочь. Подобная трактовка однозначна, в серенгетских прайдах самцы поступают так довольно редко по сравнению с прайдами в других районах. Можно подумать, что львы в Серенгети, более терпимые к другим самцам, — братья, которые охотно держатся вместе всю жизнь (или здесь выживает большее число самцов, чем в других местах). Тем не менее есть и другие обстоятельства, которые указывают на то, что естественный ход событий в мире львов, когда один-единственный самец удерживает за собой охотничий участок и прайд, вовсе не обязателен.

Одна из самых важных причин, возможно, состоит в том, что доминирующий самец не обязательно отнимал всех самок в период течки. Напротив, кажется, что самка сама выбирала себе партнера. С ним она затем уединялась, и несколько суток они предавались любовным ласкам. Я видела, как на равнине спаривались два льва из симбского прайда, тогда как прочие самцы, и среди них самый крупный, которого я всегда

Считала лидером, лежали около камней без всяких намерений бросить вызов сопернику.

Более горячую любовь и более любящую пару, чем у львов, трудно себе представить. Вначале спаривание может происходить через каждые двадцать минут, и в перерывах львы лежат и глядят друг другу в глаза, вытянув навстречу лапы. Когда самка готова, она поднимается, за ней сразу же встает самец и покрывает ее, это происходит быстро, и во время оргазма он гримасничает, делая устрашающие мины, и кусает самку в загривок. Покусьвание — это также прием, применяемый всеми кошками, когда они утихомиривают детенышей, и, как полагают, лев прибегает к нему, чтобы помешать львице повернуться и прсвести когтями по его морде. В экстазе львица опрокидывается на спину, и они лежат обнявшись.

Через пару дней пыл любви остывает. Теперь партнеры лежат на расстоянии, отвернувшись друг от друга, и выглядят страдающими и измученными. Затем самец и самка поднимаются и идут друг к другу с видимой неприязнью к силе, которая управляет ими. Оба устали, раздражены и голодны: за весь период спаривания ни один из партнеров ничего не ест. Вероятно, когда этот период проходит, для них обоих наступает облегчение и самка возвращается к прайду.

Когда у одной из львиц в прайде повышается активность, она захватывает и других самок. Поэтому все львята в прайде примерно одинакового возраста и трудно установить, какой самке принадлежит тот или иной из них.

Приятно видеть бодрых, здоровых и активных детенышей в сытом и довольном львином прайде, но на самом деле детство — самая критическая пора в жизни львят: до 70 процентов их в это время погибает. Детская смертность, возникающая вследствие перехода охотничьего участка к новому самцу, уже отмечалась, но гораздо более важная причина высокой детской смертности — порядок кормления у «общего стола».

Самки приносят добычу, но самцы первые ее хватают. Затем наступает черед самок, и, когда они немного утолят голод, к еде приступают львята. В благополучные периоды система действует безотказно, но в голодные времена детеныши нередко умирают от недоедания. Такое чаще бывает в крупных прайдах, чем в мелких, поскольку самкам приходится много раз выходить на

охоту, чтобы убить больше животных. При нехватке добычи и трудных условиях охоты довольно сложно прокормить взрослых львов, а детеныши в критическом возрасте, не получающие материнское молоко, еще беспомощны и нередко погибают. Как обычно происходит в природе, выживают самые сильные и наиболее предприимчивые детеныши, те, что держатся на виду, с риском быть оттянутыми за загривок утратившей нежность матерью. Система может показаться жестокой, но она — один из способов, предложенных самой природой, оградить население от избыточного числа львов. При отсутствии естественных контролирующих механизмов львы сильно размножаются, и эта проблема стала первостепенной в зоопарках мира за пределами Африки. В Европе и США появилось много львов, которые оказались никому не нужными, и даже шла речь о том, чтобы вернуть из зоопарков какое-то количество львов в Африку!

Охотничий участок — другая гарантия и, возможно, самый важный фактор, ограничивающий чересчур быстрый рост численности популяции. Мы не знаем, как прайд определяет свою оптимальную величину, но появление кочующих львов показывает, что избыток особей в прайде, достигших половой зрелости, изгоняется.

Как и у других представителей семейства кошачьих, львята рождаются беспомощными и слепыми. Они лежат, укрытые в зарослях или в расщелине скал, когда мать отправляется на охоту либо на водопой. В возрасте десяти недель они появляются в прайде, который проявляет к ним доброжелательность и терпение во всех ситуациях, кроме упоминавшейся выше, — когда не хватает пищи. По достижении года у молодых самцов начинает отрастать грива. Обычно львята остаются с матерью по крайней мере до 19 месяцев. Самочки имеют больше шансов остаться в прайде, чем молодые самцы. Лев вырастает до нормальных размеров к трем годам и достигает полного расцвета сил в возрасте пяти—десяти лет. В 12 лет появляются признаки деградации. Золотые дни остались позади, и, хотя в неволе львы доживают до 30 лет, на свободе они крайне редко достигают 20-летнего возраста. Если конец не наступит в результате несчастного случая или схватки, дряхлого старого льва разрывают на куски дикие собаки и гиены, на которых он нагонял страх в дни своего могущества.

В определенной мере охотничий инстинкт является

врожденным у всех кошачьих, но льву необходимы, кроме того, тренировка и практика, чтобы стать искусным охотником. Львы, выросшие в неволе и затем выпущенные на свободу, оказывались совершенно неспособными охотниками. В дикой природе львята получают первые уроки, следуя за самками на расстоянии и наблюдая за охотой. Нередко случается, что усердный детеныш расстраивает охоту другим, по ошибке выдавая свое присутствие и позволяя добыче уйти. Позднее львята принимают более активное участие в охоте, но инициатива остается за опытной самкой.

Во второй половине дня, когда ощущается дуновение прохладного ветерка, одна из львиц поднимает голову. Она встает и дружелюбно толкает другую самку, которая отвечает несколькими огромными зевками и потягивается так, что слышен хруст суставов. Пока они занимаются своим туалетом, остальные члены прайда тоже начинают пробуждаться к жизни на радость львятам, которые находят затянувшийся дневной отдых невыносимо скучным. Если львы накануне ели, ничего особенного может не произойти, но, если прайд проголодался, активность заметно возрастает. Самка внимательно вглядывается в горизонт и ближние окрестности и, увидев или почуввав что-то интересное, решительно направляется за добычей. Иногда за ней следуют одна или несколько других самок. Так начинается охота.

Когда львица, напрягая мускулы, выходит на охоту, она кажется очень уверенной в себе и никогда не знавшей поражений. Однако на самом деле это не так. Шаллер подсчитал, что лишь одна охотничья вылазка из пяти дает положительный результат. Антилопы в саванне развивались наряду с хищниками, и их бы теперь там не было, если бы они не выработали бдительность и быстроту, что поддерживает равновесие между обеими группами животных.

Лев обычно незаметно подкрадывается поближе к добыче и затем бросается на нее, делая несколько мощных прыжков. Если преследуемое животное увеличивает скорость и расстояние слишком велико, у льва нет никаких шансов на успех. Как и другим кошачьим, львам везет там, где нужна большая сила и скорость, но им не хватает выносливости, которая часто спасает зебу и антилоп от львиных когтей.

Об охотничьих повадках львов рассказывают много захватывающих историй. Говорят, что лев выходит на

охоту против ветра, чтобы животное не почувствовало его запах, и что члены прайда действуют сообща: один или несколько из них лежат в засаде, тогда как другие усердно гонят к ней добычу. Возможно, что действительно так и есть, но на поверку выходит, что в целом успех охоты довольно случаен. По мнению Шаллера, направление ветра не играет особой роли и устройство засады отнюдь не всегда дает желаемый результат. Лев ловит свою добычу примерно так же, как домашняя кошка расправляется с птичкой: сначала сосредоточенно наблюдает за ней, потом ползком подкрадывается, используя мельчайшие бугорки для маскировки, и затем следует молниеносный бросок.

Люди, которые причитают по поводу жестокого и мучительного умерщвления жертв гиенами и гиеновидными собаками, единодушно одобряют поведение львов, считая, что они побеждают, как благородные спортсмены. Попадаются описания, в которых лев всегда убивает свою жертву, перебивая ей шею или перегрызая сонную артерию. Но на самом деле так получается далеко не всегда. При случае лев действительно перебивает шею, когда жертва падает навзничь, и укус в шею иногда приходится на сонную артерию. Иногда в результате затянувшейся борьбы смерть может наступить от удушья или многочисленных укусов. Когда жертва убита, лев вспарывает прежде всего живот и выбирает содержимое желудка, которое целиком или частично закапывает, а затем вгрызается в заднюю часть туловища и оттуда подбирается к голове и плечам, в противоположность леопарду, который почти всегда пожирает сначала голову и переднюю часть туловища.

Сколько приходится страдать жертве и как велики ее муки — об этом мы совсем мало знаем. Иногда жертва действительно борется за свою жизнь, а порой она неподвижно, в глубоком оцепенении, стоит, позволяя себя умертвить. В критических и опасных ситуациях и люди не сразу ощущают боль. Ливингстон, который во время своих путешествий не раз подвергался риску и однажды даже побывал в пасти льва, рассказывал, что он не почувствовал никакой боли, когда лев вгрызался ему в плечо, его только несколько удивило, что это могло случиться с ним.

По поведению антилоп и зебр авторитетные исследователи могут примерно установить, охотится наблю-

даемый ими лев или нет. В последнем случае антилопы и зебры безмятежно пасутся поблизости от львов, но если лев на охоте, они следят за хищниками с предельной настороженностью, прекрасно зная, что опасность исходит не от тех львов, которые в поле их зрения, а от невидимых. И когда льву удастся убить антилопу, остальные животные быстро успокаиваются и беззаботно пасутся поблизости от места убийства, сознавая, что львы теперь насытятся и не будут продолжать охоту.

Предпочтения льва в отношении добычи передзуются от матери потомству, и в разных частях Африки вкусы у львов неодинаковы. У львов Серенгети на первом месте стоит гну, затем зебры и более крупные антилопы, например топи, но охотятся они и на всех остальных антилоп, а в трудных ситуациях идут в ход также птицы, мелкие грызуны и даже ящерицы.

Лев в состоянии съесть невероятное количество мяса за короткое время, но зато в случае необходимости может и целую неделю обходиться без пищи. В начале моего пребывания в Серенгети я видела льва, который стоял одной ногой в яме и еле дышал. Я не сразу поняла, что он просто объелся. Впоследствии я много раз наблюдала таких страдающих от ожорства львов, а однажды меня развеселило зрелище львицы, которая сама убила топи, причем ни один лев не пронюхал про это. За несколько полуденных часов ей удалось сожрать жертву почти целиком, и хотя львица была так отягощена, что едва могла пошевелиться, она все же не желала, чтобы грифы поживились остатками трапезы и из последних сил бросалась на них, когда они приближались к жертве. Наблюдая за насытившимися львами, я вспомнила поговорку: «Сытый голодного не разумеет».

Еще несколько лет назад Серенгети был одним из тех мест в Африке, где представлялась возможность увидеть леопарда. В эвкалиптовых рощах вдоль реки Серонеры этих красивейших зверей видели лежащими на ветвях деревьев. В последнее время популяция леопардов как у этой реки, так и в других местах парка сильно сократилась.

Некоторые полагают, что в уменьшении численности леопардов повинны браконьеры. Показательно, что леопарды стали менее заметными в парке, когда на-

Плив туристов вследствие закрытия границы с Кенией уменьшился. Когда не соблюдается решение о закрытии границы, открывается поле деятельности для браконьеров и их легкой добычей становятся леопарды Серонеры, за много лет привыкшие к безобидным туристам. Конец леопардам в Серенгети, однако, еще не наступил. Доказано, что эти звери более широко распространены и много выносливее, чем считают любители природы. Я убеждена в том, что леопарды снова станут осваивать некогда излюбленные ими охотничьи участки по реке Серонера.

Если леопард в Серенгети стал встречаться реже, то о гепарде этого сказать нельзя. А может быть, его чаще встречаешь потому, что он более заметен?

Ндуту — вполне подходящее место для наблюдений за гепардами. Их часто замечают поблизости от заболоченных мест или на равнинах, где они часто лежат под какими-нибудь *miti mitatu* — тремя деревьями, служащими ориентиром на равнине. Другое удобное пристанище в южной части Серенгети находится чуть ниже ворот Нааби. В окрестностях Серонеры, в центре парка также есть немало шансов увидеть гепардов.

Гепард примерно такого же размера, как и леопард, но с более длинными лапами и небольшой головой. Шкура его пятниста, однако пятна не сгруппированы в розетки, как у леопарда. Гепард охотится на тех же самых антилоп, что и леопард, но вопрос о какой-то конкуренции между ними не стоит, поскольку гепард промышляет на равнинах или в разреженных зарослях кустарников, тогда как леопард предпочитает густые заросли кустарников или леса.

Первоначально ареал гепарда был так же велик, как и леопарда, хотя, в отличие от последнего, гепард не встречается в местностях с холодным климатом. В настоящее время его истребили почти во всей азиатской части. Последние особи сохранились в Иране и Туркмении³⁰. Это происходит от того, что гепард плохо переносит давление извне и легко вытесняется.

Не только люди преследуют гепарда. Часто случается, что львы и гиены отнимают у него добычу, даже стаи крупных агрессивных грифов заставляют его покинуть поле боя. Все это превратило гепарда в под-

линного обжору, который, не разжевывая как следует пищу, нервно заглатывает крупные куски. При этом он беспокойно озирается вокруг и кажется более нервным существом, чем самонадеянный леопард и невозмутимый лев. Это впечатление усугубляется темными полосами, идущими от глаз к уголкам рта и напоминающими струйки слез.

Из всех крупных кошачьих гепарду я завидую меньше всего. Эта кошка создана для скорости и многими чертами строения напоминает борзую. В повседневной жизни гепарда ощущается какое-то противоречие между предназначением и привычками. Как представитель семейства кошачьих, гепард прекрасно мог бы лазать по деревьям и прыгать с них на землю, но его легкие длинные ноги не приспособлены для подобных упражнений и поэтому у этих животных часто наблюдаются переломы костей. Отмечается у них и рахит. Смертность в детском возрасте у гепардов значительно выше, чем у других кошачьих, хотя самки их трогательно заботятся о потомстве, делятся добычей и учат охотиться, проявляя при этом беспредельное терпение. Они ловят небольших зверушек и приносят их детенышам живьем, чтобы те научились их убивать.

Гепард считается самым быстрым животным в мире. Во время коротких бросков он развивает скорость до 120 километров в час, но отсюда, конечно, не следует, что он способен обогнать автомобиль на длинной дистанции. Подобно другим кошачьим гепард — резко выраженный спринтер, но он никогда не поймают антилопу, убежавшую намного вперед. Несмотря на феноменальную скорость, гепарду не всегда везет на охоте.

Гепард живет довольно одиноко и в этом отношении схож с леопардом. Он, однако, не защищает какой-то определенный охотничий участок, а разделяет его с другими гепардами. Самка ухаживает за детенышами, пока они не подрастут. Потом они покидают мать, которая до следующего выводка живет одна. Когда говорят о совместной охоте нескольких гепардов, то наверняка имеется в виду один выводок. Самцы особенно долго держатся вместе, даже став взрослыми.

Облик детеныша гепарда несколько отличается от взрослого темным цветом шкуры и небольшой гнзвой серебристо-серого цвета вдоль головы и спины. Непосвященного можно простить, если ему покажется, что детеныши относятся к иному виду, чем мать. Возмож-

но, что данная возрастная стадия воскрешает более ранний этап развития вида.

Район озера Ндуту — прибежище не только крупных кошачьих, но и особо привлекательное место обитания для небольших кошек, которых посетители национальных парков почти никогда не замечают. В кустарниковых зарослях вокруг озера даже в дневные часы можно наблюдать таких редких представителей кошачьих, как сервала и каракала. Сервал желтый, с нарядными черными пятнами и элегантным хвостом, закручивающимся в кольцо. У него длинные быстрые ноги. Он питается птицами и весьма искусно их ловит. Редко встречающийся каракал своими кисточками на ушах напоминает рысь, но кажется меньше и тоньше из-за более короткой шерсти. Он тоже ловит птиц, но разнообразит свое меню в большей степени, чем сервал, грызунами, ящерицами, а также крупными насекомыми.

Золотая кошка встречается столь же редко, хотя она и более обычна, чем предыдущие два вида. Цвет ее меняется от места к месту, в Серенгети она мелькает темной тенью в те немногие моменты, когда ее удастся разглядеть. Насколько эта дикая кошка похожа на домашнюю, можно судить по тому, что требуется лишь одно смешанное поколение, чтобы потомство нельзя было отличить от диких, или наоборот.

Известно, что домашние кошки легче приспосабливаются к незнакомой обстановке, чем собаки. И все же я была поражена, когда в Серенгети увидела настоящую домашнюю кошку. Вероятно, она убежала из машины какого-нибудь туриста и совершенно одичала. Фыркая, она пряталась среди кустов, совсем как дикая кошка, и наверняка положила начало целому ряду смешанных выводков, которые после спаривания с дикими кошками дадут потомство, подобное последним.

Ночью в районе Ндуту можно встретить обыкновенную генету — иной вид по сравнению с пятнистой, обитающей в лесах Абердэр, но сходную с ней по образу жизни. Шкура этой генеты светло-серая с темными пятнами. Она довольно широко распространена в Серенгети.

Легче всего увидеть полосатых мангустов³¹, которые днем массами передвигаются на открытых местах. Днем можно натолкнуться также на карликового и черноногого мангустов. Однажды я обнаружила крупного египетского мангуста, или фараонову крысу, среди бела дня, а вечером, когда шла в палатку, мимо меня промчался белохвостый мангуст. В Серенгети можно насчитать еще несколько видов ночных мангустов, но для посетителей парка они, естественно, недоступны.

В Серенгети есть два довольно сходных вида шакалов: обыкновенный и чепрачный. Они не сталкиваются между собой, поскольку каждый из них занимает свою экологическую нишу: чепрачный шакал придерживается более густых кустарников, а обыкновенный — открытых равнин. Оба они питаются грызунами и птицами, а также иной раз детенышами антилоп, если удается их поймать. Кроме того, шакалы охотно пожирают падаль. Небольшие, юркие и быстрые, они часто идут на риск, пытаясь урвать кусок от добычи льва прямо из-под его носа. Подобно нашим лисицам шакалы питаются не только мясом, но и яйцами, насекомыми, кореньями, фруктами и ягодами.

Во всей Центральной Африке водится только один вид лисиц. Это небольшая большеухая лисица, одно из самых прелестных созданий, которое встречается и в Серенгети. Обычно она греется на солнце у своей вырытой в земле норы. Эти животные передвигаются небольшими семейными группами и поразительно дружелюбно относятся друг к другу. Со своими большими темными ушами, черными носами и живыми черными глазами они, видимо, необыкновенно хорошо приспособлены, чтобы улавливать сигналы, оказывающие влияние на их мир. Большеухие лисицы имеют довольно своеобразный ареал. Танзания — самая южная область их распространения в Восточной Африке, а затем они вновь появляются в южных и юго-западных частях Африки. Вероятно, это один из видов, у которых ареалы посредине пересекались обширным поясом лесов, пережившим еще 10 000—20 000 лет назад Африку.

Многие ученые полагают, что большеухая лисица вовсе не относится к настоящим лисицам. Это зависит от числа зубов — 46—48 маленьких острых шипов. Только сумчатые животные, зайцегубые хомяки на Ма-

дагаскаре и, конечно, киты³² побивают этот рекорд. Наша лисичка также не особенно похожа на обычных лисиц из-за ее пристрастия к насекомым, хотя она питается и небольшими грызунами, птичьими яйцами, ящерицами, фруктами и кореньями.

По своему образу жизни большеухая лисица сходна с редко встречающимся и пугливым земляным волком³³. Он обитает в сухих и открытых местностях, но его можно увидеть крайне редко. Земляной волк — сородич гиен, однако по размерам он не больше шакала, а по окраске напоминает полосатую гиену. На этом сходство кончается, поскольку земляной волк имеет прискорбно слабые челюсти, маленькие хилые зубы, которые предназначены для пережевывания насекомых, прежде всего термитов и гусениц, хотя земляной волк иной раз не отказывается и от птичьих яиц или какого-нибудь грызуна.

Гиены в Серенгети занимают выдающееся место в ландшафте, их можно наблюдать даже днем. Пятнистая гиена — самый распространенный вид, к которому я вернусь ниже при рассмотрении Нгоронгоро, а в Серенгети обитает также полосатая гиена, североафриканский вид, который крайне редко встречается к югу от экватора. Эти немногочисленные животные в Серенгети ведут в основном ночной образ жизни, поэтому труднодоступны для пристального изучения.

Хотя Серенгети преимущественно равнинная саванна, там имеется популяция слонов, которая за последние 30 лет значительно увеличилась, поскольку рост населения и расширение посевных площадей на окружающих территориях вынуждали этих животных уходить в национальный парк. Слоны периодически навещают озера, особенно Масак, окруженное густой лесной чащей. Река Серонера в центральной части Серенгети также была их излюбленным местом, пока дирекция парка не проявила беспокойство по поводу прекрасных эвкалиптовых деревьев по берегам реки, которые могут быть выкорчеваны слонами. Несколько лет назад было принято решение отгонять их к северу, где местность больше подходит для этих животных. Но теперь, когда слонов отогнали от Серонеры, ученые определили, что их воздействие на деревья по своим масштабам было не большим, чем то, какому эти деревья подвергаются в

естественных условиях. Таким образом, мы видим, что даже в такой природной области, как Серенгети, с развитой миграционной системой животных, человек считает вправе вмешиваться в природные процессы, чтобы якобы поддерживать «естественное» равновесие. Более подробно эти проблемы рассматриваются в разделе о долине реки Луангвы.

В национальном парке Серенгети, прежде всего в его центральной и северной частях, водятся носороги. Несмотря на то что они боязливы и осторожны, их популяция уменьшается из-за браконьерства. Как случилось, что носороги вовсе не встречаются в идеально подходящих для них кустарниковых зарослях вокруг озер Ндугу и Масак, никто не может сказать. Непонятно также, почему носороги снова появляются в Олдовайском ущелье и Нгоронгоро.

Поскольку мы заговорили о слонах и носорогах, пришла пора представить еще одно животное, у которого, как полагают, есть черты обоих, — это даман³⁴. Признаки слона столь примечательны, что горный даман, животное размером с зайца (30—40 сантиметров), упоминавшееся еще в Библии, считался ближайшим из ныне живущих сородичей слонов. Следует подчеркнуть слова «ныне живущие», поскольку горный даман отделился от древа развития слонов задолго до других давно вымерших видов этого рода.

Сходство со слонами проявляется в некоторых анатомических деталях, например, в строении желудка, зубов и передних ног, но картина осложняется. Согласно Астли-Маберли (Astley-Maberley, 1963), прочие черты их строения можно сопоставлять со строением грызунов, китов, лемурув, носорогов и даже птиц. Вероятно, горный даман воплощает в себе признаки какого-то очень древнего животного. Во всяком случае обнаруженные останки ископаемых горных даманы имеют возраст свыше 50 миллионов лет. Однако вряд ли горного даманы следует причислять к самым древним животным.

Горные даманы населяют экологические острова — останцовые горы и настолько тяготеют к своим скалам, что даже не позволили себя прогнать, когда около одного из таких останцов построили роскошную гостиницу. Поэтому «Серонера-Лодж» — самое лучшее место

для интересующихся этими животными. Здесь они обитают крупными группами (до 60 особей), которые разделены на семьи. Пища горных даманов, как и слонов, исключительно вегетарианская, другие черты сходства со слоном заключаются в том, что горный даман необычно долго живет для зверя такого размера и растет в течение всей жизни. У горного дамана хорошо развита система предупреждения: более старые самцы несут сторожевую службу, которая необходима, поскольку даман — прекрасная добыча для многих хищных птиц и зверей. Благодаря замечательной приспособляемости к среде горному даману удается кормить другие виды и удерживать численность собственной популяции на постоянном уровне.

Близкий родственник горного дамана в Серенгети — древесный даман. Их сходство настолько велико, что скрещивание дает потомство. Они различаются лишь по образу жизни: горный даман ведет дневной образ жизни и обитает на скалах в горах, древесный же — ночной и лазит по деревьям. Даманы обоих видов издают разнообразные звуки: к примеру, древесный даман по ночам испускает крики с нотками отчаяния и гулкие хрипы.

Больше других животных на равнине заметны, естественно, жирафы. Особенно много их на участках с кустарниковой и древесной растительностью из представителей рода акаций, составляющих основную пищу этих животных. Жираф издавна освоил саванны. В далеком прошлом его напарником в этом отношении был похотий на него вымерший короткошей сиватерий (*Sivatherium*).

До наших дней сохранился только один короткошей сородич жирафа — окапи. Его научное описание впервые было дано в 1901 г., а до того времени ни одному европейцу не удавалось увидеть окапи, скрывавшегося в густых лесах бассейна Конго. Хотя окапи обитает в лесной среде, ученые полагают, что некогда он жил в таких же открытых кустарниковых саваннах, что и жираф.

Все современные жирафы относятся к одному виду, и различия проявляются на уровнях подвидов. В Серенгети и Масаи-Мара водится масайский жираф, на шкуре которого выделяются причудливые пятна. Самец

может достигать в высоту 5,5 метра и весить 1200 килограммов. Когда жираф бежит иноходью по саванне, кажется, что он плывет, пересекая ландшафт. Полны изящества движения и несущегося галопом жирафа.

С высоты своего роста ему открывается превосходный обзор. Полагают, что у жирафа прекрасное зрение и что он относится к числу немногих млекопитающих (за исключением обезьян), обладающих цветовым зрением.

Слабая скученность жирафов объясняется тем, что замечательный обзор обеспечивает им зрительные контакты, которые жирафы могут поддерживать между собой в пределах гораздо большей территории, чем другие животные, и, вероятно, имеют представление, где находятся другие члены их рассредоточенных групп.

Таким образом, жирафы сохраняют связь, но держатся на определенном расстоянии. Этим животным как будто присуще мягкое отношение к своим сородичам. Только примерно равные по силе самцы могут горячиться. Они меряются силами, бьют друг друга головами по длинным шеям. На этой почве возник обычай играть в игру, которая у американцев носит название *pecking* (обнимание, нежничанье). Состязание в силе часто заканчивается тем, что победитель пытается попать ногами своего соперника. Если его не удастся повергнуть на землю теперь, то такое может произойти в другой раз.

Голова жирафа невелика и изящна. Регулятор кровообращения в головном мозгу исключает вероятность головокружения в то время, когда животное наклоняет голову, чтобы напиться³⁵.

Однажды я случайно увидела только что родившегося детеныша жирафа. Послед еще волочился по земле за матерью, словно погруженной в грезы и смотревшей на новорожденного, который только что освободился от околоплодной оболочки и был занят тем, что пытался устоять на ножках. Мать даже не пыталась помочь ему, когда он с неописуемым мужеством старался расставить ноги. Задние заплетались, а движения слишком длинных передних были некоординированны. Детеныш то и дело падал навзничь и, побарахтавшись, снова вставал — ведь ему предстояло стать самостоятельным животным. Малыш появляется на свет, падая, это падение наверняка предназначено для того, чтобы сразу заработали легкие. Самка кормит детеныша стоя.

Пока малыш старался устоять, его мамаша отошла на несколько шагов в сторону, чтобы сорвать немного листьев с акации, а затем повернулась к детенышу, который сумел уже сделать пару шагов на своих негнущихся ножках не падая. Он направился было к акации, но его инстинктивно потянуло к материнскому вымени, и он подошел к матери, позволившей себя обнюхать, но по-прежнему не пытавшейся руководить малышом. Прошло минут двадцать, прежде чем детеныш нашел и достал вымя. В очень неудобной позе, — прижавшись грудью к передним ногам матери и согнув голову под ее брюхом, — он с трудом высосал несколько капель молока, но мать снова отошла от него. Детеныш решительно заковылял следом и в таком же положении вновь пристроился к вымени.

Тем временем среди акаций показались два жирафа. Они приблизились к новорожденному, обнюхали его и медленно удалились. Детеныш и мать почти не реагировали на них. Спустя несколько часов мать отошла от своего малыша метров на двадцать. Это как бы подтверждало мысль о том, что жирафам не свойственна стадность — даже мать и дитя разобщены.

Хорошо приспособлена к жизни в саванне и зебра, расцветка которой замаскирована под преобладающие тона ландшафта. Она всегда производит благоприятное впечатление, шкура ее лоснится, как у ухоженного пони. Африканцы давно обратили внимание на здоровый вид зебры. Одно из народных преданий рассказывает, почему у зебры нет рогов. При сотворении мира все животные стояли в очереди к богу, который наделял их разными атрибутами. Только зебра оставалась на равнине, беспечно резвясь на травке, а когда прискакала к богу, рога кончились и зебре ничего не досталось.

Зебра относится к роду лошадей. Несмотря на здоровый вид, в ней кишит множество паразитов. Когда подножного корма достаточно, организм зебры вполне справляется с ними, но стоит выдаться трудному году, и паразиты одерживают верх. Вот почему иногда можно видеть павших зебр, по внешнему виду которых нельзя установить причину смерти.

Раскраска многих животных в глазах человека представляется маскировкой, и поэтому было выдвинуто много предположений по поводу резко контрастирующе-

го рисунка шкуры зебры. Однако стоит лишь взглянуть на нее в естественной обстановке саванн, чтобы понять, что полосы также служат для маскировки. Если подойти к животному поближе, то полосы сливаются в сплошной серый тон, особенно в солнечную погоду при сильной вибрации воздуха. Вблизи полосы, возможно, выполняют и защитную функцию: зебры движутся небольшими табунами, состоящими из жеребца, нескольких кобыл и жеребят, и, когда на такой табун нападает лев, не исключено, что колышющиеся полосы мешают ему сконцентрироваться на какой-либо одной особи. При рассмотрении маскировки, кроме того, необходимо помнить, что в животном мире только обезьяны и, возможно, жирафы, видят мир в цвете. Человеку, целиком зависящему в этом отношении от источников света, трудно представить себе, как маскировочная расцветка разных животных функционирует ночью, когда многие хищники отправляются на охоту.

В настоящее время в Африке обитают три вида зебр: зебра Грэви с ограниченным ареалом к северу от экватора; бурчеллова зебра, распространенная в Восточной, Центральной и Южной Африке, и крайне редкая горная зебра в некоторых местностях на юго-западе и крайнем юге материка. В Восточной Африке распространена бурчеллова зебра, которую часто называют зеброй Гранта. У нее имеется много подвидов, отражающих региональную изменчивость.

Еще в прошлом веке кроме трех приведенных видов выделяли еще один, обитавший в самых южных районах Африки, так называемую кваггу, более светлой окраски, одноцветными ногами и брюхом. Голландские колонизаторы, а позднее английские охотники-спортсмены решили, что квагги многочисленны и легкодоступны. Когда им говорили, что это животное может через сто лет исчезнуть в результате охоты, они смеялись.

Но квагга стала типичным примером того, как даже многочисленный вид восприимчив к интенсивному вмешательству. Квагга была полностью изгнана с территорий, которые поналобились для посевов, ее убивали ради мяса и шкур. Последняя квагга умерла в Лондонском зоопарке в 1879 г.

До сих пор мы рассматривали только крупных млекопитающих саванны, но ведь в травянистом ярусе то-

же кипит жизнь. Для хищных зверей и птиц грызуны и другие мелкие животные имеют такое же значение, как трава для копытных. Если внимательно приглядеться, повсюду можно заметить следы многочисленных грызунов, их ходы и норы. В первую очередь травяная мышь (*Avicanthus niloticus*) образует основу в трофической цепи хищных птиц, однако несметное количество небольших кошек, мангустов, шакалов, а иногда и более крупных животных, в разные времена обращались к этому неиссякаемому ресурсу саванн.

Хищные птицы саванны, поражают разнообразием видов. Круглый год там можно наблюдать типично африканских орлов, например, африканскую разновидность восточного степного орла, орла-скомороха, воинственного орла, элегантного хохлатого орла и бурого змеяда. В то время когда в Европе царит зима, состав хищных птиц в саваннах пополняется. Парадокс заключается в том, что европейцу предоставляется гораздо больше шансов увидеть европейских хищных птиц в Серенгети, чем в самой Европе. Здесь я могла подолгу рассматривать не только африканских соколов, коршунов и ястребиных орлов — от независимо держащегося сокола до крохотного дербника, который по размерам не намного больше жулана, но и обыкновенных пустельг, луговых и степных луней, которых на родине мне доводилось видеть нечасто.

Грифы занимают особое место в отряде хищных птиц. Они очень редко сами убивают свою жертву. Но не будь грифов, кустарниковые заросли утратили бы свежий воздух и болезни косили бы животных. Грифы-санитары с высоты своего полета внимательно оглядывают саванну и, увидев что-то привлекательное, тотчас же спускаются вниз и приступают к делу.

У них феноменально острое зрение и, кроме того, они обладают замечательной способностью использовать восходящие потоки нагретого воздуха. Ночи они проводят на деревьях или на высоких скалах, а по утрам, когда прогревается воздух, попадая в прогретый воздушный поток, уносятся ввысь и оттуда зорко обозревают землю, а также следят друг за другом: если спускается один, то за ним сразу же устремляются вниз и остальные.

В Серенгети распространены шесть видов грифов. Самый маленький из них — стервятник — придерживается более северных районов и Серенгети посещает спо-

радикаски. Он приобрел известность благодаря своему умению применять «орудия»: чтобы добраться до содержимого страусового яйца, он взлетает вверх, держа в клюве камень, а затем бросает его, пробивая таким образом прочную скорлупу. Это открытие в свое время вызвало сенсацию в широких кругах исследователей, считавших, что только человек способен использовать орудия.

Возле трупов можно насчитать до сотни грифов. В периоды, когда на низкотравных равнинах нет ни гну, ни зебр и все оставшиеся хищники питаются только мелкими животными, для грифов наступает голодная пора. Однажды на равнине между Ндуту и Олдоваем я видела более ста грифов у трупов газели Гранта, убитой гепардом. Пока в течение часа я наблюдала за ними, они яростно дрались, стараясь урвать лакомый кусок.

Дерутся между собой в основном грифы одного вида. У этих птиц, видимо, действует правило: каждый вид должен заполнять определенную экологическую нишу. Каждому виду предназначены свои части падали: гриф Рюпгеля и белоспинный гриф отрывают мякоть, ушастому грифу достаются жилистые куски, а меньшие по размерам белоголовый сип и стервятник довольствуются разрозненными остатками содержимого брюшной полости и кишечника. Грифов, конечно, нельзя сравнивать с хорошо воспитанными гостями на званом обеде, но драки, подобные тем, при которых я присутствовала, все же составляют исключение. Обычно грифы ограничиваются тем, что машут крыльями и шипят друг на друга.

Самая заметная птица в саванне — страус, который, как ни странно, походит на человека, когда бродит по равнине на своих длинных ногах в восхитительных развевающихся «юбочках». Длинная грациозная шея, красивая голова, большие глаза, окаймленные чересчур длинными, словно накладными, ресницами. Страус — единственная в саванне птица, которая не может летать, но зато отлично прыгает, защищается же она ногами, нанося меткие и сильные удары своему обидчику.

Интересно наблюдать за брачными играми страусов. (Я, впрочем, всегда полагала, что применение слова «игры» в данной связи вводит в грубое заблуждение — ведь речь идет о необычайно важной поре в жизни животных.) Перед началом тока ноги и шея самца приобретают красный цвет, как у индюка. Самцы начинают

неистово прыгать и бегать по саванне за самкой. Через равные промежутки времени она расправляет крылья и достает одним из них до земли. Самец понемногу приближается, пока не настигает ее, и тогда наступает его черед показать себя. Внезапно он опускается на колени и совершает круговые движения, одновременно раскачиваясь из стороны в сторону. Затем самец поднимается и вприпрыжку вновь устремляется за самкой, которая тем временем ушла вперед, как бы дразня его. В таком танце они пробегают огромные расстояния, пока не скрываются за горизонтом.

Обычно у страусов распространена моногамия³⁶, но иногда самец выбирает себе двух и более самок. В том случае, когда самок несколько, они часто откладывают яйца в одно гнездо, представляющее собой неглубокую ямку в земле. Самец — на редкость заботливый отец и в равной мере с самкой участвует в насиживании яиц. Одна самка откладывает 15—20 яиц, а если несколько самок кладут свои яйца в одну ямку, то она переполняется и часть яиц остается ненасиженной. Вероятно, поэтому в саванне порой встречаются брошенные яйца. Их можно со спокойной совестью принести домой и использовать для омлета. Одного яйца достаточно для приготовления пятнадцати больших порций омлета, который довольно приятен на вкус, но сильно отдает дичью. Скорлупа необычайно твердая, и я вначале удивлялась, как птенцы из нее вылупляются, пока не узнала, что у них на конце клюва есть яйцевой зуб и, действуя им как пилой, они проделывают небольшое отверстие, которое потом постепенно расширяется.

Полагают, что самец, имеющий более темную, чем самка, окраску, насиживает яйца ночью, а буровато-серая самка — днем, когда она по цвету сливается с саванной, но истины ради скажу, что видела самцов, насиживавших яйца и днем.

Вообще, и самки и самец — примерные родители. Они отважно защищают яйца и малышей от врагов, которых у них немало в небе и на земле. У родителей нелегкая забота сохранить птенцов и уберечь от опасностей. Очень любит лакомиться страусовыми яйцами и птенцами обыкновенный шакал. Тактика охоты на них хорошо отлажена: один из этих хищников делает вид, что нападает и тем самым отвлекает на себя страусов-родителей, а затем совершает резкий выпад в сторону и удирает. Тем временем его напарник уже расправляет-

ся с добычей. Впрочем, доля выживших птенцов немалая, нередко можно видеть группы из двадцати страусят.

Следующая после страуса по размерам птица в саванне — дрофа кори, крупнейшая из летающих птиц Африки. Она, так же как и страус, обитает на востоке и северо-востоке этого материка и, кроме того, на юге и юго-западе.

Это еще одно подтверждение существования лесного пояса, который в прошлом разделял южные и северные популяции саванн. Дрофа кори, хотя и может летать, предпочитает наземный способ передвижения. Близко к себе она никого не подпускает.

Очень заметна на равнине также птица-секретарь. Ее название объясняется тем, что своим оперением она походит на писца XVIII в.: плотно облегающие короткие, до колен «штаны», «пиджак» с длинными лапами, «напудренный парик», в который вдето несколько «гусиных», направленных назад перьев. Трудно было установить систематическую принадлежность этой птицы, образующей самостоятельное семейство³⁷. Считают, что это промежуточная форма между орлом и журавлем. Как некоторые орлы, птица-секретарь вьет гнезда на деревьях, совершает акробатические пируэты в воздухе во время тока и мастерски умерщвляет змей, но в отличие от орла секретарь никогда не падает с высоты на свою добычу. Журавлей она напоминает по внешнему виду и тем, как передвигается по равнине.

Серенгети, особенно район озера Ндуту, — удобное место обитания для журавлей, здесь можно встретить красивого венценосного журавля. На болотах водится много различных куликов. Богатство видового состава резко возрастает, когда в Европе наступает зима. Тут предоставляется возможность насладиться зрелищем куликов, чем мы в Северной Европе не особенно избалованы. Сидя у болота, я видела, например, ходулочников и шилоклювок, много видов зуйков и улитов. Если очень сильно повезет, заметишь и пастушка³⁸ — птицу с почти неземным красочным оперением. Это один из немногочисленных примеров в мире птиц, когда самка красивее и изящнее самца.

Над головой летают деревенские и городские ласточки, в кустах я видела европейских осоедов, сизоворонок и жулана. На равнине роются в земле каменки среди своих африканских сородичей. Это только часть пере-

летных птиц, постоянно или эпизодически посещающих Серенгети.

Лесли Браун (Brown, 1972) оценивает численность гнездящихся в Европе и зимующих в Африке птиц по меньшей мере в 600 миллионов особей. Клаудсли-Томпсон (Cloudsley-Thompson, 1969), эколог и знаток Судана, подсчитал, что не менее 145 видов европейских птиц проводит зиму в этой стране. К югу от экватора в южной Кении это число уменьшается примерно до 120. В экологическом отношении север Танзании и юг Кении относятся к одной и той же зоне, так что следует принять, что в Серенгети зимует такое же число видов перелетных птиц, как в Кении. Зато к югу от Серенгети данный показатель вновь уменьшается.

Самая красивая и видная из перелетных птиц в Серенгети — белый аист, считающийся в Европе крупным, но здесь заметно уступающий по размерам и страусу, и дрофе кори. Стаи белых аистов в Восточной Африке очень велики, в то время как у нас, в Европе, их можно видеть нечасто. Многие факты подтверждают, что белый аист теперь гнездится также к югу от Сахары, и это связано с некоторым увеличением численности его популяции в Европе.

В сезон дождей равнины посещает другой, чисто африканский перелетный вид — белобрюхий аист. Он всю свою жизнь проводит во влажных саваннах и гнездится в сезон дождей в саваннах северной Кении и сопредельных районов Судана. Когда там наступает засуха, он улетает к югу и появляется в восточноафриканских саваннах, где дожди начинаются в ноябре. В январе он улетает дальше на юг, где сезон дождей растягивается до апреля. В феврале мы снова встретим белобрюхого аиста в долине Луангвы. Во время своих перелетов он проникает на юг до Трансвааля (ЮАР), пока в мае не придет пора вернуться во влажную гвинейскую саванну.

Круглый год в Серенгети обитают еще три вида аистов — необычайно изящный седлоклювый аист, который всегда водится в болотистых местностях у озера Ндуту; крупный марабу, питающийся преимущественно падалью и часто разделяющий общество грифов, и красивый африканский клювач.

У водоемов водятся цапли, колпица, гуси, утки, ибисы и хохлатая лысуха. Иногда на озера парка прилетают фламинго, но здесь не бывает больших скоплений

этих птиц, как, например, на озерах Накуру, Богориа и Элементейта. В Танзании эти птицы в первую очередь направляются на озеро Натрон, где они гнездятся, а также на озера Магади, Нгоронгоро и Маньяра.

В зарослях кустарников слышны чирикание, писк и посвист многочисленных мелких пернатых, которые при ближайшем рассмотрении оказываются представителями разных видов мухоловок, славок, пеночек и славко-апалисов. Изредка промелькнет нектарница, а порой в зарослях можно увидеть астрильдов и райских вдовушек³⁹, которые во время тока в сезон дождей приобретают яркую окраску. В этот сезон встречаются кукушки, поскольку они совершают перелеты в пределах Африки.

В Серенгети нет нужды далеко заходить, чтобы любоваться зрелищем множества интересных птиц. У озера Ндугу водится не очень броская серо-бурая маленькая птица, размером примерно с европейского скворца, на которую посетители парка вряд ли обратят внимание. Речь идет о бурохвостом ткачике, ареал распространения которого, возможно, и ограничивается Серенгети-Нгоронгоро.

В местах отдыха он разделяет общество других ткачиков, а также бесстрашных и спокойных восточноафриканских скворцов — блестящего скворца, или скворца Гильдебрандта. У Серонеры можно увидеть наименее похожего на других скворцов красно-фиолетового блестящего скворца. Привлекателен попугай-неразлучник Фишера, который по пестроте расцветки напоминает пасхальное яйцо и имеет ограниченный ареал. Вносят оживление также миниатюрные красноклювые ткачики и канарейки.

В более густых кустарниковых зарослях, где попадают и деревья, есть возможность наблюдать различные виды дятлов и бородатку д'Арно (сородича дятлов), которая тоже питается гусеницами, личинками и насекомыми и устраивает гнезда в дуплах деревьев. В Олдовайском ущелье ее место занимает красно-желтая цесарка.

В зарослях ксерофитных кустарников и деревьев мы встречаем два вида жуланов — более распространенного беловенечного сороколута и почти незаметную птицу-колокольчик, меланхолические трели которой, напоминающие звуки флейты, выделяются в акустической среде саванны. Здесь же обращают на себя внимание

два вида птиц-носорогов — венценосного токо, которого мы уже встречали в густой зелени гор Абердэр, и токо ван дер Декена. У последнего ограниченный ареал, по внешнему виду он напоминает обычного красноклювого токо и местного токо Джексона, распространенного к северу от экватора.

Все птицы-носороги, кроме рогатого ворона, отличаются одинаковым, довольно специфичным поведением во время гнездования. Когда наступает эта пора, самец замуровывает свою подругу в дупле, где находится гнездо, оставляя лишь крохотное отверстие. Затем в течение всего периода гнездования самец обеспечивает самку пищей, а когда вылупляются птенцы, он приносит корм и для них. Но вот птенцы подросли и почти готовы летать — самка разрушает стенку дупла и благополучно выбирается наружу, правда, потеряв большую часть своего оперения. Возникает желание сравнить самца птицы-носорога с эгоистичным супругом и провести параллели с человеческими отношениями. Однако самке птицы-носорога нравятся ее оковы, она сама помогает себя замуровывать. Дупло надежно защищает ее и птенцов от хищных птиц и древесных змей.

В зарослях кустарников и деревьев обитают совы. По вечерам слышно, как они ворчат и кричат, но увидеть их удастся редко. Исключение составляет гигантский африканский филин, которого часто можно различить среди верхних ветвей акации, где он сидит днем.

Одна из африканских притч рассказывает, как сова свернула себе шею, следя за человеком, бегавшим вокруг дерева, на котором она сидела. Сова вертела головой до тех пор, пока замертво не свалилась вниз. У меня появилось желание проверить, возможно ли такое вообще. Однажды я увидела на акации гигантского филина, но эксперимент у меня не получился.

Филин внимательно наблюдал за мной, когда я начала бегать. На ходу трудно было следить за сидевшей высоко на дереве птицей: я рисковала сама свернуть себе шею. Филин невозмутимо поворачивал голову на почти полный оборот и затем резким движением возвращал ее в исходное положение, что сделал бы каждый. Когда я бежала третий круг, филин закрыл глаза, спокойно доверившись притче, возможно, ходившей в мире сов и говорящей о том, что человек, бегающий вокруг дерева, в конце концов упадет замертво.

Крайне примечательны на равнинах жаворонки и

каменки, живущие за счет богатой фауны насекомых. Здесь мы также встречаем типичные полупустынные виды — бегунков и особенно рябков. В Серенгети обитают четыре вида рябков. Среди них наиболее ярко выраженный обитатель сухих мест — желтогорлый рябок, распространенный на открытых равнинах к югу от Сахары. Неверно, что этим птицам требуется мало воды. Напротив, они регулярно, утром и вечером, летают на водопой к ближайшему источнику. Многим заблудившимся в пустыне удавалось спастись, следуя в направлении их полетов.

Не исключено, что и первобытные люди, передвигаясь по безводным территориям, держались курса перелетов желтогорлых рябков.

Мир зверей и птиц, с которым мы познакомились, был, вероятно, им хорошо известен. Люди, жившие некогда в районе Олдовайского ущелья, использовали местную фауну как источник не только пищи, но и возможных знаний о местности и о способах ориентировки на ней, что позволяло людям приспосабливаться к условиям природных условий и извлекать наибольшую пользу из окружающей среды, в которой они все более становились хозяевами.

Джордж Шаллер полагал, что многое в поведении первобытного человека могло быть инспирировано хищными животными, которые, таким образом, служили образцами при попытках реконструировать предполагаемую социальную организацию гоминидов. Человек, наверное, мог преуспеть в охоте, наблюдая, как ведут себя хищные животные, но гоминидам не доставало грубой силы льва, и они не могли охотиться по ночам, подобно гиенам. Даже если бы они могли научиться у львов охоте из засады, групповая охота африканских гиеновых собак⁴⁰ лучше всего показывает те возможности, которыми располагали гоминиды, чтобы одолеть крупных и быстрых животных. Нынешние бушмены знают, что можно утомить антилоп, если непрерывно гнать их: в таких условиях они проявляют меньше выносливости, чем человек, особенно когда несколько людей в погоне за животным могут сменять друг друга.

У павианов мы находим более четкие модели социальной организации, возможно, свойственной гоминидам. Остается предполагать, что строгая иерархия в об-

Ществе павианов заменилась более изменчивой, подхв-
дящей для ограничения созидательных способностей.
Тем не менее групповой состав, разнообразие пищевого
рациона, варьирующий язык и относительно длитель-
ный период развития у павианов обнаруживают все же
гораздо больше черт сходства с образом жизни перво-
бытного человека, чем с условиями обитания диких жи-
вотных.

Более подробно я расскажу о павианах дельты Ока-
ванго, здесь же только поделюсь одним из моих наблю-
дений в Серенгети, которое косвенно указывает на
связь между павианами и гоминидами, развивавшимися
в тех самых местностях, где я побывала.

Я сидела у озера Масак, где еще недавно не наблю-
далось постоянно обитающей группы павианов. Вдруг
я увидела двух павианов, которые спускались к берегу
на противоположном конце озера. В бинокль я могла
различить, что это были два взрослых самца с велико-
лепной шерстью. Судя по их величине, они были скорее
всего вожаками группы. Однако поблизости я не заме-
тила никакой стаи.

Их поведение поразило меня. Обычно павианы по-
стоянно издают какие-то звуки и ищут съестное. Эти
же были совершенно молчаливы и в течение почти чет-
верти часа ничего не собирали и не искали. Один из
них спустился к воде, но не за тем, чтобы напиться, а
просто попробовать воду на вкус. Потом оба медленно
пошли вдоль берега, часто останавливаясь и оглядыва-
ясь вокруг.

У меня сложилось впечатление, что они проводили
рекогносцировку незнакомой местности, может быть, с
намерением привести сюда свою группу, если новая об-
становка покажется им подходящей. Тогда я живо
представила себе, как путешествовали первобытные лю-
ди Олдовая. Вероятно, они постигали неизвестный мир,
посылая «на разведку» кого-нибудь из членов своих
групп в места, которые лежали вне сферы их опыта.

Велик путь от гоминидов до человека разумного и
его изменявшихся культурных форм, присущих поздне-
му палеолиту. Полагают, что типично человеческие
черты и, очевидно, язык были развиты тем самым чело-
веком прямоходящим, который появился на арене при-
мерно полтора миллиона лет назад; между тем счита-
ют, что человек разумный в своей современной форме
сложился около 70 000—50 000 лет назад и что распро-

Странение его культуры на все большие территории, включая леса, где нет следов пребывания более древних людей, произошло около 35 000 лет назад (Clark, 1970). В Серенгети и Нгоронгоро тоже имеются стоянки и предметы различных стадий каменного века, но нет оснований говорить о каком-то непрерывном заселении, существовавшем вплоть до наших дней.

Есть убедительные доказательства того, что люди бушменского типа были распространены на большей части Восточной Африки. Для племен охотников и собирателей характерно, что они хорошо вписываются в среду и оставляют там немного следов своего пребывания, однако в Танзании обнаруживают не только археологические памятники, свидетельствующие, что там существовала целостная бушменская культура, но и племена — хадса (или хадзапи) и сандаве, чья отрывистая речь обнаруживает известное родство с языком бушменов и готтентотов в Южной Африке.

Хадса и сандаве живут за пределами района Серенгети — Нгоронгоро и поэтому оказываются вне темы данной книги. Однако, поскольку они относятся к древнейшему населению Танзании, я все же вкратце коснусь их. Приведенные факты заимствованы у Джеймса Вудбёрна (Woodburn, 1964), изучавшего восточных хадса — племя из 400 человек, занимающееся скотом и собирательством в районе кустарниковых зарослей к востоку от озера Эяси, где водится муха цеце⁴¹. До недавних пор их территория занимала около 2500 квадратных километров, но за последние годы значительно уменьшилась под натиском соседнего земледельческого народа исанзу. Сандаве в настоящее время занимаются скотоводством и живут в деревнях, но переход к оседлости у них произошел недавно.

Тот факт, что хадса и бушмены являются охотниками и собирателями и их речь отрывиста, еще не означает, что они близки. Последние уцелевшие группы бушменов в Восточной Африке как раз были изолированы от основных групп на юге в течении двух тысячелетий и самостоятельно развивались в генетическом и языковом отношениях. Хадса внешне не похожи на бушменов, и их язык испытал сильное воздействие других языковых групп данного района.

Зато имеются данные, которые вполне подтверждают связь между культурами разных групп бушменов. Я имею в виду прекрасные древние наскальные рисунки в

Кудоя в центральной Танзании, то есть в местностях, где еще живут сандаве, что свидетельствует о характере культуры, которая распространялась через Восточную Африку и Замбию на юг до Южной и Юго-Западной Африки. Хадса служат примером племени, которое некогда было повсеместно распространено в Восточной Африке.

У хадса прежде всего изумляет отсутствие права собственности на землю, хотя для бушмена крайне характерна привязанность к определенной территории. Можно было бы сделать вывод, что это признак разложения культурных традиций племени. В то же время нет никаких свидетельств роста его за последние сто лет, но, поскольку область его обитания была довольно велика, возможно, не требовалось связи с какой-либо территорией, особенно если учесть, что в условиях крайне рыхлой социальной структуры группы распадались и перестраивались во все времена года. Возможно, хадса традиционно имели право селиться там, где им хотелось, то есть они не знали права собственности на землю, а потому не было и средств для защиты от посягательств чужеземцев. Отрицательные стороны данной системы впервые стали проявляться в последние годы, когда исанзу легко захватили земли, принадлежавшие хадса.

Племя в 400 человек само по себе может показаться слишком маленьким, чтобы сохранить язык и традиции, но Вудбёрн показал, что этого вполне достаточно, чтобы племени по крайней мере не угрожало растворение. Социальная организация, видимо, даже не испытала никаких более крупных изменений: состав групп настолько рыхлый, что Вудбёрн не употребляет термин «локальная группа», который применяется по отношению к другим племенам охотников и собирателей. Он говорит только о «лагере», то есть о группе людей, случайно оказавшихся на одной лагерной стоянке. Здесь может присутствовать от одного до ста человек, но Вудбёрн приходит к средней величине — 18 человек на одной стоянке. Эта стоянка редко обживается дольше, чем на две недели за охотничий сезон, и, когда люди уходят на следующую лагерную стоянку, то чаще всего все расходятся в разные стороны.

Это постоянное перемещение позволяет людям легче избегать конфликтов: если человек не может терпеть кого-нибудь в лагере, достаточно сказать, что ягоды в

другом месте вкуснее, и уйти. Вудбёрну было трудно получить какую-либо информацию о пищевом рационе групп и о том, как они, собственно, возникают и распадаются. Сделанное им заключение свелось лишь к тому, что хадса просто предпочитают жить совместно с другими хадса, но не с какой-либо иной группой.

Вудбёрн рассчитал, что хадса уделяют примерно около двух часов в день добыванию пищи. Этого достаточно, чтобы обеспечить им сбалансированный рацион, состоящий на 80 процентов из растительной пищи, остальное приходится на долю мяса и меда. Но, хотя вегетарианская доля в рационе столь велика, хадса считают себя охотниками, и, если их послушать, то можно подумать, что они питаются исключительно мясом. На самом деле собирательство ценится гораздо меньше, чем охота, и часто люди жалуются на голод только из-за нехватки мяса. Однако Вудбёрн не допускает, чтобы хадса могли умереть с голоду с теми знаниями о съедобных растениях, которыми они располагают, и по сравнению со своими соседями хадса более защищены от угрозы голода. Раньше, когда у исанзу бывал неурожай, они отправлялись вместе с хадса собирать пищу в кустарниках.

Поскольку хадса проявляют недовольство своим вегетарианским рационом, следует предположить, что в прошлом, когда было много диких животных, племя имело иной рацион. Члены племени были не только хорошими охотниками, но и искусными воинами, которые смело отгоняли льва от его добычи. Поэтому следует предположить, что в таких местностях, как Серенгети, первобытные охотники и собиратели получали большую долю своей пищи от мира животных. А благодаря своим познаниям обо всех съедобных растениях они могли переживать менее обильные дикими животными времена без особых затруднений. О том, насколько их собирательская культура походила на собирательскую культуру нынешних хадса, можно лишь строить предположения.

В исторические времена через Серенгети спорадически мигрировали охотники племени доробо (остатки этого племени все еще живут в своеобразном симбиозе с масаями), и сохранились следы возделывания земель у икома, одного из земледельческих племен бантуязычной группы. Затем появились масаи, которые как будто издавна независимо кочевали по восточной Африке.

ским саваннам. В районе Серенгети они поселились недавно.

Масаев часто еще причисляли к нило-хамитским народам. Правда, теперь ученые склоняются к мнению, что масаи и близкие к ним племена нанди, сук, туркана, карамоджо, лотуко, бари и динка не имеют «хамитских» корней, и термин «нилоты» постепенно вытесняет прежнее обозначение.

Масаи как племя, должно быть, выкристаллизовались в относительно позднее время, потому что впервые лишь в XVII в. эти высокорослые непобедимые войны внезапно появились на пути чужеземных нашествий. В течение более 200 лет они нагоняли страх и на бантуязычные народы и на остатки кушитских племен в Восточной Африке. Если поместить исходную область нилов в места между Нилом и северным берегом озера Туркана, то масаи двигались по направлению к юго-востоку и примерно в 30-х годах прошлого столетия натолкнулись на сопротивление хехе и гого, не уступавших им по силе. Они-то и отогнали масаев. На северо-востоке обитали племена галла и сомали, которые сами активно продвигались к югу, и около 1850 г. туркана прогнали масаев от западного берега озера Туркана к его южному берегу.

В настоящее время масаи господствуют на территории площадью около 60 000 квадратных километров в северной Танзании и еще почти 40 000 квадратных километров в южной Кении. На этой территории расположены самые замечательные ареалы дикой нетронутой природы, что в очень большой степени зависит от скотоводческого образа жизни масаев, презирающих земледелие. (Те группы масаев, которые из-за болезней скота и набегов забросили свои стада и были вынуждены обратиться к земледелию, чтобы выжить, были исключены из состава племени.)

Таким образом, масаи так же, как и муха цеце, стали как бы самыми последовательными «защитниками природы» в Африке. Жаль, что масаи не смогли извлечь большие преимущества из национальных парков и резерватов, созданных на их территории. Прежде всего в Кении, но также и в Танзании, пытались заставить масаев рассматривать эти территории как им принадлежащие и принимать участие в уходе за ними, но эти попытки не увенчались успехом. Масаи — гордый народ, отвергающий любое вмешательство в свои внутренние

дела, даже когда это в перспективе может принести выгоду. В результате на контролируемой масаями территории более всего развиты браконьерство и другие виды преступности. Такое положение необычно, поскольку масаи по традиции не занимались охотой.

В своих отношениях с другими народами масаи несколько заносчивы, что в современном мире неприемлемо. Теперь изворотливость и компромисс служат залогом успешных переговоров с местными властями. Интересами масаев неоднократно пренебрегали в прошлом. Англичане не могли понять их нрава, их заносчивости. Нынешние администраторы из банту также обнаруживают малое понимание своеобразной культуры масаев и предлагают «реформы», плохо отвечающие интересам этого народа.

Небезынтересно, что часть реформ, которые хочет провести независимая Африка, прямо заимствована из арсенала европейских представлений и не подходит для местных условий. Например, в Танзании несколько лет назад проводилась кампания за то, чтобы масаи носили брюки — требования приличия, заимствованные из викторианской Англии. Масаям делает честь то, что они у себя дома и на пастбищах плюют на эту негигиеничную затею.

Менее заметное, но более глубоко идущее воздействие оказало другое вмешательство. Масаи издавна противились европейской ветеринарии и ее контролю, но понемногу осознали ее преимущества, которые означают, что можно создавать прекрасные стада. Одно из последствий этого движения свелось к тому, что масаи теперь впервые утратили равновесие с окружающей средой.

Люди пожали плоды этого вмешательства, но упорно отвергали другую сторону дела, не желая продавать избыток скота. Подобное отношение, впрочем, проявляется не только у масаев, но и у большинства африканских народов, занимающихся скотоводством.

В соответствии с ростом поголовья скота и истощением пастбищ увеличивается потребность в земле. Здесь масаи также оказались в состоянии конфликта с обществом, которое организовало национальные парки на месте их пастбищ. Я лично считаю, что парки неопценимы и должны рассматриваться как культурное наследие всего человечества, но вместе с тем понимаю, что борьба за сохранение их исключительной культур-

ной ценности в условиях Восточной Африки оборачивается для масаев боком.

Несколько подчеркивая остроту проблемы, можно констатировать, что масаи могли бы продолжать вести традиционное скотоводство в национальных парках, не слишком разрушая природу, однако современное животноводство, основанное на новейших достижениях ветеринарии, несовместимо с интересами охраны природы. Иногда утверждают, что масаи впервые вторглись в Серенгети в район останцовой горы Мору на рубеже двух последних столетий и что, иными словами, они не имеют каких-то особо древних прав на эти земли. Тем не менее масаи оказались в трудном положении, когда был создан национальный парк. Бернгард Гржимек, который больше, чем кто-либо иной, боролся за сохранение района Серенгети — Нгоронгоро как экологического целого, преисполнен спокойной уверенности в том, что участки дикой природы немногочисленны и драгоценны, тогда как людей неисчислимо много и они заменимы, и в отдаленной перспективе, он, разумеется, прав. Не было проявлено особой жесткости, когда масаев выселяли, поскольку в их владении остались обширные территории, однако в нынешних условиях потребность в земле растет, и становится все труднее поддерживать ошибочное мнение, что национальные парки следует учреждать только в тех местностях, которые в прошлом никогда не использовались человеком. Многие защитники природы с горечью говорят, что в будущем Серенгети мало-помалу растащат по кускам, до тех пор пока оставшаяся часть окажется слишком малой, чтобы осуществлялись миграции и другие формы деятельности животных, требующие пространства.

В свою очередь я, напротив, разделяю мнение, что правительство Танзании полностью понимает экономический потенциал национального парка и также преисполнено желанием сохранить культурное наследие, которое представляют собой парки. Требования и пожелания масаев поэтому в равной степени неприемлемы и для европейских защитников природы, и для правительства Танзании, которое должно вынести окончательное решение.

В этом причина двойственного отношения к масаям и туристам, которое проявляется в официальных кругах Танзании, и атмосфера напряженности знакома посетителям национального парка в Восточной Африке.

Масаи менее всего заслуживают сожаления в собственных глазах. Напротив, они смотрят на нас свысока и благодарят судьбу за то, что они, к счастью, не такие, как мы. Если бы привить им традиции европейской культуры, то, наверное, идеалом для них была бы Спарта. Масаев восхищает физическое совершенство, они презирают излишние удобства, что хорошо иллюстрирует незамысловатая загадка, приведенная в эпиграфе к этому разделу.

Выносливость, железная выдержка и ловкость — вот свойства, которыми действительно восхищаются масаи. Племя расширяло свой ареал в периоды непрерывных набегов и нападений, их культура строилась на воинских заслугах. Лучшее время в жизни масая — это его годы молодого воина — морана, начинающиеся с обряда посвящения в подростковом возрасте и продолжающиеся до официального перевода в круг взрослых людей, когда он создает семью и обзаводится стадом. По традиции, молодые воины входили в защитные и наступательные отряды племени. Воина не считали полноценным мужчиной, пока он не убивал другого мужчину. Мораны жили сообща в особых хижинах-маньяттах и в мирное время не несли никаких обязанностей перед обществом. Многие из их набегов были просто времяпрепровождением: молодым воинам надоедало состязаться в силе, им хотелось показать, на что они были пригодны в подлинной борьбе.

После того как англичане в наказание за убийство стали отправлять на виселицу, моранам пришлось демонстрировать свои мужские достоинства иным способом. Популярным развлечением было убивание льва копьем, но, прежде чем это совершить, смельчак должен был дернуть льва за хвост! Вся жизнь масаев вращается вокруг скота. Их предания о сотворении мира говорят, что бог дал им весь скот в мире. Поэтому воровать его у других народов — не только демонстрация мужской силы, но прежде всего способ вернуть свою законную собственность. Традиция набегов столь сильна, что они все еще происходят, несмотря на бдительность полиции.

Объект набегов масаев в Серенгети — бантуязычный народ сукума, живущий у озера Виктория. Сукума немедленно наносят ответные удары, и таким образом скот перегоняется по саванне в противоположных направлениях.

Несколько раз за время моего пребывания в районе Ндуту случалось, что вооруженные масаи приходили в лагерь, поднимали на ноги охрану парка и полицию: ночью напали сукума и ушли, уведя с собой 1500 коров.

Мне казалось это преувеличением. Я удивлялась, как можно было ночью увести такое множество животных на такое огромное расстояние. Присутствовавшие объяснили, что это вполне вероятно, так как для подобной операции требуется всего 15 человек. Три человека отвечают за стадо в 300 голов, а чтобы гнать их быстро, мажут дурно пахнущим отваром, сделанным из убитой гиены, вожака стада — корову, которая бросается в путь, как безумная, чтобы избавиться от неприятного запаха, остальное же стадо слепо несется за ней. Все стадо прогнали как раз мимо озера Ндуту, но никто из нас ничего не слышал, настолько молниеносно и бесшумно это произошло.

В наши дни набеги редко осуществляются путем нападений, отвечающих всем правилам. Небольшая группа сукума лежит в укромном месте поблизости от стад, принадлежащих масаям, несколько дней и ведет наблюдения. Они нападают перед сумерками, прежде чем пастухи уведут скот в загоны, обнесенные колючей изгородью, которая защищает от львов и гиен. Обычно скот пасут маленькие мальчики, и, прежде чем они поднимут шум, воры со скотом находятся уже далеко в пути. Похитители обычно выбирают лунные ночи, чтобы видеть ориентиры на дороге. Когда путь через Серенгети пройден, скот быстро делят между разными деревнями, чтобы затруднить его опознание, или угоняют основную часть скота через границу в Кению, где его продают.

Масаи у озера Ндуту бряцали своими копьями и клялись отомстить. Несколько позже мы услышали, что в свою очередь они совершили набег против сукума и увели с собой примерно столько же голов скота. Таким образом скот перегоняется то в одном, то в другом направлении, так что в конечном итоге будто бы вообще не происходило никаких набегов. Однако те, кто знают масаев, считают, что эти набеги как выражение их замечательной средневековой рыцарской этики должны продолжаться. В местностях, где властям удалось положить им конец, молодые незанятые мораны очень часто обращаются к обычной преступности. Я сама чувствовала себя в безопасности в Серенгети, где набеги, пере-

катывавшиеся волнами по равнине, предоставляли моранам достаточную возможность активно действовать, тогда как на мой лагерь в Масаи-Мара, где набеги с угоном скота в целом прекратились, было совершено нападение и он был дочиста обворован.

Сегодня воруют скот, завтра грабят туристов. У обворованного туриста было бы еще больше поводов чувствовать себя униженным, если бы он не знал, как высоко масаи ценят своих коров. Если они восхищаются ландшафтом, то лишь потому, что это хорошее пастбище и своим внутренним взором они видят его заполненным скотом. Цель масая — создать как можно большее стадо. Масаи продают корову только в случае крайней необходимости и забивают ее неохотно. Как и во многих других районах Африки, козлятина составляет главную часть мясной пищи; только в торжественных случаях устраивается мясной праздник и забивается бык. Повседневная пища морана — кислое молоко, иногда с примесью свежей крови. Для этого вскрывают вену у коровы, а затем ее вновь закрывают. Ныне временами покупают кукурузную муку у соседних племен и готовят из нее кашу, но у масая, соблюдающего традиции, любая еда растительного происхождения вызывает отвращение. Настоящий мужчина питается только кислым молоком, кровью и мясом.

Поскольку масаи могли свободно перегонять свои стада по равнинам, они развили лучшее скотоводство в Африке, прежде всего благодаря наблюдению за сезонными миграциями гну и переносу их цикличности на свой домашний скот. Масаи также прекрасно поставили ветеринарное обслуживание и научились бороться с внутренними паразитами скота. Прежде всего они следили за тем, чтобы скот не часто посещал один и тот же район в течение года. Но это не помогало предотвращать падеж скота.

Катастрофе предшествовало страшное предсказание Мбатiana, знахаря и духовного вождя племени. В видении перед ним предстали чужеземцы, выходящие из большой воды. Они были такой же окраски, как маленькая бесцветная лягушка, и их одеяния напоминали крылья бабочек. Они несли с собой волшебные палки, извергавшие огонь. Признаком их появления в скором будущем должен был быть сильный голод, вызванный массовым падежом скота. Всему скоту и всем людям предстояли ужасные страдания.

Мор скота свирепствовал в Восточной Африке на протяжении большей части 80-х годов и повторился в 90-х годах прошлого века. Существует версия, что в страну масаев болезнь занесли со своим скотом масаи-лайкипия, совершавшие набег на масайские племена, обитавшие в районе нынешнего Найроби. Вначале вымерло все поголовье скота, принадлежавшее группе лайкипия. Считали также, что это божья кара, поразившая масаев-лайкипия за то, что они напали на своих сородичей, но эта кара постепенно распространилась на всех масаев. Поскольку скот погибал массаами, не стало ни мяса, ни молока, ни крови. Дикие животные саванны тоже гибли от эпидемии, а соседние племена не могли поделиться урожаем, ибо падеж скота совпал с засухой. Обессиленные масаи становились легкой добычей инфекционных болезней, особенно оспы, которая привела к сильному сокращению их численности.

В этом причина того, что европейцы вряд ли встречали какое-либо сопротивление, когда они присваивали земли, принадлежавшие масаям и кикую. Позиция масаев, кроме того, ослаблялась из-за внутренних раздоров между основными группами племени. Еще раз почти точно повторилась библейская притча об Исааке и Иакове, так что вряд ли вновь стоит подробно вдаваться в эту тему.

В социальной организации масаев нет места для вождей, но большое влияние приобрели искусные знахари, которые благодаря своим сверхъестественным способностям выполняли функцию вождей, особенно в случаях войн и кризисных ситуаций. Мбатриан был самым крупным лайбоном из известных в истории, и после смерти его место должно было отойти к старшему сыну Сенденю, однако младший сын Ленана сумел провести умиравшего дряхлого отца и уговорил передать ему бразды правления.

Это раскололо племя на две группы. Одна из них решила, что, поскольку формально регалии власти получил Ленана, он и обладает всеми полномочиями. Заметим, что Ленана, вероятно, унаследовал яркую индивидуальность от своего отца, и неудивительно поэтому, что старый Мбатриан дал себя обмануть. Другая группа считала, что надо придерживаться традиций, и на этом основании Сенденю бесспорно должен быть выбран племенем и Мбатрианом. Оба претендента пользовались, видимо, одинаковым авторитетом, и все кончилось тем,

что Сенденью стал вождем масаев в пределах нынешней Танзании, а Ленана — вождем масаев в Кении. Они помирились в 1902 г., но к тому времени англичане уже прочно закрепились в Кении, а немцы — в Танзании, и масаи упустили возможность изгнать чужеземцев, по окраске сходных с бесцветной лягушкой.

Масаи рано начинают участвовать в трудовых делах племени. Девочки помогают матерям по хозяйству, а мальчики становятся пастухами. Подолгу находясь в саванне, мальчики узнают все необходимое об уходе за скотом и приучаются сами себя обслуживать. Это основа мировоззрения масаев. У них есть выразительный вариант поговорки: «Хороший мужчина сам себя обслуживает». Гиена говорит: «Мне не то что везет, просто у меня крепкие ноги». По моему мнению, крепкие ноги масаям дала саванна. Они такие длинные и прямые, блестящие, как мокрое железо, от жира, которым натираются, и стройные, как копыя. Масаи передвигаются со стадами по много часов в день или неподвижно стоят, прислонившись к копыю и опираясь ступней одной ноги о колено другой. В них есть что-то величественное, когда они путешествуют по саванне, облаченные в красные шерстяные одеяла, звенящие украшениями из латуни и железа и сверкающие от жира и охры. Они почти всегда носят с собой копыя и рассказывают, как десяти-двенадцатилетние мальчики прогоняли и даже убивали львов, нападавших на их стада.

Говорят, что львы умеют отличать масаев от других людей. Туристы могут сидеть в своих машинах и рассматривать львов на расстоянии вытянутой руки, но, увидев масаев еще издали, животные удирают.

Несмотря на огромную самоуверенность, исходящую от масаев, сами они расценивают себя все же не так высоко, как свой скот. Они, например, считают, что обычные люди умирают, как домашние животные, и поэтому до последнего времени погребали только знахарей и влиятельных людей. Остальных уносили в заросли кустарников, где гиены так же эффективно, как у нас крематорий, позаботились бы о том, чтобы труп был быстро и гигиенично уничтожен. Этот обычай практиковался многими другими племенами Восточной Африки, но не был известен в Южной. Здесь, вероятно, кроется причина того, что гиены в Восточной Африке гораздо меньше боятся человека, чем в Южной.

Хижины строят женщины. Это округлые в плане со-

оружения из глины и навоза, настолько низкие, что в них невозможно стоять во весь рост. До обмазки они напоминают каменные глыбы, разбросанные по склонам. Зато мужчины доят драгоценный скот и устанавливают изгородь из колючей проволоки вокруг загона, где животные ночуют.

Во время скитаний по саванне со скотом масаи, разумеется, стали отличными знатоками природы. В современном обществе эти познания используются туристскими организациями и Управлением охотничьего хозяйства. Масаи — исключительно опытные проводники и егеря. Браконьерский синдикат также пытается привлекать их для своих целей, вследствие чего острота конфликтов масаев с властями усиливается. Каждый встреченный в Серенгети масай рассматривается как потенциальный браконьер. Егеря и браконьеры в Серенгети ведут настоящую войну, наблюдая за которой посторонний посетитель приходит к выводу, что это весьма действенный способ настроить местное население против идеи национального парка.

Прежде браконьерство в Серенгети было слабо развито, однако теперь распространилось из-за участия в нем местного населения. Согласно официальному сообщению о состоянии национальных парков Танзании в 1977 г., браконьерство в Серенгети проявлялось в большей степени, чем во всех других парках, вместе взятых. Браконьерскому синдикату удалось одержать верх над властями: ни запрещение любого вида охоты раз в два года, ни запрет на вывоз продуктов охоты не могут остановить браконьерство.

Если рассматривать эту проблему с более широких позиций, то фактор браконьерства сам по себе наносит менее ощутимый удар по диким животным по сравнению с фактором роста численности населения. Иными словами, браконьерство — лишь одно из проявлений общего развития цивилизации: **участки дикой природы** сокращаются, тогда как растет число людей, отправляющихся охотиться на животных или собирать съедобные растения. Тот, кому удастся разрешить проблему браконьерства и одновременно удовлетворить нужды местного населения, будет достоин всяческого уважения.

В настоящее время масаи лишились даже права собирать дикий мед на периферии парка Серенгети. Возмущенные этим запретом, они соорудили несколько хижин поблизости от озера Ндугу, в пределах территории

национального парка, но полиция и войска сожгли эти хижины, а жителей прогнали. В результате масаи неприязненно относятся к парку и всему, что с ним связано.

Многие защитники природы и егеря считают, что массив Нгоронгоро с кратером и окружающими возвышенностями служит естественным продолжением национального парка Серенгети. Поэтому они были явно разочарованы, когда данный район получил лишь статус охраняемой территории (Conservation area). Сам кратер целиком находится под охраной закона, а в остальной части района масаям, которые жили здесь последние 200 лет, разрешено пасти скот, правда, с некоторыми ограничениями⁴².

Никто так не скор предсказывать «гибель богов», как защитники природы, однако пока система действует удовлетворительно. Я не решилась бы прогнать тысячи людей с территории, на которой их домашний скот и дикие животные вполне уживались между собой сотни лет. До 1959 г. большая часть района входила в состав парка Серенгети, но со времени отделения прошло 29 лет, кратер Нгоронгоро остается единственным в своем роде «микрокосмом», который существовал всегда, а окружающие его возвышенности, получающие массу осадков, все еще являются зонами возобновления диких животных и одисновременно лучшими пастбищами для скота, чем многие другие территории, населенные масаями. Конфликты между егерями и масаями, конечно, не устранимы, они возникают особенно в тех случаях, когда масаи перегоняют стада в кратер Нгоронгоро или начинают выжигать траву, но эта область отнюдь не напоминает разоренную выжженную землю без единого уцелевшего животного, какой ее рисовали в природоохранных кругах в 1959 г. Об этом упоминалось выше, но стоит повторить, что масаи разбираются в вопросах защиты природы, а также умеют учитывать главное на фоне частных эгоистических интересов.

Охраняемая территория Нгоронгоро охватывает 8320 квадратных километров. Ее граница проходит восточнее основного кратера, а на западе смыкается с низкотравными равнинами Серенгети. Олдовайское ущелье целиком находится в пределах охраняемой территории. Кроме основного кратера она включает также кратер Олмоти, где можно увидеть зебр, гну и канн, пасущих-

ся поблизости от стад домашнего скота (такого мирного сосуществования нет в других местах), и отдаленный нетронутый кратер Эмпаакай, который Лесли Браун назвал самым красивым местом в Африке.

Кратер Нгоронгоро, наверное, фотографировали больше других объектов. Крупные иссиня-черные стенки кратера создают величественный фон для разных сюжетов. В этом районе за пару часов можно увидеть многих восточафриканских животных на близком расстоянии благодаря тому, что здесь давно не велось никакой охоты. Впрочем, эти места нельзя назвать раем для туристов, особенно с тех пор, как была закрыта граница между Танзанией и Кенией. Кроме того, туристам приходится вносить большую плату за несколько часов пребывания в кратере и вокруг него. Однако туристические организации Танзании знают, что настоящие любители природы всегда готовы раскошелиться: вряд ли еще какая-нибудь кратковременная поездка по Африке принесет столь глубокое удовлетворение.

Край кратера расположен на высоте 2324 метра над уровнем моря, отметка дна — 1707 метров. Следовательно, стенка кратера поднимается на 617 метров относительно дна, площадь которого 264 квадратных километра, а диаметр от 16 до 19 километров. Нгоронгоро — шестая по величине кальдера в мире, но если учитывать только неразбитые и незатопленные кальдеры, то Нгоронгоро — самая крупная из них.

Кратер — вселенная в миниатюре, как в отношении фауны, так и типов местообитаний. Верхняя часть кратера характеризуется типичной горной флорой и фауной, тогда как на дне его представлены характерные равнинные виды.

Прогулка по краю кратера для приехавшего из лесов Абердэр кажется возвращением в родную стихию: в воздухе носятся старые друзья — нектарницы, ткачики и мухоловки, на деревьях висит тот же «испанский мох», так же прохладно и туманно. Угольно-черные огромные буйволы, бродящие около гостиниц, словно полуручные, в лесах Абердэр чувствовали бы себя как дома. Здесь водятся даже большие лесные свиньи, хотя они и менее заметны, чем их соплеменницы в Абердэр.

Помимо названных птиц в Нгоронгоро представлены и другие виды, которые свидетельствуют, что горные леса в разных частях Восточной Африки оказались обо-

Собленными достаточно давно, чтобы там развились специфические виды. Наиболее яркий пример — турако. В отличие от турако Хартлауба, который в лесах Абердэр часто сидит на дереве у всех на виду и кричит, обыкновенный турако в Нгоронгоро более робкий и молчаливый. Зато со своим длинным элегантным хохолком и блестящими красными крыльями он выглядит импозантнее, чем турако Хартлауба с его одноцветным зеленым оперением с металлическим отливом.

Когда край кратера окутан дождевыми облаками и непроницаемым туманом, озеро на дне его часто освещено солнечными лучами. Розовая пена, словно окаймляющая озеро, при близком рассмотрении оказывается тысячами фламинго. Уровень воды зависит от количества выпадающих над кратером осадков (не более 760 миллиметров в год — примерно как в Серенгети), кроме того, ее запасы пополняются за счет ручьев, стекающих по лесистым стенкам кратера. Иногда над кратером льют проливные дожди, что оказывает пагубное воздействие на природу. Наибольшее количество осадков, выпадающих в этом районе, — 1150 миллиметров. Избыток влаги отражается на растительности. Леса Лерай частично затапливаются на длительное время, и гибнет много эвкалиптовых деревьев.

В кратер спускаются по двум тропам, искусно вырубленным в его стенке и предназначенным только для туристов. У масаев есть другие тропинки, по которым они перегоняют вниз скот, а дикие животные заходят в кратер и выходят из него своими путями. В кратере не встретишь жирафов, но это не значит, что они не могут спуститься туда, — просто там нет всего необходимого для их пропитания. Зато много жирафов встречается на окружающих кратер возвышенностях.

Таким образом, происходит постоянное движение в кратер и обратно, хотя он во многих отношениях и представляет собой обособленную экосистему, то есть некоторые животные проводят там всю жизнь. Среди них в первую очередь надо назвать гиппопотамов, обитающих в озере. Полагают, что предки их проникли в кратер тысячи лет назад во влажный период. Хотя озеро располагается на 600 метров ниже окружающей территории, Нгоронгоро следует рассматривать как экологический остров, обитатели которого находятся в равновесии с окружающей средой, пока функционируют механизмы природного контроля.

Отдельные виды животных изучены в Нгоронгоро обстоятельно, поскольку этот ограниченный и обозримый район идеально подходит для данной цели, однако миграции здесь еще исследованы довольно плохо. По поводу гну можно лишь сказать, что только некоторые особи мигрируют из кратера, а большая часть популяции постоянна. Что же касается носорогов, то некоторые из них иногда покидают кратер и им плохо приходится в обжитых местностях, большинство же всю жизнь проводят там. О миграционных движениях можно судить по извилистым тропинкам, проложенным дикими животными на стенках кратера.

На дне кратера удивительное многообразие местообитаний. В нижнем ярусе кратера, чуть выше озера, в сухой каменистой местности, поросшей колючими кустарниками, живет пара дикдиков. Ниже, на равнине, водятся гну, зебры и газели. Здесь мы снова встретим большеухую лисицу и два вида шакалов, обитающих и в Серенгети, они разделяют общество третьего вида — полосатого шакала. Нгоронгоро — одно из немногих мест, где есть шанс в течение одного часа увидеть все виды африканских шакалов. Самая глубокая часть кратера занята упоминавшимся озером, окруженным болотами, куда приходят слоны и буйволы. Вблизи болот, в зарослях кустарников можно встретить больших редунок, или тростниковых козлов, а также крупных антилоп — канн. Наконец, здесь есть два небольших лесных массива, в которых обитают импалы, конгоны, бушбоки, водяные козлы и павианы. Изредка попадаетея и леопард.

Эпизодически наблюдались в кратере гиеновидные собаки, но постоянной стаи там нет. Зато большим постоянством отличается популяция гиен. Эти животные впервые были обстоятельно описаны Хансом Крууком (Кгуик, 1978), автором великолепных исследований, которые оживили вековые предания. Гиены, живущие в районе Нгоронгоро, весьма смелы, более упорны и удачливы в охоте, чем львы. Социальная структура гиен чрезвычайно хорошо приспособлена к потребностям стаи. Охотятся гиены по ночам. Когда утром их застают возле убитой жертвы, виновником считают льва, успевшего скрыться. Иногда в Нгоронгоро лев живет за счет гиен: есть свидетельства, что он не стыдится бежать за стаей, которая убивает своих жертв. Картина же льва, пускающего слюну у своей «добычи» в окруже-

нии стаи гиен, способствует упрочению представлений, что сами гиены не охотятся.

В Нгоронгоро имеется обычная по размерам популяция львов, этих великолепных бесстрашных созданий, которые охотно позволяют себя рассматривать, однако район все же ограничен по числу охотничьих участков. Поэтому, если обычную популяцию львов сравнить с огромной популяцией гиен, которых можно наблюдать даже днем, здравый смысл подсказывает, что последние зависят от остатков трапезы львов, и тогда напрашивается вопрос, не относятся ли эти гиены к какой-то особой разновидности, которая может жить воздухом и любовью?

На самом деле оказалось, что гиены играют гораздо большую роль, чем львы, в деле поддержания равновесия в мире животных. Круук полагает, что только гиены поддерживают численность гну на постоянном уровне, тогда как Ричард Эстес, изучавший гну в Серенгети — Нгоронгоро, считает, что по крайней мере половина всех телят гну выживает после первого года, что должно означать некоторый избыток их численности. Иными словами, позиция Эстеса сводится к тому, что равновесие достигается за счет совместного влияния хищничества и миграции.

Вполне возможно, что Нгоронгоро занимает одно из первых мест в мире по плотности гиен. И это, конечно, результат исключительной доступности добычи. Основной объект охоты гиен — антилопы гну, зебры и небольшие антилопы. Все дно кратера разделено на территории, принадлежащие стаям до 50 особей в каждой (еще один признак легкой доступности добычи: в районах с менее благоприятными условиями столь большие группы не могут прокормиться). Гиены активно защищают свои территории, поэтому кудахтанье, гогот, вой и раскатистый хохот, которыми оглашаются ночью заросли кустарников, вовсе не обязательно исходят от гиен, убивших своих жертв: эти звуки могут также издавать члены разных групп при встречах у границ своих территорий — своеобразные аккорды психологической войны.

Гиены выкармливают своих детенышей в земляных норах и пачкаются кровью и внутренностями убитых животных. Многие находят их отвратительными, уродливыми чудовищами, зловонными, — пример того, как предрассудки воздействуют на наши представления. На

прогулках с туристами я нередко слышала возгласы, как противна гиена, хотя мы видели очаровательный экземпляр — только что искупавшуюся в водоеме гину с густой красно-бурой гривой и изящно распределенными пятнами на светлом, бежевато-буром фоне. Гиена вовсе не грязнуля, ее так же как свинью зря оклеветали. Она любит лежать в каком-нибудь водоеме, а потом погреться на солнце. Правда, в целях защиты от клещей и других паразитов она периодически «купается» в грязи. «Грязевые ванны» также приятно освежают и исцеляют раны после жестоких схваток за «хлеб насущный».

Стая гиен на охоте может напомнить дьяволов с картин Хиеронимуса Босха⁴³: столь устрашающими они кажутся и столь безнадежно обреченной выглядит их жертва. Однако охота и для них нелегкое занятие, поэтому охотятся они только в тех случаях, когда голодны. Если гиена умирает или получает увечье, на нее накидывается стая и пожирает. Кстати, также поступают львы — форма каннибализма, которую нельзя считать необычной среди хищных животных. Это, конечно, способствовало дурной славе гиен, так же как и ее отталкивающая (в глазах человека) привычка следовать за беременными гну и хватать детеныша, как только он появится из родовых путей, или разрывать на куски самку, когда она совсем еще беспомощна. Отвращение, которое испытывает в такие моменты человек, разумеется, лишь факт переноса им своих восприятий на естественный процесс. Природа сама распорядилась обречь некоторый процент самок и детенышей гну на гибель.

Раньше пользу гиены объясняли тем, что она преимущественно убивает больных и старых особей, поддерживая здоровье популяции. Хотя это отчасти правомочно (больное или старое животное легче поймать), имеется очень много свидетельств, указывающих на то, что гиена мало специализируется на оказании помощи в умерщвлении. Зато она сыграла значительную роль в эволюции гну. Феноменально быстрый отел этих антилоп, ограниченный период его и факт, что детеныш сразу после рождения может выдерживать ритм движения всего стада, должно быть, сложились под сильным влиянием гиен.

Наверняка и по сей день гиены способствуют генетическому отбору у гну, поскольку быстрые и бдительные особи имеют наибольший шанс передать свои гены по-

томству. Поскольку этот отбор происходил на протяжении миллионов лет, легко понять, что жизнь гиен не столь легкая, как можно было бы предположить. Чисто физиологические факторы способствуют тому, что антилопы становятся такими быстрыми, а гиены — столь непревзойденными групповыми охотниками. Антилопы и гиены развивались рядом, в условиях жестокой конкуренции.

У гиен царит строгая иерархия — каждый член стаи знает свое место. (Такой порядок наблюдается почти у всех хищных зверей и приматов.) Последовательность подчинения в этой иерархии, конечно, не постоянна: ни один вождь не удерживается во главе стаи до самой смерти. Как бы то ни было, приходится признать, что иерархия — одна из важных движущих сил в природе, — ведь проявляется забота о том, чтобы поведение стаи определяли наиболее сильные и подходящие особи.

Однажды я наблюдала за детенышами гиены в течение нескольких часов после полудня и начала размышлять о том, насколько врожденная индивидуальность и предприимчивость, по-видимому, предопределяют место животного в иерархии подчинения.

В выводке было четыре детеныша. Трое находились в трубе, а четвертый сидел на солнечном склоне, немного в стороне возле матери — очевидно, маленький баловень, который неплохо проживет свою жизнь, находясь в центре внимания стаи. Но трое, сидевших в трубе, мне показались более интересными. Назову их порядковыми номерами.

Первый высунулся из трубы, чтобы разузнать, где стоит наш вездеход. Вначале он (или она — гиен трудно различить по полу) понаблюдал за нами, но, поскольку мы не сделали никаких попыток к наступлению, он понемногу выбрался из трубы, побродил по склону с целью посмотреть на нас с разных сторон, а затем, сморенный сладостным солнечным теплом, уснул прямо у нас на виду.

Вторым, как и его братом, руководило сильное естественное любопытство, хотя он был осторожнее. Сначала он выглядывал из трубы, но, одолеваемый сомнениями, пятился назад. Потом наконец собрался с духом и вышел на солнце. Далее мы услышали осторожное барахтанье и увидели промелькнувший в темноте дрожащий нос — признаки того, что Третий тоже хотел выбраться из трубы. Но каждый раз, когда он выстав-

лял нос, его охватывал страх, и он заползъл обратно, в трубу. За все время нашего пребывания Третий так и не осмелился выйти.

Если попытаться рассмотреть психологию гиен на уровне хобби, то на основе приведенного факта, можно сделать некоторые выводы. Очевидно, что Третий никогда не достигнет высокого ранга, так как он слишком робок и труслив. Зато Первый рожден лидером, если, конечно, хладнокровие, мужество и рассудительность не приведут его к преждевременной гибели. Больше всего шансов выжить наверняка у Второго. Выше других в иерархии он никогда не будет, но и особенно низко я бы его не поставила. Я предсказала ему долгую и относительно благополучную жизнь. Природа, решила я, сама позаботится о том, чтобы такие предприимчивые и бесстрашные особи, как Первый, возглавляли стаи.

Гиена интересна не только с точки зрения своего поведения, но и в анатомическом плане. Ее строение демонстрирует, насколько легко сбить нас с толку с нашими условными идеалами красоты. А ведь в основе ее критерия должна лежать прежде всего целесообразность. Если смотреть на гиену с точки зрения целесообразности, у нее можно найти много признаков красоты и элегантности. Возьмем, к примеру, высокую и хорошо развитую переднюю часть, которая в сочетании с меньшей и более низкой задней обеспечивает ей скорость в беге, несмотря на кажущуюся подпрыгивающую походку. Стая гиен на бегу почти неутомима и развивает скорость до 65 километров в час. Челюсти гиен также должны вызывать у нас восхищение. Своими челюстями они дробят кости, которые не по зубам даже льву. Следовательно, это обстоятельство может вызывать досаду только у археологов, поскольку в свое время гиены значительно уменьшили число костей наших предков.

Еще одна интересная особенность гиен — внешние половые органы, которые столь схожи у обоих полов, что раньше люди считали их гермафродитами. Объясняют это тем, что, вероятно, половые органы выполняют важную функцию в церемониях приветствия, которыми начинается любая охота. Самки принимают активное участие в охоте и обычно немного крупнее самцов. Часто они возглавляют стаю. Гиеновые, или дикие, собаки во многом разделяют поведение гиен и их соци-

альную структуру, но вместе с тем у них не наблюдается сходства половых органов.

Гиена — древнее животное, и считают, что она своего рода соединительное звено между кошачьими и виверовыми, отдельные ее черты находят и у гиеновидных собак. Животное, за миллионы лет адаптировавшееся без каких-либо особых физиологических функций, которые помогли бы ему приспособливаться к изменившимся условиям, заслуживает особого внимания. Однако, когда я одна пробираюсь ночью через кустарниковые заросли, я больше боюсь встретить гиену, чем льва. У человека есть реальный шанс уцелеть при встрече со львом, и никаких, если он наткнулся на стаю гиен, коллективное поведение которых запрограммировано за миллионы лет. Теперь гиены совершенно не реагируют на те способы, которыми можно отпугнуть льва. Днем нетрудно спастись от гиен, что наверняка знали первобытные люди. Павианы днем не издают таких истерических криков тревоги при виде гиен, как при виде приближающегося льва или леопарда. Ночью обстановка совершенно иная. Бывает, беззащитный человек, улегшись спать в кустарнике, подвергается нападению идущей мимо гиены. Гоминиды, возможно, были вынуждены довести свою изобретательность до крайних пределов, чтобы защищаться от гиен. Групповая структура людей — не только наследие мира обезьян, но и естественный способ защиты, свойственный для существа без когтей и клыков, ни столь быстрого, ни столь физически сильного, как многие из его «меньших братьев».

Первобытный человек знал свою среду обитания так, как мы вряд ли можем себе представить, и мог правильно определять, опасно или нет хищное животное, встретившееся ему в кустарнике. Ведь хищники охотятся, только когда они голодны, да и в саванне тогда (как и теперь) водилась более привлекательная «живность», чем маленький гоминид, у которого на костях и мяса-то совсем немного.

ДОЛИНА РЕКИ ЛУАНГВЫ

Рано утром орлан-крикун подал свой замечательный голос. Он кричал очень громко, высоким фальцетом, и, казалось, будто звал кого-то в пробуждающийся мир. Если человек хоть раз слышал этот голос, он его никогда не сможет забыть...

Давид Ливингстон (1873)

Как только попадаешь в Замбию, оказываешься в глубине континента. Позади Восточная Африка с ее двумя сезонами дождей и, несмотря на то, что часть Замбии расположена на той же параллели, что и Танзания, и там встречаются многие восточноафриканские виды растений и животных, в ней замечаешь сильное влияние юга. Прежде всего это южноафриканский климат с чередованием влажного и сухого сезонов.

Прежде чем писать о долине реки Луангвы, мне хотелось бы сделать одно признание. Мое знакомство с Африкой началось с посещения этой долины, и ей мне пришлось уделить больше всего времени. Хотя мне тогда нездоровилось и там я переносила климат тяжелее, чем в любом другом районе Африки, долина Луангвы всегда останется для меня своеобразным магнитным полем, притягивающим к себе мои помыслы.

Река дает долине жизнь, к ней сходятся все пути. Я отношусь к тем людям, которые, путешествуя, всегда стараются следовать вдоль рек, и полагаю, что тяга к текущей воде на заре человечества прогоняла людей из лесов и помогала им осваивать другие территории.

В своих мечтах я представляла себе, как спускаюсь вниз по реке, пересекающей пустынный холмистый ландшафт, но при этом я никогда не думала о море. Возможно, парадоксальное сочетание многообразия и постоянства, которое воплотилось в моей мечте со времен детства, и придало ей притягательную силу и привлекательность. Может, это моя мечта своими корнями уходит в далекое прошлое, когда люди во внутренней части Африки месяцами и годами шли вдоль нескончаемых рек, не имея представления о конечной цели путешествия, о море.

Луангва стала рекой моих грез скорее всего именно потому, что находится далеко от океана. От истока до места ее впадения в реку Замбези, самую крупную и

наиболее полноводную реку Южной Африки, — 640 километров, а оттуда еще тысяча километров до устья этой реки близ Чинде в Мозамбике, на берегу Индийского океана.

Долина Луангвы имеет ширину около 95 километров и простирается от Форт-Хилла близ границы с Малави до Фейры в Замбии. На западе долина окаймлена крутыми склонами гор Мучинга, на востоке поверхность постепенно поднимается по направлению к возвышенностям в Малави. Абсолютные высоты гор составляют примерно 500—600 метров над уровнем моря.

В этом разделе я ограничусь рассмотрением двух национальных парков, находящихся в долине Луангвы, с разделяющим их так называемым Коридором — территорией общей площадью свыше 14 000 квадратных километров. Я хорошо представляю себе Южный национальный парк площадью 9050 квадратных километров, особенно его центральную и северную части. В последующем изложении, говоря о долине Луангвы, обычно я имею в виду именно Южный национальный парк.

Река Луангва создала уникальные природные условия в долине, изобилующей разнообразием зверей и птиц. Это довольно быстрая и очень извилистая река, русло которой часто меняет направление, формируя настолько причудливые петли, что случайные туристы, попав в них, сбиваются с толку, не в состоянии понять, где восток, а где запад, и им кажется, что река устремляется прямо на север, хотя, как известно, она течет на юг, к Замбези. Изгибы и петли создают своеобразные места обитания в долине. Иногда река прокладывает новое, более прямое русло, а значительная часть прежнего образует старицу. Местное население называет их «Луангва-вафва» («Мертвая Луангва»). Со временем старица мелеет и наполняется водой только в сезон дождей. В некоторых глубоких понижениях образуются более или менее постоянные водоемы — «лагуны». Здесь находят себе прибежище гиппопотамы и множество видов птиц. Другой тип переувлажненных низин называют «дамбо», там часто видны поросшие травой ложбины среди редкостойных лесов и кустарников.

Благодаря обилию воды в протоках, лагунах и дамбо в долине сохранилась богатая флора и фауна на обширной территории. Особенно поражает разнообразие типов растительности. По берегам самой Луангвы, постоянных и временных водотоков произрастают боль-

шие зеленые деревья, среди которых наиболее характерно для этих мест колбасное дерево (*Kigelia africana*). Встречаются также *Trichelia emetica* и различные смоковницы (*Ficus capensis*, *F. capreifolia*, *F. natalensis* и *F. sycomorus*).

На значительных участках долины доминируют деревья мопане (*Colophospermum mopane*), повсеместно растущие на глинистых почвах, бедных питательными веществами. Они произрастали в долине Луангвы очень давно, о чем свидетельствуют их ископаемые остатки, обнаруженные, например, вдоль Мупамадзи на северо-западе Южного национального парка. Возраст этих находок исчисляется сотнями тысяч лет. Понятие «лес мопане» может ввести в заблуждение. Темных, тенистых лесов в нашем понимании в Замбии и во всей Тропической Африке нет, там представлены только разреженные, осветленные лиственные леса. В сентябре—октябре, когда деревья мопане сбрасывают всю листву, лес остается совсем без тени.

В лесу мопане мало других древесных пород, они часто встречаются на открытых равнинах. Среди них особенно впечатляет баобаба (*Adansonia digitaria*). Он может расти до двух тысяч лет, и, следовательно, — самое древнее из живых созданий долины. Большую часть года его ветви голые и похожи на корни. Африканцы говорят, что бог сажал это дерево вверх корнями. Узловатый гладкий ствол баобаба напомнил Ливингстону гигантскую морковь. В нем скапливается целый ряд жидкостей и минеральных солей, поэтому стволы баобабов часто разрушают слоны. Та же участь постигает в долине разные виды акаций.

Из плодовых деревьев, которые очень любят слоны и другие млекопитающие, нужно отметить марулу (*Sclerocarya caffra*) и эбеновое, или черное, дерево (*Diospyros mespiliiformis*). Плоды их действительно вкусны — однажды я не могла оторваться от них, пока не появилась стая павианов. Съедобны и плоды индийского тамаринда (*Tamarindus indica*), их также любят павианы и мартышки. Это дерево почти всегда растет на термитниках, поэтому некоторые любят порассуждать на тему, что появилось раньше — тамаринд или термитник? Норман Карр (Carr, 1977), изучавший и деревья и термитов, склоняется к мнению, что первыми появились термиты. Обширные кучи, придающие ландшафту характерный облик, — это не что иное, как древние сооб-

щества с организацией, которую нам, к счастью, еще не удалось превзойти. Внушительное впечатление производит осуществленное термитами кондиционирование воздуха и сложное устройство их сооружений с независимыми системами камер, ходов и воздушных полостей. Всего насчитывается более тысячи разных видов термитов.

Кустарниковая растительность открытых равнин состоит из различных видов рода *Combretum*, *Oncoba spinosa*, *Feretia aeruginescens*, которая остается незаметной, пока в конце сухого сезона не покроется мириадами серовато-розовых цветов, увядающих через пару дней, и *Securinea virosa*, издающей по вечерам соблазнительный запах печеного картофеля.

Еще один четко выраженный тип природных обстановок в долине — поймы, которые целиком или частично затапливаются в сезон дождей. Здесь нет никаких деревьев. Основной фон растительности представлен жесткой травой касенсе. Прогуливаясь по равнинам, можно познакомиться с болезнетворной травой, называемой «носорожьей оглоблей» (*Hydrophila auriculata*). Встречают также осанку прямую среди кустарников *Disperma crenata* с синими цветками. Этот кустарник — галофит, местное население с помощью весьма трудоемких методов добывало из него соль.

Характерный для высоких плато Замбии сухой тропический лес (миомбо) с преобладанием деревьев брахистегии и юлбернардии отсутствует в долине Луангвы, кроме районов, пограничных с плато.

Для туристов в долине Луангвы особенно привлекательны пешеходные прогулки, разумеется, в сопровождении вооруженного егеря.

Впрочем, скорее неопытные туристы, чем дикие звери, вызовут необходимость применения оружия. Опытный наблюдатель хорошо знает, на какое расстояние можно подойти к тому или иному животному, чтобы оно оставалось спокойным, и как следует себя вести, если случайно застанешь его врасплох, а оно почувствует угрозу нападения.

Натуралист и писатель Норман Карр разработал пешеходные маршруты по зарослям кустарников Замбии. Он хотел показать дикую природу такой, какой она была до введения сафари на автомобилях, и ему это действительно удалось, хотя приходится учитывать, что в наши дни путешественники не желают отказывать себе

в комфорте, устраивая удобные лагеря среди кустарников, чего не было у прежних путешественников.

Если возникнет желание увидеть много животных и на близком расстоянии, не следует выбирать пешеходные сафари, а лучше проехать на вездеходе. Зато во время пешеходной прогулки удастся больше узнать о жизни животных и птиц в тесной связи с их окружением, самим побывать в этой обстановке. И, конечно, получаешь несравнимое с поездкой на вездеходе удовольствие.

Когда сидишь в машине, многое теряешь — ускользают звуки, запахи, не замечаешь следов, не видишь насекомых, да и с крупными животными дело обстоит совсем по-иному. Одно дело — встретить слона, находясь в мерно шумящем вездеходе, другое — увидеть его, проходя где-нибудь поблизости и при этом оценивая расстояние, на которое можно приблизиться. Или одно дело — быстро подъехать к группе антилоп, испуганно замирающих на месте, и совсем другое — осторожно подползти к ним, прячась за кустами в траве, подобно опытному браконьеру. В таких случаях становится ясно, насколько неестественно в этой ситуации стоять во весь рост: большинство животных подпускает к себе идущего человека на расстояние 50—60 метров, прежде чем обратиться в бегство, а если подползать к ним, расстояние уменьшается вдвое.

Проходя пешком через кустарниковые заросли, можно наконец ощутить, каково находиться здесь, в мире животных. Трехчасовой переход дает совершенно иное ощущение расстояния и гораздо большую возможность наблюдать ландшафт, чем поездка в машине. Вечером чувствуешь себя отдохнувшим, появляется ясность мысли, что совершенно исключено после дня, проведенного в машине под гул мотора, на пыльных разбитых дорогах.

Времена года в долине Луангвы не отмечаются крупными миграциями, как в Серенгети, но в климатическом отношении они значительно более резко выражены.

Мой любимый сезон — май—июнь, когда прекращаются дожди и на пороге стоит африканская зима. Уровень воды в реках постепенно понижается, и открывается возможность посетить большие пойменные участки парка, которые в течение полугода были отрезаны от внешнего мира. Все это время животные не видели людей, и мне, несмотря на высокую траву и густые кустар-

ники, никогда не удавалось провести там более интересные наблюдения, чем в этот сезон.

Солнце светит почти весь день, но уже нет той влажной духоты, которая характерна для сезона дождей; настроение приподнятое и пробуждается интерес к жизни. Зелень трав становится такой яркой, что режет глаз; деревья и кустарники покрываются листвой. Это лучшая пора в жизни животных. Слоны, отощавшие во время сухого сезона, вновь утопают по колени в сочной траве. За ними интересно наблюдать.

Среди антилоп наибольшее оживление заметно у пуку⁴⁴. К концу сухого сезона они выглядят особенно жалкими, а теперь их шкура блестит, словно золото. Пуку — одна из самых распространенных антилоп в долине, и для наблюдений за ней достаточно одного дня. Но тем не менее эта антилопа — подлинная редкость, если иметь в виду ее весьма ограниченный ареал, который почти целиком находится в Замбии. Пуку относится к тому же подсемейству, что и болотные козлы, личи и тростниковые козлы, и вполне благополучно сосуществует в пределах своего ареала. Причину его ограниченного распространения выяснить не удалось.

Пуку интересен своим поведением в период гона, резко отличаясь в этом отношении от импал. В долине Лунгвы пуку и импалы обитают совместно и весьма наглядно иллюстрируют разные пути решения проблемы сохранения вида. В обоих случаях это осуществляется посредством дифференциации территорий, затем их пути расходятся. Жизнь пуку протекает спокойнее, чем импалы. Более удачливый самец пуку остается на своем участке и привлекает к себе самок, которые охотно присоединяются к его стаду. Не все участки одинаковы, самые сильные и бойкие самцы захватывают лучшие участки, и у них появляются шансы приманить к себе больше самок.

После выбора участков у пуку в стаде воцаряется мир и спокойствие. У импал же в период гона царит атмосфера постоянного беспокойства. Самец будоражит самок и, стремясь сохранить свою группу в полном составе, защищает самок от посягательств посторонних самцов. Едва он отвернется, как тут же появляется другой самец и начинает ухаживать за его самками, которым нравится такое внимание. Если он утратит бдительность, то может и вовсе остаться ни с чем: всех самок уведут. Поэтому он собирает всех своих подруг в тесную

группу и патрулирует вокруг них, вступая в драку с любым подошедшим к стаду самцом.

Это нелегкая работа. Она изматывает, сопряжена с риском попасть в зубы леопарду или быть разорванным на куски гиеновидными собаками, еще ужаснее побежденным другим самцом, который пожнет плоды. Но импалы так не думают. Заросли кустарников оглашаются сухим треском, когда они пускают в ход рога. Оставшиеся без гаремов самцы сбиваются в стада и меряются силами, и те, кто победил, всегда готовы бросить вызов самцу — владельцу участка или по крайней мере ухаживать за чужими самками. Немногие самцы у импал удерживают за собой гарем более года.

В мае—июне рукава, протоки и лагуны еще наполнены водой. В эту пору часто представляется случай увидеть робких антилоп канн. Мне особенно повезло в 1978 г., когда я видела много стад, в которых у каждой самки было по детенышу. Как и во все времена года, здесь можно также наблюдать большого куду, очень красивое животное, обитающее в кустарниковых зарослях. Когда оно появляется на прогалине в лесу, ландшафт приобретает облик старинного парка, изображенного на прекрасном гобелене, где мир выглядит гораздо более привлекательным, чем наш.

Травостой вдоль реки настолько высок, что, когда идешь по лугам, рискуешь натолкнуться на спящих буйволов или слонов, которые, понятно, могут и разозлиться. Между прочим, распространено ошибочное представление, что слоны спят стоя. Мне много раз приходилось видеть, как они спали, лежа в высокой траве, и всякий раз удавалось вовремя ретироваться, не разбудив их.

В июле—августе зима в полном разгаре. На плато, хотя и редко, по ночам бывают заморозки. В долине ночью очень холодно, а утром над рекой стелется легкий туман, что воскрешает в памяти картину нашей северной природы. Требуется некоторое время, чтобы прогрелся холодный ночной воздух. Дни стоят изумительно приятные, теплые. Выходя из дома, предусмотрительный человек одевается гораздо теплее, чем нужно в условиях Африки.

Можно сказать, что в эти месяцы природа долины достигает наивысшего расцвета. Впечатление от долины весьма своеобразное. Кажется, что время остановилось. Дни похожи один на другой: небо высокое, ясное, воздух прозрачен из-за больших перепадов ночных и днев-

ных температур. Долина зеленая, но луга повсеместно стравлены, за исключением низин, где трава жесткая и невкусная. В таких понижениях ночью скапливается холодный воздух, и поэтому днем температура там на несколько градусов ниже, чем на более открытых местах. Поскольку травостой низкий, деревья кажутся более высокими. Местность идеально подходит для прогулок. Только в поймах, где следы слонов, затвердевая, образуют глубокие ямы, надо идти, внимательно вглядываясь под ноги. В дневные часы погода очень приятная, а вечером душу радует лагерный костер, который действительно необходим.

Долина долго остается зеленой и кажется неестественно красивой, хотя с апреля не было ни одного дождя. К концу августа днем уже жарче, а ночью теплее, и в начале сентября начинается настоящая засуха.

Пойменные луга утрачивают зеленые тона и незаметно приобретают желтые или серебристо-серые — из-за низкой сухой травы. Деревья мопане сбрасывают листву. В эту пору лес словно мертвеет. С наступлением жары уровень воды в Луанге падает с каждым днем, пока не остается немного воды в главном русле и наиболее крупных лагунах.

В октябре повышается влажность воздуха, но и жара усиливается, люди быстро устают, легко раздражаются. Англичане называли октябрь «месяцем самоубийств», так как почти все случаи самоубийств в колонии приходились на это время.

Чтобы совершить пешую прогулку, надо встать до рассвета и побродить несколько часов, уже в девять-десять часов утра чувствуешь себя утомленным и хочется забраться в тень. Около четырех часов пополудни зной немного спадает, и можно еще раз погулять, прежде чем (чуть позже шести) стемнеет. Ночью душно, ни о какой прохладе не приходится помышлять раньше двух-трех часов утра, когда уже пора вставать.

Все же многие наблюдатели считают это время года наиболее благоприятным. Поскольку вся трава примята или выжжена, дикие животные концентрируются в основном поблизости от реки. Уровень воды в ней совсем низкий, и на песчаных отмелях видны следы почти всех млекопитающих долины, которые спускаются по ночам на водолой. Звери тоже страдают от жары и обнаруживают признаки истощения из-за недостаточного и малокалорийного питания. Они мало двигаются. Вы-

ходя на утреннюю прогулку и возвращаясь спустя несколько часов домой, застаешь животных почти на тех же местах.

В это время года прекраснее всего выглядит небо. Над плато собираются грозовые тучи, а над долиной еще вибрирует прозрачный воздух. Вот проносятся первые кратковременные дожди. Еще светит солнце, но уже чувствуешь запах дождя и видишь, как дождь приближается темной полосой в небе и изливается где-нибудь за несколько километров. От земли поднимается пар и пахнет, как в теплице. Эти первые дожди не бывают особенно живительными: из-за жары влага быстро испаряется, а следующий дождь может пройти только через неделю.

Первый сильный дождь сразу же изменяет облик долины. За ним проносится серия грозовых ливней. Небо все более затягивается облаками, и лишь изредка, в просветах, показывается солнце. Обычно мы и в это время выходим на прогулку, но влажность воздуха настолько высокая, что трудно дышать. Внезапно температура резко понижается — иногда на десять градусов за столько же минут, гремит гром, и начинается ливень, который охватывает не менее половины территории парка и сопровождается порывистым ветром. Падающие капли размером с небольшое яйцо и очень тяжелы. Десять минут назад мы обливались потом, а теперь насквозь промокли и так замерзли, что зуб на зуб не попадает. Под дождем, который хлещет по лицу, мы мчимся к лагерю. Под ногами скользкая глина, налипающая на подошвы большими комьями.

Но и в нашем маленьком лагере среди кустарников не особенно приятно. Дождь пробивает крытый травой навес, и все постели намокли. Одну из самых долгих ночей я просидела, закутавшись в мокрое шерстяное одеяло, дрожа, как собака. На рассвете, когда я уже не чаяла остаться в живых, неожиданно проглянуло солнце. Снова потеплело, по небу поплыли легкие облака, которые после полудня превратились в тучи. Мы малодушно двинулись назад, под более надежную крышу основного лагеря в Чибембе. По дороге нас застал дождь, вездеход бросало из стороны в сторону на мокрой глине, рыхлым слоем покрывавшей более плотную породу и не создававшей никакой опоры.

За время последнего маршрута я видела крайне мало слонов. Это означало, что начался влажный сезон:

когда в горах Мучинга льют дожди, там собираются почти все слоны, чтобы поесть свежих побегов, а также плодов, созревающих в начале сезона. Иногда, конечно, слоны расходятся по ложной тревоге и потом возвращаются. Небо теперь постоянно серое, тяжелое и выглядит так, будто сезон дождей уже наступил.

Другой признак начала влажного сезона — прилет карминной шурки. Имеется в виду ее южный вид (*Mergops rubiculus*). Песчаные отмели в руслах рек Лунангвы и Чобе на севере Ботсваны — основные районы ее гнездования. Эти птицы устраивают гнезда в углублениях на песчаных отмелях, где они собираются большими колониями. Им надо насидеть яйца, вывести птенцов и улететь до того, как повысится уровень воды в реке и их колонии зальет. Остается загадкой, как шурки узнают о том, рано или поздно начнется сезон дождей? Но факт остается фактом: если шурки прилетят рано, то и сезон начинается раньше, а если они появятся позднее, то и дожди заставят себя ждать. В этом можно быть почти уверенным. Слово «почти» применено потому, что в отдельные годы шурки прилетают, когда уже начались дожди. В таких случаях весь выводок данного года гибнет. В ритмах природных процессов что-то нарушилось, и взрослые шурки по праву могли бы посоветовать на старые приметы, на которые, видимо, больше нельзя полагаться.

В сухой сезон карминные шурки очень оживляют пейзаж долины, привлекая внимание своей расцветкой и воздушной «акробатикой» возле колоний. Эти птицы редко встречаются за пределами своих немногочисленных мест гнездования. Наблюдать их в таком обилии — одна из привилегий, которые предоставляет долина Лунангвы путешественникам.

Даже в разгар сезона дождей они обычно льют не постоянно, не каждый день, но масса дождя увеличивается, и самое позднее в конце ноября долина быстро покрывается зеленью. Река медленно наполняется за счет осадков, выпавших не только в данном месте, но и выше по течению. Уровень воды поднимается постепенно, с середины ноября, и в конце февраля, а иногда даже в марте река выходит из берегов. Заполняются лагуны, пересохшие русла. Дороги во многих районах национального парка нередко становятся непроходимыми: глина удерживает воду на поверхности. Ручьи и лужи пересекают дороги в стратегически важных участках. С но-

ября по май большие территории парка недоступны для посетителей. Туристы в это время собираются в Мфуве, где имеется несколько действующих круглый год лагерей.

В дождливый сезон нельзя устраивать регулярные пешеходные сафари, можно лишь в солнечные утренние и дневные часы побродить по окрестностям. Правда, охота к прогулкам быстро пропадает из-за внезапно начинающихся ливней, когда сагоги переполняются водой, да килограмма два глины прилипает к подошвам. Даже у закоренелого любителя пеших прогулок появляются веские причины отправиться в маршрут на вездеходе.

В феврале Луангва затопила низкие отмели, разлилась по топким пойменным лугам, участки которых совсем скрылись под водой. Месяц назад там можно было бегать, теперь в воде стоят аисты и плавают рыбы. Можно подойти к такому участку поймы, когда вода только начинает его заливать. Птицы патрулируют эту территорию, чтобы поймать грызуна и выловить насекомых, спасающихся бегством. За несколько часов равнина превращается в мелководное озеро с новой фауной длинноногих куликов.

Если удастся вовремя подойти, можно также увидеть как сухое русло реки наполняется водой. Внезапно появляется пенистая тяжелая масса, врывается в русло и тянет за собой быстро набухающий ручеек. Однажды мне довелось наблюдать за львом у реки Мушилаши, когда ринулся такой опасный поток. Лев невозмутимо спал на сухом песке. Когда к нему подступила вода и подмочила брюхо, он сразу смекнул, в чем дело, и во всю прыть понесся вверх на берег.

Теперь Луангва широкая и глубокая, с быстрым, стремительным течением. В самые многоводные годы она разливается даже по возвышенным участкам поймы. Последний раз это произошло в марте 1978 г.— тогда, казалось, почти вся долина затоплена водой. Жители деревень выбирались на самые высокие места и оттуда, как с островов, наблюдали за разливавшейся рекой.

Именно в это время в долине происходят значительные перемены. Речные отмели подрезаются течением, а их нависающие края обрушиваются в воду вместе с большими деревьями, отправляющимися в быстрое и опасное путешествие по реке. Из-за боязни натолкнуться на них местное население с опаской пользуется лодками.

Если образуется достаточно крутой изгиб русла, бывает, что река проложит новый путь,— покинутое старое русло превратится в озеро-старицу, «мертвую Луангву».

Из всех животных долины больше всего в такой период наслаждаются гиппопотамы. Они вновь приобретают обширные жизненные пространства. Как только лагуна или протока хоть немного заливается, ее сразу же захватывает один или несколько гиппопотамов. Конечно, в эту пору самая глубокая и бурная Луангва и для гиппопотамов не совсем идеальная среда: они предпочитают довольно мелкую воду, где могут ходить по дну.

Слоны меняют свои трофические привычки. Вернувшись из похода в горы Мучинга, они снимают урожай трав, как комбайны. Благодаря сочному и питательно-му корму слоны быстро приобретают свежий и здоровый вид. Впрочем, и у них возникают свои проблемы: бывает, что Луангва подхватывает течением переправляющегося вброд слоненка и он тонет. Иногда даже взрослые слоны гибнут, увязнув в иле.

Дождь несет с собой живительную силу, с ним приходит новая жизнь и в заросли кустарников, однако мне показалось, что животные выглядели довольными только во время первых дождей, а потом они не проявляли особого восторга.

Под бьющими струями звери имеют жалкий вид, они жмутся к кустам и деревьям, с которых тоже капает вода. Многие животные, чтобы не вязнуть в грязи, предпочитают в эту пору бродить по дорогам. Казалось бы, в сезон, когда густая растительность мешает вообще что-либо разглядеть, и животных никаких не увидишь, а на деле теперь-то и встречаешь их чаще, чем прежде,— на дорогах. Особенно не по душе прятаться под мокрыми кустами льву, и сейчас его можно наблюдать чаще, чем в любое другое время года. Охотно патрулируют на дорогах гиеновидные собаки и антилопы.

О том, как много воды бывает в конце сезона дождей, я особенно ясно поняла, возвращаясь однажды вечером домой, в Чинзомбо. В свете автомобильных фар мы заметили плывшего по дороге крокодила средних размеров.

Для меня влажный сезон в долине Луангвы представляет наибольший интерес благодаря птицам. Европейские перелетные птицы здесь не столь многочисленны, как в Восточной Африке, но производят внуши-

тельное впечатление. Деревенские ласточки сидят на телеграфных проводах, ведущих в управление парка в Мфуве, по затопленным лугам вместе с тропическими птицами бродят перевозчики и фифи. Появляются там и стаи белых аистов, но не в таком обилии, как стаи белобрюхих аистов. Эти птицы подобно огромным воздушным эскадрильям, сильно шумят, когда приземляются. Кроме белобрюхих аистов долину в период дождей посещают африканские перелетные птицы, включая многочисленных кукушек, а также кукала. Временными мигрантами являются и различные вдовушки, и огненные ткачики в роскошных брачных оперениях темно-красного, тускло-желтого и аспидно-черного цветов. Из почти постоянно обитающих там птиц нужно отметить маленьких буро-серо-крапчатых ткачиков, которыми интересуются только страстные любители птиц. Во время тока самцы облачаются в щегольские одежды и выглядят, как редкие, необычные иноземные птицы.

Шаводок достигает кульминации в марте. В марте—апреле дождей меньше, в апреле уровень воды быстро идет на спад и наконец в мае круг замыкается.

Итак, мы можем получить совершенно противоречивые представления о климате долины Луангвы в зависимости от того, в какое время года туда попадем. Одни описывают долину как выжженный солнцем пустынный ландшафт, другие — как насыщенную влагой, унылую заболоченную местность, где бродишь по колено в иле и слякоти.

В прошлом путешественники часто попадали в долину в самые неблагоприятные времена — либо жаркие, либо влажные. Поэтому и появились щекочущие нервы описания смертоносного климата долины. Титул «коварной местности» закрепился за долиной Луангвы с давних пор, а в 1934 г. значок дикой природы С. Питмен писал: «Не только из-за опасности подхватить сонную болезнь, но в первую очередь из-за губительного климата долина является местом, которого большую часть года надо избегать» (Pitman, 1934).

В недобрые старые времена малярия и ее осложнения, прежде всего гемоглинурийная лихорадка, угрожали путешественникам и охотникам. Здесь легко было подхватить дизентерию. Поскольку в таком климате раны легко подвергаются инфекции, заражение крови было довольно обычной причиной смерти. Страшная сонная болезнь настолько распространилась в долине в на-

чале нынешнего столетия, что значительные части ее были закрыты для охоты и проезда.

Сейчас, благодаря профилактическим мерам и новым методам лечения тропических заболеваний, территория национального парка открыта для посетителей круглый год. Найдены весьма эффективные профилактические меры против малярии и средства борьбы с разными формами дизентерии. Небольшие раны обрабатываются перекисью водорода или йодом. От сонной болезни заранее защититься невозможно, но сама вероятность заражения резко сократилась. Эта болезнь теперь излечивается, если ее диагностировать своевременно, симптомы ее нередко такие же, как при гриппе; она сопровождается сильной головной болью. Укус мухи цеце сам по себе не является признаком сонной болезни, он опасен, если рана сильно загноится и не приняты своевременные меры лечения.

В одном отношении долине Луангвы повезло больше, чем многим другим районам Африки. Речь идет о бильгарциозе, который распространяется червем, живущим в воде. Промежуточные формы его проникают через кожу, повреждая внутренние органы. Болезнь разносится посредством фекалий людей, имевших паразитов, и ее трудно обнаружить из-за довольно обычных и неопределенных симптомов. Поскольку в национальном парке нет поселений, он все еще свободен от бильгарциоза и является одним из немногих районов Африки, где можно свободно переправляться вброд через реки и мыть ноги в водоемах.

Из всех путешественников, побывавших в долине Луангвы, я с особой симпатией отношусь к Давиду Ливингстону⁴⁵, человеку, который прошел почти 50 тысяч километров по Африке, нанес на карту и описал территории площадью примерно 2,5 миллиона квадратных километров. Претерпев неисчислимые лишения, болезни и муки, этот человек нашел в себе силы записать в своем дневнике: «Для того, чье сердце умиротворено, различные формы жизни в природе неопишимо привлекательны» (Scharera, 1960).

Вошло в моду неверно оценивать Ливингстона и изображать его как старого хрыча с тяжелым характером, не желавшего сотрудничать с другими европейцами, и с позиций вульгарного психологизма судить о его неуживчивом нраве. Будто бы он отвернулся от своей семьи и родственников и во время продолжительных

путешествий по внутренним районам Африки якобы подвергал спутников тягостным испытаниям. Наконец, ему ставят в вину то, что он как первопроходец проложил путь колониализму со всеми его последствиями.

Возможно, имеется в виду его вторая экспедиция по Замбези в 1858—1864 гг., когда Ливингстон пошел на рискованное предприятие, в результате которого погибли некоторые члены экспедиции. Ливингстон был действительно весьма требовательным, молчаливым, легко возбудимым и нетерпимым. Об этом можно судить по его дневникам. Что же касается семьи Ливингстона, то ради истины следует сказать, что ее положение разделялось многими семьями моряков и солдат. Возможно, косвенно он способствовал проникновению колониализма, но не следует забывать, что вместе с тем он желал покончить с рабством. Его призыв «Исцелите открытую рану!» всколыхнул весь британский народ. Призыв Ливингстона касался расширившейся и ужесточившейся системы работорговли, которая велась при посредничестве арабов в Занзибаре, хотя принудительный труд в Англии был отменен еще в 1772 г. и это положение было распространено на всю Британскую империю в 1807 г.

Прежде всего благодаря деятельности Ливингстона англичане стали оказывать все большее давление на султана в Занзибаре. В 1873 г. (год смерти Ливингстона) султан был вынужден наконец подписать указ, объявлявший вне закона всю работорговлю в его владениях. Англичане действительно позаботились о том, чтобы указ выполнялся, что, правда, привело к расширению колонизации. В то время ликвидация работорговли тем не менее улучшила положение племен внутренних районов Черной Африки, и вряд ли справедливо предъявлять Ливингстону претензии в отсутствии предвидения колониальной экспансии. Он больше, чем любой другой европеец, проявлял сочувствие местному населению и гневно обличал жестокость торговли невольниками.

Понимание местных условий Ливингстоном и его беспредельное терпение по отношению к африканцам, которые уважали и оберегали его, изображались лишь как выражение своеобразного патернализма, истоки которого таились в некотором комплексе неполноценности, что и вызывало напряженность в отношениях Ливингстона с равными ему европейцами. Возможно, в подобных рассуждениях и есть крупинка истины, однако вряд ли это само по себе может объяснить движущие силы го-

раздо более сложной личности Ливингстона или раскрыть причины его колоссальных достижений, бывших выражением этих сил.

Рассматривая Ливингстона через призму опыта дерзких всезнающих поколений, важно помнить, что сам он вовсе не был открытым человеком и что огромные запасы энергии и душевных сил высвобождались у него, когда он переставал ставить под сомнение свои действия и приходил к завидному убеждению, что его деяния направляются богом. Подобно тому как бог вел самого Ливингстона, так Ливингстон осторожно направлял африканцев.

Возможно, когда-нибудь мы научимся оценивать исторические личности с учетом реальных возможностей того времени, в котором они жили, вместо того чтобы самонадеянно судить их, опираясь на современные идеологические установки и систему мышления.

Поскольку сам Ливингстон придерживался именно таких установок, можно легко простить его слабости. Стэнли первый пустил в ход выражение «самая черная Африка». Ливингстон еще бродил по той Африке, и утренний свет казался ему ободряющим, ибо прогонял беспокойные ночные сны. Лесные тропинки приводили к светлым прогалинам и залитым солнцем равнинам, а душа африканцев иногда озарялась небесным светом, и они готовы были проявлять заботу и великодушие. Бедный, одинокий путешественник — будь то Ливингстон или Мунго Парк в Западной Африке, видел отблески этого света, в то время как хорошо оснащенные экспедиции их не замечали и возвращались, унося с собой образ вероломного жестокого дикаря.

Я испытываю уважение к Ливингстону и восхищаюсь его огромной работоспособностью и широким кругом интересов. В самых невыносимых условиях он самоотверженно продолжал записывать сведения по географии, ботанике, зоологии, медицине, этнографии и лингвистике. Разумеется, как первооткрыватель он находился в завидном положении, но это никоим образом не умаляет значение его систематических наблюдений, наполненных радостью познания.

Другим крупным исследователем Африки XIX в. был Ричард Бертон. Как и Ливингстон, он окутан словесным туманом. Современные лекторы, видимо, читают их книги об Африке только для того, чтобы бить авторов указкой по пальцам и вылавливать у них оскорбительные

цитаты. Однако я столь же очарована Бертоном, сколь восхищена Ливингстоном, но, если бы мне пришлось путешествовать по Африке, я, возможно, выбрала бы Бертон, которого, благодаря его всесторонним интересам и обширным знаниям, можно было бы назвать представителем эпохи Возрождения. Кроме того, его личность и спустя почти сто лет после смерти оказывает большое притягательное воздействие. Было бы приятно встретить Ливингстона на лесной прогалине, побеседовать с ним, но с Бертоном я не решилась бы разговаривать.

Бертон изучал язык за время, которого моим друзьям хватило бы лишь на то, чтобы запечатлеть в памяти самые обычные бранные слова. У него был невероятный аппетит на чужие народы, чьи своеобразные обычаи, особенности нравов он каталогизировал, соблюдая, однако, дистанцию. Он голожительно оценивал лишь арабскую культуру. Когда Бертон пишет об арабах, он характеризует самого себя: гордый до абсурдности, с идеалами чести, заимствованными от рыцарских времен, легко ранимый и твердый, прекрасный и великодушный, быстро ощущающий презрение и неспособный прощать причиненные обиды, наделенный обаянием и очарованием, обращенным в равной мере к мужчинам и женщинам.

До своих путешествий ему не приходилось общаться со множеством людей. Бертон порицают за его мнение об африканцах, за то, что у него не нашлось сказать ничего хорошего о своих согражданах, с которыми он враждовал большую часть жизни. Возникает искушение предположить, что его загадочные поездки в Аравию и экспедиции в Африку были лишь способом избежать конфликтов. Показательно, что, когда в Африке он позволил своей рассудительности сбить себя с толку, это было по вине другого англичанина. Я имею в виду его пресловутую экспедицию к великим африканским озерам в поисках истоков Нила в 1856—1858 гг. Спутником его был Джон Спик, который так же, как и сам Бертон, служил офицером в индийской армии, но был представителем более молодого поколения. Отношения между ними скоро переросли в отвращение и ненависть, и, когда Спик достиг озера Виктория и провозгласил, что оно является истоком Нила, Бертон пустил в ход все свои недюжинные способности, чтобы доказать, что Спик ошибся. Это подавило Спика и, вероятно, довело его до самоубийства. Контраргументация Бертон — блестящая демонстрация гнева ученого, и его доводы насчет

того, почему только что открытое озеро не могло быть истоком Нила, убедительны и поныне. Кажется, Гёте сказал, что интеллигентные люди никогда не бывают так проникательны, как в том случае, если они не правы.

На самом деле, лишенный фантазии тугодум Спик был прав, а блестящий провидец Бертон ошибся, хотя должно было произойти совсем наоборот. Это одна из многих неприятностей, которые, как магнит, притягивались к Бертону, куда бы он ни устремлялся.

Можно сказать, что если Ливингстоном руководил живой доброжелательный интерес, то Бертона вдохновляло отвращение. Болсе того, в нашем распоряжении есть их собственные слова, показывающие, насколько противоположны были девизы, выбранные для их экспедиций. Тогда как Ливингстона направлял бог, Бертон заявлял, что его гонит сам дьявол. Возможно, из-за этих противоположных исходных установок в их восприятии Африки так мало точек соприкосновения. Несмотря на опустошения, причиненные работоторговлей, у Ливингстона ландшафты часто выглядят как пасторальные идиллии, конечно, сотворенные рукой создателя, тогда как у Бертона ландшафт переколотен тревогами, столкновениями и вырождением. Под влиянием усвоенной им арабской культуры Бертон вряд ли смотрел на работоторговлю с каким-то особым ужасом, скорее он относил ее к проявлениям животного состояния народа, внушавшего ему отвращение. Зато Ливингстон видел бессмертную душу, дремавшую в несчастных созданиях, которые приближались к кончине, не получив никаких представлений о грехе и милосердии.

Ливингстон рассматривал внутреннее, Бертон — внешнее, и картины обеих, разумеется, приобретали разную окраску в зависимости от индивидуальной манеры видения. Чего-нибудь абсолютно правильного или абсолютно ошибочного в этих картинах нет, и оба путешественника способствовали созданию многоплановой картины, которая ускользает от современного наблюдателя, проезжающего по тем местам, где эти путешественники побывали. Человек и некоторые другие приматы располагают на редкость эффективным зрением, но внешние образы, попадающие на сетчатку нашего глаза, являются лишь частью общего обзора, который формируется благодаря нашей способности накапливать не только собственные, но и чужие впечатления и опыт.

Ливингстону как будто больше сопутствовали дож-

ди, чем многим другим исследователям. Может быть, этой небесной влагой создатель наградил его за пять первых сухих лет, проведенных на краю Калахари, и его не осуждают за то, что в одной из своих бесед с богом он дал понять, что и этого достаточно.

Ливингстону довелось работать в долине Луангвы три месяца в конце 1866 г., и все это время шли дожди. «Страна — огромный ряд волн, все они покрыты джунглями, и нет никаких следов троп», — писал он в своем дневнике (Waller, 1874). Я часто удивляюсь, как он мог держаться так сухо и корректно. Надо простить ему то, что радость открытия несколько подмокла: противные дожди и раскисшая земля, войны нгони и постоянный голод сдерживали его пыл. Ливингстон, впрочем, отличался от большинства других исследователей тем, что он меньше всего был охотником, и, следовательно, ему не хватало пищи даже в долине Луангвы с ее обилием диких животных.

Я обращаюсь к Ливингстону в этом разделе потому, что он писал о птице, которая лучше всего символизирует реку Луангву, создавая ее своеобразное акустическое оформление. Цитата, приведенная в эпиграфе к разделу, если следовать истине, имеет отношение скорее не к долине Луангвы, а к экспедиции Ливингстона, когда он скитался по болотам у озера Бангвеулу западнее долины Луангвы, на пути к своей гибели в деревне Читамбо. Запись в дневнике (одна из самых последних) была сделана 13 апреля 1873 г., когда его внимание привлекла африканская птица, следовавшая за ним по всем рекам и озерам, которые он изучал все 30 лет, проведенных в Африке.

Шведское название птицы переводится как «рыбный орлан» (*fiskörn*, или *skrikhavsörn*). Сходное английское название *fish eagle*⁴⁶ вполне отвечает буквальному переводу со шведского. (Наиболее употребительное русское название этой птицы — орлан-крикун. — Л. С.) Он повсеместно распространен к югу от Сахары, где есть озера и водотоки. На реках Луангва, Замбези и Окаванго этих птиц множество. В Восточной Африке они облюбовали район озера Найваша, устраивая там свои гнезда и питаясь рыбой. В других местах Восточной Африки они почти не встречаются, поскольку предпочитают пресноводные озера и реки.

Забавно видеть, как орлан-крикун ловит рыбу. Он летит на небольшой высоте, до тех пор пока не увидит

тень от рыбы, плывущей у самой поверхности. Тогда он, выпустив когти, падает вниз и почти исчезает под воду, пока не схватит добычу, и затем несколькими мощными взмахами крыльев поднимается в воздух, устремляясь к своему гнезду на дереве, где не спеша лакомится принесенной в когтях рыбой. Подобно всем орлам, орлан-крикун выбирает себе подругу на всю жизнь. Причина гармоничного брака состоит в необходимости сохранения за собой охотничьего участка. Если бы птицы меняли партнеров каждый год, это привело бы к постоянной борьбе за участки. Система участков хорошо организована: берега рек разделены на полосы между парами орланов-крикунов, и раздоры возникают только в тех случаях, когда пары изгоняют подросших птенцов.

Орлан-крикун — наиболее заметная и самая шумная из хищных птиц долины Луангвы. Большую часть года он первым подает голос по утрам. Перед самым рассветом, затемно, раздается громкий веселый крик, который вызывает неопишное удовольствие при одной мысли о том, что еще можно немного понежиться в постели и что впереди целый день в долине.

Почти так же рано проявляют свою активность шпорцевая кукушка, которую иногда называют «бутылочной птицей» из-за ее крика, похожего на звук льющейся из бутылки воды, и капская горлица, чей настойчивый звонкий трехслоговый крик англичане расшифровывали, как «How's fa-ther?» (Как отец?). В Ботсване, напротив, говорят, птица выкрикивает название этой страны: «Бот-сва-на, Бот-сва-на!»

Еще один, весьма характерный крик, который часто слышится перед рассветом, — это необычный глухой гортанный «хо». Его издает самая крупная из птиц-носорогов — рогатый вброн, к которому у меня особое отношение.

Эта история восходит к моему первому посещению Замбии. Я оказалась в национальном парке Сумбу у озера Танганьика и после долгих переговоров наняла егеря, который сопровождал меня в пеших маршрутах. Мы вышли на рассвете, четко разработав план нашего пути, после того как он рассказал, что родился и вырос в долине Луангвы, а я сообщила, что только что приехала сюда, но бывала и раньше в этих местах. Мы прошли совсем немного, когда он вдруг остановился и воскликнул: «Ох!»

Я редко видела, чтобы мужчина так внезапно преоб-

ражался. До этого он все переживал, что мы не увидим достаточно много из того, чтобы мне хотелось, а теперь вдруг размяк и стал улыбаться, что называется, от уха до уха.

— Видишь этих птиц? — спросил он.

— Конечно, — ответила я, гордясь, как петух, своими вновь обретенными познаниями. — Это рогатые бороны!

— Дома, в долине Луангвы мы говорим: если, отправляясь на охоту, первым увидишь эту птицу, то тебе будет везти весь день.

— Как интересно, — заметила я. — Надеюсь, так оно и будет.

— Хорошо, — сказал он. — Что бы ты хотела увидеть?

Я заразилась его настроением и назвала трех животных, которые, как мне было известно, обитали в Сумбу, но я никогда не верила, что встречу их:

— Ситатунгу, голубого дукера и антилопу-прыгуна.

— Отлично, — сказал он. — Пошли.

Мы почти бегом направились к мокрому лугу у озера. В самом топком месте росли непроходимые заросли тростника.

— Здесь обычно бывают ситатунги, — сказал мой проводник, — но ведь ты хотела бы видеть их на открытом месте?

— Да, конечно, — подтвердила я.

Мы обошли топь и забрались на каменистый холм, откуда открывался пейзаж, лежащий за тростниками, и стали всматриваться. На мгновение у опушки леса промелькнул темно-красный детеныш ситатунги и мгновенно исчез.

— Фантастика! — воскликнула я.

— Это пустыки, — сказал он. — Тебе ведь хотелось бы увидеть самца с большими рогами?

Я стала объяснять, что и этого вполне довольно, но он прервал меня.

— Посмотри туда, — указал он в направлении дальнего конца тростниковых зарослей, где на открытом месте разгуливал самец ситатунги с рогами большего размера, чем я когда-либо видела в музее, темно-красный, с длинной густой шерстью. Когда он поднимал ноги, были видны характерные расширенные копыта, хорошо приспособленные для передвижения по трясинам и топям — местам, где обитают эти животные. Здесь он стоял перед нами во всей красе. В бинокль я видела его очень четко.

— Ты, конечно, хотела бы разглядеть его как следует? — спросил Себастьян.

Ветер постоянно дул от ситатунги в нашу сторону. Первую половину пути нас разделяли тростниковые заросли, но, когда мы обогнули их, оказавшись на открытом лугу между тростником и животным, возникла критическая ситуация.

— Ползи! — прошептал Себастьян.

Он остановился у тростников, а я поползла вперед, быстро перебирая руками и коленями. На лугу было несколько кочек с осокой, за которыми я пыталась укрыться, чтобы не спугнуть ситатунгу.

Животное чувствовало что-то неладное и поднимало голову, пригнувшись. При этом я каждый раз замирала, и, хотя оно смотрело прямо на кочки, меня оно не видело, да и ветер дул от него в мою сторону. Подобно другим животным, которые не знают, как им поступить, ситатунга стал рвать крупные пучки осоки с кочек. Когда он нагибался, я подползала ближе; как только поднимал голову, я замирала. Каждый раз он смотрел прямо на меня, пригнувшись, словно размышлял о чем-то. Вероятно, животное что-то заметило, но инстинкт ему пока ничего не подсказывал.

Наконец я подползла так близко, что, поднимись я во весь рост, сильно напугала бы его. Но я молча лежала и наблюдала. Не зная еще, что происходит, ситатунга потоптался на месте, а затем поскакал в обход тростниковых зарослей.

Мы с Себастьяном сияли, как медные кастрюли, и благодарили друг друга.

— Вот это да! — крикнула я ему, выражая похвалу, и добавила, немного поддразнивая его:

— А теперь на очереди голубой дукер!

— Очень хорошо, — сказал он невозмутимо.

Мы вновь поднялись на холм и вышли к сухостойному участку леса. Себастьян нагнулся и показал на основание ствола дерева. Я не сразу разглядела там маленькое животное, которое сперва приняла за зайца. Оно стояло в тени под деревом, пригибаясь к земле.

Это и был голубой дукер — живехонький и словно сошедший с иллюстрации в определителе животных, с серо-голубой шерстью, с небольшими черными шипами на рогах, с темной полоской на морде и угольно-черными глазками-пуговками. Он наблюдал за нами с величайшей остороженностью. Голубого дукера — самую

маленькую и пугливую антилопу-дукера, можно разыскать полвека, да так и не увидеть.

Не знаю, кто больше радовался, Себастьян или я. Дукер обратился в бегство, а я сидела на камне и вздыхала.

— Это неразумно,— произнесла я наконец.— Не знаю, как ты ведешь себя. Я отказываюсь от антилопы-прыгуна.

Мы спустились по камням с холма, не думая о тишине и осторожности, как вдруг серо-коричневое животное с жесткой шерстью, пригнув голову, пронеслось, будто выпущенное из пушки ядро, вверх по склону, в сторону каменных развалов. Однако я успела разглядеть его: это была антилопа-прыгун. Прыгая по каменным выступам, она на миг замерла, приняв одну из балетных поз, вытянувшись на своих остреньких копытцах, и исчезла.

У меня перехватило дыхание, но день еще не кончился: на обратном пути к озеру я впервые увидела сервала-самца, который даже не числится в официальном списке животных Сумбу и которого Себастьян никогда прежде не видел.

С того дня я убедилась в том, что рогатые вброны приносят удачу. За все время пребывания в долине Лунангвы я никогда раньше их не встречала. Потом видела леопарда, какую-то редкую птицу, новорожденного слоненка и еще многих интересных животных. Наверное, я и леопарда никогда бы не заметила, если бы мне не повстречался рогатый вброн.

Когда позже я стала читать о народе биса, к которому принадлежал Себастьян, то узнала, что у них имеются и другие приметы и животные, приносящие удачу охотнику. Это может быть группа полосатых мангустов, шлемоносный сорокопут, орел-скоморох или африканский марабу, шеренга муравьев-солдат или живой варан (мертвый означает неудачу).

Животные, приносящие неудачу, к счастью, довольно редко встречаются. К ним относятся водяной мангуст, кобра или какая-либо другая черная змея, турако с красными крыльями, черно-белые птицы, летящие с востока на запад, богомол — хищное насекомое, в совершенстве имитирующее небольшой сучок.

То, что маленький богомол рассматривается как вестник неудачи, само по себе крайне интересно, поскольку это главный образ в мифологии бушменов. Образ бого-

Молла Мантиса существовал чуть ли не со времен сотворения мира и благодаря своей хитрости и необычной способности к перевоплощению сумел многое сделать, когда создавался мир. Некоторые исследователи, как, например, У. Блик, показали, какое важное место занимал культ богомола у южных бушменов. Теперь факты говорят о том, что образ Мантиса постепенно стирается в сознании современных бушменов во всей области расселения.

Археологи обнаружили следы бушменской культуры и в долине Луангвы. Совершенно ясно, что бантуязычные народы должны были вступить в контакт с коренными бушменскими племенами во время распространения их на территории нынешней Замбии. Мифология бушменов, вероятно, содержала много чужеродных элементов для бантуязычных народов, и бытующее у племени биса в долине Луангвы представление, что богомол приносит неудачу, может быть следом в коллективной памяти от контактов с коренными обитателями долины и их чужеродной и потому пугающей мифологии.

Прошло много времени с тех пор, как бушмены кочевали по долине Луангвы. Последняя группа бушменов-хукве в Замбии численностью несколько тысяч человек сохранилась на юго-западе Баротсе, большая часть которой проживает в полосе Каприви, вдоль границы с Анголой. Примерно треть бушменов Замбии поселилась в деревнях, остальные еще ведут традиционный образ жизни, занимаясь охотой и собирательством на территории площадью около 2500 квадратных километров, которая ежегодно урезается сопредельными племенами скотоводов.

Кроме бушменов-хукве, в Замбии сохранились остатки племени охотников и собирателей, утратившего родной язык и настолько смешавшегося с другими племенами, что его культура исчезла, но ее своеобразие сохранилось в памяти соседних племен, которые называли их тва. В Замбии остатки племени тва живут прежде всего на болотах Бангвеулу и Луканга. Они упоминаются в старой этнографической литературе, но трудно сказать, связаны ли они с древней бушменской культурой, распространявшейся на юге и востоке Африки. Как полагают некоторые исследователи, тва по происхождению скорее связаны с пигмеями, поскольку существуют нечеткие представления о пигмеях-охотниках, называв-

ших себя акафула, которые жили к западу от реки Луангвы на территории нынешнего национального парка и были постепенно изгнаны проникшими туда племенами. Как мы видели, бушмены и пигмеи осваивали разные территории, но, поскольку некогда центральноафриканский лесной пояс простирался через всю Замбию, нельзя полностью исключить, что пигмеи могли населять лесные местности и в Замбии, тогда как бушмены обитали на более открытых участках.

Руководствуясь устными традициями бантуязычных народов, этнографы создали довольно упрощенную картину появления их на исторической арене. Археологи и языковеды сходятся в том, что язык банту возник за 1000 лет до н. э. на территории нынешнего Камеруна среди людей каменного века, которые рано освоили некоторые формы земледелия и скотоводства. Однако неясно, как им удалось распространить свое влияние на всю Африку к югу от Сахары. Прежние исследователи обычно описывали этот процесс как инвазию таинственного жизнеспособного народа с развитой техникой, культура которого одержала верх над культурой разрозненных и плохо организованных племен охотников и собирателей. В Центральной Африке расцвет культуры и организации бантуязычных народов приходился на средние века в обширном племенном союзе Лунда на территории нынешнего Заира. Оттуда волны цивилизации распространялись по Южной и Центральной Африке. Современные замбийские племена сложились в XVII—XVIII вв., последние из них — даже в XIX в., как раз перед приходом европейцев.

Археологами установлено, что картина освоения Замбии была очень сложной. Эта страна занимала ключевое положение в предыстории южной части Африки, как показали исследования Дж. Д. Кларка (Clark, 1970) и Д. В. Филлипсона (Phillipson, 1977), к которым я отсылаю заинтересованных читателей.

Выяснилось, что предки бантуязычных народов населяли области, расположенные к югу и востоку от территории нынешнего Судана и к югу от нижнего течения реки Конго. Еще в IV—II вв. до н. э. в этих областях развивались культуры железного века. Примерно в начале I в. до н. э. культура железного века с четкими бантускими традициями распространилась на юг через Анголу в северную Намибию. В начале нашей эры культура бантуязычных народов проникла на территорию

Кении и северной Танзании. Наибольшая экспансия к югу происходила примерно около 300—400 гг. н. э. через возвышенности, находящиеся к западу от озера Малави, а оттуда — через нынешнюю Замбию до Трансвааля в Южной Африке. В более западных районах проходила такая же экспансия до провинции Шаба в Заире и западной Замбии, где западный поток мигрантов-банту встретился с восточным. В период от 500 до 1000 гг. н. э. в Шабе происходил сильный рост населения, способствовавший развитию культур позднего железного века, на основе которых постепенно сформировался племенной союз Лунда.

Недаром в соответствии с устными традициями происхождения многих современных замбийских культур берет начало от Лунда. XVII и XVIII вв. в истории Африки во многих отношениях соответствовали эпохе великого переселения народов в Европе. Масштабы миграций в Африке были весьма велики. К тому времени племенной союз Лунда затрещал по всем швам — частично из-за перенаселения, частично из-за внутренних противоречий. Раскол привел к выделению групп племен из союза, и именно такие группы переселились в Замбию.

Однако все же не ясно, были ли эти выходцы из союза Лунда первыми мигрантами-банту в данной местности или они слились с предыдущими переселенцами в одну мощную волну. Как упоминалось выше, в Замбии какие-то племена бантуязычных народов осели еще с IV в. н. э. Однако во времена ранней миграции, как и более поздней, стоял вопрос не о колоссальных ордах, сметавших все живое на своем пути, а о постепенном проникновении в течение длительного периода. На протяжении веков происходили взаимные контакты между группами племен и сопровождавший их обмен генами и идеями не всегда имел насильственный характер. Современные замбийские племена подчеркивают, что они происходят из племенного союза Лунда, поскольку группы, переселившиеся оттуда в Замбию, унаследовали гораздо более развитую культуру и технику и поэтому заняли ведущее положение, подчинив себе местные племена не только в физическом, но и в культурном отношении. Как известно, победители создают историю, и понятно, что новые группы заинтересованы в показе своего количественного превосходства над местным населением, изображаемым как «остатки». В настоящее время

тоже имеются примеры малых племен, которые воспринимают язык и культуру господствующего племени.

В этой связи надо подчеркнуть теперь, что сам термин «банту» (что в буквальном переводе означает «народ») относится не к расе, а к языку. На территориях, где за три тысячи лет бантуязычные народы распространились разными путями из своего исходного очага в Камеруне, со временем местным группам населения удалось воспринять элементы культуры многих весьма различных пришлых племен, и в результате в генетическом отношении проявились большие различия. Зато в лингвистическом отношении термин действительно охватывает все языки банту, которых насчитывается около 2000 (многие, впрочем, надо классифицировать как диалекты). Все они имеют одинаковую структуру, хотя даже для тренированного слуха трудно уловить какие-нибудь черты сходства между юго-западными языками банту, с одной стороны, и центрально-восточными, с другой.

Раскопки, проведенные в долине Луангвы, прежде всего в Начикуфу близ Мпики (откуда пошло название целого ряда культур от каменного до железного веков), показывают, что носители традиционной культуры каменного века здесь, так же как и во многих других районах Африки, по крайней мере какое-то время, существовали бок о бок с переселенцами-банту. Насколько добровольно происходило восприятие или отрицание новой культуры, мы, естественно, судить не можем. Однако, вероятно, еще тысячу лет назад в долине Луангвы широко распространилась культура позднего железного века, которая, судя по анализу соотношений типов керамики, вытесняла другие культуры. В этой связи любопытно заметить, что, хотя устное творчество вводит все культурные традиции к племенному союзу Лунда, все же на обширной территории заметно преобладание древней, луангвской, керамики.

Среди замбийских племен, в настоящее время изготавливающих керамику в долине Луангвы и прилегающих районах, можно отметить чева, нсенга, тумбука, лала, ламба, биса и бемба, и все они связывают свое происхождение с племенным союзом Лунда. Однако изучение их керамики совершенно однозначно доказывает, что выходцы из этого союза не только завоевывали, но и воспринимали какие-то элементы культуры, с которой они входили в соприкосновение.

Общее число племен в Замбии очень велико — свыше ста. Надо заметить, что если археологические построения кажутся сложными, то этнографические намного превосходят их. В последующем изложении я ограничусь кратким перечислением некоторых групп племен, населявших долину Луангвы, а затем сконцентрируюсь на одной из них — биса.

У. В. Брелсфорд (Brelsford, 1966) отмечает, что миграции из Лунда начались около 1600 г. Первыми стали переселяться небольшие племена. Более значительные, такие, например, как бемба, сохраняют предания, в которых рассказывается, как они покорили других, более ранних выходцев из племенного союза Лунда, поселившихся в Замбии. Считают, что бемба и биса первоначально относились к одной группе, которая после внутренних неурядиц в конце XVIII в. раскололась. Эта версия представляется вероятной, учитывая, что языки этих групп близки.

Появление этих двух племен посеяло большую тревогу среди других племен долины. Бемба освоили плато Замбии и никогда не селились в долине, но совершали туда набеги, беспокоя как биса, которые мигрировали в долину (правда, одна из групп биса все еще живет на плато), так и племена, обитавшие там раньше и теперь испытывавшие давление со стороны и биса и бемба.

Среди этих племен выделяются, например, сенга и тумбука. Последние в прошлом владели крупными частями долины и очень пострадали во время межплеменных войн XIX в. Амбо и кунда, как считают, одновременно проникли в долину Луангвы и, по-видимому, поддерживали между собой преимущественно добрососедские отношения. В тех местах, где они появились, уже жили нсенга, и там обычным явлением были смешанные браки. Нсенга — это ветвь чева, чьи основные группы проживают в современном Малави. Они захватили долину во второй половине XVIII в. и впоследствии разделили участь тумбука.

Общим для всех этих племен было то, что они на протяжении значительной части своей истории мало враждовали друг с другом, но позднее испытали давление биса, бемба, ангоны и работорговцев.

Племя ангоны из-за воинственной политики зулусского правителя Чаки вынуждено было эмигрировать из своих родных мест в Натале. В 1835—1845 гг. войны ангоны разделились — одна часть ушла на территорию сов-

ременной Малави, другая, объединившись с чева, обновалась в долине Луангвы. Как полагают, уже через 30 лет с начала переселения из Наталя первоначальные мигранты были в явном меньшинстве по сравнению с «новыми» ангони, которые повели племя далее. Польза не всегда передается от более сильных к более слабым: ашгони в районе Чипаты говорят на языке племени чева.

Много волнений и межплеменных войн в Замбии в конце XVIII и в XIX вв. можно отнести за счет работорговли. Она возникла в Замбии довольно поздно, поскольку эта территория значительно удалена от побережий океанов, но оказала пагубное воздействие на племена, которые все еще окончательно не осели в ходе миграций и сталкивались между собой в поисках мест для поселений и охотничьих угодий.

Бемба — второе по численности племя в нынешней Замбии (тонга — самое многочисленное на юге). Оно всегда отличалось хорошей организованностью и обладало централизованной властью со сложной социальной структурой. Это одно из немногих племен, которое смогло выстоять против ангони. В середине XIX в. эти племена сильно страдали от работорговли. Наиболее известный маршрут невольничьих караванов проходил от Килвы, на побережье озера Малави в восточную провинцию Замбии. Оттуда пути следовали в разные части Замбии, расположенные к западу от Луангвы. Позднее был проложен еще более значительный караванный маршрут, проникавший в Замбию с севера, со стороны озера Танганьика. Долина Луангвы стала играть большую роль в работорговле, поскольку тогда эта территория располагала одной из самых многочисленных популяций слонов в Африке. Работорговцы могли пополнить свои доходы благодаря невольникам, которые переносили слоновую кость к побережью океана.

Биса традиционно были искусными охотниками и поэтому в долине Луангвы считаются знатоками природы и животных. В настоящее время они населяют так называемый Коридор между северной и южной частями национального парка. На востоке границей служит река Луангва, на западе — горы Мучинга. Поскольку биса действительно знают места, которые я описываю, и поскольку я познакомилась с ними лучше, чем с другими племенами долины, я собираюсь рассказать о них немного подробнее.

В устной традиции биса насчитывают 13 вождей, с

тех пор как это племя выдѣлилось из большой группы бантуязычных народов, включавшей еще племена бемба и, возможно, сенга. Исходя из этого считают, что племя биса сложилось как самостоятельная единица в начале XVIII в. Это было беспокойное время, когда племена боролись за гегемонию, а также перегруппировывались и мирным путем. Контакты между биса и бемба не всегда были столь кровопролитными, как изображают их предания. Но ясно, что периоды неустойчивого мира нередко прерывались нашествиями и локальными конфликтами, и есть основания утверждать, что за период от начала миграции племен до прекращения работорговли каждое племя эпизодически находилось в скрытой или явной вражде с соседними племенами.

Биса успешно выдержали конфронтации с племенами кунда и чева, но сами потерпели поражение в столкновении с бемба. Тем не менее биса никогда не подчинялись бемба и не во всех отношениях уступали им. К примеру, удалось установить, что биса поддерживали торговые связи с восточным побережьем Африки около 50 лет, пока бемба не наладили прибыльную торговлю с арабами. Впоследствии, однако, биса, должно быть, весьма сожалели, что когда-то вообще наладили такие отношения: им становилось все труднее поставлять достаточное количество слоновой кости и рабов, спрос на которых сильно возрос. В конечном итоге сами биса в свою очередь становились жертвами набегов наемных солдат, которые занимались поставками невольников. Ф. М. Томас охарактеризовал ситуацию следующим образом: «Единство племени было ослаблено работорговлей и не могло противостоять... натиску бемба. Однако и до того, как результаты этих вторжений стали полностью очевидны, ангоны обрушились на них, и биса так и не смогли восстановить то территориальное и торговое положение, которое они некогда занимали» (Thomas, 1958).

Тем не менее биса сохранили достаточно много индивидуальных особенностей и значительную территорию. В XX в. они широко занялись торговлей, прежде всего слоновой костью, с португальцами в Зумбо. Северная Родезия к тому времени стала британским протекторатом, и уже в 1901 г. биса и другие замбийские племена были обложены налогом в пользу британской администрации в размере три шиллинга с хижины. Это повлекло за собой далеко идущие последствия, по-

сколькo мужчины в трудоспособном возрасте вынуждены были работать на рудниках, зарабатывая деньги, тогда как дома поля обрабатывали женщины и старики.

Помимо того, британское правительство вмешивалось в жизнь племени. В 1907 г. было запрещено так называемое читемене — своеобразное подсечное земледелие, применявшееся в Африке с незапамятных времен. Англичане сочли его слишком расточительным методом, поскольку масса отличных деревьев ежегодно превращалась в дым, и постепенно, по мере роста населения, оказывалось все более нерациональным, чтобы после сведения лесов и непродолжительного возделывания земля забрасывалась до последующего использования. Однако закон стал крайне непопулярным, и власти, проявив изворотливость, отменили его через два года. Еще годом раньше, в 1906 г., англичане попытались провести закон против мелких обособленных землевладений, так называемых митанда, чтобы сконцентрировать население в деревнях, где насчитывалось бы не менее 20 хижин, но оказалось, что система «митанда» имела важную функцию, поскольку поля подвергались нашествиям всевозможных «мародеров» — от слонов до грызунов — и потребовалась бы строгая сторожевая служба, чтобы ущерб не был особенно значительным.

Во время первой мировой войны биса были призваны в армию в качестве носильщиков. Многие из них умерли от эпидемий и тропических болезней — гораздо больше, чем на полях сражений, и когда оставшиеся в живых войны вернулись домой, то увидели, что племя пострадало еще и от сонной болезни, которая свирепствовала тогда в долине. В 1912—1925 и 1927—1934 гг. долина была закрыта для посторонних посетителей.

Набор на рудники Медного пояса начался в 1903 г., и уже в 1930 г. более половины всех трудоспособных мужчин находились вне дома. Земледелие и семья оказались полностью на плечах женщин, которые оставались, чтобы продолжать род. Если все мужчины побывали в Медном поясе, то лишь треть всех женщин когда-либо выезжала за пределы долины.

Многоженство и разводы у биса довольно распространены, что отчасти обусловлено отсутствием мужчин, отчасти связано с обычаями. Поскольку мужчина по традиции был охотником и воином, который подвергался большим опасностям, чем женщины, и женился позже, в племени всегда был некоторый избыток женщин.

Мужчина, у которого имеются средства взять себе вторую жену, при этом вдвое увеличивает свой земельный надел. Многоженство имеет очевидные преимущества также для женщин, живущих в обществе, где значение их определяется способностью рождать детей. (Замечу, что многие африканцы были обеспокоены моей бездетностью. «Кто будет за тобой ухаживать, когда ты состаришься? — спрашивали они меня. — Кто тебя похоронит, когда ты умрешь?»)

Поскольку биса принимали участие во второй мировой войне, многие пожилые люди с гордостью рассказывают, как они сражались в рядах королевских африканских стрелков и что повидали в дальних странах. Старый егерь Мвенда, к примеру, побывал в Италии и напищал два поколения биса рассказами о жизни итальянцев.

В 1940 г. были организованы южный и северный резерваты для охраны диких животных. В несколько официозном документе живущим там биса предписывалось покинуть их территории. Численность биса в пределах резерватов была невелика из-за мухи цеце и слишком большого числа диких животных. Там было невыгодно заниматься земледелием в сколько-нибудь значительных масштабах. Кроме того, биса практиковали традиционное подсечное земледелие, и это вынуждало их переселяться на новые места через равные промежутки времени. Поскольку в Коридоре хватало места для всех биса, переселение не обернулось для них катастрофой, хотя, конечно, они его и не одобряли. Спротивление было оказано несколько позже, когда большая часть полей, принадлежащих племени тонга, была затоплена вследствие сооружения Карибского водохранилища в долине Замбези.

Администрация национального парка издала ряд указов, которые отрезали биса от их традиционных охотничьих угодий. Вначале не предусматривалось запрещения охоты для биса. По краям Коридора были выделены охотничьи угодья и биса за недорогую лицензию приобретали право убить в год какое-то количество диких животных на этих угодьях с целью удовлетворить домашние потребности. Тогда, в 1940 г., население было невелико, и охотничьих угодий вполне хватало.

Теперь дело обстоит несколько иначе. Численность биса растет, несмотря на относительно высокую детскую смертность, а территория остается прежней. Лег-

ко предвидеть день, когда Коридор потребуется расширять.

По мере роста населения возрастает и необходимость в увеличении не только охотничьих угодий, но и посевных площадей, и буфера между полями и охотничьими угодьями исчезают. В свою очередь, это означает, что поля подвергаются частым набегам зверей. Чтобы справиться с этими мародерами, вызывают егерей, которые отстреливают их, что ведет к сокращению численности диких животных в охотничьих угодьях. Биса вынуждены совершать более далекие охотничьи походы и, увлекшись погоней за животными, могут оказаться в пределах национального парка. И если охотников задерживают, их наверняка объявляют браконьерами. Но этим дело не ограничивается: все мужчины племени биса в Коридоре превратились в потенциальных браконьеров.

Исходя из сказанного можно было бы сделать вывод, что из-за создания национального парка ущемлены интересы целого племени. Трагично, что оно вынуждено было прекратить жизненно важные традиционные занятия. Следующий шаг, очевидно, приведет к деградации культуры данной этнической группы: подрастающее поколение сочтет традиционные занятия нелепыми и ненужными. Стюарт Маркс, автор очень интересной монографии о биса, сообщает, что во время полевых работ ему не встречались молодые люди из этого племени, проявлявшие интерес к охоте, тогда как для представителей старших поколений она все еще играет важную роль и служит основной темой многих рассказов и преданий (Marks, 1976).

К счастью, охота не была главным источником питания для биса, разделявших присущее бантуязычным народам пристрастие к земледелию. Они, вероятно, случайно поселились в богатых дикими животными местностях и поэтому в большей мере, чем многие другие народы той же языковой семьи, вынуждены были интересоваться охотой, которая со временем превратилась в подсобное занятие. Земледелие играет весьма существенную роль в их жизни, а охота — подчиненную, и она все более вытесняется. В современной густонаселенной Африке, вероятно, неизбежно постепенное отмирание охоты как средства обеспечения домашних потребностей. Времена меняются, и биса сами не склонны тосковать о прошлом и вызывать жалость к себе на

пороге будущих перемен. Они продолжают заниматься земледелием и хорошо приспособились к изменившейся обстановке (включая и использование ими рабочих мест в национальных парках).

Все же ограничения на охоту, несомненно, вызывают раздражение среди местного населения. Выше я упоминала, что нигде в Африке не удастся достичь равновесия между потребностью жителей в охоте для домашнего потребления и необходимостью пресечь коммерческое браконьерство. Охотники биса, убившие импалу в национальном парке или промысляющие в охотничьих угодьях без лицензии, оказываются в таком же положении, что и браконьеры, которые уничтожают целые стада животных в районах Бангвеулу и Кафуэ, чтобы продать мясо голодающему населению городов, или отстреливают носорогов и слонов по заданию какого-нибудь синдиката. Поскольку в любом случае риск одинаково велик, остается лишь выбрать самое прибыльное поле деятельности.

Хотя егеря часто сетуют на то, что браконьерство в Замбии приняло ужасающие размеры, мне кажется, что здесь оно менее распространено, чем в Восточной Африке. Ресурсы дикой природы здесь более велики. Мое мнение сложилось на основе посещения национальных парков Замбии, куда доступ открыт. Как обстоит дело в таких закрытых районах, как Вест-Лунга, равнина Луива и Сиома-Нгвези, которые десятилетиями посещались браконьерами, мне трудно судить.

В Замбии меньше ощущается неприязнь к туристам, чем в Восточной Африке. Даже создается впечатление, что биса научились извлекать известную пользу из них. Администрация парков и компании по проведению охоты и сафари часто нанимают местных жителей на работу. Сокращение потока туристов во влажный сезон вполне устраивает биса, поскольку в это время они занимаются земледелием. Ввиду нехватки более конкретной информации я вынуждена использовать мои личные наблюдения. Могу сказать, что каждый раз, когда я приезжала в долину Луангвы (начиная с 1975 г.), я видела в деревнях много домов и замечала, что они гораздо лучше, чем были прежде. Все больше семей обзаводились велосипедами, радиоприемниками и швейными машинами. Если исходить из подобных критериев, то, несомненно, благосостояние жителей долины Луангвы повысилось.

Однако во многом биса живут по старинке. Стюарт Маркс рассказывает, что они сажают три семени в каждую ямку: «одно — для слона, другое — для цесарок, третье — для себя». Если учесть, какую долю урожая пожирают крысы и мыши, сколько портится во время хранения, биса как хозяева предстают в героическом свете.

Главные культуры у них — дурра (род сорго) и кукуруза. Возделывают они также земляной орех (арахис), просо, рис, сахарный тростник, кассаву (род маниоки), бобы, табак. Когда наступает сезон дождей, биса вспахивают поля, сажают семена, чтобы в июне—июле собрать урожай. Основное орудие труда у них — мотыга, главные работники в поле — женщины.

Климат долины считается довольно неблагоприятным и для местного населения, которое до недавних пор не имело таких, как у европейцев, возможностей защиты от разных заболеваний. Довольно широко были распространены сонная болезнь и проказа. В этих краях существует поверье, будто проказа разносится полосатыми или пятнистыми животными. Самую высокую смертность, однако, давали и до сих пор дают малярия и туберкулез. Различные внутренние паразиты вызывают анемию. За отсутствие многих других хворей надо благодарить замечательные африканские чугунные котлы. Грипп и некоторые детские заболевания рассматриваются как довольно невинные напасти, хотя они временами уносят не одну жизнь. Например, в 1978 г. у биса умерло много детей от кори. Страдало население и от ныне отошедшей в историю оспы, часто свирепствовавшей во время прохождения караванов невольников.

На фоне ненадежного земледелия, естественно, добыча на охоте служила желанным для биса дополнением в рационе. Приведенные ниже данные базируются на работе С. Маркса (Marks, 1976), изучавшего охоту, ее эффективность, методы и добычу.

Западни, ловушки и силки запрещены и открыто не используются. Лук и копье давно уступили место огнестрельному оружию, часто выпуска прошлого века. Патроны и порох изготавливают сами охотники. Из этого смертоносного оружия они убивают слонов, гиппопотамов, буйволов, импал, бородавочников и зебр, которые являются основными объектами охоты. Кроме ружья охотник обычно берет с собой топор и копье, чтобы не расходовать патроны на подраненных животных.

Показатель охотничьей удачи изменчив. При использовании старинного огнестрельного оружия он составляет 9—33 процента, современных ружей — 33—57 процентов. В среднем охотник проходит от 46 километров в августе (хорошая видимость, сухая земля) до 14 километров в феврале (высокая растительность, плохая видимость, раскисшая земля). Самый продолжительный суточный маршрут (упоминаемый С. Марксом) достигает 64 километров.

Часто встает вопрос, может ли местное население, располагая обычным оружием, уничтожить всех животных в округе, как утверждали защитники природы на протяжении ста лет. С. Маркс считает, что это невозможно, и ссылается на результаты исследований в восточной Замбии и Ботсване, свидетельствующие, что охота для домашнего потребления не может в корне изменить половую и возрастную структуру популяций диких животных⁴⁷.

В свете этих данных должна быть разрешена охота в определенных масштабах даже в национальных парках, но есть веские причины, говорящие не в пользу этого заключения. Чисто практически трудно определить рамки охоты «для домашнего потребления». Где провести черту и как осуществить контроль? Кто станет следить за ведением охоты и распределением добычи? Насколько можно быть уверенным, что смелые и хитрые биса не придумают какую-нибудь гениальную уловку, позволяющую им добывать гораздо больше мяса, чем разрешено?

Зная, как мало в мире осталось заповедных участков дикой природы, может быть, самое разумное — не экспериментировать с предоставлением права на охоту для домашнего потребления? Но, как мы увидим, полный запрет тоже ставит определенные проблемы. В долине Луангвы это прежде всего проблема слонов.

В те далекие времена, к которым относятся сведения о первых путешествиях, в долине Луангвы обитала масса слонов. Работорговцы получали большие доходы; заставляя невольников переносить слоновую кость из Замбии к побережью океана, и местные племена тоже были заинтересованы в сбыте этого товара. За 50 килограммов слоновой кости они могли получить до трех тюков материи. О важности этой торговли можно судить по тому, что спрос на невольников и слоновую кость чуть не привел к расколу племени биса. Ради сло-

говой кости многие из восточноафриканских наемников сставались в долине Луангвы и принимали участие в межплеменных войнах.

Нам хотелось бы думать, что сто лет назад Африка была сплошным миром дикой природы, в котором обитало множество слонов и других животных. Такое представление не соответствует истине (во всяком случае, если иметь в виду территорию, расположенную вдоль маршрутов невольничьих караванов), и это отмечал еще Джозеф Томсон (Thomson, 1881), который во время экспедиции к Великим озерам в 1878—1880 гг. вышел в северные районы Замбии: «В течение четырнадцати месяцев моего пребывания в обширной области Великих озер я ни разу не видел ни одного слона. Двадцать лет назад они беспрепятственно бродили в этих местах, а теперь почти полностью истреблены. Менее десяти лет назад Ливингстон сообщал о множестве слонов у южной оконечности озера Танганьика... Ныне там не осталось ни одного».

Сто лет назад долина Луангвы считалась одним из последних крупных очагов обитания слонов. О том, насколько жестоко их преследовали, видно из отчета о путешествии по долине Луангвы в начале XX в., в котором отмечалось, что на теле каждого слона гнойные раны от пуль и что эти животные готовы к нападению, как только почувствуют запах человека.

Значит, если и в долине Луангвы число слонов постепенно уменьшалось, можно с уверенностью сказать, что для них главным врагом действительно был человек. Выше отмечалось, что у слонов хорошая память и они могут передавать свой опыт следующим поколениям. Поэтому интересно выяснить, как многолетнее преследование изменило поведение этих животных.

Живущие на воле слоны днем свободно передвигаются по местности, общаясь между собой без соблюдения норм тишины и порядка. Когда люди подходят к ним слишком близко, они уступают дорогу, но без всякой ганики. В конце XIX в. в долине Луангвы появились особые слоны, которых многие охотники считали прирожденно злобными. По ночам они быстро, как ветер, покрывали большие расстояния, не издавая никаких звуков, и постоянно были на чеку. Многие охотники погибали, раздавленные слонами, в основном теми, которые зачастую имели личный опыт знакомства с огнестрельным оружием. Даже спустя много лет после пре-

кращения самой жестокой охоты на слонов за долиной Луангвы закрепились дурная слава, укреплявшаяся регулярными сообщениями об убийстве очередного охотника, а иногда и стороннего наблюдателя.

Фрэнк Мелланд, знаток слонов и долины Луангвы, был одним из первых, кто находил такое поведение слонов закономерным следствием кровавых преследований. В своей книге (Melland, 1938) он утверждал, что подобное поведение слонов Луангвы в ту пору не было естественным, и, действительно, потребовалось много времени, прежде чем оно изменилось в тех самых природных резерватах, которые создавались, когда писалась упомянутая книга.

Мелланд оказался прав: со времени организации резервата в долине Луангвы прошло 40 лет и всего 10 лет — после учреждения национального парка. Следовательно, только очень старые слоны могут помнить об охоте, проводившейся в широких масштабах, хотя луангвские слоны и теперь знакомы с отдельными браконьерами. Современную ситуацию все же никоим образом нельзя сопоставить с той, которая имела место в конце XIX в., когда систематично истребляли этих животных, и которая фактически не осталась в памяти ныне живущих слонов. Они значительно присмирели. Подобно большинству животных слоны реагируют на запах человека с отвращением и убегают, демонстрируя свое недовольство фырканьем и широкими взмахами ушей. В 99 случаях из 100 они, как будто из чувства собственного достоинства или самоуважения, не нападают. Иногда, правда, демонстрируют силу, и люди, если они не в машине, в испуге убегают. И это вполне естественное поведение. Обычно слоны ведут беззаботный образ жизни без истерической настороженности, которую отмечали у них раньше охотники.

Прошло немало времени, с тех пор как слоны долины Луангвы перестали смотреть на человека как на смертельного врага и привыкли к тому, что в национальном парке их охраняют лучше, чем за его пределами. На этой почве и возникла «проблема слонов»: все больше этих животных скапливалось на территории, которая в обычном состоянии не могла бы вместить такую крупную популяцию. Слоны, очевидно, инстинктивно придерживались границ, совпадающих с обозначенными на карте администрации парка. На востоке граница доходит до реки Луангвы, и на ее восточном берегу как

раз находится охотничий кордон. В сухой сезон, когда пастбища истощаются, растительность на восточном берегу реки привлекает слонов, хотя они опасаются, что там их могут подстрелить, но им известно и то, что человек слеп и беспомощен ночью.

Поэтому в сумерках можно различить, как слоны спускаются к реке у заветного брода, а затем спокойно и целенаправленно переходят на противоположную сторону реки и под покровом темноты исчезают среди зелени. Если встать перед самым рассветом, до того как подаст голос орлан-крикун, и отправиться на западный берег, можно увидеть, как с первыми утренними лучами солнца большие группы слонов, словно призраки, окутанные ночной мглой, еще расстилающейся над поверхностью воды, выбираются на песчаные отмели и затем стройными колоннами исчезают в национальном парке, в то время как охотники еще отсиживаются на кордоне.

Слоны, вероятно, понимают, что у них в национальном парке есть какая-то защита, а за его пределами именно люди обрекают их на гибель. Поэтому еще попадают отдельные слоны, которые без всякого повода бросаются в атаку, и если однажды доведется столкнуться с таким животным, то вряд ли потом будешь говорить, что слоны не опасны,— достаточно приглядеться к людям, имеющим большой опыт пребывания в условиях дикой природы среди слонов. Они все без исключения ведут себя осторожнее или, если хотите, боязливее, чем люди, относительно недавно прибывшие в районы кустарников либо имеющие при себе надежное оружие.

Однажды я шла в небольшой группе туристов, как вдруг увидела четырехтонную слониху, которая бесшумно двигалась навстречу нам со скоростью 40 километров в час. Хобот опущен, уши откинута назад, и не было никаких сомнений в том, что у нее серьезные намерения. Нас сопровождал егерь, но он, так же как и мы, испугался и начал поспешно заряжать патронами старое ружье. Глядя на это ружье без особой надежды, я подумала, что, наверное, оно стреляло в какого-нибудь крупного зверя лет тридцать назад. К счастью, мы заметили слониху, когда стояли сомкнутой группой. Мы громко захлопали в ладоши и закричали: «Хо! Хо!», пытаясь испугать ее. Слониха заметила нас, но с пути не свернула, хотя и не ушла прочь, — видна была ее

нерешительность. Она чуть замедлила ход, и когда находилась примерно в 30 метрах от нас, егерь взял ружье наизготовку. Мотнув головой, слониха отступила и скрылась в чаще леса.

Слоны, которые мотают головой, машут ушами, фыркают и бьют ногами, редко имеют агрессивные намерения. Конечно, когда сидишь в вездеходе (со включенным мотором, с ногами на педалях и рукой на переключателе скоростей), можно, сохраняя спокойствие, наблюдать за происходящим. Неожиданные нападения слонов не часты и почти всегда заканчиваются тем, что слон начинает явно колебаться и затем останавливается, соблюдая определенную дистанцию, оглушительно трубит и удаляется с таким видом, что, мол, его заставили уйти и тем самым унизили.

В другой раз я повстречалась с агрессивно настроенным слоном, сидя в вездеходе. Когда мы ехали по лесу мопане следом за носорогом, внезапно у нас проколосась шина. Болты были залиты краской и не затягивались гаечным ключом. Приподнятый на домкрате вездеход стоял, а мы били молотками по болтам, ругая идиота, который их покрасил. Вдруг мы заметили, что одна самка отделилась от стада слонов, которое, как нам казалось, было на значительном расстоянии, и, приседая, двинулась на нас, бесшумно, с опущенным хоботом и откинутыми назад ушами. Мы надеялись, что она остановится, ограничась демонстрацией силы, но слониха продолжала свой наступательный бег. Тогда нам ничего не оставалось делать, как хлопать в ладоши и орать: «Хо! Хо!», но она, не останавливаясь, все шла и шла на нас.

— Садитесь! — крикнул Клифф, который вел машину. — Я сам сниму домкрат.

Он завел вездеход, и, когда слониха была метрах в двадцати от нас, мы сорвались одним махом с домкрата и отчаянно стали маневрировать между деревьями мопане. Слонихе словно подбросили в нутро углей; когда она увидела, что мы удираем, то вновь ринулась за нами. Наконец мы немного вырвались вперед, и тогда она остановилась, торжествуя подняла хобот и повернула его в нашу сторону. Мы тоже остановились, и, заметив это, она припустилась следом. Пришлось нам оторваться от нее метров на сто — тут она сочла, что расстояние между машиной и стадом достаточно велико. В стаде находился ее новорожденный слоненок, что, ве-

роятно, и было причиной агрессивности. Взволнованная, я отправилась за домкратом, вознося хвалу тому идиоту, который покрасил болты: благодаря ему мы не стояли на трех колесах, когда к нам рванулась слониха.

Напавшая на нас слониха была без бивней, и ее поведение подкрепляло слова старых охотников о том, что слоны, у которых нет бивней, особенно опасны. Имеются в виду не те слоны, что сломали себе один или оба бивня, а те, что родились без них. Этот пробел обусловлен наследственностью — у слоних, лишенных бивней, детеныши тоже рождаются без бивней, и эта черта присуща отдельным группам, членов которых объединяют родственные связи.

Почему же эта наследственная черта более широко распространена среди слонов долины Луангвы? Возможно, агрессивность унаследована ими от той эпохи, когда слоних без бивней не отстреливали и поэтому они не боялись человека.

В то же время они видели, как убивают или увечат их сородичей, и это порождало в них ярость и отчаяние. Нрав также может быть в какой-то мере унаследован — ведь потомство стремится копировать поведение родителей.

О том, сколько слонов было уничтожено в прошлом веке, точно не известно. Первые цифры, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся к 1871—1875 гг., когда, как считают, легендарный торговец Джордж Вестбич — человек, носивший в шляпе зубную щетку как единственную уступку цивилизации, — ежегодно вывозил около 13 500 килограммов слоновой кости со своей станции Панда-Матенга в долине Замбези. Большая часть товара поступала наверняка из долины Замбези и северной Ботсваны, поскольку слоновая кость из долины Луангвы в основном переправлялась к восточному побережью Африки или к португальцам в Зумбо, однако данные по Панда-Матенге все же дают некоторое представление о том, какое количество слоновой кости находилось в Северной Родезии.

Официальные данные по всей Замбии имеются начиная только с 1922 г. Публиковавшиеся показатели колебались от 1040 до 2850 килограммов. Возможно, они не слишком высоки, но ведь, кроме того, немало слоновой кости вывозилось из страны по неофициальным каналам. Однако, даже если увеличить приведенные цифры на 100 процентов, можно в свете имеющихся

представлений о поголовье слонов в Замбии сказать, что отстрел такого масштаба, возможно, и терпим.

Зато данные 20-х годов о весе бивней указывают на колоссальные масштабы происходившего тогда отстрела. В частности, эти данные приводит Питмен (Pitman, 1934). В начале 20-х гг. средний вес бивня едва достигал 6,5 килограмма. Этот показатель значительно возрос к концу десятилетия, когда была установлена определенная минимальная величина бивней. Ради сравнения надо сказать, что самый мощный бивень весил 102 килограмма — невероятно тяжелый груз, наверняка не доставлявший радости его носильщикам. Бивни весом свыше 50 килограммов считаются весьма крупными, а в 20—30 килограммов — обычными для слонов в нынешних национальных парках.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что в начале XX в. не осталось ни одного слона с приличными бивнями и что проводился отстрел подросших детенышей и молодых самок с целью вообще что-нибудь получить. Тонкий наблюдатель, натуралист и охотник Ф. Силус (Selous, 1881) откровенно признавался: «Мы видели всего восемь особей: самку без бивней и семь других, вряд ли вполне взрослых. Слоны, впрочем, теперь так редко встречаются, что нельзя пропускать даже детенышей».

Это признание красноречиво говорит о невысокой способности слонов к восстановлению поголовья. Коротче говоря, проблема сводится к тому, что слоны в долине Луангвы продолжают вымирать. Виноват человек, который проник в их мир, занимающий слишком малую территорию (хотя южная часть долины Луангвы размером с Уэльс, а северная — вдвое меньше). Слоны могли бы еще 30 лет назад распространиться на гораздо большую территорию. И сейчас часть их мигрирует в горы Мучинга и, в ограниченных масштабах, к северу до Сумбу и к западу до района Бангвеулу, но даже южная часть долины Луангвы начинает все более походить на экологический остров, где слоны прижились и размножаются. Однако их нынешняя территория меньше, чем в прошлом, а отстрел невелик, и в этом, повторяю, заключается суть проблемы.

Желудок правит всеми, и в том числе слонами. Подсчитано, что за день слон потребляет от 100 до 250 килограммов корма, и, чтобы быть здоровым и бодрым, ему требуется затрачивать почти 18 часов в сутки на до-

бычу пищи. Конечно, не все это время у него занимает непосредственно процесс поглощения еды. Сюда входит и поиск ее, валка деревьев, обламывание ветвей, обгладывание коры и т. д. Переваривание пищи у слона — процесс весьма эффективный, но в то же время его можно назвать и неэффективным. Он эффективен потому, что пища проходит через организм слона с огромной скоростью и результат этого процесса — крупные кучи, в которых четко можно различить, какие деревья, травы и плоды были съедены. А неэффективен из-за того, что усваивается относительно малая часть пищи. Следовательно, слону, чтобы существовать, приходится набивать свою утробу с большим запасом.

В других отношениях слон тоже парадоксален. Можно со столь же равным основанием считать его экономичным и неэкономичным в выборе пищи. Экономичным — потому, что в своем вегетарианском (ограниченном) рационе он всеяден и приспособлен для использования всех ресурсов растительного царства между небом и землей. Неэкономичным — оттого, что он сносит большие деревья, чтобы добраться до листвы на их верхушках, или губит их, обгладывая кору, добираясь до необходимых ему лубяных волокон и питательных веществ.

Подобные рассуждения не могут привести к сколь-либо полезным выводам. Так же можно порассуждать и о жирафах, о которых, с одной стороны, можно сказать, что он имеет самую длинную шею, а с другой — самую короткую. Самую длинную — если измерять ее в сантиметрах, но самую короткую — в том смысле, что, по сравнению с другими животными, жирафу труднее всех достать что-нибудь с поверхности земли.

Прекрасный аппетит и быстро увеличивающееся брюхо слона сопровождаются постепенным изменением среды его обитания. В густых зарослях он оказывает услугу другим животным, прокладывая тропы и тем самым делая непроходимые кустарники доступными для небольших антилоп. Однако местность с избыточной популяцией слонов становится безвозвратно оголенной, и животным, предпочитающим густую кустарниковую или древесную растительность, в таких местах нечем поживиться — им приходится переселяться в другие места. Предоставленные самим себе, слоны создают из кустарниковых зарослей саванну, и в конечном счете наступает момент, когда и самим слонам там больше нечем пи-

таться и, если есть возможность, они покидают разоренную территорию и не возвращаются туда, пока там не восстановится растительность.

В тех районах, откуда слонам некуда уйти, создается критическое положение. Проблемой слонов занимаются специалисты по диким животным и охране природы Африки после трагедии, происшедшей в парке Цаво.

Эта трагедия была связана с обострившейся проблемой слонов, разделившей специалистов на два лагеря: одни выступали в пользу отстрела слонов, другие — против. Если представить упрощенно, возникновение проблемы относится к тому времени, когда браконьерство сдерживалось, а распашка земель и заселение прилежащих территорий способствовали росту численности слонов на территории парка, которая никогда раньше не отличалась такой плотностью их популяции. За несколько лет в 50—60-х годах слоны Цаво весьма существенно преобразили среду. Исчезли деревья и кустарники, на сухих равнинах от пожаров сильно выгорали травы — в целом среда деградировала. Кризис разразился в конце 60-х годов, когда Кения пережила несколько засушливых лет подряд. Погибали от голода не только слоны, но и носороги, популяция которых так же сократилась. Слоны какое-то время обходятся травой, но черный носорог, питающийся преимущественно листьями и молодыми побегами, совсем теряет силы от скудной травяной диеты. Когда воцарилась жара, эти животные сами гибли от голода и жажды.

Споры о том, надо ли сокращать численность слонов на ранней стадии или надо предоставить природе развиваться своим путем, все еще не утихают.

Проблема затрагивает особенно тех, кто посвятил свою жизнь созданию национальных парков в Восточной Африке. Дело было поставлено с ног на голову: друзья природы, ранее обвинявшие поборников отстрела в отсутствии гуманности, теперь ругают тех, кто ратовал за развитие природы без всякого вмешательства извне, а также за недостаток гуманности по отношению к бедным животным, гибнущим в Цаво.

Наверное, обе позиции имеют свои положительные стороны. Лично я всей душой присоединяюсь к поборникам невмешательства в природу. Ни одна из природных обстановок не является статичной: там все время происходит напряженная борьба между видами, причем одни стремятся выжить за счет других. Следовательно,

равновесие в природе можно рассматривать как условное равновесие, при котором каждый пытается удержать свои позиции. Резкие изменения климата или иная нагрузка на среду нарушают равновесие и направляют развитие по пути, на котором разные компоненты постепенно снова достигают равновесия, и т. д.

Современное положение в Цаво вкратце можно описать следующим образом: избыточная популяция слонов нанесла урон кустарниковой и древесной растительности, распространились степи и саванны. Но надо ли рассматривать такое состояние как вырождение? Скорее, эта часть цикла, подобная той, которую, судя по имеющимся свидетельствам, Цаво проходил и в прошлом. Саванна сама по себе — крайне жизнеспособный биотип, но она не может прокормить слишком много слонов. Должен быть естественный выход: либо миграции, либо смертность от голода или болезней. Когда численность популяции слонов снова уменьшится, кустарниковая и древесная растительность восстановится и вернуться животные, поедающие эту растительность. Соответственно наступят лучшие времена и для слонов. И так далее.

Все очень просто. Проблема состоит лишь в том, что цикл охватывает несколько столетий и что человек не способен предвидеть столь отдаленное будущее или позволить себе вмешаться в ход естественного процесса, тогда как природа развивается по своим законам. Кроме того, надо вновь подчеркнуть, что даже такой гигантский национальный парк, как Цаво (площадь 20 000 квадратных километров) больше не является саморегулирующейся природной единицей. Вытесняемым отсюда видам некуда податься, и нет области возобновления, откуда они могли бы вновь вернуться в парк, когда условия там станут подходящими для них. Вправе ли в таком случае один вид разрушать среду за счет других?

Если же стоять на противоположной точке зрения, то можно найти не менее веские аргументы. Обе позиции так или иначе за сохранение уголков нетронутой природы в мире, который в остальном мы коренным образом преобразуем. Но как определить термин «нетронутый»? Не тронутый людьми или «нетронутый» в смысле «неизменный»?

В некотором отношении я считаю свидетельством нашей слабости то, что термин «нетронутый» во всех дискуссиях об охране природы все больше приобретает значение «неизменный». Но ведь сама природа меньше

Всего подходит под это определение, и об уязвимости данной позиции свидетельствует то, что у нас нет возможностей предоставить природе развиваться самодостаточно.

Поэтому, вероятно, пора перестать лицемерно говорить о нетронутой природе и реалистически взглянуть на оставшиеся районы дикой природы, которые мы хотим сохранить в тех условиях, в каких мы их нашли. Это значит, что нам следует быть готовыми к вмешательству разного рода, чтобы помочь природе сохранить равновесие, которое, собственно, не является для нее естественным. Если мы решились идти таким путем, мы должны быть готовыми ко все большему вмешательству, поскольку ответная реакция природы на нашу программу отстрела сводится к ускоренному росту популяции. Все это правомочно, если в 2080 г. мы могли бы сказать: «Точно так же долина Луангвы выглядела сто лет назад! Это была дьявольская работа, но она велась и теперь еще ведется под неусыпным контролем!»

Такая цель понятна, и, если выбрать идеальный период и снабдить парк вывеской «Долина Луангвы 1960», мы создадим красивый и хорошо устроенный природный музей, который нужен не меньше, чем археологические и этнографические коллекции, предназначенные для напоминания о наших корнях. Итак, я не выступаю против самой идеи, а лишь проявляю определенное беспокойство по поводу того, как мало осталось у нас от природы и что мы не можем позволить ей развиваться своим путем.

По мнению многих специалистов, нынешний процесс в долине Луангвы надо приостановить, а это следует сделать только посредством сокращения численности популяции слонсв. Ведь долина находится не в таком кризисном положении, как Цаво, поскольку здесь и в сухие годы есть вода. Причину массовой гибели животных (кроме опустошительной эпидемии) трудно себе представить, зато можно почти так же отчетливо, как в Цаво, увидеть признаки изменения окружающей среды. Многие готовы пойти еще дальше и говорят о вырождении.

Даже неспециалисты замечают следы разрушительной деятельности слонов. Большие участки леса мопане выглядят так, словно по ним прокатилась война: большие деревья сломаны или повалены, а иные, с обглоданной корой, гибнут стоя, молодые деревца вырваны

с корнем или объедены так, что торчат только палки. Роскошные баобабы, которыми славятся эти места, уничтожаются. Эти деревья стойчески терпят, когда обгладывают их кору. Однако слоны выдалбливают сердцевину, дающую животным многие питательные вещества, в том числе известь. Порой видишь в стволах баобабов глубокие, часто даже сквозные отверстия, куда попадает влага, способствующая гибели деревьев.

Это наиболее очевидный ущерб, причиняемый парку слонами. Норман Карр, знаток растительного мира долины, указывает и на те последствия, которые ускользают от взора случайного посетителя. По его мнению, растительность долины постепенно обедняется. За последние 20 лет исчезло около 30—40 видов на территории парка, тогда как эти же растения еще плодоносят за его пределами, потому что нагрузка от слонов там меньше. Особенно не повезло различным акациям: зонтичная акация (*Acacia fortilis*) почти исчезла; *A. kirkii* и *A. alfigida* удерживаются с трудом; от *Capparis tomentosa*, некогда одного из самых распространенных кустарников, теперь остались большей частью только стволы и зеленеющие прикорневые побеги.

Грэм Кофли в ходе исследований в долине Луангвы опубликовал показатели разрушительной деятельности слонов. Ежегодно эти животные уничтожают 55 квадратных километров леса мопане, что соответствует 4 процентам его прироста. Каждый взрослый слон за год губит около 80 деревьев мопане. Кроме того, валится около 4 процентов других деревьев и еще 7 процентов находится в очень плохом состоянии из-за повреждения корней. 24 процента всех деревьев в лесах типа *Kigelia — Combretum* в той или иной форме испытали воздействие слонов.

Бьющие тревогу люди представляют себе пустынный пейзаж с мертвыми деревьями и голодающими слонами, без бушбоков, лошадиных антилоп и больших куду, поскольку для их существования необходима древесная и кустарниковая растительность. С помощью специально подобранных фотографий можно было бы, с одной стороны, составить потрясающе наглядную документацию о том, как далеко зашли разрушительные процессы в парке, а с другой — создать идиллическое представление о ландшафте с морем зелени, подобным тому, каким его видел Ливингстон, когда здесь была масса непуганых зверей всевозможных видов — от типичных лесных до

саваннных. Истина лежит, как это часто бывает, посередине: слоны преобразовали среду, и ландшафт стал более открытым, чем 30 лет назад, однако природа долины не собирается умирать, все еще сохраняя великолепное многообразие тигров местообитаний, придающее такую привлекательность национальному парку и для людей, и для животных.

Грэм Кофли — человек, который в глазах общественности представил долину Луангвы как выдающуюся обитель слонов в Африке. Когда пишут о слонах Африки, обычно имеют в виду Восточную Африку, и поэтому распространилось представление, что последние крупные популяции слонов находятся в Танзании, в первую очередь в заповеднике Силус по реке Руфиджи. Но там обитает около 80 000 слонов, тогда как, отметил Кофли, в долине Луангвы этих животных насчитывается 98 000.

Как определяется численность слонов — тема сама по себе очень интересная. Результаты, к которым приходят исследователи с помощью сложных современных методов, все без исключения превышают прежние оценки, хотя, по словам старых охотников, нынешний животный мир представляет собой лишь жалкие остатки от былого богатства. Значит, предыдущие оценки были сильно сдвинуты к нижнему пределу, а современные — свидетельствуют о том, что животный мир вовсе не находится под угрозой истребления, как часто полагают.

В 1904 г. во всех британских владениях в Центральной Африке насчитывалось до 15 000 слонов. В начале 30-х годов Питмен, обследовав среднюю и верхнюю части долины Луангвы, пришел к выводу, что там обитает 7000 слонов. Этот показатель тогда многим показался завышенным. В 1951 г. В. Поулс насчитал всего 926 слонов в Южном заповеднике. Поэтому удивление вызвали данные 1964 г. Джонни Айса, который в результате первого в истории долины аэровизуального обследования назвал цифру около 15 000 особей для того же заповедника. По оценкам Кофли, сделанным спустя девять лет, численность популяции слонов возросла до 31 000.

Еще в середине 60-х годов был пущен в ход пробный вариант так называемой программы отстрела. Бойню и холодильник организовали на противоположной стороне Луангвы, как раз напротив национального парка, чтобы мясо животных можно было продавать в городах.

Отстрел слонов в национальном парке — непростое мероприятие. К тому же на туристов он производит гне-

тушее впечатление. Им не нравится зрелище раненых слонов, бродящих по дорогам, или их трупов, оттаскиваемых с территории парка. Африканец, примирившийся с утратой традиционных охотничьих угодий, испытывает горькое разочарование, и ему в голову приходят циничные мысли при виде совершенной убойной машины, пущенной в ход на том месте, где он сам некогда «угрожал» культурному наследию нации лишь тем, что убил импалу.

Будучи реалистами, африканцы должны лучше понимать необходимость отстрела, чем туристы, сообразительность которых, к сожалению, и без того неверно оценивается в природоохранных кругах. Чтобы пощадить их чувства, решили вести отстрел слонов подальше от туристских троп и устроить бойню за пределами видимости из парка. Впрочем, очень быстро выяснилось, что слонам программа пришлась не по душе. Ни до, ни после ее реализации не приходилось видеть такого множества слонов, бродящих около дорог и туристских стоянок, как во время отстрела. Лицам, проводившим его, все труднее удавалось забивать слонов на близком расстоянии от бойни, а далеко от нее стрелять не имело смысла, так как мясо не удавалось своевременно привезти в холодильник, а на жаре оно быстро портилось.

Программа была введена в действие в 1965 г. и продолжалась с перерывами до 1969 г.; когда ее отменили, поскольку она потерпела, по мнению многих, полную неудачу. За четыре года было убито 464 слона — меньше, чем намечалось (в значительной мере из-за того, что надо было сберечь мясо). Массовый отстрел слонов не соответствовал темпам обработки туш животных. Впоследствии попытки возродить программу не принимались. Каждый специалист по диким животным при посещении долины Луангвы качал головой и предрекал конец света.

Для исследователей же программа предоставила возможность изучать отправляемый на бойню материал. За два года работавший по проекту в качестве биолога Джон Хэнкс воссоздал полную картину морфологии и образа жизни луангвских слонов (Hanks, 1979).

Подобно некоторым другим животным, слоны обнаруживают большую индивидуальную изменчивость, и за средними показателями скрываются значительные отклонения. Хорошим примером служит вес новорожденных слонят. Нормальным считался вес 120 килограмм.

мбв, но известен рекорд, зафиксированный в парке Крюгера в ЮАР, — 164,6 килограмма у новорожденной самки. В свою очередь, Хэнкс отметил вес вполне здоровой самочки — всего 68 килограммов.

Другим примером изменчивости является продолжительность беременности: средний показатель для детенышей обоих полов колеблется от 17 до 23 месяцев.

Слонята рождаются довольно беспомощными, и родители трогательно о них заботятся. Я видела всего нескольких новорожденных слонят. Однажды наблюдала, как мать-слониха стояла, глядя вдаль голым нежностью взглядом, с хоботом, покоившимся на малыше, возившемся у ее ног.

Проходит несколько дней, прежде чем слоненок сможет господствовать за матерью во время обычных передвижений группы, хотя у него еще нет должной координации и хобот только мешает ему. В детстве он ощущает беспредельную любовь со стороны всех членов группы, состоящей чаще всего из матери, бабушки, теток и кузин и, возможно, еще каких-нибудь родичей. Состав групп нестабильный, бывают небольшие, но достаточно мобильные группы на какое-то время примыкают к материнской. Можно, однако, уверенно констатировать, что слоны одной группы хорошо знают друг друга и мирно уживаются между собой.

Слоненок никогда не бывает одинок. Если мать не обращает на него внимания, всегда найдется взрослый слон, который ему поможет и приласкает. Слоны не делают различий между своими и чужими детьми, но слоненок хорошо знает свою мать, а она в опасных ситуациях готова защитить прежде всего своего детеныша. Бедной матери приходится вмешиваться, когда детеныш погадает в переделку, начав, играя, задевать буйволов и носорогов, которые зачастую не понимают его безобидных намерений обратить их в бегство. И мать, чтобы ее слоненку не сделали ничего плохого и его не забодал лишенный чувства юмора буйвол, спешит ему на выручку.

Охотнее всего слоненок играет с другими слонятами, и особенно спокойно они ведут себя в воде. Они также любят катать друг друга в грязи у реки, и это у них хорошо получается благодаря хоботам и округленным формам их туловища. В процессе длительного роста слонята обучаются всему, что необходимо знать и делать слонам, и прежде всего правилам общения с другими

слонами. Более сложной задачей, чем детеныш слона, трудно себе представить. Если он увязает в иле, всегда найдется какой-нибудь слон, который сможет его вытолкнуть оттуда, иногда он и сам справляется, ухватившись за что-нибудь хоботом.

Слоны получают не только помощь и поддержку, но и «образование». Однажды я была свидетельницей «лекции по самоуверенности». Мы отправились гулять пешком и оказались у крутого берега небольшой речки как раз в то время, когда к другому берегу подошла группа слонов из пяти самцов, трех самок, детеныша-подростка и двухлетнего малыша и приготовилась переходить реку вброд. Они не видели и не слышали нас, тем более что ветер дул в нашу сторону. Мы сидели на берегу, наблюдая, как они осторожно спускались к воде по крутому склону, причем слоненок-двухлетка шел посередине. Река не была тогда полноводной, и они легко переправились.

Но тут начались осложнения. Все слоны легко поднялись вверх по склону, а малыш застрял задними ногами в иле, в то время как передние уже были на высоком береговом уступе. Поняв, что не может выбраться, он затрубил. Стоявшие на берегу слоны обернулись, и один из них (вероятно, мать) спустился по склону и оказался в воде чуть ниже своего чада. Проще всего было бы вытолкнуть его наверх, на сухую землю, и затем подтащить по склону. Малыш, видно, тоже на это рассчитывал, потому что когда он не получил дружеского толчка, то завизжал, как поросенок, попавший в беду. Однако мамаша, не обратив внимания на визг, стала медленно выходить из воды. Она подняла верхнюю часть туловища, наглядно показывая, что требуется лишь небольшое дополнительное усилие. Малыш остался в своем неудобном положении и верещал.

Остальные слоны следили за развитием событий с оживленным интересом. Когда все попытки матери оказались тщетными, предводительница группы тоже спустилась к реке и присоединилась к ней. Теперь обе стали показывать, как выходить на берег, детеныш же, попытавшийся выйти вслед за ними, снова потерпел неудачу. Тогда мать и бабушка поняли, что так дело не пойдет. Однако им хотелось, чтобы детеныш сам поднялся на берег, и тогда предводительница забралась дальше в воду, нашла песчаную отмель, которая более полого выступала из воды, и осторожно обошла ее, подровняв

путь, по которому слоненку предстояло выйти на берег. Тем временем мать загнала детеныша обратно в воду и вместе с ним, плескаясь, подошла к предводительнице. Та медленно, как бы давая урок, пошла по утоптанной тропе и поднялась вверх по склону. Малыш последовал за ней, а мать подгоняла его сзади, и ему удалось взобраться фактически без посторонней помощи.

Все обучение длилось не более 20 минут. Достаточно было секунды, чтобы вытолкнуть детеныша на сухую землю, и не намного больше времени, чтобы подтолкнуть его вверх по склону. Вместо этого мать и предводительница преподали ему наглядный урок, как самому преодолевать препятствия.

Примерно два слоненка из трех выживают к концу первого года. К смертельному исходу приводят прежде всего разные болезни, а также несчастные случаи, которые все же иногда бывают, несмотря на всю заботу слонов о своем потомстве.

Слоны относятся к тем немногим животным, которые никогда не бросают больных товарищей. Однажды я видела примерно шестилетнего слона, страдавшего тяжелой болезнью суставов. Он едва передвигался, и было очевидно, что он недолго протянет: болезнь захватила весь организм. Мать все время шла рядом с ним, позволяла ему отдыхать, прислонившись к ней. Она отошала, поскольку не могла отойти от своего дитяти и поест вдоволь. По-видимому, у нее еще было немного молока⁴⁸, которое поддерживало слоненка в большей мере, чем трава и ветки. Остальные члены группы уходили все дальше, и было ясно, что, когда слоненок умрет, бедной, одинокой матери придется долго разыскивать своих спутников.

Нередко слонята сильно увязают в грязи в период дождей и, охваченные паникой, погружаются так глубоко, что даже с помощью взрослых слонов не могут выбраться и гибнут. В лагере Норман-Карр рассказывают об одной трудоемкой операции по спасению 4—5-летнего слоненка. Он утопал, а его мать в отчаянии носилась взад и вперед по сухому берегу. Когда прибыла команда спасателей, слониха была вне себя и стала нападать на них. Между тем спасатели обвязали слоненка веревкой и начали его вытаскивать с помощью вездехода, при этом пришлось отгонять самку, стреляя у нее над головой. Когда слоненок выбрался на сушу, он был не в худшей форме и решительно бросился на своих спасателей.

Зная способность слонов усваивать уро́ки, мы думали, что слоненок и его мамаша впредь будут обходить грязь стороной, но не тут-то было: наш неудачник-слоненок оказался в той же самой трясине, что и неделю назад. Мать точно так же носилась взад и вперед по берегу. Егеря вынуждены были отогнать ее гораздо дальше, чтобы предоставить спасателям возможность действовать. За все время операции слоненок отчаянно визжал, а слониха трубила так, что разрывалось небо. Когда слоненок был спасен, он сразу затих, замолчала и слониха, и, что интересно, сразу же двинулась прочь. Егеря сделали попытку погнать малыша в том же направлении, надеясь, что мать остановится и подождет его. Но она не пожелала даже обернуться.

Последнее, что видели спасатели, это двух слонов, уходящих в разные стороны. У такого маленького слоненка немного шансов на благополучный исход ночлега в кустарниковых зарослях. Действительно наутро егеря видели, как беднягу пожирал лев. Гибель его была predetermined...

Даже при ангельском терпении по отношению к своим детям слонихи иной раз хотят их проучить. Слонята любят пугать других животных, и матери обычно добродушно защищают своих чад. Однако порой их терпению наступает предел (наверное, такое же случается и у людей). Как-то днем мы ехали на вездеходе, когда слоненок лет шести предпринял притворную атаку на нас — фыркал, визжал, размахивал ушами. Это действительно произвело бы впечатление, если бы он не был так мал. Мы остановились и начали смеяться. Прошло немало времени, прежде чем подбежала обеспокоенная слониха, столкнула слоненка с дороги и сильно шлепнула его хоботом, чтобы он понял, что на людей нельзя бросаться, если за тобой не стоит какая-то сила.

Обычно, когда самцы достигают половой зрелости (примерно в том же возрасте, что и люди), окружающие проявляют к ним меньшую терпимость. Очень рано выясняется, что характер у самцов более тяжелый, чем у самок (воплощений женских добродетелей) и, когда самцы начинают нарушать покой самок, их изгоняют из родного стада. Изгнание происходит не сразу: слон-подросток возвращается, и его снова принимают. Даже после полного изгнания они иногда бродят вокруг своей группы.

Образ жизни слонихи выгодно отличается от образа

жизни слона. Ее окружают другие самки, которых она знает и любит, а также свои и чужие детеныши, на которых она изливает всю свою нежность. Поскольку самки постоянно общаются с себе подобными, они кажутся умнее самцов, являясь носителями коллективного сознания группы: в критических ситуациях старая самка-предводительница определяет, как поступить остальным.

Отношения самцов с другими слонами носят случайный характер. Иногда встречаются группы из нескольких самцов, живущих в гармонии и взаимопонимании, но такие группы легко распадаются, обычно мы видим самцов, кочующих поодиночке. Однако это не означает, что у них нет разного рода контактов с другими слонами в тех местностях, по которым они передвигаются. Самцы, вероятно, держатся поблизости от самок, обитающих около водоемов и бродов, и нередко самец наносит короткий визит в женскую группу, пробуя самок, а затем уходит.

Бывает и настоящая дружба среди самцов. Известны случаи, когда одних и тех же слонов годами наблюдали вместе, и в литературе приводится немало примеров о дружбе старого слона с одним или двумя молодыми самцами, что рассматривалось как своеобразное проявление заботы о стариках. Однако это, скорее, свидетельство обоюдной пользы: старые самцы знают все тропинки в долине, им известно, какие реки не пересыхают даже во время самых сильных засух, какие броды надежны и какие надо обходить стороной. Они могут приспособить передвижение группы в зависимости от сезонного созревания растений в разных местах долины.

Молодой слон, предоставленный самому себе, ведет довольно рассеянную жизнь. Он часто и подолгу меряется силами с другими самцами, что редко приводит к серьезным столкновениям. Так, постепенно, самцы вырабатывают нужные нормы поведения и своим миролюбивым видом украшают ландшафт, вырастая в больших и мощных животных с крупными сверкающими клыками.

Все же у взрослых самцов порой наблюдается затянувшийся период полового созревания. Один такой слон иногда попадался нам поблизости от Мфуве. Когда вездеход останавливался, слон бросался на него в атаку, но неприятель не убегал, и его запал быстро ослабевал. Почувствовав себя ущемленным, он начинал трубить,

крутиться, валить деревья и кустарники, пугая находившихся поблизости животных. Через какое-то время слон как будто забывал о вездеходе, вызвавшем у него приступ безумия, и, не переставая трубить, удалялся в кустарники, откуда до нас доносился подобный ружейному огню грохот ломаемых деревьев и кустарников. Это весьма напоминает поведение ребенка в переходном возрасте, когда он, добиваясь своего, кричит и топает ногами.

Процесс размножения у слонов сильно растянут. Пока самка беременна (почти два года) и кормит детеныша, она не проявляет почти никакого интереса к самцу. Мнения о характере сексуальных отношений среди слонов очень противоречивы: одни говорят, что слоны в любви такие же романтики, как и люди, другие, что они, наоборот, грубы. Я же полагаю, что обе точки зрения правомочны. Мне приходилось наблюдать, как молодые слоны стояли, прижавшись друг к другу лбами с перевившимися хоботами, и в таких случаях уместно говорить о нежности, но можно также представить себе, что она исчезнет, как только поблизости окажется опытная самка в состоянии течки.

Слоны достигают половой зрелости в возрасте 11—13 лет, хотя самки обычно рожают первого детеныша чуть позднее. Слон, которому перевалило за 20, находится в расцвете сил, но продолжает расти. Бивни у него растут до самой смерти, однако постепенно стираются от тяжелой работы. Как у людей, у слонов больше развита правая сторона, но среди них попадаются и левши, что выражается в большей стертости левого бивня. Нередко слоны ломают бивни. Это очень больно и потом, если нерв воспалится, может довести животное до безумия. Так называемые слоны-разбойники, которые становятся опасными для окружающих, часто имеют нагноение на месте сломанного бивня.

Слоны живут до той поры, пока у них сохраняются зубы во рту. Бивни — это своего рода передние зубы, применяемые как рабочее орудие. Коренные зубы имеются в шести комплектах, по одному в каждой половине челюсти, они постепенно сменяют один другого, так что у слона никогда не бывает более двух зубов на каждой половине челюсти⁴⁹. Поскольку новый зуб вырастет длиннее и шире предыдущего, можно довольно точно определить возраст животного.

Считают, что первый зуб прорезается, когда слону исполняется год. В два года появляется второй зуб, в

шесть — третий, в 15 — четвертый и в 28 — пятый. Шестой зуб формируется в 47 лет. Примерно в 60 лет этот зуб сильно стирается и в экскрементах слона можно заметить плохо пережеванную пищу. Поэтому 60 лет считают своего рода возрастным пределом диких слонов, однако они могут прожить еще несколько лет и без зубов, поселившись в болотистой местности, где круглый год есть зеленая трава. Такая диета не содержит всех необходимых слону питательных веществ, и поэтому процесс старения ускоряется; верхний предел жизни у слонов приближается к 70 годам.

Выше упоминалось, что слонам требуется масса еды и поэтому они уничтожают много деревьев. По мнению Фрэнка Мелланда, они не трогают лишь плодовые деревья. Когда я всерьез задумалась над этим, то вспомнила, что ни разу не видела слонов, валящих деревья марула или мученья, хотя в то же время им удается переломить очень крупные деревья мопане, раскачивая их до тех пор, пока они не треснут. Однажды я находилась в долине в то время, когда созрел хороший урожай плодов марула, и с интересом наблюдала за поведением слонов. Они подошли к дереву марула и раскачали его. Манна небесная, посыпавшаяся на них сверху в виде плодов размером с теннисный мяч, намного превзошла все их ожидания.

Как правило, слоны не портят плодовые деревья, надеясь на очередную урожай, а в отношении других деревьев создается впечатление, что слоны, особенно самцы, получают удовольствие, когда валят их, хотя иной раз дерево падает прямо на них. Но вообще-то они искусные «лесорубы», способные правильно оценить наклон и высоту падения. Особенно это проявляется, когда слоны, словно умышленно, валят деревья мопане на дорогу, преграждая путь туристам. Приходится оттащить их в сторону или объезжать. Масштабы деятельности слонов очень велики.

Слоны — крупные специалисты по прокладке дорог. Они безошибочно находят наилучший путь вверх и вниз по крутым склонам. Как никто другой, слоны правильно выбирают наиболее целесообразный путь между двумя пунктами. Недаром на заре колониализма в Африке строители дорог получали предписание следовать слоновыми тропами. Полагают, что нынешние, созданные людьми, дороги, пересекающие ландшафты за пределами национальных парков, повторяют систему древ-

них слоновьих троп. Иной раз стоит задуматься над тем, что мы ходим по проложенным слонами путям, а взамен этого так быстро вытеснили этих животных, и теперь они вытесняют сами себя из резерватов — последнего, что досталось им в удел.

По некоторым прогнозам, численность популяции слонов будет расти до тех пор, пока долина не превратится в пыльную равнину, если люди не предпримут какие-то меры. Тем не менее известно, что популяция этих животных располагает налаженными внутренними механизмами, которые хотя бы частично, но в расчете на перспективу могут ее регулировать. Камнем преткновения служит довольно распространенное мнение, будто нам не подвластна «долгосрочная перспектива», когда дело касается защиты окружающей среды.

Исследования других животных показали, что, если популяция становится слишком велика, происходит либо миграция, либо естественная гибель за счет эпидемий, либо задерживается скорость воспроизводства, что является реакцией на нагрузку. Для луангвских слонов миграция в больших масштабах исключена, но другие альтернативы остаются в силе. Если разрушение среды зайдет так далеко, как предсказывают некоторые специалисты, можно представить себе ситуацию, при которой состояние популяции слонов ухудшится и может произойти их массовая гибель.

Третья альтернатива — естественное регулирование рождаемости — обычно считалась слишком медленно действующей. Иен Дуглас-Гамильтон указывал, что, когда на ограниченной территории слонов станет слишком много и им некуда будет мигрировать, самки позже достигнут половой зрелости и будут рожать первого детеныша не ранее чем в 20 лет, а интервалы между родами увеличатся (Hamilton, 1975).

Мы не знаем сущность и причины этих процессов, но очевидно, что такая реакция самой природы на сложившуюся ситуацию — самое удовлетворительное решение.

Поборники отстрела считают этот путь слишком медленным: нынешняя популяция слонов очень велика и по статистическим законам будет расти и впредь, даже после того как рождаемость станет уменьшаться.

Хотелось бы выяснить, есть ли теперь признаки подобной тенденции в долине Луангвы? Последний учет слонов проводился там в конце 1979 г., и тогда было

сделано заключение, что численность слонов в долине внезапно сократилась с 98 000 до 65 000!

Если сравнить эти цифры с показателями Кофли, то увидим, что они не намного больше. Это объясняется тем, что показатели Кофли были получены на верхнем пределе, а новые — на нижнем (или, возможно, Кофли учитывал большую территорию). Руководил новым учетом не кто иной, как Иен Дуглас-Гамильтон, которого упрекали за то, что он якобы каждого слона считал дважды. Однако методы, разработанные им на основе многолетнего опыта полевых исследований, наиболее надежны из имеющихся в настоящее время. Хотя ставится под сомнение возможность сокращения численности популяции слонов на 35 процентов за период с 1973 по 1979 г., при доверительной вероятности выборки на 10 процентов выше данных Кофли и 10 процентов ниже данных Дуглас-Гамильтона окончательный результат однозначно подтверждает, что численность популяции слонов за период 1973—1979 гг. сильно сократилась.

А каковы причины? Механизмы естественного регулирования за короткое время не могли дать сильный эффект. Эпидемии нам не известны. Дуглас-Гамильтон и егеря в долине считают: браконьерство!

Во время облетов над Коридором Дуглас-Гамильтон обратил внимание на обилие мертвых слонов, у которых не было бивней, — следовательно, они умерли неестественной смертью. Даже в самих парках находят убитых слонов и носорогов. В 1979 г. я сама впервые увидела мертвых слонов и носорогов, лежавших на виду в парке. Значит, за последние два года масштабы браконьерства в долине Луангвы сильно возросли, однако, если допустить, что и Кофли и Дуглас-Гамильтон в общем были правы, трудно поверить, что 30 000 слонов могли быть убиты браконьерами за шесть лет. Если мы сократим оценку Кофли до 90 000 и увеличим оценку Дуглас-Гамильтона до 75 000 особей, то и в этом случае остается еще 15 000 слонов, гибель которых надо как-то объяснить (при условии, что показатели рождаемости и смертности были сбалансированы естественным путем в течение года).

Разница настолько велика, что я лично склонна рассматривать уменьшение численности слонов как общий результат ошибок учета, браконьерства и естественного регулирования.

В природе равновесие восстанавливается не тогда,

когда люди начинают осознавать проблему, а когда происходят ответные реакции у животных. Применительно к луангвским слонам можно представить себе, что основа для сокращения рождаемости была заложена еще в начале 60-х годов, а возможно, и раньше и что после наибольшего прироста в начале 70-х годов теперь наблюдается естественный спад.

Меня всегда удивляло то, что егеря и защитники животных годами предсказывали конец света, если не принять решительные меры по уменьшению численности слонов, а теперь прогнозируют крушение национальных парков из-за браконьерства. Популяция слонов уменьшилась как при самой действенной программе отстрела, причем егерям это не стоило ни гроша, но тем не менее они не удовлетворены. Сейчас они бьют себя в грудь и говорят, что браконьерство продолжает уничтожать все созданное в ходе многолетней самоотверженной работы. Тем самым они пытаются доказать, что только егеря могут определять, кто должен проводить отстрел слонов. Но это не так: лица, занимающиеся охраной природы и диких животных в Замбии, вполне могут со знанием дела решать актуальные проблемы. Осознав же необходимость отстрела, егеря обосновывали это тем, что им лучше, чем кому-либо, известны местные экологические условия. В свое время они так же вели борьбу с браконьерством, которое, судя по ситуации в Восточной Африке, действительно наносит ущерб животному миру.

Теперь все поняли, насколько возросло браконьерство в долине Луангвы, а раньше оно не вызывало там таких серьезных опасений. Оба национальных парка граничат с рекой Луангвой, и, чтобы выйти из них, надо перейти через единственный мост, у которого осуществляется контроль убитых животных. На западе рубежом служат горы Мучинга, но для браконьеров они не являются преградой. С давних пор люди, а также дикие животные проложили через эти горы тропы на плато, поэтому совсем нетрудно переправить мясо и трофеи на грузовиках в Коппербелт. Безработица в Замбии настолько велика, что легко нанять и охотников, и носильщиков.

Проблема касается не столько слонов (хотя ясно, что много слоновой кости уплывает из-под носа у каз-

ны), сколько носорогов. Долина Луангвы была одним из последних пристанищ этих животных, и Дуглас-Гамильтон считает, что они все еще встречаются там в достаточно большом количестве. Провести учет носорогов в густых кустарниках нелегко, поэтому так велика разница в показателях их численности. В долине, как полагают, не менее 4000 и не более 12 000 черных носорогов, сконцентрированных в густо поросших кустарником местностях вдоль некоторых крупных проток и в самых благоприятных местообитаниях поблизости от основной реки.

Территория обширная, и речь идет вовсе не о какой-то слишком большой популяции. Признаков резкого сокращения ее пока не обнаружено, но тем не менее в конце 1979 г. было введено патрулирование для выявления браконьеров, чтобы спасти носорогов долины, прежде чем возникнет опасность их полного истребления.

Как было сказано выше, проблема охоты очень важна и для местного населения, и для защитников природы. Одновременно отметим парадоксальный факт, что в Замбии и других странах Африки так называемая профессиональная охота на высшем уровне косвенно дает средства на содержание национальных парков.

Необходимо еще раз напомнить, что ни одна из развивающихся стран не сможет содержать национальные парки, если они не будут давать большие доходы, чем земледелие и скотоводство. Туризм приносит твердую валюту многим африканским странам, но для Замбии это незначительный источник доходов по сравнению с профессиональной охотой. Медь — основной источник твердой валюты этой страны, второе место занимает охота на высшем уровне. Отчисления, поступающие за счет доходов от туризма и идущие на содержание национальных парков, — это мелочь по сравнению с прибылью, которую приносит вооруженный до зубов охотник на крупных животных, приезжающий из Италии, США или ФРГ для участия в сафари в сердце Африки.

По соседству с долиной Луангвы компания «Замбия Сафари» устраивает специальные охотничьи рейды силами профессиональных охотников на крупных животных, обеспечивая этих денежных мешков всем необходимым. Охотники-профессионалы — неплохие

знатоки Африки, отличные стрелки, приятные собеседники, умеющие рассказывать неприличные анекдоты и петь застольные песни. Они продумывают меню, выбирают вина и проводят в компаниях по 24 часа в сутки. Жизнью лагеря руководит штаб из 12 человек. Местные охотники должны следить за передвижениями диких животных, искать особи с прекрасными рогами и подводить своих клиентов к ним так близко, чтобы они могли вовремя убить животное, а если те промажут, то быть готовыми стрелять. При этом они не должны терять терпение и быть всегда в хорошем расположении духа. Развлекая клиентов, постепенно совершенствовать свою охотничью сноровку, чтобы выдержать в дальнейшем суровый экзамен на инструктора, — такова их задача.

Охотничий лагерь располагается обычно на высоком берегу реки Луангвы, хорошо вписываясь в окрестный ландшафт. Домики — традиционные бунгало под травяными крышами, с удобными постелями, душем и туалетом. В лагере обязательно имеется большая площадка, используемая как бар и столовая. Еду готовят искусные повара, а внимательные официанты, повинующиеся любой гастрономической прихоти посетителей, подносят ее и быстро убирают пустые тарелки. По желанию клиента на стол могут поставить шампанское, чтобы отпраздновать подстреленную цесарку.

За лагерьем находятся рабочие помещения, в которых служащие из местных жителей ремонтируют автомобили, снимают шкуры с убитых животных и обрабатывают их для изготовления чучел, чистят и лакируют рога. Автомобили проходят профилактический осмотр. В Замбию по импортным лицензиям ввозят специально оборудованные охотничьи машины и другие транспортные средства. Местные умельцы за короткое время становятся первоклассными механиками.

Каждую группу охотников сопровождают проводники и носильщики из народа биса. Охотничья этика запрещает стрелять из машины, и, после того как местопребывание диких животных установлено и главный инструктор дает добро, охотник пешком пробивается сквозь кустарники в сопровождении проводника и инструктора, следующих впереди, и идущего сзади носильщика с ружьем. Когда вся группа добирается до намеченного места, охотник берет у носильщика

ружье, инструктор шепчет «пли!», и охотник стреляет. Если он попадет, его сердечно поздравляют, в случае неудачного выстрела говорит инструктору, что сам этого не хотел. Когда дело касается такого опасного животного, как слон, носорог, буйвол или лев, инструктор должен быть готов стрелять одновременно, но поражает цель, конечно, только пуля клиента.

За это клиент платит около 600 долларов в день и предварительно около 1000 долларов за так называемую лицензию, дающую право на отстрел небольших антилоп, буйволов и гиппопотамов. Если ему хочется убить льва, это обходится в 300 долларов, за леопарда надо платить 400, за слона — 500, за жирафа, большого куду, канну, лошадиную антилопу и зебру — дополнительно. Для приехавших на охоту впервые существует список, которого необходимо придерживаться (в нем указано до 46 видов разных животных). Более опытные могут выбрать самые изысканные объекты.

Замбия из всех африканских стран отличается наибольшим разнообразием диких животных, к тому же добыча там самая доступная. Уже в 1977 г. доходы от этой отрасли дали стране более 2 миллионов долларов в твердой валюте. Охотничье хозяйство предоставляет работу значительной части местного населения: лагеря каждый год организуются заново, и для строительства одного лагеря нанимают 30 человек; кроме того, 6 месяцев в году в каждом лагере постоянно заняты 12 человек.

Клиент и инструктор выбирают себе лучшие куски мяса, все остальное отправляют местным властям, которые распределяют его среди населения, обменивая часть его на яйца и плоды азимины. Даже если учесть доходы от медных рудников, можно сказать, что охота в расчете на квадратный метр площади является самой производительной отраслью экономики страны.

В таких условиях охотничье хозяйство надо рассматривать как гарантию существования национальных парков. Грубо говоря, избалованный приезжий охотник, отправляющийся в заросли кустарников, чтобы с комфортом убить там нескольких животных, приносит охране природы больше пользы, чем разгуливающие по национальным паркам туристы. Эту ситуацию не всегда правильно оценивают, охота на крупных жи-

Вотных порождает ненависть в широких кругах защитников природы.

Лично я лишена всяких иллюзий и полагаю, что легко быть идеалистом, если не считаться с экономической реальностью. Впрочем, не только эта реальность говорит в пользу охоты на крупных животных, но, как это ни парадоксально, и соображения, касающиеся самой охраны природы. Охотничье хозяйство часто выполняет защитную функцию, поскольку инструкторы зорко следят за передвижениями людей на своих участках и во многих случаях могут предотвратить браконьерство. В Восточной Африке было установлено, что браконьерство значительно усилилось после запрещения профессиональной охоты на крупных животных.

Мне кажется, что такая охота не может представлять опасность для существования отдельных видов животных в долине Луангвы. Ведь охотничье хозяйство само заинтересовано в том, чтобы был обеспечен доступ к разным животным: чрезмерный отстрел подрывает этот бизнес. Поэтому заранее принимается решение, какие виды следует временно исключать из промыслового списка, чтобы дать возможность им восстановиться. В настоящее время наложен запрет на отстрел канн и жирафов, на очереди стоит лошадиная антилопа. Современное состояние фауны совершенно несогласовано с тем обилием диких животных, о котором сообщали путешественники прошлого.

Даже носорог должен быть как можно скорее взят под охрану. Эта тема для охотников на диких животных очень сложная: с одной стороны, они признают, что непозволительно охотиться на носорогов, а с другой — противодействуют их охране, поскольку охота на них — крупная козырная карта Замбии в конкурентной борьбе за клиентов. Зато разрешение на отстрел слонов все еще нетрудно приобрести. Не располагая новейшими данными, все же считают, что ежегодный прирост популяции слонов составляет около 3000 особей, тогда как охотники отстреливают менее 500.

Исходя из доводов разума, я допускаю необходимость охоты на крупных животных, однако подчеркиваю, что сходство между фешенебельно организованной охотой для приезжих и охотничьим промыслом местных жителей с целью собственного потребления невелико. В последнем случае речь идет о культурной

традиции, унаследованной от первобытных людей. Запретить этот промысел — значит пойти против сложившегося правосознания. Местное африканское население обычно не выражает особого негодования по отношению к браконьерству, возможно, потому что человек, несмотря на все плоды просвещения, до конца не осознает, почему ему не следует охотиться в богатых дикими животными местах, где этот промысел существовал со времен первоначального заселения.

Я охотно допускаю, что у европейского или американского охотника на крупных животных может возникнуть потребность слиться с природой и что охота вызывает массу эмоций, возрождающих инстинкты предков, однако трепетное напряжение, с каким они готовятся к охоте, характер самой охоты и затем самодовольный восторг над поверженной добычей не идут ни в какое сравнение с целенаправленным, деловым характером настоящего охотника, каким является, например, бушмен. Кроме того, у приезжего охотника нет уважения к добыче, в то время как оно присуще бушмену, для которого животное скорее поверженный конкурент, а также символ высокой потенции и выражение торжества. Эти люди говорят о дичи так, словно они говорят о женщине, выясняя, имело ли оно желанные преимущества по сравнению со средним уровнем и позволило ли сдать после захватывающей охоты; при этом счастливый выстрел представляется естественным завершением мероприятия.

В долине Луангвы можно поохотиться и на леопарда. Запрет на ввоз шкур леопардов в США не беспокоит американских охотников: надо лишь отправить посылку в Мексику и оттуда ее переправят через границу и принесут домой. Если выслеживать леопарда пешком, можно бродить бесконечно долго, так и не увидев даже его хвоста. Инструкторы поэтому используют необычайно простой, но надежный способ. Охотник сначала убивает импалу, потом сооружает площадку на дереве и привязывает импалу к другому, хорошо просматриваемому с этой площадки дереву. До наступления темноты охотник вместе с инструктором забираются на площадку со всем арсеналом оружия и ждут. Леопард, обитающий в этой местности, непременно почует запах крови и очень скоро обя-

вится. Когда по издаваемым звукам станет ясно, что он основательно принялся за еду, включают сильный прожектор, свет ослепляет леопарда, и его убивают.

Метод настолько эффективен, что его стали применять и в охоте на львов. Конечно, охотиться на льва можно и днём, но это нелегкая работа и к тому же опасная, особенно если промахнешься.

Один из немногих конфликтов между охотниками и служащими парка вспыхнул из-за льва. В парке обитал лев с необычайно красивой гривой и покорным гаремом. Он был гордостью всей местности. Участок льва граничил с охотничьими угодьями, и инструктор возымел виды на этого льва. После не особенно удачной вылазки с взыскательным клиентом он убил зебру и поволок ее вдоль границы. Как только лев вышел за границу, почуяв соблазнительную добычу, его убили. «Неспортивно и незаконно!» — кипятились мы на нашей стороне границы. «Это вполне законно!» — отвечал охотник с другой стороны. Гарем убитого льва разбежался, львицы оказались перед болезненной процедурой смены власти.

В разделе о Серенгети упоминалось, что в некоторых местностях львы охотно специализируются на определенных видах добычи. В долине Луангвы они отдают предпочтение буйволам. По крайней мере 70 процентов всех животных, убитых львами, составляют буйволы, но это не значит, что они брезгуют другими видами, если им представится удобный случай. И все же буйвол — его основная пища, и, если хотят установить местопребывание льва, нужно прежде всего отыскать крупное стадо буйволов.

Взрослый буйвол — лакомый объект, но требуется много усилий, чтобы его одолеть. Это не всегда удается, поэтому иногда львы получают серьезные травмы и увечья. Ранят они друг друга и во время взаимных баталий, но сломанные ноги и отвисающие нижние челюсти скорее всего результат ударов копытом или рогом буйвола, решившего недешево продать свою жизнь. Иногда лев ломает себе шею из-за неудобной позы, когда он, замерев, припадает слишком низко к земле. Уже простое сопоставление веса (до 800 килограммов у буйвола и всего 100 килограммов у львицы) показывает, что исход борьбы нельзя определить заранее.

За львицами долины Луангвы прочно установи-

лась слава строптивых, с дурным нравом зверей. Одни районы Африки, по-видимому, больше привлекают львов-людоедов, чем другие. В начале нынешнего века таким районом считался Цаво, где львы-людоеды наводили ужас на индийских кули, строивших железную дорогу от Момбасы в Уганду. Долина Луангвы также периодически оказывалась во власти подобных львов. В 20-е годы львы-людоеды терроризировали всю округу Мпика, в 1929—1930 гг. они наводили ужас в окрестностях Мсоро. Эти львы проявляли исключительную хитрость, избегая ловушки и засады, и, естественно, местные жители стали считать их злыми духами, принявшими львиное обличье.

Обычно различают две главные причины людоедства у львов: первая — сокращение в результате отстрела численности диких животных настолько, что львам приходится искать иную добычу, и вторая — возраст или другие обстоятельства, поставившие льва в такое положение, что он больше не может преследовать бегущее животное. Зверь, который в 1973 г. убил и съел Питера Хенкина, спутника Нормана Карра, оказался старой львицей со сточенными клыками и сломанной задней ногой. Другие же убитые в долине людоеды были молодыми и в хорошей форме, причем они обитали в местах, где водилось много разных животных. Ранее мы отмечали, что молодые львы — неопытные охотники и потому временами им трудно прокормиться. (Возможно, это еще одна причина людоедства.) Некоторые полагают, что «память» о вкусе человеческого мяса передается у львов из поколения в поколение так же, как и о вкусе мяса буйвола, но, поскольку львы-людоеды появляются в долине со значительными интервалами, это предположение не заслуживает особого доверия. Однако надо отметить, что львы с юного возраста проникаются «уважением» к человеку, и только очень смелый лев может напасть на него.

Как бы то ни было, луангвский лев даже по внешнему виду кажется более опасным и коварным, чем львы Восточной Африки, которые лежат и греются на солнце, вызывая удивление туристов. Побывав в долине Луангвы, я согласилась с мнением, что возбужденный лев может броситься на вездеход. Как правило, в долине эти животные менее заметны, чем в Восточной Африке, поэтому встретить льва во время пешей про-

гулки довольно опасно. Существует железное правило: не уходить далеко от лагеря и особенно — не следовать за львом в кустарники. Как-то раз мы легкомысленно нарушили эти правила, зайдя в разреженный кустарник, и пошли за львицей от куста к кусту, пока не заметили, что она оказалась позади и фактически преследует нас.

Поскольку к львам в долине всегда проявлялось особое уважение, они обнаруживают мало «почтения» к людям и в особенно темные, безлунные ночи пробираются прямо через расположенные в кустарниках туристические лагеря. Однажды вечером лев и львица спаривались прямо у лагеря и разошлись только под утро. Поужинав, мы рано разошлись по своим маленьким домикам и большую часть ночи слушали приглушенное львиное урчанье и мурлыканье, напоминавшее разбивающийся о берег прибор.

Вряд ли есть какой-либо иной, столь пугающий звук, чем тот, который издают по вечерам общающиеся между собой львы за пределами освещенной керосиновой лампы территории. Они поддерживают контакт друг с другом низкими жалобными голосами или, положив голову на землю, начинают реветь так, что даже у привычных людей волосы встают дыбом. Нет сомнений в том, что посетитель, лежащий под своей трепещущей москитной сеткой, — захватчик явившийся в мир львов. В Восточной Африке говорят, что рев льва можно перевести на язык суахили следующим образом: «Нчи я нани? Янгу! Янгу!» («Чья это земля? Моя! Моя!»). Очевидно, так оно и есть!

Исследователи считают, что одна из основных функций львиного рева — это объявление участка прайда.

Однажды утром в Чибембе я оказалась свидетельницей необычной сцены. Самец, сбившийся с пути на участке, принадлежавшем местному прайду, был отогнан двумя самцами этого прайда, и стычка сопровождалась таким бешеным ревом, который едва ли доводилось когда-нибудь слышать человеку.

Насколько луангвские львы поддерживают славу о своем коварстве, настолько другие животные долины прилагают все усилия, чтобы слухи об их диком и опасном нраве не оправдались. Кроткие носороги так

мирно семят по долине, будто и не принадлежат к тому же виду, что их воинственно настроенные сородичи в Восточной Африке. Даже буйволы исключительно спокойны, и, привыкнув смотреть здесь на стадо буйволов как на стадо коров, трудно представить себе буйволов Сумбу, где из-за браконьеров они стали коварными и опасными. (Зато слоны там настроены более миролюбиво, чем в долине Луангвы.)

Однозначного ответа на вопрос, почему в различных местах животные одного и того же вида ведут себя по-разному, не существует. Многое в их поведении объясняется реакцией на браконьерство (одни животные спасаются от браконьеров бегством, другие, наоборот, нападают на них). Важную роль в мире животных играют также наследственный фактор и особенности среды. По мере обособления популяций поведение животных в разобщенных группах все более разнится.

Самым опасным млекопитающим долины Луангвы считается не лев и не слон, а внешне добродушный гиппопотам. Его вид придает своеобразие прибрежному ландшафту, который он оживляет и звуковыми эффектами. Когда проблема слонов утратит свою остроту, все внимание сосредоточится на проблеме гиппопотамов. Подобно слонам эти животные сильно размножились с тех пор, как их взяли под охрану в национальных парках, и это еще один пример того, что там не все идет «естественным» путем. В Африке на гиппопотамов охотились тысячи лет, ставя западни, применяя топоры на суше и острые гарпуны в воде. Еще 50 лет назад гиппопотамы в долине встречались редко.

Теперь им стало тесно. Согласно данным учета, в Южном национальном парке обитает около 14 000 особей, что составляет почти 15 гиппопотамов на каждый километр реки. Во влажный сезон водотоков им хватает, но в сухой, когда протоки и лагуны пересыхают, а уровень воды в реке понижается, гиппопотамы страдают от скученности.

С воздуха видно, как они тесно лежат вдоль всей реки, а в облюбованных местах их скопления особенно велики. По ночам им приходится проделывать все больший путь в поисках новых участков в приречных кустарниках, которые все сильнее стравливаются и в

которых сухая трава становится все беднее питательными веществами. В реке разыгрываются жаркие баталии между покрытыми царапинами и ранами самцами.

Побежденных изгоняют из группы, а также из воды, и они уходят в густые приречные кустарники. Здесь им не грозит нападение своих сородичей, но днем холм — настолько чуждая среда для гиппопотама, что он чувствует себя там весьма неуютно. Если в это время появится человек и преградит путь животному к воде, оно сразу же бросится в атаку.

Гиппопотам — одно из немногих животных, которое сначала угрожает либо предупреждает о нападении, но, когда он завелся, его трудно остановить. Если человек спокойно идет вдоль берега реки и видит, что из кустов выскакивает и несется прямо на него гиппопотам, ему не помогут крики «хо! хо!» и хлопанье в ладоши. Надо мгновенно освободить животному путь к воде. Гиппопотам почти никогда не продолжает преследование, если проход к реке для него открыт.

Гиппопотама считают самым опасным животным среди млекопитающих, крокодил же — наиболее опасное из всех животных вообще. Это пресмыкающееся функционирует в своей экологической нише уже по крайней мере 40 миллионов лет. Крокодила можно успешно изучать в долине Луангвы. Когда видишь скопище крокодилов в долине, трудно поверить в то, что во многих других местностях Африки этот вид находится под угрозой уничтожения и что река Луангва и ее притоки — один из последних крупных очагов обитания африканских крокодилов.

Здесь они лежат, не таясь, на песчаных отмелях, разные по величине (от полуметра до 5—6 метров) и по цвету — от желтого до зеленого и серого, с широко раскрытыми (тогда видна желто-оранжевая пасть) или стиснутыми челюстями.

Стремительного роста популяции крокодилов в долине Луангвы не наблюдается, поскольку, видимо, здесь функционирует своя система природного равновесия. Крупная самка откладывает яйца (до 80 штук) в ямку, которую она потом засыпает песком. Там они лежат, прогреваясь теплом, поступающим от солнца и из земных недр. Самка обычно присматривает за яй-

цами, но иногда ей все же приходится спускаться к воде, и тогда, бывает, варан, обожающий крокодильи яйца, выкапывает и поедает их. Останется ли жить вылупившийся из яйца крокодиленок, зависит от того, жива ли мать, потому что детеныши не могут сами выбраться из ямы. Услышав их писк, она раскапывает песок и спихивает в реку детенышей, которых в большом количестве поедают птицы и прожорливые сородичи. Те, кому удастся уцелеть, продолжают род, однако вследствие высокой естественной смертности никогда не возникнет такая ситуация, при которой никого, кроме крокодилов, в реке не останется.

Вначале они прибавляют в длину по 40—50 сантиметров в год вплоть до достижения половой зрелости (примерно в шестилетнем возрасте), потом растут медленнее, однако вес и толщина прибавляются до самой смерти (предельный срок 70 лет). Абсолютный рекорд длины для самцов чуть превышает 6 метров, а веса — более 500 килограммов. Самки редко достигают в длину свыше 4 метров.

Крокодилы питаются преимущественно рыбой, и только самые большие особи хватают крупных млекопитающих. Как бы то ни было, нам везет, что у крокодилов очень замедлен обмен веществ и им не надо есть часто, и все же довольно много людей ежегодно попадает в пасть этим рептилиям. Особенно прачки и водоносы, много времени проводящие у реки, но иногда жертвами оказываются и случайные посетители. Например, в конце сентября 1979 г. крокодил утащил ребенка служащего в Чибембе. Малышу было пять лет, он спустился к берегу и угодил в пасть большому крокодилу. Другие дети заметили это и в панике прибежали в лагерь, один из мужчин бросился к реке и начал убивать всех крупных крокодилов, которые выбирались на песчаную отмель. Убийцей оказался четвертый из застреленных, успевший разорвать ребенка на части.

Прежде чем начать кровавую трапезу, крокодил обычно топит свои жертвы, но «резчик» он неважный. Челюсти его могут двигаться только вверх и вниз, но не в стороны. Это значит, что крокодилу трудно расчленить крупную добычу, чтобы проглотить ее кусками. Больших антилоп крокодилы затаскивают в подводные полости песчаных банок и держат их там, пока мясо не станет мягким и легко отделяться от костей.

В реке иногда можно увидеть гиппопотамов-самобийц; их наполненные воздухом туши течение выносит к берегам песчаных отмелей, где они становятся добычей нескольких десятков огромных крокодилов. Несмотря на ужасное зловоние, эти хищники набрасываются на тушу, дерутся, стараясь урвать наиболее доступные мягкие части. Прикрывая нос и рот платком, в таких случаях можно наблюдать, как едят крокодилы. Видно, что их челюсти устроены так, чтобы хватать, но не жевать или резать: Чтобы урвать кусок, крокодил крепко сжимает свою жертву челюстями, затем поворачивает туловище на целый оборот и таким образом отделяет кусок захваченного зубами мяса.

Это довольно трудоемкий процесс, но крокодилу отнюдь не легче, когда он пытается проглотить животное целиком, а оно слишком велико, даже для его огромной пасти. Однажды я наблюдала, как крокодил пытался проглотить бородавочника. Он начал с задней части туловища, небольшой и имеющей обтекаемую форму, но, когда дошел до головы, жертва застряла в глотке, и торчащие клыки стали окончательным препятствием. Мне казалось, что крокодил не сможет целиком проглотить бородавочника и подавится. Время шло, а он неподвижно лежал на песке и из его широко разинутой пасти торчала причудливая морда бородавочника. Я устала от неподвижного сидения на месте и решила размяться, а когда вернулась, крокодила с его бородавочником уже не было. Потом я часто упрекала себя за то, что не выяснила: до конца, как крокодил расправился с жертвой.

Одна из причин того, что крокодилы благополучно существуют миллионы лет, связана с наличием у них исключительного слуха и острого зрения. Приблизиться к ним чрезвычайно трудно, поэтому для туриста риск окончить жизнь, будучи расчлененным на куски крокодилом, минимальный. Когдаходишь к берегу, они удирают, и, даже если есть несколько особей, которые плещутся в воде, без особого шума можно спокойно перебираться через реку. Однако, как отмечалось выше, в местах, где крокодилы привыкли видеть незащитных людей, регулярно спускающихся к воде, они научились устраивать засаду.

Заслуживает внимания факт мирного сосуществования крокодилов с гиппопотами. Новорожденные гиппопотамы должны быть лакомыми объектами для

этих крупных пресмыкающихся, но тем не менее крокодилы хватают их крайне редко. Остается предположить, что сосуществование основано на равновесии террора: крокодил глотает детеныша гиппопотама, а его взбешенная мамаша хватается в свою огромную пасть крокодила. Кажется, что эти рептилии мирно сосуществуют с птицами: гуси, аисты и кулики спокойно расхаживают среди них и собирают корм. Однако это не так, о постоянном мире между ними не может быть и речи: в чреве убитых крокодилов находят кости как раз тех самых видов птиц, которые как будто так невозмутимо гуляют около этих хищников.

Долина Луангвы имеет еще одну достопримечательность — небольшую и специфичную группу жирафов, которые удостоились названия *thornicrofti* — по фамилии их исследователя Торникрофта, пославшего экземпляр животного в Музей естественной истории в Лондоне. Исследование показало, что луангвский жираф — особая форма. Популяция жирафов в долине Луангвы так давно обособилась от ближайших популяций на юго-западе и севере, что стала приобретать черты самостоятельности. Изоляцию нельзя объяснить только географическими причинами, ведь другие подвиды, например масайский жираф на севере, также предпринимают длительные кочевки по территориям с различными природными условиями. Итак, нам неизвестно, отчего луангвский жираф столь своеобразен, поэтому и стоит изучать эту группу численностью всего в несколько сотен особей, имеющую довольно ограниченный ареал в рассматриваемой долине.

Популяции жирафов не грозит уничтожение, напротив, она медленно увеличивается, и, когда видишь величественных темноокрашенных самцов и элегантных светлоокрашенных самок, отдаешь должное старине Торникрофту, который, выйдя на пенсию, уделил немало времени изучению прекрасного экземпляра, выставленного в Музее естественной истории, скромно надеясь, что кто-нибудь ненавязчиво поставит вопрос о его авторстве в описании данного животного.

Наиболее интересное хищное животное долины Луангвы — гиеновидная собака. Еще в 40-х годах она

официально считалась «вредным животным». На нее охотились, и ее травили мышьяком. Популяция ее уменьшается, отчасти, возможно потому, что подвержена всяким типичным для собак заболеваниями.

Теперь исключительно редко удается установить контакт с этими животными, которых путешественники прошлого видели большими стаями. За весь влажный сезон 1979 г. мне удалось выследить стаю из девяти собак, но, вернувшись в сентябре—октябре, я застала в той же стае лишь пять особей.

Гиеновидная собака внешне напоминает рисунок на конфетных обертках, выпускаемый фабрикой «Ирис» в финском городе Пори. мех у нее будто подстрижен под современный молодежный стиль, весьма индивидуальной окраски — желтой, бежевой, серой и белой на темной плюшевой основе. Морда с крупными округлыми, торчащими вперед ушами, придает ей некое сходство с гиеной. Несмотря на индивидуальные особенности, у всех этих животных пушистый хвост с белым кончиком. Гиеновидных собак считают самыми опытными охотниками среди хищных животных. Конечно, иногда и у них бывают промахи, но все, кто изучал этих собак, поражались, насколько успешнее идет охота у них, чем у представителей кошачьих. Причина успеха — в умении преследовать намеченную жертву сообща и в течение длительного времени. Этим они напоминают волков.

Выбрав жертву, гиеновидные собаки, не разбирая дороги, иногда сквозь стада других животных мчатся за ней. Если же добыча все-таки ускользает, вожак стаи (чаще всего сука) меняет тактику и переключается на другую жертву. Для стайных животных это верная тактика: если бы у них каждый охотился поодиночке на разных животных, то успеха не достиг бы.

У гиеновидных собак существует определенная иерархия, и начинают они свои охотничьи вылазки с ревностного исполнения приветственных церемоний, которые с человеческой точки зрения напоминают вызов духов, но сама охота направляется инстинктом. Говорят, что если как-нибудь из собак остановится передохнуть, то ее сменяет отдохнувшая солеменница, которая теперь бежит впереди всех, а остальные сознательно держатся позади, чтобы суметь перехватить преследуемое животное, если оно изменит направление.

В долине Луангвы гиеновидные собаки охотятся в основном на импал, тогда как в Серенгети и Нгоронгоро они промышляют также гну и даже зебр. Когда собаки бросаются в преследование, импала убегает в своего рода запрограммированном шоке, но она обречена. Быстро, с жадностью, проглотив куски мяса, собаки с набитыми животами медленно разбегаются. Если в логовах есть суки со щенками, собаки направляются домой и кормят их, отрывая полупереваренные жвачки. Щенки едят мясо уже в двухнедельном возрасте и очень рано обучаются умению вызывать рвоту⁵⁰. Такое отрывание — очень важный элемент групповой организации собак.

Если нет щенков, они часто ложатся передохнуть и переварить съеденное недалеко от места охоты. Преимущественно такими я и наблюдала луангвских гиеновидных собак — довольных, общительных, игривых. Из всех животных, обитающих в кустарниковых зарослях, они меньше всего боятся человека, что в свое время позволяло легко их отстреливать. Иногда они приходили взглянуть на вездеход и укладывались в его тени, а затем, утратив к нему интерес, уходили в заросли.

Перед охотой стая таких собак производит иное впечатление. После гриветственных церемоний сначала их движения кажутся бесцельными, суетливыми, но вот появляется нечто, обращающее на себя их внимание. Они останавливаются и напряженно замирают, вытянув носы по направлению ветра. Если объект охоты оказывается в поле зрения, какая-нибудь из собак встает на задние лапы, чтобы получше рассмотреть его. Когда затем стая приходит в движение, становится ясно, за каким животным ведется охота.

Одно из обвинений, которое защитники животных выдвигали раньше против гиеновидных собак, состояло в том, что они вызывали панику и уничтожали все живое на больших территориях в считанные недели. Подчеркивалась также их жестокость — довольно своеобразный аргумент для отважных охотников, готовящихся к длительной охоте, чтобы убить запуганную и измученную антилопу. Переполюющая душу сентиментальность в сочетании с жестокостью и хладнокровием! Подобные «восхитительные» черты человеческой психики часто оказывались роковыми для некоторых видов животных. За свои вкусовые привычки гиеновид-

Ныне собаки с негодованием преследовались людьми, сбожавшими бифштексы с кровью.

Неверно, что эти собаки опустошают территорию, уничтожая всех зверей. В долине Луангвы одна стая собак появлялась в Лупунга через каждые 5—9 дней. Во влажный сезон там было самое большое скопление антилоп. Когда собаки охотились, естественно, все живое исчезало из поля зрения, но, как только они кого-нибудь убивали, все возвращались на свои места. Собаки никогда не задерживаются подолгу, они проносятся по территории радиусом 20 километров и держат ее под контролем. Гиеновидные собаки приносят скорее пользу, чем вред копытным животным и способствуют кругообороту в стадах.

Ни одно животное не смогло бы выжить в ходе эволюции, не располагая определенной экологической нишей, которую оно занимает, и это особенно относится к хищникам, стоящим на вершине трофической пирамиды. Если хищному животному действительно удалось бы вытеснить или истребить все живое на своем пути, оно бы само исчезло. Хищники полностью зависят от добычи, и их численность сокращается, если добычи становится меньше. В долине Луангвы очень много диких животных, и есть надежда, что популяция гиеновидных собак там восстановится.

Довольно распространен в долине леопард. Чуть ли не каждый день замечаешь его следы или убитую им, а теперь висящую на дереве антилопу⁵¹. Долина Луангвы — одно из немногих в мире мест, где, выйдя из дома на прогулку, можно увидеть леопарда. Большинство этих животных я наблюдала в июне, когда трава была еще высокая. Лежащий под кустом леопард чувствует себя в надежном укрытии и не бросается, пока не подойдешь к нему вплотную. Когда вот так, неожиданно, замечаешь такого зверя, просто дух захватывает от восторга.

Однажды мы вспугнули молодую самку леопарда и выгнали ее из кустов. Затем подошли к месту, где она лежала, — оказалось, мы оторвали ее от трапезы. У жертвы — великолепного водяного козла — были переломаны шейные позвонки. Просто не верилось, как такая маленькая самка могла сокрушить столь крупное животное.

Стоя там, мы услышали возмущенное ворчанье и увидели, как промелькнули и скрылись в кустарнике две львицы. Тогда мы поняли, что водяного козла убили именно львицы. Устав от борьбы, они спустились к лагуне напиться, а тем временем самка леопарда, которая, вероятно, наблюдала за происходящим с дерева, воспользовалась случаем, чтобы урвать несколько кусков мяса.

Львов и леопардов разделяет глубокая вражда — маленькая самка леопарда шла на риск: в любой момент можно было ожидать возвращения львиц. Однако она находилась в привычной среде — в небольшом лесу у лагуны, где могла моментально скрыться. Лев же в такой местности не чувствует себя как дома, поэтому проявляет несвойственные ему беспокойство и нервозность. Самка леопарда рискнула, вероятно потому, что была отчаянно голодна и наверняка еще не умела самостоятельно охотиться.

Настойчивый слух о том, что на больших равнинах встречается гепард, основывается не столько на непосредственных наблюдениях, сколько на предположении: нет никаких причин, чтобы ему там не быть. Следовательно, не надо удивляться, если в долине появится гепард, но все же это будет сенсацией.

На фоне обилия диких животных численность гиен в долине кажется небольшой. Возможно, они здесь более пугливы, чем в других местах, и ведут исключительно ночной образ жизни. Ряд признаков свидетельствует о том, что в долине Луангвы гиен немного. Например, иногда попадаются части убитых животных с мясом на костях, чего нет в Восточной Африке, где кости добела обгладываются гиенами.

Тот факт, что в долине гиен довольно мало, а львов относительно много, подводит к заключению, что гиены здесь легко справляются со своим назначением и, следовательно, они менее отважные охотники, чем в Серенгети — Нгоронгоро. Видимо, им не требуется быть таковыми, как показывает зрелище, которое я наблюдала однажды утром на лесной прогалине, когда двенадцать гиен пожирали тушу взрослого буйвола. Пресытившись, они пребывали в дурном настроении и, по-видимому, давали себе зарок никогда больше не впихивать в себя столько еды. Не было никаких при-

Знаков пребывания львов поблизости, и, вероятно, гены сами убили буйвола таким же способом, который я описывала в разделе о горах Абердэр.

В долине водится только один вид шакалов — полосатый, с великолепной серой, в продольных полосах шерстью и с длинными ногами. Это весьма робкое животное. Трудно представить себе, что он может охотиться на что-либо, кроме грызунов, насекомых и некоторых птиц. Судя по фекалиям, в его пищевой рацион входят, так же как у нашей лисицы, плоды и корни.

Многие из некрупных хищников долины ведут ночной образ жизни. Ночью езда по территории национального парка запрещена, но за его пределами можно совершить прогулку на вездеходе с включенными фарами.

Насколько наше восприятие зависит от дневного света или искусственного освещения, замечаешь, когда заходишь ночью в кустарник. Хорошо знакомые днем места выглядят чужими, пропорции нарушаются, очертания животных изменяются. Для большинства зверей ночью окружающая их среда тоже кажется несколько иной, но им она ночью столь же хорошо знакома, как и днем. Человеку с его болезненной ночной слепотой трудно узнать самые привычные формы, и он замечает животное лишь по точкам светящихся в темноте глаз, пока не поймает светом фар и не различит неясные очертания, в которых с трудом распознает импалу, водяного козла или зебру.

В нашем слегка дребезжащем автомобиле мы отделены от всех звуков в кустарниковых зарослях. Слоны плавно проходят мимо, неясные, как тени от облаков. Бродящие по деревенским полям и пожирающие остатки урожая гиппопотамы в свете фар кажутся лиловыми пятнами. Нажав на тормоза, мы избегаем столкновения со стадом буйволов, пробежавших через дорогу и скрывшихся в облаке пыли.

Чтобы разглядеть небольших ночных животных, направляем световой луч пониже, ближе к земле. Здесь отовсюду на нас устремлены взоры. Блеснут и исчезают глазки мелких грызунов, а вот фары поймали гены (в этих местах она светло-серая с черными пятнами), зайца, маленького и кажущегося беспомощным

(распространен по всей Африке), резко окрашенную африканскую цивету с мордой, как у енота-полоскуна (железы циветы вырабатывают сильно пахнущую жидкость, применяемую в парфюмерном производстве), медоеда, фантастический облик дикобраза (в возбужденном состоянии он раскрывает весь свой арсенал игл и громыкает так, что перекрывает шум вездехода).

Медоед, возможно, наиболее интересное животное, которое встречается в ночной тьме. Знатки африканской фауны испытывают к нему особое уважение, считая этого небольшого, размером с барсука, зверя самым отважным в мире. Может быть, недостаток фантазии заставляет его предпочесть бой бегству? Однако есть свидетельства, что требуется немало усилий, чтобы лишить его жизни. У него невероятно жесткая шкура, зубы и когти, которые подошли бы и для вдвое большего зверя. Нападая на крупного врага, медоед хватается его за брюхо. Рассказывают, что особенно страдают от него буйволы-самцы.

Конечно, медоед бросается на буйвола не для того, чтобы полакомиться его мясом, а по другим, скрытым для нас, причинам. Можно ли вообще рассматривать его как хищное животное? Оно, скорее, всеядное. Жесткая шкура нужна медоеду, чтобы добираться до своего любимого лакомства — меда. Кажется, что такую шкуру нельзя ни прокусить, ни проткнуть, ни разорвать. На вид медоед тяжел и неуклюж, но как ловко он карабкается по деревьям в поисках меда! В этой и других своих трофических привычках (мелкие млекопитающие, насекомые, корнеплоды и плоды) он напоминает медведя, с которым вовсе не состоит в родстве и который к югу от Сахары не встречается.

Дикобраз из долины Луангвы может весить до 20 килограммов. Благодаря своим растопыренным иглам он непобедим, заставляя отступить даже льва. Эти иглы ему необходимы как защитный механизм, поскольку, видимо, все хищники видят в нем лакомый кусок. Неверно, что дикобраз «стреляет в морду нападающего своими иглами», но, несомненно, может нанести тяжелое увечье. Свернувшись в клубок, он вонзает несколько острых игл в нос или в лапы врага. Единственный способ подобраться к дикобразу — схватить его за спину, но именно так можно поранить лапы. Сам дикобраз — миролюбивое животное, по-

требляющее в основном растительную пищу, но у него необъяснимое пристрастие к костям.

Еще одно крупное животное, ведущее ночной образ жизни, — трубказуб. Он довольно часто встречается в долине Луангвы, однако мне ни разу не удалось его увидеть. Трубказуб — единственный представитель одноименного семейства (*Orycteropodidae*)⁵². Его строение приспособлено для специфической пищи — термитов. Морда у него узкая, а нос составляет с длинным рылом одно целое, туловище округленное и заканчивается сильным, рулевидным хвостом, ноги короткие и крепкие с большими острыми когтями. Это животное создано, чтобы рыть, причем вырытые им норы нередко используются другими млекопитающими, а также змеями и птицами. Трубказуб разрывает твердые, как цемент, термитники, а затем длинным липким языком набирает термитов и пожирает их.

Выхваченное из тьмы светом фар, он кажется адским чудищем, словно сошедшим с полотна Босха. Есть люди, которые провели всю жизнь среди кустарниковых зарослей и ни разу не видели трубказуба, однако многочисленные признаки свидетельствуют о несомненном его пребывании там. В настоящее время ареал этого животного охватывает всю Африку к югу от Сахары.

Если направить луч света на деревья, увидишь огромные рубиново-красного цвета глаза, принадлежащие обыкновенному галаго, или, чуть поменьше, желтые глаза галаго Аллена. У них длинный серый хвост, пушистый, как у белки, пять пальцев и стабилизатор. Это полуобезьяны, однако по разделению суточной жизнедеятельности они далеко отстоят от других приматов. Эти ночные животные днем спят, прячась от света, а ночью проявляют активность. В мире ночных животных я — интересующийся гость, однако во тьме он представляется мне столь же чуждым, как морское дно.

Я принадлежу к виду, приспособленному к дневному свету, и день для меня начинается с первым пеньем птиц на рассвете. Честно говоря, я научилась различать птичьи голоса с величайшим трудом. В своем стремлении как можно больше увидеть в окружающем меня мире я часто забываю, что этот мир можно еще

и слушать. В кустарниковых зарослях неумение сосредоточиваться — большое препятствие к познанию, и я всерьез подумываю, а не походить ли мне несколько дней с завязанными глазами, чтобы научиться слушать. Из практических соображений это трудно осуществить — за все время моего пребывания в Африке я почти не воспринимала акустическую среду, мне удавалось распознать лишь ничтожную долю разных ее составляющих.

Слабое развитие слуха я ощущаю как досадный недостаток, поскольку птицы — мое увлечение. Самые приятные в Африке минуты я испытывала, наблюдая за птицами, и потому ими хочется закончить этот раздел. Я усаживаюсь под деревом на берегу лагуны в долине Луангвы и пытаюсь представить себе, сколько разнообразных птиц может одновременно появиться в поле зрения.

Я выбираю сезон, когда все европейские мигранты улетели, но это незначительно сократило поле исследований. Самые заметные — возможно потому, что они крупнее остальных, — аисты. Более всего распространены в долине желтоклювые аисты, часто собирающиеся крупными стаями: когда они подлетают и приземляются при встречном ветре, их можно принять за небольшие самолеты. Еще крупнее, но очень своеобразные на вид — седлоклювые аисты, которых мы уже встречали в Серенгети. Аист-разиня почти вдвое меньше. Он черного цвета, его клюв, как у старинных щипцов для орехов, специально предназначен для жесткой пищи, такой, как улитки и моллюски.

Колпица — это не аист, но его близкий сородич. Африканская колпица похожа на европейскую, но отличается цветом клюва и лап. Не очень заметен, но весьма интересен молотоглав, тоже сородич аистов. Он получил свое название благодаря направленным назад перьям затылка, отчего голова в профиль приобретает внешнее сходство с молотком. С этой птицей у африканцев связана такая же дурная примета, как у нас с желной: если она сядет на крышу хижины, будет война, смерть или несчастье, а если встретишь ее где-нибудь в пути, не жди ничего хорошего. Молотоглав прекрасный строитель. Вьет прочные трехкамерные гнезда на каком-нибудь подходящем дереве. Из трех камер две служат для того, чтобы вводить в заблуждение змей и хищных птиц, а в третьем самка отклады-

вает яйца. Гнезда такие крепкие и надежно сконструированные, что на них может стоять мужчина. На постройку гнезда уходит шесть месяцев, и оно служит потом много лет.

Из ибисов встречаются два вида — священный ибис и ибис-хадада, чья болтливая речь на высоких тонах (слышится нечто вроде «хадада») обращает на себя внимание даже невнимательных людей.

Следующая крупная группа птиц — цапли. У нашей лагуны мы одновременно видели обычную серую цаплю внизу у кромки воды и черноголовую — немного выше, на суше. В воде стояли большая и малая белые цапли. Среди спускавшихся на водопой буйволов мы замечали стаю египетских цапель. Цапля-голиаф — редкий гость в лагунах, она больше любит бродить вдоль берега реки. В долине встречаются еще четыре вида цапель, но не было случая обнаружить их у нашей лагуны.

Выделяются в ландшафте долины гуси. Самый распространенный из них египетский гусь. Эти птицы всегда встречаются парами. Иногда попадает на глаза крупный шпорцевый гусь. Утки обычно наблюдаются редко, и чаще всего — белощекая свистящая и шишкоклювая утки.

По зарослям нильской капусты бродит малая якана, прекрасная в своем блестящем ржаво-красном наряде и синем налобном шлеме. У нее очень крупные лапы, приспособленные для того, чтобы равномерно распределять вес птицы. Якана уверенно чувствует себя среди плавающих растений. Поблизости мы замечаем ходулочника и еще три вида куликов.

Над лагуной парят два орлана-крикуна, а когда всматриваешься в небо, видишь орла-скомороха, восточного степного орла (часто сопровождающего грифов и пожирающего падаль), а если повезет, то и воинственного орла, самого мощного из орлов Африки. Мы видели бурого змеяда, который сел на соседнее дерево, и пролетающего мимо черного коршуна, осмотревшего гнездо соседа на берегу реки. Если мы сидим достаточно долго, мимо нас проносится пара грифов, чтобы удостовериться в нашем существовании.

Поблизости копошится стая шлемоносных цесарок. На опушке леса поодаль кричит красноглазая горлица, а на земле мы замечаем пару капских горлиц и пятнистого голубя. Быстро, как стрелы, проносятся над

Нами попугаи Майера, изящно окрашенные в коричневый, бирюзовый и желтый цвета, а стая ньяских попугаев-неразлучников спускается к лагуне напиться. Недалеко порхает лиловогрудая сизоворонка, сверкая чудесной расцветкой, никак не соответствующей ее резкому крику.

Мимо пролетает какая-то из птиц-носорогов (в долине обитают пять их видов). Иногда среди ветвей деревьев мы различаем рогатого ворона, а порой нам удастся разглядеть красивого золотисто-бурого рыбного филина, который в долине Луангвы считается редким. Он необычайно тихо скользит среди деревьев вдоль проток даже днем.

Вверху, над нами, долбит дерево бородатка, а внизу устремляется к воде африканская трясогузка. На ветке сидит изящная небольшая птичка ржаво-красного цвета с серо-голубой головкой и длинным пышным хвостом — это райская мухоловка. На соседних деревьях мы видим бородатого бюльбюля и дронго, черноголовую иволгу, которая издает нежные, напоминающие звуки флейты трели, полосатых тимелий.

Среди прыгающих вокруг скворцов различаются длиннохвостый скворец и синеухий блестящий скворец. Буйволовые птицы, сопровождающие стада буйволов, — сородичи скворцов, составляющие самостоятельный род, — в долине Луангвы представлены двумя видами — красно- и желтоклювым. Повсеместно в лесах мопане устраивают гнезда похожие на воробьев птички — воробьиные ткачики. Когда мы поднимаемся, чтобы уходить, к реке прилетает стайка канареечных вьюрков.

Здесь упомянуто около 60 видов птиц — и это лишь шестая часть видов, обитающих в долине Луангвы.

На пути к лагуне, проходя через кустарник, мы без всякого почтения обходимся с самой главной защитницей природы Африки. Она протыкает своим раскаленным острым жалом одежду, но мы отбиваем ее атаку, раздавив ногтями. Это единственный способ убить муху цеце.

Вместо панд, антилоп и прочей красоты, службе охраны природы следовало бы использовать в качестве эмблемы муху цеце (*Glossina morsitans*). Эта ядовитая тварь прочно освоила территорию площадью более 10 миллионов квадратных километров к югу от Сахары и довела ветеринаров и скотоводов до отчая-

ний, что косвенно способствовало сохранению в Африке столь многих районов дикой природы.

Гораздо эффективнее, чем любые формы законодательства, муха цеце препятствует распространению домашнего скота на обширных территориях: скот заражается смертельной болезнью нгана, от которой при отсутствии прививок гибнет почти 100 процентов поголовья. Дикие животные за миллионы лет адаптации приобрели иммунитет, тогда как домашний скот стал беспомощной жертвой. Впрочем, если бы в 40—50-х годах была осуществлена программа опрыскивания, большая часть национальных парков Африки никогда не была бы создана.

В долине Луангвы есть полоса менее доступная, чем остальная территория. Когда человек проникает туда, его то и дело посещает наваждение и он хватается флакон с репеллентом, сколько бы ему не внушалось, что муха цеце должна жить и размножаться в мире, где она всегда способствовала сохранению равновесия в природе.

Инопланетяне, возможно, будут описывать нашу планету как место, пережившее длительный стабильный период охоты и собирательства, внезапно сменившийся эпохой прогресса техники и общественного устройства...

Ричард Б. Ли, Ирвин де Воре

Как сообщалось в разделе о Серенгети, на Земле не существовало никаких форм цивилизации в течение нескольких миллионов лет. Физические и психические особенности человека сложились за миллионы и сотни тысяч лет, когда он был охотником и собирателем. Впервые цивилизация появилась около 10 000 лет назад, когда стало распространяться земледелие, а это очень короткий период в истории человечества.

Земледелие предопределило современный резкий рост численности населения и привело к тому, что формы культуры стали такими разными. Поэтому можно сказать, что именно земледелие заложило основу нынешней цивилизации. Однако следует признать, что оно не оказало особого влияния на физический и духовный облик человека. Основы общественной организации восходят к группам охотников и собирателей, которые в ходе эксперимента, продолжавшегося тысячи лет, перешли к оседлому образу жизни, научились более систематично использовать и преобразовывать окружающую среду. Переход к земледелию не был внезапным событием: насколько оно преобразило мир, впервые выяснилось спустя тысячи лет после его возникновения.

С введением земледелия и скотоводства человек оказался в состоянии серьезно нарушать равновесие в окружающей среде. Правда, не снимается предположение, что и раньше первобытному человеку путем выжигания удавалось свести большое количество леса и привести некоторые виды животных к гибели, но впервые лишь с появлением земледелия человек не только заложил основу планомерного товарного хозяйства, но и ухудшил состояние окружающей среды.

Примитивное земледелие было естественным продолжением собирательства. Люди стали выращивать растения у своих жилищ вместо того, чтобы занимать-

ся поисками дикорастущих. Многие из того, что мы теперь относим к нетронутой природе, на самом деле представляет собой древний культурный ландшафт, который с незапамятных времен формировался в условиях выпаса скота и земледелия, приспособленных к естественным природным ритмам. Традиционное земледелие само по себе не вызывает экологических проблем, но люди стали чересчур интенсивно использовать те возможности, которые предоставила эта отрасль хозяйства.

За предельно короткое время был совершен переход к нынешней ситуации, когда техника, обеспечивающая благосостояние все большему числу людей, взамен нарушает равновесие в окружающей среде, и в результате остается все меньше природных ресурсов, чтобы можно было восстановить это равновесие.

При изучении современных групп охотников и собирателей необходимо интересоваться не только прошлым: не вполне исключено, что найдем у них модель будущего. Современная техническая революция пробуждает ностальгическое желание обратиться к далеким истокам нашей цивилизации. Поэтому очень легко возникают романтические иллюзии при рассмотрении жизни наших предков, не знавших современных проблем. Вихрь зеленой революции, который пронесся над развитыми странами, сам по себе символ прогресса, но он оброс многочисленными несостоятельными рассказками о так называемых «людях природы», которых представляют гораздо благороднее нынешних.

Это ловушка, которую я увидела, столкнувшись с культурой бушменов в Калахари. Зная, что вряд ли найдется какой-нибудь человек, которому не понравились бы бушмены, я при первых контактах внушала себе, что, действительно, они живут в согласии с окружающей средой, потому что у них нет стимулов и техники, чтобы ее нарушить, и что их культура, избегающая явных конфликтов, может дать повод для глубоко скрытых проявлений агрессии. Однако должна сознаться, что бушмены меня глубоко растрогали и вызвали уважение к себе, и поэтому, несмотря на все попытки соблюдать дистанцию, я прониклась к ним неистовой любовью. Они пробудили во мне покровительственные инстинкты, одновременно я осознала, что в человеческом плане они намного превосходят меня по своей культуре и способности к общению. Более чем

кто-либо иной, они были причиной того, что пребывание в Африке оказалось для меня своеобразным «путешествием вовнутрь». Бушмены заставили меня трепетать так же, как их музыкальные инструменты: они пробудили во мне глубоко скрытые воспоминания и интуитивные представления, и мне показалось, что все в моей душе встрепенулось.

Путешествие в Калахари не было целенаправленным. За довольно короткое время я побывала там одна или вместе с друзьями, которые глубоко интересуются бушменами и мало-помалу постигли их дух. Да и сама я, наверное, стала воспринимать бушменскую культуру весьма своеобразно: в общении с этим народом меня охватывала ужасная неловкость. Я чувствовала себя невеждой рядом с этими тактичными и дружелюбными людьми. Позже мне не раз хотелось сравнить свою судьбу с бушменской. Ведь бушмены, будучи совершенно беззащитными, всегда готовы уступить, когда они сталкиваются с силой. Что же касается меня, то прежде я старалась порвать все контакты с людьми, обходившимися со мной несправедливо. Подобно бушменам я была загнана, так сказать, в пустыню, но суровая среда оказалась мне более желанной по сравнению с миром, в котором царят жестокость и презрение, несмотря на его удобства и комфорт.

После моей поездки к бушменам я часто думала о том, как мало мы, люди, отличаемся друг от друга. Среди бушменов меня посещали образы моего далекого детства, прошедшего в простой крестьянской среде, и я с истинным удовлетворением возвращалась к тем временам. Мысль уводила меня еще дальше, к нашим далеким предкам, жившим за тысячи, а может, и сотни тысяч лет до нас.

Не следует, конечно, проводить слишком близкие параллели между первобытными людьми и сохранившимися до наших дней группами охотников и собирателей. Ведь разрыв во времени настолько велик, что, само собой разумеется, бушмены не избежали влияния других народов. Кроме того, известно, что прежде охотники и собиратели густо населяли районы, где ныне сосредоточены плодородные обрабатываемые земли. Значит, в прошлом охотники и собиратели жили в экологически более благоприятных условиях, чем современные бушмены. Иными словами, они не могут служить типичным примером древних охотников и собира-

телей, и, скорее всего, следует говорить лишь о некотором отдаленном сходстве между ними.

Вместе с тем выяснилось, что бушмены вовсе не были оттеснены в пустыни Калахари и Намиб в столь недавнее время, как предполагалось⁵³. Во многих местах в Калахари сохранились свидетельства заселения тысячелетней давности, а геологи и палеоклиматологи указывают, что природные обстановки там не всегда были такими неблагоприятными, как в наши дни. Отдельные виды растений, сухие русла рек и плотины свидетельствуют о том, что в определенные периоды прошлого там была вода. Бушмены сами рассказывают о том, как у них на глазах буровые скважины и домашний скот опустошили традиционные колодцы и источники влаги. Возможно, бушмены постепенно приспособились к особым климатическим условиям, когда большую часть года приходится обходиться без поверхностной воды.

Население Калахари в XVIII—XIX вв. могло пополниться за счет южных бушменов, которые были буквально вытеснены бурами. Еще раньше северные бушмены отступили в пустыню под натиском бантуязычных народов, о чем детально и наглядно свидетельствуют их наскальные рисунки.

Раньше бушменов многие считали коренными жителями Африки. Очевидно, это так и есть, если иметь в виду Южную и Восточную Африку, но мы слишком мало знаем о происхождении североафриканских и бантуязычных народов, которые сформировались северо-западнее центральноафриканского пояса влажных лесов, чтобы утверждать, что им предшествовали бушмены. Так или иначе происхождение бушменов до сих пор остается неясным. Бушмены сами не знают, жили ли они раньше на той земле, где живут сейчас. У всех других африканских народов есть легенды о переселениях и завоевательных войнах, некоторые из них согласуются с фактами, представленными археологами о распространении бантуязычных народов.

У бушменов, по-видимому, нет никаких воинственных традиций, насилие у них вызывает неприязнь и отвращение. Их устное творчество лишено рассказов о героях, прославившихся убийством врагов. Напротив, есть сказки о побежденных бушменах. Одна из них (довольно позднего времени) объясняет, к примеру, как складывались отношения между ними и банту. Острие здесь

настолько четко направлено против бушменов, что кажется, будто весь рассказ исходит от банту. Повествование, которое здесь приводится в сокращенном виде, называется: «Как бушмен потерял своих коров и попал в зависимость».

«Бушмен увидел корову, убил ее, а мясо съел. Банту тоже увидел корову, приручил ее, привел домой, стал доить и постепенно завел целое стадо. Тогда бушмен предложил банту свою помощь, позволив ему облизывать после себя посуду. Банту согласился. Потом он нарезал тонкие ремни из шкур своих коров, а сухожилия бросил бушмену. С тех пор банту привязывает скот кожаными ремнями, а бушмен ставит силки на диких животных и собирает пищу в кустарниковых зарослях».

Имеются археологические свидетельства того, что бушмены, по крайней мере некоторое время, жили вместе с вторгшимися бантуязычными народами. Например, в Замбии известны места (вблизи от бантуских поселений, где бушменские культуры процветали с орудиями развитого железного века), но постепенно бушменский элемент ослабевал. Изолированные бушменские группы в Восточной Африке понемногу в языковом, культурном и генетическом отношении влились в океан бантуязычных народов.

Оставшиеся к настоящему времени группы бушменов находятся в южной части Африки (кроме Южно-Африканской Республики, где их жестоко истребили бурры). Самая большая группа бушменов сохранилась в Ботсване, следующая по численности — в Намибии. Довольно значительная группа имеется также в Анголе и небольшие группы — в Замбии и Зимбабве. Еще несколько лет назад полагали, что общая численность бушменов не превышает 50 000, из них 24 600 в Ботсване, 15 000 в Намибии, 4000 в Анголе и остальная часть в Замбии и Зимбабве, но общая оценка оказалась преуменьшенной. Социологи и антропологи, работающие среди бушменов в связи с проведением крупных земельных реформ в Ботсване, считают, что только в этой стране проживает не менее 50 000 бушменов.

Точные оценки основываются на довольно консервативном подходе, не учитывающем бушменов, у которых есть примесь бантуской крови и которые живут в постоянных или полупостоянных поселениях. Теперь ведь никто не утрачивает свою национальность только потому, что больше живет не так, как жили его предки, и

Впоследствии лица, занимавшиеся переписью населения менее пристрастно, предоставляли возможность выносить решение самим опрашиваемым. Если мужчина называет себя масарва, а женщина — сесарва, то совершенно ясно, что их надо считать бушменами, независимо от обстановки, в которой они живут. Развитие брачных связей между соседними племенами и тяготение более или менее постоянного бушменского населения к буровым скважинам вовсе не должны означать, что эти бушмены в пределах двух поколений влились в океан бантуязычных народов. Ботсвана, и особенно Калахари, настолько редко населены, что в западных и центральных районах бушмены там все еще составляют большинство населения. Как мы увидим, это само по себе не гарантирует им какие-либо права на свои территории, но дает повод подчеркнуть, что бушменов никоим образом не надо рассматривать как какой-то вымирающий народ. Поскольку лицам, проводящим земельную реформу, выгодно принять такую точку зрения, они заявляют, что бушменское население в основном живет и благоденствует в Калахари.

Есть также признаки, указывающие, что чувство национального самосознания среди бушменов выражено сильнее, чем предполагают. Молодые этнографы, археологи и социологи, работавшие среди бушменов в самые последние годы и установившие с ними близкие и доверительные отношения, были удивлены тем, насколько охотно бушмены признают себя масарва даже в ситуациях, когда они могли бы сойти за тсвана. Бантуязычные народы по традиции относятся к бушменам с презрением, а бушмены до недавних пор находились в сильной зависимости от владеющих скотом тсвана. В языке тсвана префикс «ба» обозначает людей, а префикс «ма» — неодушевленных существ. Тсвана сами называют себя «батсвана», тогда как бушменов называют «масарва», чтобы показать их более низкое положение.

Можно было бы ожидать, что бушмены, которые перешли к оседлому образу жизни в бантуских поселениях и говорят на тсвана, охотно станут называть себя «батсвана», но они мягко настаивают на том, что они «масарва», — термин, который опрашивающие вежливо переделывают в «басарва». Это дополнение важнее для тсвана, чем для бушменов, так как последние отбрасывают «ма» или «ба». На протяжении столетий они при-

выкли называть себя по-своему, не используя поправки хитроумных банту. Само слово «бушмен» для них имеет несколько унижительный оттенок, и в Ботсване скорее следует применять термин «сарва». Красивым словом «сан» называют бушменов готтентоты, но он же используется для обозначения всех бушменов, где бы они ни находились. Сами же себя готтентоты именуют «койсан».

Таким образом, бантуязычные народы проявляли к бушменам презрение и присвоили часть их земель. Однако последний удар по бушменам был нанесен бурами, которые стерли с лица земли культуру южноафриканских бушменов. Поскольку буры и англичане принадлежат к культуре, которая оставляла письменные документы, в нашем распоряжении имеется очень много материалов, свидетельствующих об их захватнической политике. Здесь по праву можно говорить об уничтожении целого народа. Преследование южных бушменов началось еще с тех пор, как голландцы впервые высадились на мысе Доброй Надежды⁵⁴.

Так же как и более поздние переселенцы в Африку, они вторглись на эту землю, убежденные в том, что Южная Африка, затаив дыхание, тысячелетиями ожидала своих господ, которые наконец появились в XVII в. и начали наводить порядок, отвечавший подлинным намерениям создателя⁵⁵. Ко времени высадки голландцев бантуязычные народы еще не достигли южного побережья материка, они основали свои государства в отдаленных внутрекниих районах, к северу от реки Оранжевой. Первые, с кем столкнулись буры, были готтентоты, этот почти незаметный, но весьма досаждавший им маленький народ, который мог вывести порядочного бюргера из себя своими набегами за скотом.

Згадочный народ буры называли бушменами, возможно потому, что при появлении карательных экспедиций они растворялись в кустах, как духи. Буры никогда не признавали, что сами развязали войну, поправ все законы и традиции в захваченной ими стране. Они накатывались, словно лавина, сметая все на своем пути. Перед вооруженными до зубов бурами исчезали сила и решимость сан. Занимавшиеся скотоводством готтентоты подчинились бурам, тогда как бушмены, которые еще раньше уступили более плодородные территории готтентотам, были оттеснены в горные каменистые местности, откуда они совершали набеги.

Там, где проходили буры, менялась вся среда. Чтобы устроить пастбища, они истребляли все живое на обширных территориях, что было подлинным бедствием для бушменов, которые рассматривали животных только как объект охоты и источник питания, а домашний скот, сменивший диких животных, как свой, законный. Чтобы они не пребывали в подобном заблуждении, их истребляли грозные карательные экспедиции буров. Тем не менее набеги за скотом продолжались и сопротивление коренных жителей, несмотря на уменьшение их численности, становилось все более отчаянным, поскольку буры лишили бушменов возможности заниматься традиционным промыслом, который их кормил. Особенно тяжело приходилось зимой, когда в горных районах, куда были загнаны бушмены, бесновались метели и там были почти невозможно найти какую-нибудь растительную пищу. Бушмены стояли перед выбором: умереть с голоду, либо продолжать набеги за скотом.

Статистические данные свидетельствуют: в 1774 г. карательный отряд в Роггевельде уничтожил 503 бушмена и взял в плен 239 (в плену они вскоре погибли); с 1785 по 1795 г. было убито 2504 бушмена и 669 взято в плен; во время английского господства (с 1813 по 1824 г.) к проблеме подошли более «гуманно»: было убито «всего» 97 бушменов и захвачено в плен 280. Последние цифры говорят не столько о более «человеколюбивом» отношении, сколько прежде всего о том, что самих бушменов осталось очень мало.

Цифры обрастают «плотью», если их изучать вместе с сообщениями о том, как совершались карательные экспедиции. В 1836 г. произошло событие, о котором рассказывал Эндрию Андерссон (Andersson, 1888): «Эти бушмены стали такой чумой, что возникла необходимость выкурить их. Два отряда примерно по 12 человек в каждом были направлены под командой капитанов Аллисона и Гильса, которые напали на след бушменов, после того как те украли несколько прекрасных лошадей и племенных коров, из которых многие были убиты, так как не могли поспеть за бушменами, убежавшими в горы.

Через несколько дней отряды выследили бушменов в горах... Еще до наступления темноты они заметили костры бушменов под выступами скал. Солдаты улеглись спать на земле, а утром они увидели бушмена, который отправился с веревкой, чтобы поймать одну из лоша-

дей. Внезапно он остановился как вкопанный, подобно Робинзону Крузо, увидевшему следы на песке, швырнул в сторону веревку и побежал назад, чтобы поднять тревогу. Бушмены сражались отравленными стрелами, и, поскольку невозможно было различить их по полу, так как и мужчины и женщины были одеты одинаково, их перебили всех. В живых осталась одна старуха, которой прострелили колени. Говорят, что после этого в Натале больше не осталось ни одного бушмена.

В том же году у одного голландского фермера пропало несколько овец, которых он затем обнаружил в глубоком горном ущелье, где застал бушменское семейство, уходившее вместе с тремя его овцами в горы. Он застрелил обоих мужчин, а женщину и двух детей повел на ферму, заставив их гнать овец перед собой... Старый бур хотел их тоже застрелить, но его жена пожелала оставить их и использовать как слуг».

С середины XIX в., когда бушмены перестали представлять какую-либо опасность и когда Южную Африку начали посещать многие просвещенные путешественники, появились описания, проникнутые подлинной симпатией к бушменам, но, чтобы их увидеть, надо было отправляться в Калахари. Да и встречи с ними носили случайный характер, поскольку бушмены имели все основания не доверять пришельцам. Еще в 1822 г. наблюдательный Бёрчелл отмечал, что, в зависимости от того, сочтут ли бушмены чужака своим другом или врагом, или предоставят ему самому решить этот вопрос, их земля предстанет перед ним либо густо населенной, либо настоящей пустыней. Здесь, возможно, кроется ключ к той последовательной недооценке фактической численности бушменов, которая имела место вплоть до недавних пор.

К числу путешественников и миссионеров, любивших и ценивших бушменов, принадлежали Ливингстон («Какие удивительные люди бушмены! Всегда они веселы и смеются и никогда не лгут, как бечуана»), Бейнс, Долмен, Андерссон («У красивого пожилого бушмена было самое дружелюбное и доброжелательное лицо, какое я когда-либо видел») и Джон Маккензи, опубликовавший в 1871 г. объективное описание конфликта между бушменами и бурами, которое вполне сохраняет свое значение и теперь, спустя более ста лет.

Таким образом, постепенно бушменов стали описывать с доброжелательных позиций, хотя долгая преды-

душая традиция в этом отношении наложила свой отпечаток. К примеру, сошлемся на такого охотника, как Болдуин (Baldwin, 1863), который писал в своем дневнике: «...решил отправиться прямо к северу... и, если представится случай, захватить в плен какого-нибудь бушмена, чтобы заставить его служить мне проводником до тех пор, пока я поймаю другого, если первому удастся убежать».

Иноземцы, подобным образом воспринимавшие бушменов, не имели никакого представления о том, какую богатую культуру они стремились уничтожить, не говоря уж о том, какое ужасное горе причиняли семьям людей, на которых охотились, как на диких зверей. Маккензи (Mackenzie, 1871) попытался раскрыть психологические мотивы, лежавшие в основе жестокого обращения с бушменами: «...так же как бушмену представляется естественным питаться мясом диких животных и кореньями, так и фермеру кажется само собой разумеющимся оставаться в этой стране и пасти свои стада на ее равнинах. Христианин-европеец все же всегда с большими колебаниями впервые собственноручно убивает похитителя овец... Однако в пограничных районах он быстро приобретает хладнокровие... Постепенно бушмен становится чем-то вроде змеи или дикого животного, обитающих в зарослях кустарников, — все это надо смести с лица Земли. Еще через некоторое время на помощь приходят фанатизм и уверенность в том, что необходимо уничтожить обреченную расу, а „умные люди“ поощряют его действия, внушая ему, что он повинен важному „природному предначертанию“ — вырвать неполноценную расу с корнем».

Бурам удалось истребить многих диких животных, которые населяли кустарниковые заросли, а заодно и бушменов. Однако этот народ благодаря своей выносливости сохранил способность к выживанию и свою культуру, особенно это относится к жизнеспособным группам Калахари и Намиба, которые не подвергались столь систематическому преследованию, как южные бушмены. В местах, где больше не осталось бушменов, существуют напоминания о них — наскальные изображения, свидетельствующие о древней бушменской культуре.

Хотя в целом на обширной территории расселения бушменов их культура удивительно однородна, между южной и северной группами можно обнаружить и неко-

торые различия, прежде всего в сфере мифологии и фольклора. Северная культура выжила, но неизвестно, насколько изменилась память народа за последние десятилетия. Сами бушмены признают, что раньше знали гораздо больше.

Много сведений о южных бушменах оставил нам В. Х. Блик, ученый из Кейптауна середины и конца прошлого столетия. У него была договоренность с тюремными властями, согласно которой они обязались отдавать ему нескольких арестованных бушменов, а он — брать их к себе домой на период заключения, с целью узнать от них все об обычаях, фольклоре, мифологии и языке этого народа. В то время нехватки в задержанных бушменах не было, и, поскольку бушмены хуже других переносили заключение, инициатива Блика выглядела даже как акт человеколюбия. Вокруг его дома был разбит сад, который нравился бушменам. В знак признательности они охотно знакомили хозяина с интересовавшими его проблемами. Книга (Bleek, Lloyd, 1911) — результат совместных усилий — сохраняет свое значение как неопределимый источник информации о бушменах. Подход к изучению этого народа сильно менялся, только в 1911 г. книга Блика нашла своего издателя. Теперь о бушменах написано, наверное, больше книг и статей, чем их самих существует на свете.

Таким образом, у нас нет нехватки в сведениях о бушменах, которые уже много лет с терпеливой покорностью принимают потоки посетителей-исследователей. Бушменов измеряли вдоль и поперек, изучали деятельность сердца и почек, выясняли родственные связи, взвешивали порции их пищи и подсчитывали протяженность дневных переходов. Но как, будучи отягощенным всеми этими фактами, проложить путь к душе бушмена?

Бушмен может быть побежден, он может считать себя слабым и неспособным постоять за себя, но он всегда остается жизнерадостным и веселым, его обаятельная улыбка покоряет собеседника. Когда бушмен говорит, что жить становится все хуже и хуже, невольно хочется прийти ему на помощь.

Душа бушмена раскрывается прежде всего в музыке. Никогда и никакая музыка меня так не покоряла, как бушменская. Играют они на струнном инструменте, внешне похожем на лук для стрельбы, струной служит особая натянутая травинка. Исполнитель водит деревянным смычком по дуге, в то же время губами слегка

натягивает струну, чтобы резонировала полость рта. Кажется, что мотив извлекается не из инструмента: мелодия словно живет в самом исполнителе.

Мелодия эта — неопишимо прелестная, веселая и грустная одновременно. Она чем-то напоминает наши народные песни, которые как бы говорят, что «горе и радость бродят вместе». Обращает на себя внимание двухплановость мелодии: на переднем плане четко слышатся трение и царапанье смычка о дугу, а на заднем — различается тихий, но цельный звук. Создается впечатление игры слаженного, но неземного оркестра, состоящего из скрипок и флейт, издающих нежные, переливчатые трели, как бы проникающие сквозь стену или сон. Я представила себе, что так могли бы играть гномы, или, выражаясь точнее, так люди воспринимали бы музыку, исполняемую гномами.

Как-то в дельте Окаванго речной бушмен играл для меня на своем смычковом инструменте, и я была вынуждена признать, что некоторые бушмены владеют ключом к тому духовному миру, где внутреннее и внешнее сливаются воедино без всяких жестов и слов.

Благодаря музыке бушмен путешествует в разных измерениях. Такой музыкальный инструмент распространен не везде, где живут бушмены: в тех районах центральной Калахари, где не растут подходящие для струн травы, его нет. Вместо игры там поют. Голос певца заставляет трепетать слушателя от удовольствия.

Конечная цель пения, сопровождаемого, как правило, танцем, — добиться состояния транса, в который впадает исполнитель, совершенно отключаясь и переставая реагировать на возбужденных слушателей. Бушмены считают, что в подобном состоянии человек испытывает сильное потрясение и возвращается из транса обессиленным, поэтому старики заботливо присматривают за пребывающими в трансе.

Отнюдь не все бушмены могут впасть в транс. Удачливее всех в этом отношении знахари, хотя Меган Бизеле (Biesele, 1975), изучавший это явление, считает, что примерно половина всех взрослых мужчин достигает транса в определенный период своей жизни, но таких, кто по-настоящему предрасположен к этому, немного. Бизеле пытался объяснить магическое воздействие транса тем, что дух знахаря покидает тело и борется с другими духами. Бушменом же этот процесс вос-

принимается глубже, ибо он скорее, чем мы, допускает, что некоторые состояния не передаются словами.

Самые опытные «мастера транса» говорят, что они полностью зависят от музыки, стимулирующей переход в это состояние. Женщины поют и хлопают в ладоши не только для того, чтобы подойти к состоянию транса, но и чтобы провести исполнителей через это состояние, а также защитить их духов в пресбразующий, критический период, когда они отделены от тела.

Сначала пляшут мужчины, а женщины поют и хлопают в ладоши. Музыка возникает при взаимодействии пения с хлопанием. Песня не делится на строфы, но ведущая мелодия должна выделяться, так как остальные певцы слепо следуют запевале, вносящему изменения в текст по просьбе аудитории. Запевалами, которых мне довелось слышать, были женщины с неописуемо сильными и красивыми голосами, и, рискуя огорчить любителей музыки банту, должна сказать, что нигде в Африке я не слышала более приятных песен, чем песни бушменских женщин.

Не все танцевальные церемонии заканчиваются трансом. Мне самой никогда не приходилось его наблюдать, но сами по себе песни и танец производили глубокое впечатление, способствуя проникновению в общую атмосферу, разделяемую людьми разных культур. Танец, на первый взгляд, кажется невероятно простым. У человека, стоящего в стороне, создается впечатление, что танцующие топчутся, двигаясь взад и вперед в ритме, определяемом песней и хлопанием в ладоши, но на самом деле ритм и танцевальные фигуры, если их так можно назвать, гораздо более сложны. У нас это не получалось. Только раз я видела европейца, который смог уловить ритм и танцевать вместе с бушменами.

Бушмены довольно смело отваживаются «воздействовать на свою психику». У них, как и у многих других «людей природы», имеется в обиходе несколько сильнодействующих средств. Одно из них — конопля, которую они выменивают у тех, кто ее выращивает.

Кроме этой «травы» бушмены курят табак, к которому они привязываются с неудержимой страстью. Они затачиваются так глубоко и в таких количествах, что отключаются от реальной действительности, как если бы потребляли наркотики. Курильщики обычно ложатся на землю и с наслаждением затачиваются, выпуская дым изо рта и из носа. Женщины и мужчины курят одина-

Ково самозабвенно, делят поровну предлагаемое им курево, хотя это бывает довольно редко. Сами бушмены не выращивают табак и не часто могут приобрести его в обмен. Они не попрошайничают, но их гости знают, что никакие подарки так не желанны для них, как коробки оранжевого цвета с грубым трубочным табаком.

Бушмены относятся к тем немногим народам, которые не изготавливают алкогольные напитки, но не отказываются от них, когда их угощают. Так же как в случаях с коноплей и табаком, бушмен остро ощущает эффект опьянения, может быть потому, что оно бывает весьма редко. Среди бушменов, придерживающихся традиций, неизвестны случаи алкоголизма. Они, по-видимому, бывают там, где традиционная культура с ее налаженным механизмом регулирования разрушается; они отмечаются также у оседлых или полuosедлых бушменов, поселившихся у буровых скважин и около скотоводческих ферм.

Те, кто знает этот народ, всегда испытывают удовлетворение, обнаруживая присущие им черты характера у разных групп населения южной части Африки.

По внешнему облику бушмены на редкость однородны, несмотря на довольно многочисленные смешанные браки с бантуязычными народами. Южные и северные бушмены отличаются прежде всего ростом. Именно южные группы дали основание рассматривать бушменов как очень низкорослых, чуть ли не карликов. Средний рост их около 146 сантиметров, к северу этот показатель увеличивается. Еще Айзек Шапера (Schaper, 1930) сообщал, что мужчины в северо-восточной части Калахари бывают ростом до 175 сантиметров. Это совпадает с моими наблюдениями. Средний рост мужчин в восточных и центральных районах Калахари составляет около 165 сантиметров, тогда как женщины более низкорослы — от 145 до 155 сантиметров. Относительно небольшие размеры, возможно, один из природных регуляторов экономии силы и энергии.

Бушмены очень привлекательны благодаря необычайно пропорциональному сложению, тонким рукам и стройным ногам; их женщины миниатюрны, с маленькими руками и ногами, отличаются изяществом. Сами бушмены высоко ценят красивые ноги. Шуман (Schoeman, 1961) рассказывает очаровательную историю об охотнике, которому очень понравились отпечатки ног на песке. Он выследил девушку, которой они принадле-

жали, и та стала его женой. «Мы ясно представляем женщину по следам ее ног. Хорошенькие маленькие ножки оставляют следы на песке и отпечаток в сердце охотника», — приводит Шуман слова бушменов.

Лицо бушмена — это зеркало души. Милые черты лица, умный взгляд, всегда хорошее настроение, умиротворенность, сквозь которую, надо отметить, часто проступает скрытая настороженность. В своей среде бушмен чувствует себя хозяином, понимая ее гораздо глубже, чем мы свою. В повседневной деятельности они проявляют необыкновенную смекалку, ими руководит вера в собственные силы, которая нам недоступна.

Когда пыхтящий вездеход выныривает из-под линии горизонта, бушмены настораживаются. Что привезет он им? Может быть, это переусердствовавшие егеря, стоящие на страже закона, которые сейчас обвинят кого-нибудь в браконьерстве, или полиция, разыскивающая кого-то, кому вменяют в вину преступление, совершенное у дальней буровой скважины, либо же скотовладелец, мечтающий отогнать свои стада еще дальше, в глубь пустыни? Каждый вездеход вызывает трепет в лагере бушменов. Обитатели его не убегают (куда убежишь от цивилизации?), они вежливо, с улыбкой, приветствуют посетителей. Когда выясняется, что у прибывших нет дурных намерений (разве что проторенную дорожку могут использовать другие, нежеланные, гости), бушмены облегченно вздыхают и преисполняются благожелательности.

Я впервые встретила семейство охотников и собирателей в восточной части Калахари, где в течение нескольких дней ездила между буровыми скважинами, у которых мы обнаружили полуоседлых бушменов. Социолог, занимавшийся обследованием жителей района, захотел узнать у них, нет ли поблизости еще каких-нибудь групп охотников и собирателей. Посоветовавшись, бушмены отправились с нами во временный лагерь, разбитый несколько поодаль от них.

Мы застали там две семьи: одну женщину с четырьмя детьми и другую с тремя. Они сказали, что их мужа отправились на охоту. Это признание удивило нас, поскольку бушмены, боясь нарушить непонятные охотничьи законы, обычно избегают всяких разговоров об охоте и посторонним дают понять, что они неделями не видят мяса.

Лагерь в плане имел форму круга, окруженного низ-

ким прерывистым кольцом колючего кустарника. В центре стояла хижина из веток, покрытая длинной необрезанной травой, вход прикрыт от коз несколькими прочными палками. Около входа в лагерь находилось так называемое ветровое укрытие без крыши, служившее днем местом сбора. На небольшом очаге в центре площадки готовят еду. На противоположной стороне располагался огороженный кольями самый маленький, который я когда-либо видела, загон для скота — чистый и для пяти козочек довольно просторный. Они не принадлежали этим семьям, за животными присматривал бушмен из соседней деревни по поручению старосты.

Женщины не говорили на тсвана. Наш переводчик-тсвана мог беседовать с ними только через бушменов, которых мы пригласили с собой в качестве проводников и которые понимали тсвана. Они неподвижно сидели на земле и молча занимались своими детьми, любезно позволяя себя расспрашивать, разглядывать и фотографировать. Помню, что на миг я даже почувствовала тогда зависть. Так можно завидовать тем, кто не знает горестей и разочарований, кто обрел покой и в состоянии оказать столь ненавязчивый прием. Их вид всколыхнул во мне видения далеких цивилизаций, к которым восходят наши корни и по которым ощущаешь нелепую ностальгию.

Глядя на этих бушменов как бы со стороны, я подумала, что их жизнь во многом правильна. Сама же я глубоко погрязла в цивилизации с ее бутафорией. Я приехала сюда на автомобиле марки «тойота», с бензобаком и цистерной для воды на прицепе, с массой принадлежностей для лагеря и запасом продуктов. У меня были бесчисленные документы с подписями и печатями, заверявшими, что мне сделаны прививки, что я нахожусь в этой стране на законном основании и что я вполне соответствую бюрократическим порядкам своей страны.

Гарантией благополучия и безопасности считается, когда твою фамилию заносят в разные списки и проверяют тебя во всех инстанциях — от здравоохранения до полиции. На таком фоне жизнь бушменов мне показалась вполне благополучной и даже не лишенной радости. Я критическим взглядом осматривала малышей, спокойно возившихся возле матерей. «Как же их жизнь может представляться завидной? — строго спрашивала я себя. — Ведь здесь столько несправедливости и жестокости». Из семи детей два малыша, еще кормившихся

грудью, и самая большая девочка, недавно достигшая половой зрелости, казались вполне здоровыми. У ее младшей сестры были воспалены глаза, и она почти ничего не видела, у других детей был явно выраженный рахит и лишай на голове. Кроме того, все дети страдали глистными заболеваниями. Группа в целом периодически голодала.

Они сидели так тихо и казались такими беззащитными! Но когда мы уходили, то слышали в свой адрес псток комментариев. Они судили о нас с противоположной стороны огромной, труднопреодолимой пропасти, разделяющей наши культуры.

Так я впервые встретила нескольких бушменов и поняла, насколько человек, живущий в условиях цивилизации, концентрируя свое внимание на вопросах здравоохранения и формального образования, ошибается в оценке культур других народов.

Необходимая определенная перестройка сознания, чтобы изменить устоявшиеся оценки и согласиться с мнением знатоков жизни охотников и собирателей о том, что они — представители особой, самобытной культуры. С развитием земледелия, а позднее — индустриализации появилась тяжелая, убивающая душу работа. К тому же не секрет, что охотники и собиратели меньше голодают, чем земледельцы, когда у них на корню гибнет урожай. У охотников и собирателей нет демографических взрывов, псдобных тем, которые потрясают земледельческие общества. Исследователи прошлого, исходя все же из того факта, что массовый голод периодически сокращает численность охотников и собирателей, полагали, что она поддерживается на постоянном уровне. Бушмены также представлялись им как народ, постоянно стоявший перед угрозой голода. Их существование озарялось лишь праздниками, когда они досыта наедались мяса, остальные же дни были наполнены беспросветной борьбой с суровыми условиями и голодом.

Новые исследования в Ботсване показали, что бушмены располагают более богатой и более разнообразной пищей, чем даже их соседи — земледельцы и скотоводы, и что именно эти соседи больше, чем бушмены, страдают от периодических засух, во время которых они, чтобы выжить, вынуждены обращаться к охоте и собирательству. Имеющихся в Калахари ресурсов, даже в засушливые периоды, хватает для пропитания не только бушменского населения, но также и соседних племен.

Регулярное наблюдение показало, что бушмен затрачивает в среднем около двух часов в день на сбор пищи. Это подвело Сэлинса (Sahlins, 1968) к формулированию закономерности: с развитием бушменского общества объем работы в расчете на душу населения увеличивается, а свободное время соответственно сокращается.

Наверное, что-то иное, чем голод и нужда, поддерживает численность населения у племен охотников и собирателей на низком уровне. Некоторые ученые считают, что эти племена, а возможно, и первобытные люди, знали и практиковали какую-то форму контроля за рождаемостью, которая ныне утрачена. Среднее число детей в семьях земледельцев (без применения противозачаточных средств) доходит до восьми, тогда как у охотников и собирателей — лишь до четырех.

Мощным фактором, сокращающим прирост населения у бушменов, являются болезни. Подобно другим африканским народам они страдают от малярии. Однако это не препятствует увеличению численности населения у бантуязычных народов. У охотников и собирателей женщины кормят ребенка грудью до трех лет, а иногда и дольше. Они носят детей на спине во время сбора дров и съедобных растений, поэтому не стремятся часто производить их на свет. Существовало мнение, что бушмены иногда умерщвляли новорожденных, считая, что это менее жестоко, чем обречь ребенка на медленную смерть из-за того, что мать не в состоянии справиться с несколькими младенцами. Бушмены крайне чадолюбивы, особенно женщины, только безысходность могла толкнуть какую-нибудь из них на подобный поступок. Для них подвергнуть грудного ребенка опасности — разрывающее душу событие.

Значит, существуют иные факторы, ограничивающие плодовитость бушменок. Полагают, что один из них — суровый образ жизни. Ведь и у других кочевых народов, как правило, меньше детей, чем у соседей-земледельцев. В наши дни, к счастью, невозможно получить репрезентативную выборку бушменских женщин, чтобы выяснить, как обстоит дело с физиологической плодовитостью. Известно, например, что большинство случаев зачатия происходит, когда группа по разным причинам несколько месяцев подряд находится на одном месте. В бушменских семьях, живущих в постоянных поселениях, так же много детей, как и в семьях у бантуязычных народов. Поэтому создается впечатление, будто фак-

тор постоянного местожительства служит абсолютной предпосылкой для резкого увеличения численности населения. Вероятно, в основе сравнительно низкой рождаемости у охотников и собирателей лежат очень древние механизмы регулирования, которые исчезли, когда земледелие заставило людей осесть в постоянных поселениях.

Территории, заселенные охотниками и собирателями, никогда не использовались в полную мощность. Рост численности населения там не превышал уровень, достаточный для пропитания даже в самые неблагоприятные годы, и не оказывал разрушительного воздействия на окружающую среду, тогда как развитые оседлые цивилизации оставляют все более устрашающие следы на нашей планете.

Изучение разных групп бушменов в Ботсване и Намибии подтвердило мысль о том, что, несмотря на определенные региональные различия и языковые вариации, можно говорить об удивительно однородной культуре бушменов, распространенной в Южной Африке: в образе жизни разных групп сохранены корни, уходящие в далекое прошлое, изолированные группы объединены сложной системой родственных связей и других контактов.

Складывается впечатление, будто система подчинения всегда была необходима только для сообществ с высокой плотностью населения, тогда как для таких небольших групп, как бушменские, она не нужна. Колониальным властям легче было иметь дело с бантуязычными народами, с их вождями и деревенскими старостами, чем с бушменами, которые упрямо отрицали наличие у них каких-либо вождей. Конечно, и среди бушменов имеются отдельные личности, пользующиеся авторитетом, но какого-либо официального положения они не занимают. Если объявляется такой человек, которому дано больше, чем другим, то с него и требуют больше. Наделенный многим человек должен быть удовлетворен тем, что может помочь соплеменникам, а не садиться им на шею.

Бушмены передвигаются небольшими группами — так называемыми связками, насчитывающими в среднем по 25 человек, которые большей частью состоят в родстве между собой. Примечательно, что, когда речь идет о племенах охотников и собирателей, часто возникает цифра 25: судя по многочисленным фактам, это опти-

мальное число людей, располагающих при передвижении только естественными ресурсами.

Известны случаи, когда бушмены передвигаются по одиночке, а бывает, что свыше сотни бушменов объединяются около понравившейся им скважины. Число же 20—30 идеально: оно достаточно велико, чтобы группа могла игнорировать членов, которые ей пришлось не по душе, и достаточно мало, чтобы каждый член группы чувствовал себя среди друзей. В более крупных группах чаще происходят конфликты, которых бушмены не любят и стараются избегать.

Джордж Сильбербауэр (Silberbauer, 1979) наблюдал, как специфическая форма демократии бушменов начинает трещать по швам, когда группа становится слишком большой. По его мнению, группа, насчитывающая свыше 90 человек, не может существовать в согласии с традициями.

Группа бушменов не только успешно передвигается по территории, но и поддерживает оживленные связи с другими местными группами. Ричард Ли (Lee, 1968) рассчитал, что бушмен (мужчина или женщина) примерно одну треть времени живет среди членов своей семейной группы, другую — проводит в других бушменских группах и последнюю — принимает гостей. Брачных партнеров обычно выбирают из других групп, а это означает, что группы породняются и поэтому между ними все время поддерживаются отношения. Лицо, которое по какой-то причине не уживается в своей группе, может перейти в другую. Просто его визит затягивается и становится постоянным, и члены покинутой им группы отнюдь не чувствуют себя ущемленными. Бывает, что молодые поперемменно живут то в группе жены, то в группе мужа.

Группа может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от природных условий. Меняются и нормы поведения, на которое влияет и окружение. В местах, где имеются постоянные источники воды, во время засух население увеличивается, а там, где их нет, группы дробятся (вплоть до выделения отдельных семей). Такая дробность необходима в борьбе за оставшиеся источники, а также за дикие арбузы — тсама (*Citrullus lanatus*). Когда начинается сезон дождей, члены группы вновь объединяются. Однако в районах с постоянными источниками воды, рассредоточенными в разных местах среди зарослей кустарников, наблюдается

противоположная тенденция: крупные группы разделяются на небольшие связки.

Мне не удалось получить сведения о том, сколько бушменов все еще ведет традиционный образ жизни охотников и собирателей. Ориентировочно их численность сводится к нескольким тысячам, но, возможно, и больше, судя хотя бы потому, что правительство Ботсваны совершенно неожиданно обнаружило в «безлюдных» районах, отведенных для животноводческих ферм, бушменов, предъявивших определенные права на эти земли.

Как отмечалось выше, ученые находят, что охотники и собиратели имеют богатый и разнообразный пищевой рацион. По данным Лорны Маршалл (Marshall, 1976), меню бушменов группы добе включает многие питательные вещества. К концу влажного сезона оно значительно ухудшается: сильно сокращается количество белков, калорийность пищи становится недостаточной.

Ричард Ли в 1968 г. рассчитал, что бушмен в среднем потребляет 2140 калорий и 93 грамма белков. Эти показатели превышают рекомендуемые нормы (1965 калорий и 60 граммов белков) для лиц небольшого роста, занятых тяжелой физической работой.

И все же бушмены обеспокоены нехваткой пищи. Ведь упомянутое сбалансированное число ее приходится не на каждый день, причем тревогу вызывает недостаток мяса. Бушмены едят помногу, когда представляется удобный случай, а в неблагоприятные времена потуже затягивают пояса. Голодные периоды обычно совпадают с сильной жарой: трудно даются длительные походы за съедобными растениями. При этом требуется и больше воды, а ее как раз не хватает.

По мнению Лорны Маршалл, бушмены тогда находятся в полуголодном состоянии. Хотя съедобные корни и плоды поладаются даже в конце сухого сезона, бушмены в это время их, как правило, не собирают в большом количестве, возможно потому, что остается мало сил, да и к тому же существует предел потребления волокнистых и довольно горьких корней.

Бушменам известно около 150 съедобных растений, преимущественно корней, плодов и ягод, к которым добавим дикорастущие арбузы и тыквы, орехи, листья и древесный сок. Все это идет в пищу не в одинаковой мере, различают, что и в каких дозах можно употреблять, многие растения едят только в случаях крайней необходимости. Ричард Ли выделил 23 растения, на долю ко-

торых приходится до 90 процентов вегетарианского рациона бушменов.

Основную массу здесь составляют орехи монгонго (*Ricinodendron rautanenii*), которые составляют половину растительной пищи в районах их распространения. Там они имеют такое же значение, как сорго или кукуруза для некоторых других африканских народов. Монгонго столь же богаты белками и другими питательными веществами, как земляные орехи и соевые бобы. Обычная суточная порция орехов — 300 штук — весит 200 граммов, что составляет 1260 калорий, то есть столько, сколько содержится в килограмме вареного риса, и 56 граммов белков. Орехи можно собирать большую часть года, и они меньше страдают от погодных условий и болезней растений, чем возделываемые культуры. Ли даже недоумевает: «Почему мы должны выращивать зерновые, когда в мире так много орехов монгонго?»

Другие важные источники питания — плоды баобаба, богатые витамином С, солями кальция и магния, и плоды кустарника баугинии, которые по калорийности и содержанию белков почти не уступают монгонго. Плоды гревии и пальмы гифены вздутой встречаются не так широко, но в своем ареале существенно пополняют рацион бушменов.

Разные виды дикорастущих арбузов важны как источники влаги. Бушмены извлекают влагу также из некоторых клубней, но тсамма в июне, июле и августе — единственный источник влаги для большей части населения. Она содержит до 90 процентов воды и так широко распространена, что ее хватает на всех, несмотря на то что различные животные, как, например, ориксы, дукеры и спрингбоки, также охотно утоляют ею жажду. В сухое время года на человека в день идет до 5 килограммов тсаммы, и извлекаемой влаги хватает также, чтобы вымыть руки и лицо.

Раньше полагали, что бушмены обходятся меньшим количеством воды по сравнению с другими народами, но на самом деле это не так. Просто их организм приспособился экономно расходовать влагу. Бушмены потеют не меньше других, но, чтобы избежать ненужной потери влаги, они стараются не перенапрягаться без необходимости в дневную жару. Те же, кто не имеет доступа к поверхностной воде в сухое время года, тяжело переносят ее нехватку и, в целом здоровые, бушмены нередко страдают от почечнокаменной болезни.

Прежние путешественники называли Калахари «Большой жаждой»⁵⁶. Им требовались месяцы, чтобы пересечь пустыню. Это был трудный, утомительный путь от источника к источнику. Если один или несколько источников оказывались пересохшими, волю, которых обычно запрягали в повозки, изнемогали от жажды и падали. Тогда мужчина, взвалив на себя бурдюк с водой, отправлялся пешком к следующему источнику. Если и там не было воды или человек сбивался с пути, путешествие по «Большой жажде» заканчивалось трагически. Сохраняются рассказы о следах людей, ушедших за водой. Сначала они шли, потом ползли кругами, круги становились все меньше, и наконец человек погибал — на этом месте находили кучку костей.

Есть десятки сообщений о погибших от жажды европейцах и даже готтентотах, но ни одного о доведенном до подобного состояния бушмене. Поэтому-то и думали, что этот народ обходится без воды столько же времени, сколько верблюды. Однако выяснилось, что бушмены — хорошие знатоки местности, благодаря чему уверенно передвигаются на большие расстояния и всегда могут найти воду. Во время походов бушмены знали, в каких местах пересохших русел надо копать ямы, и терпеливо дожидались, пока в них скапливалась вода. А порой, выкопав такую яму, они втыкали в грунт соломинку и высасывали влагу. На охоте они могли даже пить желудочный сок убитых животных. Все это они делают и сейчас.

До сих пор мы рассматривали только растительную пищу бушменов, на долю которой, как уже отмечалось, приходится до 90 процентов всего рациона. Но бушмены неделями не видят мяса. Чем дальше стада домашнего скота проникают в пустыню и чем больше различные противоящурные кордоны перекрывают пути миграций диких животных, тем труднее бушмену подстрелить какое-нибудь дикое животное, о которых так много рассказывается в их фольклоре. Под пищей бушмен подразумевает прежде всего мясо, и поэтому он недоволен нынешней преимущественно вегетарианской диетой, даже если она в питательном отношении не столь уж и плоха.

Врачи, привыкшие к «болезням благополучия» в развитых странах, оптимистически оценивают состояние здоровья бушменов. Малярия и легочные заболевания, конечно, собирают свою дань, но в других отношениях

бушмэн — само здоровье. Гипертония им фактически неизвестна, вероятно потому, что их пища содержит мало солей. У бушменов отмечено необычайно низкое содержание холестерина, так как в их рацион не входят насыщенные жирные кислоты. Мясо диких животных значительно дешевле, чем домашних, и основной источник жиров для бушменов — орехи монгонго. Вследствие низкого кровяного давления и низкого содержания холестерина болезни сердца и кровеносных сосудов редки, хотя бушмены достаточно подвергаются стрессам — и физическим, особенно в жаркие периоды, и психическим (от тревоги за будущее).

Таким образом, у нас есть некоторые основания полагать, что жизнь охотников и собирателей не столь тяжела, коротка и жестока, как ее иногда изображают. Результаты последних исследований подтверждают эту мысль. В районе Добе, где в 1976 г. проводил исследования Ричард Ли, проживало 466 бушменов, из них 46 — старше 60 лет. Старость — вовсе не призрачный возраст для бушменов. Старики не отличаются дряхлостью и пользуются уважением сородичей. Когда им становится не по силам охотиться и собирать растения, общество заботится о том, чтобы они на равных правах получали свою долю пищи.

Дети — самые привилегированные члены связки. Они подрастают в тесном общении со взрослыми и с другими детьми и производят впечатление гармонично существующих членов группы, не лишенных самостоятельности. Поскольку дети воспитываются в обществе, где все делится поровну, они, что называется, с молоком матери воспринимают все его ценности. Если воспитание отдельного ребенка приобретает ненужную направленность, общество с самого начала ставит его в нужные рамки. Соревнование или конкуренция не поощряются. Основная цель физических упражнений детей — приобретение силы и ловкости; по-видимому, неважно, кто победит, победителя не чествуют, и об его успехах не трубят по возвращении в лагерь.

Поскольку дети с малолетства сопровождают матерей в походах за пищей в кустарники, они рано и без труда усваивают знания, необходимые каждому бушмену: какие растения съедобны, как их отыскать, как выкопать и приготовить и какие побочные продукты можно использовать. Это, впрочем, совсем не означает, что детей превращают в усердных маленьких трудяг. Буш-

МЭНЫ ПОНИМАЮТ, ЧТО ДЕТИ И ПОДРОСТКИ НЕ ПРИСПОСОБЛЕНЫ ЕЩЕ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ТРУДУ — НЕ ИЗ-ЗА ЛЕНИ, А ПОТОМУ, ЧТО ЧЕЛОВЕК ВООБЩЕ ТАК УСТРОЕН: ТРЕБУЮТСЯ ГОДЫ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН ПРИВЫКНЕТ К РУТИНЕ РАБОЧИХ БУДНЕЙ. ПОЭТОМУ МОЛОДЕЖЬ ЧАСТО СЛОНЯЕТСЯ БЕЗ ДЕЛА, СВОБОДНО И НЕПРИНУЖДЕННО, ЧТО ПОДЧАС ШОКИРУЕТ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ, ВОСПИТАННЫХ В ТРАДИЦИЯХ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ. ДЕТИ СОБИРАЮТ И ВЫКАПЫВАЮТ РАСТЕНИЯ, КОГДА ХОТЯТ, А ОСТАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПОСВЯЩАЮТ ИГРАМ ИЛИ ОБЩЕНИЮ ДРУГ С ДРУГОМ. ВЗРОСЛЫЕ ОТНОСЯТСЯ К ЭТОМУ НА РЕДКОСТЬ СПОКОЙНО И НЕ ТРЕБУЮТ ОТ ПОДРОСТКОВ, ЧТОБЫ ОНИ ПОМОГАЛИ ДОБЫВАТЬ ПИЩУ ДЛЯ СВЯЗКИ, ДО ТЕХ ПОР ПОКА НЕ ВСТУПАТ В БРАК.

Возможно, такое положение обусловлено тем, что связка не нуждается в затрате особых усилий для обеспечения себя повседневной едой. Как упоминалось выше, бушмен на поиск пищи тратит в среднем два часа в день, и поэтому не все члены связки отправляются на сбор растений. Даже в самые благополучные периоды, когда среди зарослей кустарников можно найти много съедобных растений и выбрать самые лучшие, не уходя слишком далеко, они не собирают больше обычного. Редко съестной припас превышает трехдневный. Объясняется это тем, естественно, что немногие плоды выдерживают долгое хранение, большинство сморщивается и усыхает. Орехи пригодны для хранения, но бушмены их не собирают впрок, может потому, что излишки отдаются тем, кто не участвовал в сборе.

Собирательством преимущественно занимаются женщины, добывая около 80 процентов пищевого рациона. Мужчины делают это эпизодически, уделяя много времени охоте. Весело и не спеша женщины из одного лагеря отправляются в кустарники вместе. Это напомнило мне путешествие за молоком в общинах на прибрежных островах Финляндии. На спине они несут грудных детей, старшие носятся вокруг. В руках у женщин заостренные палки-копалки, которыми они пользуются умело и ловко. Для непосвященного почти необъяснимо, как они определяют, у каких едва заметных стебельков надо копать, чтобы достать прекрасные нежные клубни, но ведь они усвоили эти знания, когда сами висели на спинах своих матерей. Если местность им незнакома, они охотно признаются: «Мы не знаем, где здесь искать еду».

Возвращаясь домой, женщины кроме грудных детей

Несут дневной сбор пищи и хворост для вечернего костра. Те, кто взвешивал всю эту поклажу, установил, что иной раз она может весить столько же, сколько весит сама женщина, в среднем ее ноша составляет 15 килограммов, не считая веса ребенка. Само по себе это не больше, чем многие работающие женщины носили во все времена и при всех культурах. Надо заметить, что бушменка менее всего похожа на достойное жалости вьючное животное.

Одна из привлекательных сторон бушменского общества заключается в том, что мужчины и женщины в нем действительно равноправны. Женщины вступают в брак раньше, чем мужчины, но довольно распространены разводы. Обычно мужчины и женщины находят себе партнера после одной или двух попыток.

Равноправие в бушменском обществе, не отягощенном собственностью, объясняется, вероятно тем, что женщина не рассматривается как собственность мужа, а ее трудовой вклад отнюдь не меньше, чем вклад мужчины. Я усматриваю еще одну причину: бушменские женщины столь добродушны, приятны и обаятельны, что только настоящий подлец позволит себе дурно с ними обращаться. А, кроме того, мужчины и женщины в маленьких бушменских лагерях не так сегрегированы, как в больших бантуских деревнях, и, по-видимому, мужчины-бушмены постоянно убеждаются в смысленности и мудрости некоторых женщин.

Только у бушменов, осевших близ буровых скважин или на фермах, иногда семейные отношения складываются неудачно. Бушменки все больше начинают подражать другим женщинам деревни; система питания организуется так, что женский опыт собирательства не имеет никакого значения, и мужчины начинают проявлять некоторое пренебрежение к женщине, а в отдельных случаях опускаются даже до жестокого обращения с ней. Так же как алкоголизм становится бичом для оседлых бушменов, пренебрежение к женщине служит признаком разложения традиционных форм жизни и групповой общины. Женщина утрачивает тесные контакты с другими группами, она может уйти, если муж станет невыносим, но молодые люди лишаются того повседневного примера гармоничной жизни, который подавали более старые члены связки во все времена.

Несмотря на некоторые дошедшие до нас сведения из бурного восемнадцатого века (в частности, о вынуж-

денной защите с применением отравленных стрел), можно сказать, что бушмены — миролюбивый народ. Очевидно, у них был продолжительный опыт тесного сосуществования с сохранением личной неприкосновенности без разделения общества на угнетателей и угнетенных. У своих сородичей бушмен находит кров и защиту, так же как в давние времена плотно спаянная группа служила защитой от гиен, наполнявших ночную тьму. В лагере бушменов хижины (если они есть) ставят близко, но у каждой семьи имеется свой очаг и свое место для ночлега.

Сидя у очага, семья прекрасно слышит то, о чем говорят у соседних очагов, так что секретов друг от друга нет. Это предопределило нормы поведения, которые поражают даже в высшей степени знающего наблюдателя. О справедливом распределении пищи уже говорилось. Но это правило распространяется и на личное имущество. Принято дарить подарки. Если кто-то восхитится чьим-то луком, считается хорошим тоном отдать его. Назавтра он даст тебе что-нибудь взамен. Бушмены почти никогда не повышают голос и не впадают в уныние, а в любви, похоже, довольно сдержанны.

Хотя бушмены стараются избегать конфликтных ситуаций, они все же иногда возникают. И среди них порой попадаются упрямые и сварливые люди, а также простаки, которых легко обвести вокруг пальца. Бушмены понимают, что человеку, чувствуящему себя обиженным, необходимо высказать недовольство, поэтому они дают ему высказаться. Обиженный раздражается монологом, произнося его повышенным тоном, и другие члены группы сразу понимают, что человек обижен. Они слушают, занимаясь своими делами, пока человек изливает то, что у него наболело на душе. Монолог этот не требует ответа и никогда ему его не припомнят, просто он был необходим, чтобы очистить атмосферу.

Если кто-нибудь действительно нарушит принятые нормы поведения, группа путем каких-то незаметных для постороннего наблюдателя методов призывает его к порядку. Лорна Маршалл, интересовавшаяся этой проблемой, считает, что бушмены очень тяжело реагируют на изгнание из группы, хотя это самая мягкая форма неодобрения. Поэтому, чтобы не осложнять обстановку, каждый чутко прислушивается к мнению группы и подчиняется ее правилам. В тех случаях, когда в какой-либо связке оказывается человек с дурным харак-

тером, открытые конфликты устраняются лишь одним способом: отверженный со своей семьей (или даже один) уходит.

Групповой дух проявляется сильнее всего на охоте. Вот главное, что должен помнить бушмен: мясо не принадлежит охотнику. Оно — собственность всей группы, а охотника следует рассматривать как орудие, убившее дикое животное для группы.

Можно априори допустить, что охота некогда играла гораздо более важную роль в хозяйственной жизни бушменов, чем в нынешних условиях жестоко эксплуатируемой окружающей среды. Многие сказки и легенды бушменов повествуют о диких животных, их выполненные с любовью наскальные рисунки изображают красивые и совершенные существа, «которых бог дал, чтобы питаться». Хотя мясо теперь составляет не более 20 процентов пищевого рациона, оно считается его самой важной частью, и продолжительное отсутствие мяса воспринимается как подлинное бедствие. Растительная пища лишь поддерживает жизнь и здоровье бушмена, и ей не отводится никакого места в фольклоре. Сбор пищи в кустарниках продуктивен, но не престижен, охота непродуктивна, но увенчана славой и возвеличена в бесчисленных мифах. Мужчина с наслаждением делает каждый шаг на охоте, совсем как старые тюленебои в дни моего детства.

Теперь приятно было бы в унисон с писавшими о бушменах ранее разразиться дифирамбами в честь их чудесных методов охоты и исключительной меткости. Более поздние исследователи, сопровождавшие бушменов-охотников, полагают, однако, что бушмены не особенно удачливые охотники и что с меткостью у них не всегда обстоит благополучно. Дикое животное, которое водятся в Калахари, исключительно пугливы, и мне самой почти никогда не удавалось подойти на расстояние выстрела к какому-нибудь животному, чтобы увидеть его в 300-миллиметровый телеобъектив камеры. Остается лишь восхищаться бушменами, которым все же удается что-нибудь добыть. Следует напомнить, что в добрые старые времена добыча не была столь доступной, как в нынешних заповедных национальных парках, хотя диких животных водилось гораздо больше и у племен охотников и собирателей было меньше сложностей, чем у современных бушменов.

Изучая списки охотничьей добычи бушменов, прихо-

дишь к выводу, что они используют почти всю имеющуюся в природе живность вплоть до змей, кузнечиков и термитов. Хотя одни виды добычи предпочтительнее других. Многие бушмены отрицают, что они едят мелких грызунов, ящериц и гусениц, как, например, утверждает Шапера, и их, следовательно, надо рассматривать скорее как дополнительное питание в случае нужды. Среди мелких животных, составляющих основную часть рациона белков, выделяется долгоног⁵⁷, который в изобилии встречается по всей Калахари. Это один из главных источников белков в Ботсване. Полагают, что ежегодно отстреливают около 25 миллионов долгоногов. Ежи и питоны рассматриваются как лакомство.

Хотя мелкие животные в рационе важнее крупных, именно вокруг последних вращаются помыслы и о них слагаются легенды. Мечта каждого охотника — канна, за ней следуют коровья антилопа, или конгони, орикс, большой куду и спрингбок. Излюбленной добычей являются и небольшие антилопы — стенбок и дукер. В легендах животные предстают как личности; люди прежде не видели барьеров между ними и собой. Они понимали их язык и уважали свойства каждого. Так, например, канна была самой благородной из всех животных, коровья антилопа считалась столь же изысканной и утонченной. Маленький стенбок был окружен особой любовью. Лоуренс ван дер Пост писал в 1961 г.: «Магия стенбока была магией невинности, кротости и красоты вместе взятых. Это было существо (или личность), слишком прекрасное, чтобы осознать несовершенство, слишком невинное, чтобы знать, чего бояться, слишком кроткое, чтобы подозревать жестокость. Как он отличался от дукера! Разве я не замечал, что сердце дукера переполнено страхом?» (Post, 1961).

Охотник ощущает магическую связь между собой и животным. То, что он делает во время охоты, вызывает противоположную реакцию у добычи. Охотник, ранивший животное, не ест и не пьет, пока не убедится, что оно убито, иначе жертва может набраться сил и убежать.

Бушмены знают множество способов охоты. Обитателей нор достают длинными заостренными палками. Птиц и мелких животных ловят в силки, изготовленные из волокон сансевьеры. Более крупных сначала преследуют в погоне, утомляя их, и, приблизившись на расстояние выстрела, осыпают градом стрел. Обычный, и вмес-

те с тем наиболее престижный способ заключается в том, чтобы выследить крупное животное, незаметно подкрасться к нему и поразить отравленными стрелами.

Луки бушменов очень малы и напоминают луки индейцев, вырезаемые детьми. По сообщению Сильбербауэра (Silberbauer, 1965), их делают из гревии (*Grewia flava*) и гладко обстругивают. Весят они около 225 граммов при наибольшей толщине (2,5 сантиметра в диаметре) и сужаются к концам. Тетива лука изготовляется из жил канны и может служить 6—9 месяцев — столько же, сколько и сам лук. Требуется примерно два дня, чтобы сплести тетиву, и требуемое натяжение проверяется по звуку. Дальность полета стрелы, выпущенной из такого лука, около 90 метров, но, если расстояние превышает 25 метров, меткость попадания не особенно велика.

Бушменские стрелы имеют древнее происхождение, предполагают, что им около 10 000 лет. По размеру стрела немного больше карандаша: длина 53—58 сантиметров, вес 14 граммов. Состоит из четырех разъемных частей: основания, наконечника и двух меньших (костяной и деревянной), которые соединяют наконечник и острие.

Смертоносное действие придает стреле не дробящая сила (вряд ли она может глубоко пронзить шкуру крупного животного), а яд, которым ее обмазывают. Возле горячих источников близ Гвишо на равнине Кафуэ в Замбии были найдены любопытные свидетельства того, что употребление отравленных стрел — очень давний прием охоты у бушменов. На стоянке каменного века, имевшей типично бушменский характер и относящейся к середине III тысячелетия до н. э., археологи обнаружили кучу семенных стручков *Swartzia*, которые до сих пор применяются отдельными группами бушменов в Калахари для изготовления ядов.

Бушмены используют разные яды, как растительного, так и животного происхождения, в зависимости от территории, где они охотятся. Так, из личинок жука *Diamphida nigro-ornata* они извлекают яд «нгва». Э. К. Уилмот сообщает, что между корней коммифоры, или бальзамового дерева (*Commiphora*), бушмены выкапывают куколок. Они содержат небольшие мягкие личинки сливового цвета. Шесть крохотных ножек находятся прямо под головой. Чтобы извлечь яд, бушмен переворачивает личинку большим и указательным паль-

цами левой руки. Теми же пальцами правой руки он берет ногтями одну из рудиментарных ножек и отделяет от тела. При этом вытекает жидкость янтарного цвета. Острие стрелы смачивается этим ядовитым веществом. Когда оно высыхает, кажется, будто острие покрыто тонким слоем желатина (Wilmot, 1970).

Небольших животных этот яд поражает за несколько минут, более крупных — за несколько часов. Эффективность действия яда зависит, вероятно от того, насколько он свеж. К концу сухого сезона, когда нет свежих личинок, охота почти прекращается.

Успех охоты определяется тем, как близко охотник может подойти к добыче, чтобы стрела попала в цель. Стрела, выпущенная из-за укрытия, не вызывает такой паники среди пасущихся животных, как ружейный выстрел, но, когда стрела попадает в цель, стадо убегает. Если это крупное животное, например орикс, проходит много часов, пока яд подействует. Главная задача охотника теперь — не упустить из виду пораженное животное. Тут проявляется способность бушменов выслеживать добычу, и именно это на меня произвело особенно сильное впечатление.

Они придумали простой и гениальный способ быстро идти по следу. Вместо того чтобы двигаться в определенном направлении по следу, два человека бегут по разные стороны от него, глядя на землю. Как только один из них замечает, что животное изменило курс, он сигнализирует о новом направлении своему напарнику и они вновь бегут параллельно, пока кто-нибудь из них опять не выявит изменившееся направление. Так гораздо эффективнее, чем концентрировать взгляд на зачастую незаметном следе.

Животное, почувствовавшее действие яда, обычно отделяется от остальных и пытается укрыться. Постоянно держать его в движении для охотников, находящихся далеко от лагеря, нецелесообразно, поэтому они выжидают, пока животное не остановится и не зачленеет, или же медленно гонят его по направлению к лагерю. Если яд подействовал и животное выбилось из сил, охотники подходят и добивают его, перерезав глотку. Если на месте находится несколько охотников, животное тут же разделяют и уносят домой куски мяса. Если же охотник один или их двое, а добыча крупная, ее укрывают травой от грифов и охотник отправляется домой за подкреплением. Когда в лагерь приносят мясо и шку-

ру, устраивается праздник. Мясо делят между семьями, а затем между членами семей. Его варят или жарят, а более жесткие куски запекают в земляных печах, и начинается бесподобный мясной пир. Тут оушмены демонстрируют свою способность наедаться впрок, но, даже когда они насытились так, что им, казалось бы, под силу только лежать да стонать, они поднимаются и танцуют и поют ночь напролет.

Охотник, убивший животное, получает не больше мяса, чем остальные, но его окружает ореол славы. Он приобретает известность, а это самое главное для бушмена (все равно, что вечная слава) и, следовательно, является достаточным вознаграждением. Кроме того, охотник получает шкуру животного. Правда, она не всегда достается тому, кто непосредственно убил зверя. Ее могут отдать владельцу стрелы, хотя, исходя из того, что имущество «гуляет» по лагерю, владельцем часто бывает именно тот, кто выпустил стрелу. Следовательно, бушмены всеми способами стараются умалить саму идею о том, что добыча принадлежит охотнику.

Бушмены относятся к последним народам на нашей планете, которые убивают диких животных только затем, чтобы накормить и одеть себя и своих близких, поэтому их не интересует охота на львов и леопардов, — напротив, лев считается товарищем по охоте. Многие из прежних путешественников замечали, что бушмены, прогнав льва, забирали его добычу. Хотя мясо в принципе съедобно, бушмены избегают есть мясо хищных зверей, включая гиеновидных собак и гиен. Кроме того, они не употребляют в пищу мясо грифов, которые рассматриваются как своего рода летающие гиены.

В менее засушливых частях Калахари встречаются павианы, которые можно сказать, находятся под охраной, так как в представлении бушменов павиан так сильно напоминает человека, что съесть его было бы равнозначно людоедству, на которое бушмены смотрят с подлинным ужасом. Находясь в самых тяжелых условиях, они никогда не прибегали к людоедству, в этом их не могли обвинить даже буры.

Бушмены называют павианов «людьми, сидящими на лятах». Блик рассказывал об одном бушмене, который поведал ему историю о павианах и при этом заметил, что их очень трудный язык ему пришлось перевести на свой (Bleek, Lloyd, 1911). Этот бушмен (как и другие его соплеменники), следовательно, считал, что

путем тренировки, внимательно прислушиваясь, можно выучить язык павианов. С этим я и сама готова была согласиться, после того как услышала весьма разнообразные звуки, издаваемые павианами. Считают, что у них нет ни достаточных умственных способностей, ни необходимого развития гортани, чтобы объясняться с помощью звуков, но меня не покидает мысль, что когда-то гоминиды в саванне могли общаться между собой так же, как павианы, если они уже достигли к тому времени немалых успехов в словесном выражении мыслей.

Рассказ о павианах и языке иллюстрирует особенность бушменов, о которой я уже упоминала и которую нахожу самой привлекательной. Абсолютное отсутствие высокомерия по отношению ко всему живому, населяющему среду обитания бушменов. П. И. Шуман писал: «Эти кочевники пустынной страны жили слишком близко к земле, чтобы кто-нибудь возвеличился в их глазах» (Schoeman, 1961).

Как отмечалось, бушмены имеют печальный опыт столкновения с охотничьими законами, введенными колониальной администрацией. Когда страна была еще не столь густо населена и большая часть пустыни находилась вне досягаемости властей, они не слишком угнетали этот народ. Однако по мере освоения территории усердные егеря стали выслеживать и арестовывать бушменов в районах, издавна им принадлежавших, а теперь провозглашенных государственными землями (термин, который бушмены не могли понять).

Невидимое и непостижимое правительство стало врагом, разбивавшим группы и навсегда вырывавшим отцов семейств и почитаемых охотников из их среды. Противозаконные действия, совершающиеся в наше просвещенное время против бушменов под знаком охраны природы, — это позорное пятно, которое даже самые ревностные «защитники природы» не могут оправдать. Странным кажется тот факт, что егеря преследуют бушменов, вызывая в их среде волнения, тогда как уверенные в себе и явно покрывающие браконьеров тсвана ухитряются уйти незапятнанными, потому что на их стороне власть, закон и егеря, которые, возможно, вышли из их среды.

Насколько остро бушмены чувствуют угрозу своему существованию, показала трагическая история, происшедшая во время второй мировой войны в районе, населенном бушменами группы ната, в северо-восточной

Ботсване. Небольшой военный самолёт с двумя пилотами на борту приземлился поблизости от стоянки бушменов, где только что был убит жираф, что, разумеется, противоречило постановлению об охоте. Представителей власти, спустившихся с небес, естественно, сочли за вестников враждебных сил, явившихся арестовать мужчин и обресть женщин и детей на гибель. И тогда мужчины убили обоих летчиков. Трудно представить себе, чего стоил бушменам этот шаг, ясно одно: они защищались против сил, угрожавших их существованию.

Дело постепенно вышло наружу: в этих краях невозможно скрыть никакую тайну, и виновные были схвачены. Возможно, столь отчаянный поступок потребовался, чтобы показать, как бушмены воспринимают охотничьи законы. Преступники отделались удивительно мягким наказанием, а британская администрация решила всерьез заняться проблемой урегулирования охотничьих прав бушменов.

В 50—60-х годах эксперты упорно доказывали, что ни англичане, ни тсвана не имеют права посягать на традиционные охотничьи угодья бушменов, и в официальных кругах их требования стали встречать большее понимание. Неофициальная установка заключалась приблизительно в том, что бушмены приравнивались к крупным животным, которым могла быть предоставлена охраняемая законом защита в национальных парках и природных резерватах. Официально их интересы были взяты под защиту закона (The Fauna Proclamation Act) от 1961 г., который дал право бушменам охотиться без лицензии в своих районах, при условии применения только традиционных методов охоты. Однако потребовалось время, прежде чем этот закон претворился в жизнь, и еще в 60-х гг. происходили столкновения егерей с бушменами.

Вне резерватов диких животных у бушменов все еще не было формальных охотничьих прав. В 1979 г. Боб Хичкок писал об одном из бушменов группы ната, арестованном в 60-х годах за то, что он охотился на землях своей группы: «Наша жизнь,— говорил этот бушмен,— зависит от мяса, а закон запрещает нам есть его. Ведь когда бог создавал человека, он имел в виду, что дикие звери станут пищей для масарва. У бамангвато скот идет в пищу. Каланга зависят от урожая, белые люди живут за счет денег, хлеба и сахара. Все это традиционная пища этих людей. Значит, закон против нас,

масарва, потому что он запрещает нам есть. Люди, которые установили закон, знали, что они отбирают у нас пищу. Если бы мы захотели выращивать скот, мы не могли бы сделать это так же хорошо, как бамангато. Мы не можем выращивать растения, как каланга, и не можем делать деньги, как белые. Традиция, которую бог дал нам, масарва,— питаться мясом. Лишить нас мяса — значит, отнять у нас жизнь и данную богом традицию» (Hitchcock, 1979).

Район, который в этом отношении имеет наибольшее значение для бушменов,— резерват диких животных «Центральная Калахари», обширная территория в сердце пустыни. Специалисты полагали, что бушмены и дикие животные будут жить в сбалансированной среде, но на практике этого не произошло. Напротив, из «Центральной Калахари» последовала миграция. Бушмены сообщали, что там все труднее найти воду и поэтому ухудшилось положение с дикими животными.

Бушмены вовлекаются во все более тесные контакты с наступающей цивилизацией. С 30-х годов, когда в Калахари были пробурены первые скважины, и особенно после второй мировой войны, когда этих скважин стало больше, бушменам пришлось делить свои земли с все увеличивающимися стадами скота. Пустынные области по мере бурения новых скважин стали доступными, и владеющие скотом тсвана в быстром темпе стали наращивать свои стада. Теперь в Калахари насчитывается свыше 1200 буровых скважин. Их глубина в среднем составляет 130 метров, а некоторые достигают 250—300 метров. По оценкам, одна скважина в среднем может обеспечить водой примерно 1500 голов скота. Стада по 100 голов распространены широко, а это означает, что у одной скважины оседают не менее 15 крупных владельцев скотом.

До недавних пор все шло хорошо. Однако в связи с быстрыми темпами хозяйственного освоения территории возник целый ряд новых проблем, и теперь специалисты, нахмутив брови, изучают результаты картографического обследования. Становится, в частности, очевидным, что грунтовых вод надолго не хватит и Калахари в не столь отдаленном будущем окажется перед угрозой водного голода. Подсчитан даже срок действия буровой скважины — в среднем не более 30 лет. Пока лишь немногие скважины функционируют дольше указанного срока, не обнаруживая признаков истощения.

Ведется забор воды, поскольку она подается, и тсвана, которые поколениями осваивали обширные территории со своими стадами, вполне свыклись с мыслью, что, если в данном месте иссякнет вода, они переселятся к новой скважине.

Не менее актуальной является проблема, связанная с социальными изменениями среди местного населения, вызванными освоением буровых скважин. По традиции землей владеют общины, но буровая скважина — частная собственность. Это значит, что ее владелец, нередко зажиточный горожанин, арендующий буровую установку, практически решает дела за тех, кто ее использует. Там, где есть вода, она идет на содержание домашнего скота, владельцы которого платят хозяину скважины взнос. Эти скотовладельцы редко живут на месте, а нанимают скотоводов и пастухов из числа местных жителей — кгалагари или бушменов.

Волнует специалистов и проблема чрезмерного увеличения стад. Эту проблему тсвана решают по примеру других скотовладельцев Африки, рассматривая свой стада как страховку на будущие времена. Если нагрянет засуха, а так бывало много раз с незапамятных времен, у владельца большого стада есть шанс сохранить хотя бы нескольких животных. А тот, у кого меньше скота, может потерять решительно все. Эта аксиома имела определенный смысл, пока численность скота регулировали болезни, но благодаря успехам современной ветеринарии (а Ботсвана в этом отношении передовая страна) стада могут удваиваться за очень короткое время. После ряда благоприятных лет теперь в Ботсване насчитывается около 4 миллионов голов крупного рогатого скота, и этот показатель был достигнут всего за 10 лет после жестокой засухи 60-х годов, когда поголовье составляло менее одного миллиона. Овец и коз сейчас более двух миллионов.

Поскольку засушливые и влажные годы чередуются в довольно хорошо предсказуемых циклах, ясно, что народному хозяйству будет причинен убыток, если большая часть поголовья скота падет от засух, и, конечно, было бы резонно удерживать численность поголовья в разумных пределах, чтобы воспрепятствовать ухудшению окружающей среды.

Производство и экспорт мяса — наиболее важная отрасль экономики Ботсваны, и здесь она более развита, чем во многих других районах Африки, но прежний об-

раз мышления сохраняется и периодически подкрепляется вспыхивающими эпидемиями ящура, которые временами пробивают брешь в экспорте мяса из Ботсваны.

1978 и 1979 годам (когда я посетила эту страну) предшествовало несколько благоприятных лет, и поселения в Калахари были проникнуты духом благосостояния и оптимизма, которые отсутствуют во многих других местах Африки. После засухи 60-х гг. растительность восстановилась и молодая трава была исключительно сочной. Я удивлялась, видя здоровых и ухоженных коров в центре Калахари. Это зрелище необычно даже для тех районов Африки, где природное окружение гораздо более благоприятное. Я прогуливалась у загонов для скота вместе с мальчиками-пастухами и восхищалась великолепными животными. Корова — самое прекрасное, что знают тсвана.

Путешествия по Калахари организуются по шаблону. На вездеход грузишь все необходимое для поездки на неделю и отправляешься в путь по песку, который начинается уже в Габороне. Изменяется лишь его окраска и толщина пласта — постепенно, по мере продвижения в сторону Калахари. Пустыня не знает никаких компромиссов. Кругом песок, покрытый редкой травой и разными видами колючих кустарников, изредка попадаются деревья. Все это районы, которые служат пастбищем как для диких, так и для домашних животных.

Чем дальше мы углубляемся в Калахари, тем мощнее становятся пески. Моторы натужно урчат, машина раскачивается, как лодка во время шторма. Это сравнение пришло мне в голову оттого, что я сидела на бочке с бензином. В детстве мне приходилось путешествовать на лодке, сидя на молочной фляге, когда я отправлялась на остров Чёкар. Главное удержаться, не тратя понапрасну сил, а для этого надо точно следовать движениям машины (или лодки) — наклоняться, когда она летит вниз, и приподниматься, когда ее подбрасывает.

Сопоставление со шхерным архипелагом вполне удачно и в другом отношении. Если песок сравнить с морем, буровые скважины выглядят как острова, где живут люди и пасется скот. Наш вездеход пересекает море песка, внезапно перед нами возникает нечто, блестящее на солнце. Это металлическая крышка цистерны для воды, а за ней вскоре показываются загон для скота и хижины, в которых живут смотритель насосной установки и скотоводы. Здесь мы задерживаемся, спрыгиваем на

зёмлю онёмевшими ногами и приветствуем смотрителя. «Думела пра!» Переводчик разъясняет, зачем пожаловали (поручение социолога), и мы садимся в кружок на песке, начиная опрос.

Благосостояние здесь относительное и равновесие хрупкое, но мы выступаем в роли не созерцателей нищеты, а посетителей хорошо устроенных деревень, где нечего стыдиться. Вокруг нас оживление: женщины спуют взад и вперед по своим делам, дети смеются над нами, собаки и козы не отводят глаз от кухни. Позади нас сверкает лист алюминия, грохочет насос, подавая воду по желобам. Вода зеленоватого цвета, соленая на вкус, но скоту, не ведавшему ничего иного, она нравится.

Очередной период засухи, по прогнозам, будет в начале 80-х годов. В зелени 1979 г. трудно представить себе предстоящие изменения. Трава будет стравлена до корней, и ветер будет вздывать огромные вихри пыли. Деревни изменят облик, население уйдет со своими стадами на поиск новых пастбищ, а женщины вместе с бушменами отправятся в кустарники собирать съедобные растения. Скот потеряет в весе, и станет привычным вид павших животных, лежащих прямо на земле. Наступят золотые времена для грифов и — довольно парадоксально — иногда даже для бушменов, у которых появится шанс съесть павшую корову.

Засуха, конечно, поражает и бушменов. Они все больше стягиваются поближе к буровой скважине, где нанимаются скотоедами и пастухами, однако, по мере того как стада уменьшаются, они уходят, утратив надежды на оплату своего труда. Многие из них получали жалованье натурой, например молоком, но, поскольку коровы приходят в издой, исчезает и эта форма вознаграждения за работу. А самое худшее заключается в том, что растущая нагрузка скота на окружающую среду год от года косвенно ухудшает жизненные условия бушменов. Там, где пасется скот, дикие животные стесняются, а крупные стада домашнего скота истощают растительный покров, так что бушменам — охотникам и собирателям — становится труднее найти растения, входящие в их пищевой рацион.

Здесь мы встретили более или менее оседлых бушменов. Когда мы столь бестактно вторглись в их лагерь, они не выразили никакого удивления, дружелюбно и сдержанно ответили на вопросы социолога об их семьях и причинах работы по найму.

— Я видел тебя издали, — звучит одно из традиционных приветствий. — Пока ты не пришел, я был мертв, но теперь, когда ты появился, я снова живу.

Хотя мы не могли ничего толком сказать в знак приветствия, кроме «думела», наш приход все же внес некоторое разнообразие в их распорядок дня, и им это, видимо, нравилось. Когда интервью было закончено, социолог поделил между ними табак и апельсины. Они брали все обеими руками и затем отходили, тактично уступая место другим. Мы же лихорадочно набросали заметки, которые для них были ненужными и бессмысленными.

Сведения Боба Хичкока (Hitchcock, 1979a) и других социологов о населении Калахари, имели крайне важное значение для будущего бушменов. Перед ними стояла проблема, которую они сформулировали как «политику племенных пастбищных угодий» (The tribal grazing land policy). Этот весьма претенциозный проект предусматривал разделение Калахари на зоны, состоящие из традиционных племенных территорий, крупных товарных ферм и резерватов. В основе его лежало искреннее желание решить проблему чрезмерного выпаса и слишком больших стад. Возможно, он имел бы большее значение, если бы его исходные предпосылки были правильными.

Когда в 1975 г. собирались осуществлять этот проект, были оговорены и условия его проведения: здравый в экологическом и экономическом отношении подход и справедливость в социальном плане. Теоретически Ботсвана располагает достаточными силами и необходимыми ресурсами для выполнения этих условий, хотя и с большим трудом, ибо весь проект опирается на ошибочную установку на то, что страна должна использовать обширные неосвоенные территории. Новейшие исследования структуры населения и пастбищ в Калахари поставили правительство перед неприятным сюрпризом: собственно, таких земель, которые надо осваивать, нет.

«Незаселенная» земля оказалась заселенной сарва и переселенцами тсвана, которые пробурили больше скважин, чем ожидалось, и вдобавок население уже было охвачено сложными трудными отношениями.

Специалисты полагают, что, если преобразования и будут сделаны в существующих условиях, это даст лишь обратный эффект. «Способ правительства прогнать бед-

ных с земель богатых» — так называют теперь проект. Формулировка подчеркивает, что на деле вместо желаемой социальной справедливости может получиться социальная несправедливость, если большей части населения придется покинуть традиционные земли, чтобы уступить место крупным скотоводческим фермам. Так называемые общинные земли оказались населенными более густо, чем полагали; поток неимущих переселенцев должен вызвать новые социальные проблемы и увеличить нагрузку на окружающую среду. Прекрасная мысль о том, что богатые скотовладельцы не должны монополизировать источники воды в районах общинного заселения, приведет к тому, что возникнут новые проблемы. Например, традиционная община не сможет использовать общинные земли, тогда как крупные скотовладельцы освободятся от социальной ответственности за свои образцовые скотоводческие фермы.

Таким образом, из всего изложенного ясно, что, с одной стороны, запущена карусель исследований и изысканий, о которой лучше всего сказал один высокопоставленный чиновник: «Мы должны устранить басарва с пути так, чтобы можно было поставить перед ними преграду». Однако, с другой стороны, заметно искреннее желание не притеснять бедное местное население, не имеющее представителей в правительстве, где преобладают защитники интересов землевладельческой и скотоводческой верхушки.

Официальная политика все еще придерживается установки, что традиционные права на землю следует уважать. Когда полагали, что бушменов гораздо меньше и они передвигаются через менее обширные территории, легче было уважать их права на эти территории. Теперь, в эпоху буровых скважин, когда больше нет препятствий для более «рационального» использования этих районов, руки чешутся основывать скотоводческие фермы на территории расселения бушменов.

Дело осложняется тем, что этот народ не имел каких-то исключительных прав на свои территории, а делил их со скотоводами тсвана, права которых также нельзя игнорировать. Признав права бушменов на эти территории, тсвана заставили их на себя работать, нанимая в качестве пастухов. Однако традиционный образ жизни охотников и собирателей несовместим с рациональным ведением хозяйства на скотоводческих фермах за высоким забором из колючей проволоки. Столь

же мало он совместим и со все более жестокой эксплуатацией пастбищ на общинных землях.

Бушмены издавна избегали выдвигать из своей среды вождей, поэтому трудно сказать, чего они хотят. И все же опросы, проведенные за последние годы Бобом Хичкоком, показали, что этот народ достаточно хорошо разбирается в сути происходящего.

Время преобразует образ мышления бушменов. Землю, которая некогда принадлежала всем (владение территорией означало и право на ее использование), они увидели все более эксплуатируемой и наводняемой чуждыми элементами. Теперь, когда бушменов спрашивают, чего они хотят, они уверенно отвечают — права на использование своих земель.

Но, имея перед глазами пример тсвана, они понимают, что образ жизни охотников и собирателей не даст им этого права. Ведь на первом месте стоят скот, буровые скважины и поселения. Все меньшая доступность диких животных и вторжение массы домашнего скота осложняют традиционный образ жизни охотников и собирателей. Поэтому многие бушмены тоже захотели обзавестись скотом и вести более или менее оседлую жизнь по соседству с буровой скважиной.

Для туриста, видящего бушмена в его набедненной повязке, с луком и стрелами, переход бушменской культуры в обезличенную культуру тсвана, представляется чем-то ужасным, и он, турист, предсказывает, ее конец. Лично мне кажется, что бушмены обладают удивительной способностью объективно оценивать свое положение в обществе, и это может вызвать множество непредвиденных последствий. Я понимаю также, что решение проблемы бушменов сводится к земле, и надеюсь, что те, кто стремится помочь им получить права на свои территории, должны добиваться этого в законодательном порядке. Как бушмены затем используют это право, их дело, в которое не следует вмешиваться. Вполне возможно, что будущая модель их образа жизни приблизится к модели тсвана.

При этом нельзя сказать, что полобный переход желателен или что он будет легким. Изучение бушменов, переходящих к оседлому образу жизни (например, в северо-восточной Ботсване), показал, что большие группы почти всегда подвергаются социальному расслоению, в них развивается иерархия, в высшей степени нехарактерная для бушменов.

Другие оседлые группы, которых давно использовали в качестве низкооплачиваемых рабочих на скотоводческих фермах в районе Ганзи (западная часть Калахари), обнаружили приверженность к алкоголизму и даже тенденции к насилию — традиционные признаки разложения групп.

В настоящее время пока еще крайне мало бушменов, владельцев скота, и в возможном процессе преобразования многое будет зависеть от того, как им удастся приспособиться к частной собственности и экономическому неравенству — всему, что столь нехарактерно для традиционной бушменской культуры.

Тем не менее не следует недооценивать этой древней культуры и этого народа, который с начала XIX в. постоянно объявляли вымирающим. Между тем он упорно продолжает жить и теперь, оказывается, даже имеет большую численность, чем полагали ранее. Бушмены не выпадут из истории, потому что они способны изменять свой жизненный уклад и привычки и выступают как жизнеспособный народ, имеющий полные права в современном обществе. Их культура не исчезает, а лишь впитывает элементы извне.

«Калахари» с одного из местных наречий переводится как просто «песок». С воздуха ландшафт ее напоминает буро-желтый, иногда почти белый, полувypеченный круглый хлеб, в котором вилкой неравномерно проколоты дырки. На земле ты всюду ощущаешь песок — в волосах, в глазах, в ушах, в носу, в гортани, на одежде и в пище. Его единственный соперник — колючки. Все, что растет в Калахари, снабжено колючками. Трет песок, жгут колючки, сверху печет солнце, а по ночам через спальный мешок в тебя вгрызается холод. Суровая страна, оставляющая в душе неповторимые впечатления.

Однако Калахари нельзя отнести к пустыням в прямом смысле этого слова, скорее ее следует отнести к полупустыням, в противоположность таким подлинно аридным областям, как пустыни Сахара или Намиб. Это зависит от того, что восточные влагонесущие ветры дальше проникают через суженную южную часть Африки, чем через ее расширенную северную часть. Фактически в Калахари среднегодовое количество осадков составляет 250—400 миллиметров. Этого доста-

точно, чтобы поддерживать довольно разнообразный и сомкнутый растительный покров.

Калахари целиком расположена на высоком Южноафриканском плато. На востоке оно поднимается более чем на 1500 метров над уровнем моря, на западе — лежит на высоте 1200—1250 метров. Самая низкая точка на севере расположена на высоте 850 метров.

Калахари как пустыня возникла очень давно. Пески образовались преимущественно в плиоцене в результате выветривания обломков пород континентального происхождения. За последние миллионы лет пустыня то наступала, то отступала, иногда больше, иногда меньше, в зависимости от климатических условий. В некоторых местностях сохранились следы рек и озер, есть признаки гигантских сухих периодов, когда пустыня заходила в леса миомбо на территории Заира и Анголы.

Песчаная поверхность пересечена длинными пологими волнами — дюнами. Движущихся песков в Калахари почти нет, поскольку дюны закреплены разными жесткими травами, прежде всего из родов *Eragrostis* и *Aristida*. Дюны обычно более красного цвета, чем лежащие между ними понижения, из-за содержащейся в дюнном песке окиси железа.

Для значительных районов Калахари характерно отсутствие поверхностных вод в течение большей части года. Бурение скважин здесь действительно сделало возможным использование земель. На юге и юго-западе обширные песчаные и травянистые равнины переходят в районы с верблюжьей колючкой, редкой акацией и *Combretum*, тогда как центральная часть более открыта, с травянистыми пастбищами и редкостойными колючими кустарниками. В такого рода экологической системе интенсивный выпас благоприятствует распространению кустарников за счет трав, то есть это как раз противоположно тому, что происходит в лучше обводненных районах, как например в долине Луангвы, где чрезмерный выпас ведет к распространению травянистых саванн. Все более расширяющийся выпас в Калахари привел к тому, что кустарниковая растительность там теперь более густая, чем во времена, о которых писали ранние путешественники.

Соляные блюдца, или котловины, — характерная особенность ландшафта. В сухой сезон мелкозернистый материал так сверкает белизной, что режет глаза; во влажный сезон и после него в котловинах скапливается вода.

Названия котловин указывают на присутствие в них соли или соды. Такие места привлекают бушменов, а также птиц и зверей.

Яркий пример соляных блюд — район озера Магикади в северо-восточном углу Ботсваны. Эта обширная территория простирается почти на 200 километров с востока на запад и на 65 километров с севера на юг. Научное описание сводится к тому, что это преимущественно сухая соленосная депрессия с небольшими остаточными озерами, окруженная равнинами с травянистыми сообществами на карбонатных почвах и влажными, покрытыми травой западинами с тростниковыми зарослями вокруг постоянных или полупостоянных водоемов.

С воздуха контрасты поверхности в разное время года отчетливо видны. Я пролетала над соляными блюдами, когда они были наполнены водой и совершенно высохшими. В первом случае это были обширные мелководные озера, которые заливали окружающие территории; во втором — пустынные, ослепительно белые равнины, где котловины сухих озер и ложбины походили на кратеры и желоба. Они напоминали мне покрытое льдом Балтийское море, которое видишь с самолета в феврале или марте. Различные мощность и цвет слоя соды почти соответствуют слоям льда, когда он плывет или сидит на мели. В обоих случаях ландшафт безжалостно ослепляет, когда над ним светит солнце. Разница лишь в том, что, если потеряешься во льдах, постепенно замерзнешь насмерть, а в котловинах вокруг Магикади, где нет тени, погибнешь от жары и жажды. Во всех своих проявлениях территория вокруг Магикади наглядно демонстрирует контрасты, присущие пустыням.

С воздуха Калахари кажется пустынной страной, поселения сосредоточены преимущественно на востоке и юго-востоке, вдоль границы с Зимбабве и с ЮАР.

Территория Ботсваны — 600,4 тысячи квадратных километров — больше, чем площадь Франции, но население страны не превышает миллиона человек. Из них, по оценкам, около 120 тысяч живет в Калахари, но эта цифра, по-видимому, занижена. Калахари занимает 84 процента всей площади страны. Когда смотришь сверху на эту пустынную, сожженную зноем землю, кажется, немислимым, что такое множество людей находит там средства к существованию.

На земле картина представляется иной. Поселения

встречаются прежде всего по соседству с буровыми скважинами. На периферии пустыни, в ее северо-восточных районах, где выпадает больше осадков, чем на юге и юго-западе, попадаются даже ухоженные посевы сорго—культуры, лучше переносящей засуху, чем кукуруза, и потому предпочитаемой в таких районах. Признак относительного благосостояния в Ботсване — изредка встречающиеся тракторы, однако собранный урожай женщины обмолачивают вручную.

Тропы бушменов, как и прежде, пересекают местность, но теперь ландшафт испещрен еще и колеями, по которым движутся машины ветеринарной службы, скупщиков скота, медицинских патрулей службы здравоохранения и автолавки. Колеи ведут ко многим поселениям в Калахари. Очень четко различимы и с воздуха, и тем более на земле многочисленные следы стад домашнего скота, бороздящие песок.

Не так давно по этим тропам бродили дикие животные, а домашний скот находился в областях с постоянным доступом к воде в сухие сезоны. Трудно сказать, почему дикие животные в восточноафриканских саваннах могут сосуществовать со стадами масаев, тогда как дикие животные в Ботсване и во многих других частях Африки сторонятся домашнего скота. В районах выпаса скота в Калахари я никогда не видела более крупных животных, чем стенбоки, тогда как в районе Нгоронгоро можно увидеть канну, зебру и гну поблизости от стад домашних животных.

Прежние путешественники описывали обширные скопления диких животных, которые периодически пересекали Калахари во время сезонных миграций. Животные могли двигаться от богатых водой северных частей Ботсваны через всю Калахари далеко на юг. Прежде всего сезонными миграциями были охвачены крупные стада спрингбоков, что можно сопоставить с миграциями гну в Серенгети; мигрировали также большие массы гну, ориксов и коровьих антилоп.

Поскольку Южная Африка подверглась европейскому вторжению раньше, чем Восточная, там произошли и наиболее заметные изменения в животном мире. Буры целеустремленно уничтожали диких животных, чтобы подготовить места для пастбищ, и, кроме того, в течение всего XIX века Южная Африка привлекала к себе так называемых охотников-спортсменов, которые, по-видимому, были загипнотизированы обилием диких

животных и только тем и занимались, что убивали и убивали их. Южная Африка завоевала сомнительную репутацию первого региона, расположенного к югу от Сахары, где удалось истребить почти всю его богатую фауну, прежде чем были введены защитные меры. Теперь там имеется лишь Национальный парк Крюгера (в Трансваале) и небольшие заповедники южнее этого парка, где дикие животные взяты под охрану, чтобы сохранить их для будущих поколений⁵⁸.

Специфическое положение и нехватка воды защитили Калахари от полного уничтожения фауны, однако литература изобилует описаниями, подобными цитируемому ниже, которое оставил в 1924 г. чувствительный Альфред Долмен, путешествовавший по Калахари в 1860-х гг.: «Рано утром Холл и я сели в седло и направились к засаде на диких животных. Изящная самка гну была убита тремя пулями... Скоро был убит и привязан к седлу спрингбок. Было так много животных, что вскоре я израсходовал все патроны. Мы оставили примерно полдюжины гну, хромящих на трех ногах, но все еще бежавших на полной скорости.

Я скакал верхом за спрингбоками, которых были тысячи. Три прекрасных самца скоро пополнили наши запасы, и много подстреленных животных осталось лежать на равнине» (Dolman, 1924).

И все-таки наибольшей угрозой для диких животных в Калахари оказалась не охота, а тщательно продуманные прогрессивные мероприятия 60-х годов нынешнего столетия. Вспышки эпидемий ящура вызвали проблему экспорта мяса из Ботсваны, поэтому территорию Калахари поделили на контрольные зоны. Когда следуешь вдоль этих высоких сплошных полос из колючих деревьев и кустарников, тянущихся по пустыне, находишься под впечатлением экономического благосостояния жителей, с одной стороны, а с другой — энергии, с которой они взялись за решение проблемы, но одновременно сердце сжимается от мысли, что необузданная охота, эпидемии скота и жестокие засухи вытеснили всех диких животных.

Самый большой ущерб причинила обширная изгородь Куки, отрезавшая весь резерват «Центральная Калахари» от северных районов страны. Сильбербауэр, посетивший Калахари в начале 60-х годов, сообщал о массах гну, умиравших у этой изгороди. Даже более выносливые и менее зависящие от воды ориксы и спрингбоки

сильно сократились в численности. Для бушменов устройство изгороди тоже повлекло за собой тяжелые последствия. В 1965 г. Сильбербауэр отмечал, что у бушменов группы гви до ее сооружения в районе было 40 процентов мяса, а через четыре года — меньше 10 процентов (Silberbauer, 1965).

Все это еще не означает, что диким животным в Калахари пришел конец. Следует напомнить, что стадные животные в аридных условиях часто обнаруживают резкие колебания численности, и трагедию у изгороди Куки, по крайней мере частично, можно приписать «естественному» кризису популяций. Когда сейчас нехватка диких животных приводит кого-то в ужас, надо помнить, что в прошлом в определенные периоды они здесь также исчезали и что маршруты миграций в этих местах труднее предсказать, чем в Серенгети, из-за прихотливых местных дождевых облаков, определяющих места концентрации животных. Однако, несмотря на все это, кажется, что дикие животные, которые теперь встречаются в Калахари, сопоставимы с меньшими группами животных в восточноафриканских саваннах, которые по каким-то причинам не принимают участие в сезонных миграциях. Многие полагают, что миграции через Калахари не прекратились и, если какая-нибудь человеческая или божья сила рассеет изгородь Куки, не исключено, что они возобновятся. У диких животных такое случается, хотя пророки гибели природы не всегда склонны признавать их способность к восстановлению популяций.

В этой связи напрашивается вопрос, насколько изгородь Куки и другие изгороди необходимы? Удалось ли благодаря им покончить с эпидемиями ящура? На последний можно ответить только отрицательно. Свободно бродящий домашний скот и дикие копытные животные действительно распространяют ящур, но ведь изгородь не обеспечивает полной изоляции. Болезни скота разносятся также грифами и шакалами, для которых никакие изгороди не являются преградой. Устройство изгородей необходимо не столько для Ботсваны, сколько для стран, куда она вывозит мясо, как доказательство того, что Ботсвана предпринимает меры против ящура. Наконец, изгородь служит показательным примером крупного, дорогостоящего и привлекающего внимание объекта, демонстрирующего помощь Западной Европы и Америки таким странам, как Ботсвана.

Климат Калахари, как и всей южной части Африки, характеризуется двумя основными сезонами. Сухое и относительно прохладное зимнее полугодие, соответствующее лету северного полушария, и более жаркое влажное лето, отвечающее нашей зиме. В Ботсване большая часть осадков выпадает с января по март. Уже в апреле все начинает высыхать, и с мая до начала октября не выпадает ни капли дождя. Когда дожди прекращаются, воздух становится холоднее и увеличивается разница в суточных температурах. В июле нередко температура ночью опускается ниже нуля. Зато к середине дня, когда солнце успевает прогреть песок, она достигает 40 градусов. Резкие колебания температур тяжело переносятся и людьми и животными, требуя от них специальной адаптации.

К концу августа ночи становятся теплее и в воздухе ощущается приближение дождей. Бывает, но довольно редко, что первые дожди, которых с нетерпением ждет все живое, пройдут еще в сентябре. Выпадают весьма редкие ливни местного характера, которые иногда продолжаются до конца декабря. В благоприятные годы осадки распределяются более равномерно.

Для бушменов, постоянно живущих в Калахари и не имеющих возможности запастись провизией впрок, деление года на два сезона недостаточно. Их год делится на пять сезонов.

Весенние дожди, которые обычно начинаются в октябре и радуют молодые побеги; дождливое время с декабря по март; короткая осень в конце дождливого сезона, продолжающаяся до тех пор, пока ночи не станут холодными,—признак наступления зимы; сухой зимний сезон с мая по август и ранняя весна в конце августа с быстрым повышением температуры вплоть до октября и первых дождей. Перед дождями ужасно сухо и жарко — в это время бушменам труднее всего добывать пропитание.

Самый любимый месяц для них — апрель. Калахари покрывается зеленью, съедобные растения в земле набирают силу, созревают плоды на деревьях, до наступления холодных ночей погода стоит теплая и приятная. Холодные же ночи бушмены переносят тяжело.

По традиции на своих территориях бушмены выжидают траву среди кустарников примерно каждый третий год, за один-два месяца до начала дождей, чтобы избавиться от наземной растительности, которая заглу-

шает рост арбузов и других полезных растений. Выжигание травы происходит в конце ветреного летнего периода, и потому нередко на обширных территориях свирепствуют пожары. За последние годы они стали обычным явлением, поскольку в результате возросшего выпаса скота за счет трав распространились ксерофитные кустарники. Пребывание в плену сильного пожара дает ощущение остроты жизни. Выхода нет — разве только прорваться сквозь огонь. Колея напоминает объятую пламенем улицу, огонь перекидывается от дерева к дереву прямо над головой.

Над самой стеной огня небо испещрено орлами, ястребами и воронами, выскивающими и хватающими грызунов, ящериц и насекомых, бегущих от пламени. Вслед за этими птицами появляются другие — дрофы кори и птицы-секретари, ловящие змей и мелких грызунов, которые сейчас стали особенно заметны и доступны.

В местностях, подвергшихся выжиганию всего неделю, назад, бродят стенбоки и дукеры и щиплют свежие зеленые побеги. Порой кажется, будто вся Калахари одновременно объята пламенем, по ночам на небе видны красные отблески пожаров. Страдающие бессонницей, испытают необыкновенное чувство, наблюдая за огненным фронтом, тому же, кто спит не просыпаясь, грезятся звезды, которых здесь на небе столько же, сколько песчинок в Калахари, звенящих и сверкающих в клубах дыма.

Обычай бушменов через равные промежутки времени выжигать кустарники основывается на опыте многих поколений. Само собой разумеется, что они не стали бы проводить подобного мероприятия, если бы оно было разрушительным, как уверяют некоторые экологи. Во время жестокой засухи 60-х годов, например, подтвердилась правота бушменов в том, что выжигание способствует произрастанию арбузов. Местности, покрытые кустарниками, выглядели пустынными, выжженными, однако бушмены выкапывали арбузы, полные влаги, как и в дождливые годы, и в таком же большом количестве, благодаря чему засушливый период не казался им слишком тяжелым.

Флора и фауна издавна приспособились к исключительным климатическим условиям Калахари. Растительность ее заслуживает особого внимания. Травы, вырастающие в период влажного сезона, отличаются хорошим качеством и богаты питательными веществами.

Ее хватает, чтобы прокормить множество домашних и диких животных. Экологи, впрочем, утверждают, что трава крайне чувствительна к чрезмерному выпасу и вытаптыванию и обнаруживает низкую сопротивляемость к частым выжиганиям. Не все деревья могут устоять против резких колебаний температур в сочетании с пожарами. Эти факторы могут радикально изменить среду в пределах коротких промежутков времени (с точки зрения человека). Надо утешиться тем, что растительность устойчива, если иметь в виду тот факт, что она сформировалась за весьма длительный период и что за ее кажущейся хрупкостью скрывается исключительная выносливость, которая присуща всему живому в пустынях и полупустынях.

У многих растений влага скапливается в подземных частях. Животные, как и люди, умеют находить ростки, скромно сигнализирующие, где надо копать. Эти неприятательные подземные источники позволяют бушменам, а также ориксам, спрингбокам и дукерам удовлетворять свои потребности во влаге даже в крайне засушливые периоды. Растения, у которых влага сохраняется в подушковидных мясистых листьях, тоже хорошо приспособлены к существованию в засушливых условиях, они составляют характерный компонент флоры Калахари.

Не только растения, но и многие мелкие животные осознают преимущества укрытия под землей. К счастью, в Калахари сократилась только численность крупных животных, мелкие же все еще наслаждаются своей восхитительной жизнью под землей, в расщелинах скал и среди корней, где они образуют так называемые микрообитания, крайне малые по объему, но необычайно хорошо приспособленные для жизненных форм, нашедших там свою экологическую нишу. На глубине 50 сантиметров от поверхности вряд ли ощущаются какие-либо различия в суточных температурах, и небольшие создания, располагающие подходящими норами для пристанища, могут спокойно жить, независимо от бурь, бушующих у них над головами.

Наверное, следовало бы описать специальные приспособления, которыми располагают насекомые, жуки, ящерицы и змеи, чтобы существовать в песке под палящими лучами солнца. Интересующихся мы отсылаем к книге Джона Клаудсли-Томпсона «Пустыня» (Cloud-seley-Thompson, 1977). Змеям, впрочем, в этой книге

уделено немного места. Видимо потому, что путешественник почти никогда не замечает их под ногами. Как бы осторожно ни двигался человек по песку, они ощущают колебания и ретируются. Клаудсли-Томпсон говорит лишь, что змеи в экстремальных условиях пустыни более ядовиты, чем в других местах. Если повезет (или не повезет), здесь могут повстречаться такие грозные представители змеиного рода, как щитковая кобра, карликовая гадюка и мамба. Однако, как и в других местах, в Калахари из трех змей вряд ли больше одной змеи бывает ядовитой и, чтобы оказаться укушенным, должно страшно не повезти.

Гораздо больше возможностей познакомиться со скорпионами, прячущимися в сухой древесине, которую приносят к лагерному костру. Их укусы могут быть очень болезненны и опасны, поэтому перед разбивкой лагеря рекомендуется сгрести всю траву и хворост с участка.

Если мелкие животные и насекомые смогли целиком приспособиться к специфическим условиям Калахари (рекорд поставлен, вероятно, одним из видов клещей, который в определенных обстоятельствах может прожить без воды 10 лет), то на птиц не пал столь счастливый жребий. Большинство из них, и особенно зерноядные, зависит от воды, и, хотя в пустынных местностях насчитывается множество птиц, эти наблюдения преимущественно относятся к их питьевым миграциям — перелетам в поисках воды.

Неудивительно, что в Калахари значительно больше хищных птиц по сравнению с другими: они удовлетворяют свою потребность в воде за счет своих жертв. Среди них прежде всего бросается в глаза певчий ястреб, воспринимаемый как подлинный символ Калахари. Там вполне прижился страус, который кажется более крупным, чем в восточноафриканских саваннах, когда он проносится над равнинами и соляными блюдцами. Здесь мы встречаем еще двух птиц, знакомых нам по восточноафриканской саванне — дрофу кори и птицу-секретаря. Эти виды отсутствуют во всей центральной части Африки.

Из других легко опознаваемых видов можно назвать желтоклювого токо и два вида дроф — черную и хохлатую дрофу. Больше всего бросается в глаза черная дрофа, особенно во время тока и когда она в испуге поднимается в воздух. С пронзительным криком эта

птица взмывает вверх и потом камнем падает на землю, да так, что невольно закрываешь глаза в ожидании неминуемой ее гибели, которой черная дрофа каким-то необъяснимым чудом избегает.

В каждом соляном блюдце обитает несколько видов бегунков, там можно также натолкнуться на какого-нибудь жаворонка или зуйка. Весьма характерны для пустыни черно-белая тимелия и каменки, но для меня красногрудый сорокопуд представляется самым типичным видом в Калахари. Производит потрясающее впечатление, когда в первый раз видишь, как он вырывается из серой чащи густого колючего кустарника, иссиня-черный в верхней части, с ослепительно белыми рулевыми крыльями и ярко-красной полосой на груди. В аридной обстановке, где преобладают желтые, серые и бурые тона, резкие цветовые контрасты оперения этой птицы ошеломляют наблюдателя.

Крупные животные не могут укрыться под землей или втиснуться в укромные расселины. Обитающие в пустыне виды зверей были вынуждены приспособливаться к сухой среде. Ни одна антилопа не может обойтись без воды. Травоядные копытные получают часть влаги с пищей, многие из них выкапывают арбузы и другие содержащие влагу растения. Южноафриканский орикс, или сернобык, компенсирует потерю влаги за счет крайне концентрированной мочи, повышенной температуры тела и отдыха в самые жаркие часы дня, чтобы избежать потения. Подобно многим другим животным пустыни орикс совершает кочевки, хотя ныне крупные стада этих мигрирующих животных сократились до размеров небольших групп.

Возможно, наиболее яркий пример полной адаптации к среде — спрингбок, довольно близкий сородич восточноафриканских газелей, но более сильный и дикий. Он не ищет тени даже в полдень, как орикс, и пасется прямо на солнцепеке. Спрингбок отличается от импалы своими необычными прыжками. Вот он стоит на прямых ногах, поставленных близко друг к другу, голова наклонена к передним копытам, спина выгнута дугой и грубая жесткая белая грива торчит дыбом вдоль спины. И вдруг, выгнувшись, он прямо с места летит высоко вверх и затем опускается на все четыре ноги. Приземляясь, спрингбок совершает еще прыжок вперед, поворачивается и вновь взлетает, приземляется, меняет направление и опять взмывает ввысь. Так он двигается вперед.

Когда подобные пируэты воспроизводят все животные в стаде, зрелище навверняка дезориентирует хищников.

Некогда спрингбоки очень широко встречались в Южной Африке, и их миграции с ужасом ждали земледельцы и скотоводы. Там, где проносились эти антилопы, не оставалось ни единой зеленой травинки. По своим особенностям их миграции имеют много общего с постоянными миграциями гну в Серенгети. В настоящее время в центральной части Калахари редко можно увидеть крупные стада спрингбоков, но они еще встречаются на юго-западе Калахари и в Намибии.

Повсеместно распространена бурая коровья антилопа, или конгони, которая обнаруживает более близкое родство с конгони Джексона в Судане, чем со своими сородичами — бубалами Лихтенштейна и Кокса. Возможно, эти особенности распространения еще раз напоминают об обширном центральноафриканском лесном поясе, который некогда разделял ареалы многих видов животных на две части.

Другие виды антилоп, которые находят себе пристанище в Калахари, — канна и, что довольно примечательно, большой куду, которого привычнее видеть в изобилующей влагой долине Луангвы. Для куду самое важное — густой кустарник, поэтому-то он и освоил подходящие места обитания в столь разнородных районах, как Луангва и Калахари. В обилии встречаются две антилопы меньших размеров — стенбок, с которым мы познакомились в Серенгети, и вездесущий кустарниковый дукер.

В Калахари есть свои популяции хищных животных. Львы здесь менее заметны, чем в других национальных парках, потому что, как и леопарды, они нередко нападают на крупный рогатый скот и коз и тем самым попали в число нарушителей закона, которых надо уничтожать. Поэтому львы держатся достаточно далеко от людей. Возле убитого животного они разделяют общество чепрачного шакала, который тоже обитает на севере и на юге Африки, но не в ее центральной части. Хотя обе популяции в течение тысячелетий были разделены, шакалы Калахари относятся к тому же виду, что и шакалы Серенгети, с которыми мы ранее познакомились.

Другой незаметный и весьма обаятельный хищный зверь — бурая гиена, обитающая только в аридных районах — на юге и юго-западе Африки. Она держится более обособленно, чем пятнистая гиена, ведет сугубо ночной

образ жизни и не встречается столь крупными стаями, но в остальном у обоих видов много общего.

Если иметь достаточно времени и машину с мощными фарами, то можно обнаружить и каких-нибудь мелких хищных животных Калахари. Во время ночной прогулки довольно часто наталкиваешься на генету или цивету, а то и на маленькую черноногую кошку, которая до сих пор ускользала от меня. Не больше мне повезло с каракалом и земляным волком, хотя оба они в Калахари довольно распространены.

Зато из ночных животных беспрепятственно позволяет себя рассматривать долгоног, похожий на кенгуру грызун с небольшими передними и длинными задними ногами и длинным хвостом-подпоркой. Он «по-египетски» поворачивается к вам профилем, приглядываясь к необычному источнику света своими рубиновыми глазами. По сравнению с мощными прыжками долгонога обычный африканский заяц выглядит как настоящий дилетант, однако в искусстве выживания заяц преуспел, расходуя гораздо меньше белков, чем долгоног.

Если при приближении вездехода спрингбок, орикс и коровья антилопа исчезают как ветер, земляная белка никогда этого не делает. Покинув ветвистые деревья, приют ее сородичей, она стала обитательницей земляных нор, разделяя их с лисицевидным мангустом, наиболее распространенным видом мангустов в Калахари.

Хотя Калахари — главная тема этого раздела, нельзя писать о Ботсване, не упомянув дельту Окаванго. Контраст между обширной аридной территорией и огромной внутренней дельтой, где вода буквально уходит в песок, придает стране специфическую внутреннюю тональность и необычную окраску.

Река Окаванго стекает с возвышенностей Анголы (там ее называют Кубанго) и затем по долине течет через территорию Анголы в Ботсвану. Едва проникнув на территорию Ботсваны, река уходит из-под контроля и превращается в дельту с многочисленными небольшими рукавами, протоками, лагунами и старицами. Дельта занимает площадь 16 000 квадратных километров и охватывает значительную часть северо-западной Ботсваны.

Благодаря своей многоводности Окаванго считается второй по размерам рекой на юге Африки после Замбези. Вследствие сильного испарения река постепенно

исчезает в песках Калахари и только в исключительно дождливые годы достигает впадины Макгадикгади, которая сразу же превращается в мелководное озеро. В прошлом река Окаванго имела связь с рекой Чобе в северной Ботсване, а, значит, косвенно и с рекой Замбези. Есть геологические доказательства того, что некогда Окаванго достигала Индийского океана через систему рек Шаши и Лимпопо. В современную эпоху впадина, куда направлен сток реки Окаванго, занята крупным озером Нгами, которое временами полностью пересыхает.

В бассейне Окаванго проявляется значительная вулканическая активность, ее предполагаемый очаг залегает на глубине многих сотен километров от поверхности земли. По мнению многих исследователей, сейсмический очаг находится под обширным грабеном, который входит в крупную мобильную систему Великих африканских разломов. С 1950 г. было зарегистрировано 30 подземных толчков, сила которых превышала пять баллов по шкале Рихтера. По расчетам здесь происходит примерно три различных по силе землетрясения в год. Более мощное землетрясение 1952 г. вызвало изменения в руслах многих рукавов, полагают даже, что очередное мощное землетрясение может изменить положение русла Окаванго и эта река впадет в Замбези, причем дельта постепенно высохнет. Поверхность дельты настолько ровная, что не потребуются слишком больших изменений в строении земной коры, чтобы вода потекла в другом направлении.

То, что поверхность дельты ровная, а течение воды медленное, заметно даже неспециалисту. Более всего река наполняется во время сильных дождей, выпадающих в Анголе с ноября по март, но в Маунге, на краю дельты, уровень воды не достигает самой высокой точки раньше августа. Немногочисленные выпадающие в Ботсване осадки мало влияют на речной сток, уровень воды продолжает понижаться в январе—феврале, когда в самой дельте выпадает наибольшее количество осадков.

В период половодья река разливается по рукавам и протокам, затопляя окружающие территории, которые могут находиться под водой два (и более) месяца в году. В течение нескольких месяцев местное население строит догадки о предстоящем паводке, от которого зависят земледельческие работы.

Археологические данные свидетельствуют, что уже

10.000 лет назад в этих краях поселились бушмены. Они жили на краю дельты, занимаясь охотой и собирательством, подобно бушменам Калахари, но в отличие от них ловили рыбу, ставшую их основной пищей. Конечно, они ставили силки на птиц и мелких животных и собирали съедобные растения в зарослях кустарников. Во многих отношениях образ жизни бушменов больше сходен с образом жизни племени тва в болотистых местностях вокруг озера Бангвеулу. Однако надо заметить, что в недалеком прошлом, когда область распространения бушменов была более обширной, возможностей приспособиться к разным обстановкам у них было больше. Образ жизни «типичных» бушменов, которые нам известны в настоящее время, представляет, так сказать, лишь остаточную форму их былой цивилизации.

Группы охотников и собирателей, как показано выше, никогда не бывают многочисленными, и можно предположить, что жившие в дельте бушменские группы не были большими. Речные бушмены в значительной степени влились в состав других народов, переселившихся в область дельты за последние 200 лет. Вайейе были первыми мигрантами, пришедшими по реке Замбези; теперь они прекрасно приспособились к окружающей среде.

Согласно данным, придерживающиеся традиций вайейе до совсем недавнего времени на 70 процентов жили за счет даров природы — рыбы, мелких животных и кустарниковых растений, и все свои орудия труда изготовляли из природных материалов.

Вайейе населяют более низкие части дельты. Там на мелководных протоках они используют лодки-долбленки, которые называют мукоро. Мбукушу, пришедшие из Анголы, также живут дарами реки, тогда как разные группы тсвана и гереро, мигрировав из Намибии, принесли с собой скотоводство, которым в дельте занимается не более 20 процентов населения. Основная часть вайейе и мбукушу теперь живет в деревнях по образцу тсвана.

Общая численность населения в районе озера Нгами доходит, по оценкам, примерно до 54 000 человек, из них половина живет на краю дельты в небольшом городке Маунг, по длинной главной улице которого бродит скот и где все покрыто вездесущим тонким песком. В 1973 г. средний доход семьи в этом городке составлял около 80 африканских рэндов, что намного ниже прожи-

точного минимума и что, казалось бы, должно служить показателем крайней бедности.

Статистика, подобная упомянутой, ориентируется, однако, на финансовую экономику Запада и вводит в заблуждение, когда речь заходит об уровне жизни различных групп населения в развивающихся странах. В области дельты, на самом деле, не так много денег в обращении, и они в основном поступают от тех, кто занят на рудниках ЮАР, и от туризма, но человек, находящийся в плену цивилизации, не в состоянии понять, что население дельты имеет доступ к такого рода ценностям, которые вряд ли доступны им, людям из другого мира.

В редконаселенной дельте жители, не имеющие других источников дохода, могут прокормиться рыбой и кустарниковыми растениями, которые предоставляются в их распоряжение самой природой. Такие люди не считаются хорошими налогоплательщиками, не способствуют развитию экономики и, возможно, поэтому к ним относятся как к достойным жалости.

Когда я путешествовала по дельте с группой под громким названием «Wilderness Leadership School» («Школа управления дикой природой»), то получила удовлетворение от знакомства с несколькими вайейе, нанятыми нами в качестве проводников и носильщиков мукоро. Менее достойных жалости людей мне редко приходилось видеть. Конечно, они находились в привилегированном положении, поскольку за свой труд получали денежное вознаграждение, но было приятно видеть, насколько хорошо они использовали возможности, которые им предоставлялись во время нашего продолжительного путешествия по незаселенным, изобиловавшим дикими животными местам.

Путешествие начиналось в Ксаксабе на реке Боро, одном из главных рукавов дельты, следующем от Маунга к северо-западу мимо крупнейшего в дельте острова Чиф. Недавно этот остров был присоединен к национальному парку Мореми. Мы плыли на мукоро, настолько узких и неустойчивых, что приходилось застыть в определенной позе, чтобы не потерять равновесие и не упасть за борт. Мукоро сужаются к приподнятой носовой части и необычайно хорошо приспособлены для прохождения по сильно заросшим узким протокам. Вайейе владеют этой техникой в совершенстве, они стоят на корме и, отталкиваясь от дна длинным шестом, направля-

ют лодку точно в нужном направлении. Их способностям я особенно удивлялась после того, как сама попробовала управлять лодкой и у меня она ходила кругами.

Когда мы плыли по затопленной равнине, где более приподнятые участки возвышались как острова, наши проводники искали подходящие для мукуро деревья. В населенной местности таких деревьев мало, но в затопленных встречаются великолепные экземпляры колбасного дерева (*Kigelia africana*) нужного размера, хотя вайейе для изготовления мукуро предпочитают мокутсумо (*Diospyros mespiliformis*), которых мало даже в незаселенных местах. Дерево срубают и ствол выдалбливают топором (без применения огня). Считают, что мукуро служит не более 5—6 лет.

На островах вайейе отправлялись собирать съедобные и лекарственные корни. Попутно они высматривали тонкие молодые деревца, которые можно использовать для шестов. Когда мы разбивали лагерь для ночлега, они расставили верши и через час осмотрели их. Часть улова зажарили себе на ужин, а большую часть закоптили, чтобы отвезти своим семьям или продать.

Вечером, находясь в своем лагере на небольшом островке близ острова Чиф, мы услышали сильный шум. Казалось, это на полной скорости идет по шхерному архипелагу паром. Я бросилась вниз, к берегу, и увидела, как стадо импал, обьятых паникой, спотыкаясь и падая, мчалось по воде, а затем понеслось через островок вниз, снова к воде, и унеслось в сторону острова Чиф.

В темноте раздался предсмертный хрип импалы. Вайейе бросились в свои мукуро и исчезли в темноте. Как они узнали, в каком направлении надо плыть непонятно, но немного погодя вернулись радостные: в одной из лодок лежала молодая импала. Вайейе отняли ее у стаи гиеновидных собак, успевших разорвать ей брюхо. Тушу разделали. Одну заднюю ногу подарили нам, а остальное нарезали полосками и развесили по деревьям сушить. Сухое мясо — билтонг здесь считается лакомством. Жаль, что гиеновидные собаки лишились добычи и вынуждены были снова охотиться, но ведь и наши братья с Окаванго — частица природы, и их можно лишь поздравить с добычей.

Это путешествие было удачным, так как на острове Чиф мы застigli врасплох браконьеров, заставив их убраться восвояси. Они не знали, что среди нас нет представителей грозного Управления охотничьего хозяйства,

и поэтому бросили антилопу гну, которую только что разрезали на куски. Наши вайейе завершили эту работу и приготовили билтонг. Во время путешествия они постоянно ловили рыбу. В результате, хотя наш запас провизии уменьшался, взамен в каждой мукомо увеличивалась гора билтонга, копченой и вяленой рыбы. Кроме того, нам повезло: мы добыли дикий мед, который можно употреблять вместо сахара и в качестве крепкого опьяняющего напитка, сварив его с кусочками пчелиного воска.

В поисках дикого меда человеку часто помогает замечательная маленькая птица, которая, как кукушка, откладывая яйца, рассчитывает на помощь людей и животных, прежде всего медоеда, чтобы добраться до своей любимой еды — пчелиного воска и личинок в восковых сотах. Однако своей неутомимой болтовней медоуказчик многим портил удачную охоту. И теперь, когда мы, высадившись на острове Чиф, пытаемся подойти поближе к сассаби — большой красивой сливового цвета антилопе, снова вмешивается не в свое дело. Сассаби исчезает с быстротой ветра, когда медоуказчик выдает наше присутствие, а африканцы, целиком изменив план, следуют теперь за птицей, перелетающей с ветки на ветку и попутно проверяющей, не отстаем ли мы.

Наконец она садится на ветку и больше не взлетает. До нас доносится слабое жужжанье в листве, и умудренные опытом вайейе точно определяют место на дереве, где пчелы устроили улей. Они разжигают огонь у основания ствола, чтобы выкурить пчел, и те, сбитые с толку, тяжело летают вокруг, не имея сил даже, чтобы напасть на человека. Затем вайейе вырубает топором дыру в стволе и быстро выбирают пчелиные соты, оставляя кусок медоуказчику, с которым в компании еще несколько птиц, и все они вместе расправляются с сотами.

Говорят, что, если не оставить часть сот медоуказчику, в следующий раз он приведет тебя прямо к льву или змее. Это звучит не менее невероятно, чем то, что птица в дикой местности служит поводьем человеку в поисках меда.

Во мне самой много от собирателя, для меня сбор ягод — самое приятное занятие в жизни. Я радуюсь всему, что вайейе и речные бушмены находят в природе. Помимо кореньев они собирают ягоды, плоды, часто в суровой конкуренции с обезьянами и птицами. Несъедобные семена идут на ожерелья; тростник и речную

траву применяют как строительный материал, а также для плетения корзин и блюдец; из палок, которые вырезают в кустарниках, изготавливают верши для ловли рыбы; из гибких и жестких корней и древесных волокон делают сети; тростниковые побеги идут на поплавки.

Когда речь заходит об Окаванго, разгораются бурные споры о путях развития дельты. Большинство планов сводится к тому, чтобы использовать воду для будущих промышленных объектов, существуют и грандиозные проекты по мелиорации. Суммы, требуемые для их осуществления, фантастически велики, но это никого не смущает. Американская помощь развития обнаруживает пристрастие именно к грандиозным проектам, и ее оптимизм в отношении перспектив развития экономики Ботсваны неиссякаем. Это связано с открытыми в последние годы месторождениями алмазов в Калахари; доходы от их добычи превзойдут все доходы от скотоводства. Было даже подсчитано, что доход на душу населения через несколько лет повысится до 5000 пула (то есть 25 000 марок), что выше, чем в богатой ЮАР. Это, в свою очередь, означает, что появится много денег для повторных капиталовложений и дорогостоящие проекты будут более привлекательными, чем дешевые.

В развитии хозяйства Ботсваны остается немало сложных проблем, не предусмотренных планами. Только такой фактор, как резко возросшая стоимость топлива, может привести к тому, что расходы на осуществление крупных проектов развития промышленности и мелиорации могут оказаться выше, чем доходы от них. Тем не менее Окаванго, как выяснилось, вполне подходит для реализации этих проектов, хотя многочисленные исследования показывают, что экологическое равновесие в этом районе крайне неустойчиво и что все еще нельзя точно сказать, когда именно можно рискнуть проводить в жизнь программу осушения дельты.

Туризм — одна из отраслей хозяйства, которая приносит доходы, не требуя слишком больших капиталовложений. Местное население понимает преимущества туризма, поскольку он многих обеспечивает работой, что очень важно не только для дельты Окаванго, но и для всей Африки, где занятость населения невелика. В настоящее время в дельте функционирует лишь несколько небольших постоянных туристских лагерей, не считая

гостиниц в окрестностях Маунга. Туристам разрешается также устраивать палаточные лагеря на островах, расположенных вокруг острова Чиф.

В дельту можно привлечь гораздо больше туристов, но интересно отметить, что настоящие друзья дикой природы, которые любят наслаждаться ею, крайне негативно относятся к любой форме туризма. Я охотно причисляю себя к подлинным друзьям природы, однако не считаю, что на голову выше «обычных» туристов. Думаю, ни один уважающий себя турист не может причинить ущерб природе. К тому же нереально было бы ожидать помощи в деле охраны природы от людей, которым не разрешают посещать ее заповедные уголки. Ведь, несмотря ни на что, именно благодаря восторженным туристам организации по охране природы получают приличные субсидии.

В Ботсване туризм никогда не носил массового характера, а в 1978 и 1979 гг. в связи с событиями в Зимбабве, Замбии и Намибии, а также с резким повышением цен он значительно сократился. И все же профессиональная охота на диких животных и туризм приносят стране валюту (в 1974 г. Ботсвана получила от них 1,4 миллиона пул).

Дельта Окаванго и национальный парк Чобе на севере Ботсваны — наиболее привлекательные районы для тех, кто хочет посетить красивые места и увидеть диких животных. Национальный парк Чобе напоминает долину Луангвы, и в последующем изложении я ограничусь дельтой Окаванго, включая резерват Моремп, расположенный на полуострове и охватывающий две самые замечательные лагуны — Глодикве и Каканака, изобилующие птицами.

Глубокие постоянные рукава и лагуны дельты, окаймлены обширными зарослями тростника, озерного камыша и папируса, которые, особенно в северных районах, образуют обширный непроходимый пояс. Лишь небольшое число деревьев постоянно растет в воде, среди них финиковая пальма (*Phoenix reclinata*) и смоковница (*Ficus verruculosa*).

Многие острова находятся в южной части дельты. Самые маленькие из них обычно покрыты богатой береговой растительностью и высокими деревьями, наподобие колбасного дерева и мокучумо, но встречаются и другие, например, *Ficus sycamorus*, *Garcinia livingstonii*, *Lonchocarpus capassa*, *Combretum inberbe* и наибо-

лее распространенная пальма *Nyphaene ventricosa*. Крупные острова резко контрастируют с окружением, они окаймлены могучими зелеными деревьями, но, когда проходишь это окаймление, внезапно попадаешь в миниатюрную Калахари. Кругом волны мелкого белого песка, слабо закрепленного разреженными жесткими травяными кочками: кустарники и низкие акации в изобилии снабжены колючками. Здесь жарко, как в аду, и легко понять, почему тут обитают многие типичные животные пустынь и полупустынь.

Большая часть дельты состоит из речных пойм, которые затапливаются на более или менее длительные периоды. В тех местах, которые ненадолго скрываются год водой, преобладают разные виды трав, а там, где вода держится дольше, господствует озерный камыш. Структура растительного покрова в дельте весьма непостоянна, поскольку речная сеть изменяется, когда вода прокладывает себе новое русло.

Значительные участки дельты ежегодно выжигаются. Исследователи единодушно сходятся во мнении, что одноразовое выжигание в основном приносит пользу: исчезает отмершая растительность, являющаяся ненужным балластом, и вода встречает меньше препятствий на своем пути.

Нет более приятного способа путешествовать по дельте Окаванго, чем плыть на бесшумном мукоро. Можно наблюдать белые кувшинки и другие водные растения, видеть рыб, скользящих темными тенями на белом песчаном дне, рассматривать зимородков, цапель, змеешек, карликовых уток, длиннохвостых больших бакланов, малых поганок и якан, которые водятся в зарослях камыша и тростника, окаймляющих протоки. Весьма распространенный здесь тростник уносит воображение в более северные воды, если бы не пальмы и скопы, кружащие над зарослями тростника и папируса, через которые пробирается мукоро.

Иногда термин «болото» (*träsk*) неудачно применяется и по отношению к Окаванго. Однако вода там настолько чистая, что напрашивается вопрос, является ли обедненность ее питательными веществами результатом нехватки водорослей и других живительных частиц, вследствие чего запасы рыбы относительно невелики и почва бедна питательными веществами.

Из-за недостатка рыбы и водорослей мир водоплавающих птиц здесь не столь богат, как можно было бы

ожидать, хотя далее к северу, например, в северной части Мореми насчитывается свыше 200 видов птиц. Зато на островах отмечается их большое разнообразие и обилие. Наблюдать за ними там очень интересно: в пределах весьма ограниченной территории можно встретить и типичных водоплавающих птиц и ярко выраженные пустынные виды.

Поскольку остров Чиф был включен в состав резервата Мореми совсем недавно, животные в дельте все еще пугливы. Чтобы изучать типичных животных дельты (например, личи), надо ехать в Мореми, где они достаточно долгое время находились под охраной и чувствуют себя более уверенно, чем в самой дельте, где на них не прекращается охота. Однако и в Мореми надо внимательно наблюдать. Здесь можно увидеть плывущих в воде жирафов и многих других животных, которых раньше видели только на суше. Например, я наблюдала шедшего по брюхо в воде куду, которого в последний раз встречала в Калахари. Обитает здесь и такое ярко выраженное животное саванн, как гепард. По ночам слышится рычание львов, вой гиен и лай шакалов, раздающиеся на фоне шума бегущих импал и личи.

Самые обычные животные этого района — импала, павиан и буйвол. В обилии водятся робкие косули антилопы, есть небольшие группы сассаби и гну. В Мореми встречаются также зебра и роскошная статная черная антилопа, соперничающая с куду за звание самого красивого животного Африки.

Всего здесь насчитывается 36 видов млекопитающих размером с сервала и более. Кажется, что за каждым поворотом извилистых протоков вот-вот появится гиппопотам, но их тут мало. За все время моего пребывания в дельте я видела только одного, да и то с воздуха — темную тень животного, которое нырнуло в тот момент, когда услышало гул мотора. Малое число гиппопотамов объясняется тем, что вайе и мбукушу интенсивно на них охотятся, частично ради мяса, а частично из-за того, что некоторые агрессивные гиппопотамы перевертывают лодки и портят настроение людям, отправляющимся по своим делам.

Мясо гиппопотамов применялось в большом количестве как наживка для отлова крокодилов. В 50-х годах одному очень удачливому охотнику Бобби Уилмоту удалось покончить с крокодилами в дельте. Таким странным образом совпала участь двух существ, которые дол-

жны бы чаще всего здесь встречаться. Теперь они оба находятся под строгой охраной закона на всей территории дельты, где охота на остальных животных разрешена. Детеныши крокодила, рассматривающиеся некоторыми охотниками из долины Луангвы как пища для аистов, в дельте заботливо оберегаются. Прирост этих животных гарантируют, но пройдет немало времени, прежде чем крокодиловая кожа для сумочек снова будет поступать из Окаванго. То, что мы увидели гиппопотама, было просто чудом, настолько ошеломляющим, что пилот чуть не потерял управление.

До прибытия в дельту я знакомилась с дикими животными в основном в национальных парках, поэтому здесь мне было интересно сравнить, насколько их поведение отличается от поведения тех животных, которые являются объектами охоты. Травоядные здесь держатся на большом расстоянии, хищные — совершенно незаметны, а павианы агрессивны. Как я уже сказала, мы разбили лагерь на одном из островов недалеко от острова Чиф. Днем, пока мои спутники спали, я решила побродить вокруг без фотоаппарата, только с биноклем. Большая стая павианов с громкой бранью следовала за мной по деревьям. Они мне мешали наблюдать за птицами, и я села под куст, надеясь, что павианы забудут про меня и убегут.

Понемногу стая утихомирилась, и я услышала лишь воркующие звуки — это самцы общались между собой. С моего места стаю не было видно, и я решила, что она скрылась. Было очень тихо, но вдруг меня охватило беспокойство, сердце сильно забилось, и мне показалось, что кто-то недоброжелательно и угрожающе смотрит. Повернув голову, я увидела большого павиана-самца на расстоянии каких-нибудь 20 метров от меня. Взглянув в другую сторону, я обнаружила почти так же близко еще одного самца. Меня охватили ужас и желание бежать. Однако я знала, что бежать, когда тебе угрожает животное, — самое последнее дело. И вместо этого я встала в полный рост, отломила от куста сухую ветку и стала размахивать ею, двигаясь прямо на одного из павианов и придав своему лицу свирепое выражение.

Павиан повернулся и побежал. Одновременно я услышала, что второй также бежит. Я остановилась и погрозила им вслед палкой, радуясь своей победе. Истоки этой радости уходят в далекое прошлое, когда томиниды научились побеждать соперников-павианов.

Павианы всегда пробуждали во мне неприязнь и даже отвращение, которые я объясняла тем, что, находясь так близко друг к другу, мы как бы ощущаем давние отношения конкуренции, читаем на лицах друг у друга противоречивые, негативные чувства. Павианы, так сказать, пошли вспять в своем развитии, тогда как человек гигантскими шагами двинулся вперед. Возможно, это (совершенно ненаучное) объяснение привело к тому, что взрослые павианы мне казались постоянно подавленными и обиженными, словно подспудно сознавали, что их несправедливо обошли, не дали развернуться их возможностям.

Если человеческая неудовлетворенность ведет к созданию, то у павианов она выливается в злобу и раздражение, выплескиваемые в бурных перебранках. Я видела причину своей неприязни к павианам также в том, что, как мне казалось, они, в противоположность остальным животным, выделяют меня как личность. Для львов и слонов я — безликая угроза, и, воспринимая их предостерегающие сигналы, я сознавала, что они хотели бы уничтожить не меня, а некую исходящую от меня опасность. Павианы же имеют в виду как раз меня, личность. Когда они прыгают над моей головой по деревьям, не сомневаюсь, они доносят именно меня на своем выразительном «языке», столь похожем на человеческую брань, что это глубоко оскорбляет. Меня злит также их непорядочность. Если ты не одна, а с мужчиной, они ведут себя совсем иначе: держатся на почтительном расстоянии и ругаются негромко. Все известные факты нападения павианов касались женщин и детей, на мужчин, даже на безоружных, они напасть не решаются. Кстати, павианы хорошо понимают, что такое оружие. После столкновения с двумя самцами меня осенило: ведь я тогда была не вооружена. Прежде я всегда носила с собой фотоаппарат и телеобъектив, который павианы, очевидно, принимали за огнестрельное оружие.

Как упоминалось, социальная структура павианов основана на строгой иерархии, каждый член стаи знает свое место. Однако некоторые из них иногда не принимают эту иерархию, и попытки возмущения часто приводят к жестоким потасовкам. Обычно павианы передвигаются сомкнутыми группами по 40—60 особей во главе с вожаками, мощными самцами, которые готовы к самоотверженной борьбе с врагами, например, леопардами, наводящими ужас на павианов.

Леопард обычно выходит на охоту по ночам, легко и бесшумно лазает по деревьям и выступам скал, где спят павианы, которые ночью беспомощны, поскольку их зрение приспособлено только к дневному свету, и половину суток они находятся в невыгодном положении.

Горы Тсодило на северо-западе Ботсваны — памятник древней истории бушменской культуры. Путешествие туда помогает установить связь между Окаванго и Калахари. Самый легкий способ попасть в Тсодило — нанять небольшой самолет в Маунге и перелететь через дельту с ее личи и ситатунгами, колониями аистов и венценосными журавлями — туда, где еще выражено главное русло. Затем держат курс прямо на запад через серо-желтый ландшафт Калахари с ее разреженными кустарниками. Неожиданно под крыльями самолета показываются две темные грубоотесанные горы — это и есть Тсодило. Отсюда очень далеко до городов и деревень. Местность населена небольшой группой бушменов, которую изредка навещают пришельцы из внешнего мира. Цель посещений — взглянуть на наскальные изображения, памятники бушменской культуры, созданные несколько тысяч лет назад.

Поскольку в Калахари не так уж много гор, Ботсвана гораздо беднее наскальными изображениями, чем Зимбабве, Намибия и ЮАР. Большая часть рисунков в Ботсване сосредоточена в горах Тсодило, которые когда-то, по-видимому, были центром духовной жизни бушменов, располагавшемся на оживленном миграционном пути. Группа сотрудников Национального музея в Габороне ежегодно посвящает несколько недель съемке и описанию наскальных изображений. До сих пор их было обнаружено свыше 2000, и каждая экспедиция открывает новые. Алекс Кемпбелл, директор музея и руководитель экспедиций, говорит, что древнейшие изображения в Тсодило примерно того же возраста, что и самые ранние из известных подобных памятников Зимбабве. Однако и в Тсодило и в Зимбабве есть признаки, свидетельствующие о том, что рисункам, которые мы видим, предшествовали еще более древние росписи. Предварительные результаты анализов определяют их возраст: 30 000 лет, а некоторые исследователи готовы увеличить его еще на 20 000 лет.

Раньше считали, что африканские наскальные изо-

бражения значительно моложе, чем лещерная живопись Южной Европы эпохи позднего палеолита, но оказалось, что южноафриканские наскальные рисунки того же возраста, а возможно, даже и старше южноевропейских. Конечно, нельзя назвать обитателей пещеры Альтамиры⁵⁹ бушменами, но сходство изображений указывает, что древняя культура охотников и собирателей, от которой мы наследуем наши широко разветвленные общественные институты, все же была замечательно однородной.

Наряду с очень древними изображениями в Тсодило обнаружены и совсем молодые, которым, как полагают, не более 100 лет. В этих краях живут еще старые бушмены, охотно показывающие отдельные небольшие изображения, созданные, по их словам, умершими родственниками. Некоторые из путешественников, интересовавшихся искусством бушменов, свидетельствовали, что оно все еще живо, а среди сообщений об убийствах бушменов в Южной Африке говорилось о том, что в поясах убитых находили сосуды из рога с красящими веществами.

Бушмены могут дать точную оценку рисунку и по долгу стоят, взволнованные и растроганные, перед произведениями своего искусства. В одной из работ известного исследователя бушменов Блика рассказывается о его беседе с бушменом. На вопрос, умеет ли он рисовать, бушмен улыбнулся, но никто не расслышал его ответа. На следующий день рано утром, когда Блик выходил из дому, он увидел маленький приколотый к двери рисунок с изображением семейства страусов. Таков был ответ!

С. С. Дорнан (Dornan, 1925) лично наблюдал, как бушмен, которого он счел метисом, выполнял рисунок на скале. Сначала он взял камень и долго тер им поверхность скалы, потом тщательно убрал с нее каменную крошку и пыль, после чего взял палку, обмазанную на конце сажей, и наметил очертания зебры. Затем растер ком сухой, похожей на мел краски по подготовленной поверхности. Удалив щеткой пыль и лишнюю краску, он взял немного жидкой краски, которую предварительно согрел в выдолбленном камне, и маленькой перьевой кисточкой наложил ее на рисунок — изображение было готово. Кроме зебры он нарисовал черепаху, дикобраза и несколько цесарок. Картины были невелики по размеру. Дорнан несколько снисходительно отметил, что

художник работал не слишком усердно, часто делал «перекуры», сидел и смотрел на свою работу — наверное, так работают все настоящие художники, если ставят цель создать подлинное произведение искусства.

Краски, которые применяли художники прошлого, давно подвергли анализу. Черную получали из угля и графита, белую — из каолина или птичьего помета, желтую, красную и коричневую — из окислов железа, нагретых при разных температурах. Связующую роль выполняли животный жир или костный мозг; кровь животных и сыворотка, различные растительные соки и смолы также применялись как красящие вещества и, кроме того, придавали жидким краскам нужную консистенцию. Наконец, яичный белок служил идеальным закрепителем.

Инструменты были разные: обугленные палки для прорисовки контуров, кисти из перьев птиц, шерсть животных и стебли. Часть красок делали в виде мелков. Для работы с жидкими красками использовали естественные каменные палитры с углублениями, которые были обнаружены под наскальными изображениями в отдельных частях Африки.

Разной была и величина изображений — от изящных реалистических небольших рисунков животных до схематических крупномасштабных росписей. Исследователи Тсодило считают, что самые древние рисунки, которые можно разглядеть невооруженным глазом, — это простые отдельные одноцветные силуэты. Затем следуют изящные и хорошо нарисованные контурные изображения, которые обнаруживают связь с рисунками в Зимбабве, более тесную, чем с рисунками в Намибии.

Позже появились простые и менее динамичные рисунки животных, выполненные белой краской.

Меня не особенно интересовал вопрос, почему бушмены рисовали и какую функцию выполняли рисунки в их духовной жизни. Поскольку почва любого искусства многообразна и не всегда полностью известна, я могу согласиться с любой гипотезой, хотя она приоткрывает лишь часть истины. Искусство — волшебство, обряд и заклинание духов, способ продлить наше мимолетное пребывание на Земле, попытка к синтезу внутреннего и внешнего мира, времяпрепровождение и радость, крушение надежд, смиренная покорность, возвеличение самих себя.

Мотивы росписей в Тсодило отражают восприятие бушменами внешнего мира и раскрывают их внутренний мир. На очень многих рисунках показаны крупные животные: канна, жираф, носорог, коровья антилопа. Это естественно для людей, существование которых зависит от охоты на диких животных, переполняющих их мифы и сказки.

Есть изображения и других животных, например, льва, а также рисунки людей. Некоторые сцены, по-видимому, отражают культовые действия, иногда с явной эротической окраской. В особую категорию попадают крупные необычные звери, которые, возможно, представляют мистических «дождевых животных» из мифологии бушменов.

Часть хронологически установленных более поздних сюжетов связана с показом контактов бушменов с бантуязычными народами. Есть рисунки крупного рогатого скота и коз и, возможно, даже лошадей. В Трансваале и Зимбабве изображения отражают все более накалявшуюся конфронтацию между представителями банту (огромными, черными, снаряженными боевыми топорами и копьями) и бушменами (небольшими, красного цвета, уносимыми, словно цветочные лепестки, ветром), но подобные рисунки не встречаются в Тсодило. Напротив, имеются свидетельства довольно мирного сосуществования бушменов и бантуязычных народов.

Ученые музея не только пересняли изображения, но и представили доказательства того, что по крайней мере в этой части Ботсваны бантуязычное население появилось гораздо раньше, чем предполагали. Во время недавних раскопок в Тсодило была обнаружена керамика одного из бантуязычных народов VIII—IX столетий, что указывает на очевидную связь с культурой дамбва в долине Замбези. Предварительные раскопки, проведенные к западу от Макгадикгади, обнаружили следы поселения банту того же времени. Следовательно, культура дамбва простиралась до Калахари, то есть значительно дальше к югу (по сравнению с прежними оценками).

Две высокие горы в Тсодило называются Мужчина и Женщина. На них можно встретить рисунки в самых неожиданных местах, иногда на полпути к вершине, на отвесном склоне. Художники, видимо, гользовались переносными лестницами, чтобы забраться наверх, и прятали их в расщелинах.

Доступ к удобным для работы площадкам здесь ограничен, более поздние мастера порой рисовали даже поверх рисунков своих предшественников. Однако не только нехватка места объясняет труднодоступность многих рисунков. Для большинства известных нам пещерных и наскальных изображений характерно то, что они находятся на головокружительной высоте. Возможно, это объясняется их магической и ритуальной символикой. Разве мог человек так высоко взобраться по отвесному склону горы? А если эти изображения создала не человеческая рука, то чья же? В одном из бушменских мифов о Тсодило говорится, что никто не должен приближаться к горе «с кровью на руках и со злобой в сердце».

Европейцы любят рассказывать о таинственных происшествиях в Тсодило, случившихся, например, с профессиональными фотографами, чьи фотоаппараты, как только их наводили на рисунки, переставали работать. Даже самые большие скептики воздают должное «духам гор», которые якобы имеют магическую связь с рисунками.

Я не столкнулась с духами гор, хотя и осмелилась появиться в их обители, да еще с проклятиями на устах. Я спешила. В порывах ветра пилот готовил самолет к отлету. Он тоже торопился, желая как можно скорее вернуться в Маунг. В Тсодило мне повезло: я встретила друзей из музея, которые возили меня на вездеходе, так что мне удалось увидеть значительно больше рисунков, чем если бы я ходила одна пешком, но предаваться созерцанию не было времени. Я карабкалась по склонам с бешеной скоростью, в спешке щелкала фотоаппаратом, спускалась вниз и мчалась дальше.

Я охотно внушила себе, что духи гор отнеслись ко мне как к другу и коллеге и потому не осуждают мое неистовство, но было мучительно неловко от того, что из-за нехватки времени я не могла поразмышлять, так сказать, прочувствовать увиденное. Все же Тсодило остается местом, которое помогло мне установить связь времен.

До приезда в Африку я жила лишь сегодняшним днем, как живут многие в нашем цивилизованном мире. У меня была потребность вырваться из рамок повседневной действительности, уйти от самой себя. Поездка в Африку подействовала успокаивающе. Африка с ее древней историей, многообразием животного и рас-

тительного мира разожгла во мне интерес ко всему живому, помогла понять себя как часть единого мира с его богатым и разнообразным содержанием.

В Тсодило я видела уникальные памятники культуры еще раз напомнившие мне о глубокой связи, существующей между разными цивилизациями. Живая фантазия и сила созидания, окружающие нас в Тсодило, глубоко поражают всех с древнейших времен. Искусство всегда вело нас вперед по пути эволюции.

- Andersson, 1838 — *Andersson A. A.* Twenty-Five Years in a Waggon. L., 1888.
- Andersson 1886 — *Andersson C. J.* Sjöen Ngami. Stockholm. 1886.
- Astley-Maberly, 1963 — *Astley-Maberly C. T.* The Game Animals of Southern Africa. Jburg, 1963.
- Baldwin, 1863 — *Baldwin W. C.* African Hunting and Adventure from Natal to the Zambezi. L., 1863.
- Bieseke, 1975 — *Bieseke M.* Folklore and Ritual of Kung Hunter-Gatherers. Vol. 1—2. Harvard — Cambridge, Mass., 1975.
- Bleek, Lloyd, 1911 — *Bleek W. H. L., Lloyd L. C.* Specimens of Bushmen Folklore. L., 1911.
- Boyes, 1911 — *Boyes J.* King of the Wakikuyu. L., 1911.
- Brelsford, 1966 — *Brelsford W. V.* The Tribes of Zambia. Lusaka, 1966.
- Brown, 1965 — *Brown L.* The Life of the African Plains. London — New York, 1965.
- Brown, 1972 — *Brown L.* Africa. A Natural History. London — New York, 1972.
- Brown, 1970 — *Brown L.* African Birds of Prey. L., 1970.
- Burchell, 1822 — *Burchell W. J.* Travels in the Interior of Southern Africa. Vol. 1. L., 1822. Vol. 2. L., 1824.
- Carr, 1977 — *Carr N.* Some Common Trees and Shrubs of the Luangwa Valley. Ndola, 1977. Africa. L., 1967.
- Cloudsley-Thompson, 1969 — *Cloudsley-Thompson J. L.* The Zoology of Tropical Africa. L., 1969.
- Cloudsley-Thompson, 1977 — *Cloudsley-Thompson J.* The Desert. L., 1977.
- Clark, 1970 — *Clark J. D.* The Prehistory of Africa. L., 1970.
- Cole, 1954 — *Cole S.* The Prehistory of East Africa. L., 1954.
- Dolman, 1924 — *Dolman A.* In the Footsteps of Livingstone. L., 1924.
- Dornan, 1925 — *Dornan S. S.* Pygmies and Bushmen of the Kalahari. L., 1925.
- Dower, 1937 — *Dower K. G.* The Spotted Lion. L., 1937.
- Graham, 1973 — *Graham A. D.* The Gardeners of Eden. L., 1973.
- Hamilton, 1975 — *Hamilton I. D.* Among the Elephants. L., 1975.
- Hanks, 1979 — *Hanks J. A.* A Struggle for Survival. The Elephant Problem. L., 1979.
- Hitchcock, 1979a — *Hitchcock R. K.* Kalahari Cattle Posts. A Regional Study of Hunter-Gatherers, Pastoralists, and Agriculturalists (...). Gaborone, 1979a.
- Hitchcock, 1979b — *Hitchcock R. K.* The Traditional Response to Drought in Botswana — Proceedings of the Symposium on Drought in Botswana. Gaborone, 1979b.

- Ionides, 1946 — *Ionides C. J. P.* A Few Notes on the Bongo.— *Journal of the East African Natural History Society*. Vol. 19. 1946, № 3—4.
- Ionides, 1965 — *Ionides C. J. P.* A Hunter's Story. L., 1965.
- Kruuk, 1975 — *Kruuk H.* Hvaena. L., 1975.
- Leakey, 1952 — *Leakey L. S. B.* Mau Mau and the Kikuvu. L., 1952.
- Leakey, 1954 — *Leakey L. S. B.* Defeating the Mau Mau. L., 1954.
- Leakey, 1977 — *Leakey R., Lewin R.* Origins. L., 1977.
- Leakey, 1979 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge. My Search for Early Man. L., 1979.
- Lee, 1968 — *Lee R. B., De Vore I.*— Man the Hunter. Chicago, 1968.
- Mackenzie, 1871 — *Mackenzie J.* Ten Years North of the Orange River. Edinburgh, 1871.
- Marks 1976 — *Marks S. A.* Large Mammals and a Brave People. Subsistence Hunters in Zambia. Seattle—London, 1976.
- Marshall, 1976 — *Marshall L.* Kung of Nyae Nyae. L., 1976.
- Melland, 1938 — *Melland F. H.* Elephants in Africa. L., 1938.
- Myers, 1972 — *Muers N.* The Long African Day. N. Y., 1972.
- Percival, 1924 — *Percival A. B.* A Game Ranger's Note Book. L., 1924.
- Percival, 1928 — *Percival A. B.* A Game Ranger on Safari. L., 1928.
- Pitman, 1934 — *Pitman C. R. S.* A Report on a Faunal Survey of Northern Rhodesia. Livingstone, 1934.
- Phillipson, 1977 — *Phillipson D. W.* The Later Prehistory of Eastern and Southern Africa. L., 1977.
- Post, 1961 — *Post L. van der.* The Heart of the Hunter. L., 1961.
- Sahlins, 1968 — *Sahlins D. M.* Notes on the Original Affluent Society.— *Man the Hunter*. Chicago, 1968.
- Schaller, 1972 — *Schaller G. B.* The Serengeti Lion. Chicago, 1972.
- Schaller, 1973 — *Schaller G. B.* Serengeti. A Kingdom of Predators. L., 1973.
- Schaller, 1973 — *Schaller G. B.* Golden Shadows. Flying Hooves. N. Y., 1973.
- Schapera, 1930 — *Schapera I.* The Khoisan Peoples of South Africa. L., 1930.
- Schapera, 1960 — *Schapera I.* Livingstone's Private Journals 1851—53. L., 1960.
- Selous, 1893 — *Selous F. C.* Travel and Adventure in South-East Africa. L., 1893.
- Selous, 1881 — *Selous F. C.* A Hunter's Wanderings in Africa. L., 1881.
- Selous, 1908 — *Selous F. C.* African Nature Notes and Reminiscences. L., 1908.
- Silberbauer, 1965 — *Silberbauer G.* Report to the Government of Bechuanaland on the Bushman Survey. Gaborone, 1965.
- Silberbauer, 1979 — *Silberbauer G. B.* Social Hibernation: The Response of the G/wi Band to Seasonal Drought.— *Proceedings of the Symposium on Drought in Botswana*. Gaborone, 1979.
- Schoeman, 1961 — *Schoeman P. J.* Hunters of the Desert Land. Cape Town, 1961.
- Stanley, 1890 — *Stanley H. M.* In Darkest Africa. L., 1890.
- Stigand, 1909 — *Stigand C. H.* The Game of British East Africa. L., 1909.
- Thomas, 1958 — *Thomas F. M.* Historical Notes on the Bisa Tribe. Lusaka, 1958.
- Thomson, 1885 — *Thomson J.* Through Masai Land. L., 1885.

- Thomson, 1881 — *Thomson J.* To the Central African Lakes Back, L., 1881.
- Vesey-Fitzgerald, 1973 — *Vesey-Fitzgerald D. F.* East African Grasslands. Nairobi, 1973.
- Waller 1874 — *Waller H.* The Last Journals of David Livingstone. 1—2. L., 1874.
- Williams, 1967 — *Williams J. G.* A Field Guide to the National Parks of East Africa. L., 1967.
- Wilmot, 1970 — *Wilmot E. C.* Okavango Adventure. Cape Town, 1970.
- Woodburn, 1968 — *Woodburn J.* An Introduction to Hadza Ecology. Stability and Flexibility in Hadza Residential Groups.— *Man the Hunter.* Chicago, 1968.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящее время не менее сильно страдают и бразильские леса. Проблема тропических лесов сейчас необычайно актуальна.

² Подробно о движении и восстании Мау-Мау см.: *Филатова И. И.* История Кении в новое и новейшее время. М., 1985, с. 228—238.

³ Рунеберг И.-Л. (1804—1877) — известный финляндский писатель и поэт, писавший на шведском языке.

⁴ Дукеры — парнокопытные животные, относящиеся к семейству полорогих, подсемейству дукеров; мелких и средних размеров; обитают в лесах разных типов, а также на кустарниковых равнинах и в саваннах, поднимаются в горы; образуют примерно 16 видов.

⁵ Судить о естественных группировках животных по скоплениям у солонцов довольно рискованно, так как в таких местах их обычное поведение меняется из-за присутствия здесь животных других видов.

⁶ Баланс между хищниками и их жертвами и в природных условиях не так уже абсолютен, как представляет себе автор.

⁷ В Африке обитают три рода свиней, каждый из которых имеет только один вид.

⁸ Автором дается чрезвычайно упрощенное изложение теории островной биогеографии Макарура и Даймонда. В данном случае островной эффект преувеличен.

⁹ В Африке обитают белый и черный носороги. Первый крупнее второго. Оба занесены в Красную книгу Международного союза охраны природы.

¹⁰ Рог носорога представляет собой скопление эпидермальных клеток.

¹¹ Франколины, или турачи, относятся к семейству фазановых; представляют собой связующую форму между фазанами и куропатками. Масса тела 400—500 г. Виды, входящие в род франколинов, распространены в Африке, Малой Азии, Северной Индии; у нас обитают на Кавказе.

¹² По одной особи судить о величине животных той или иной экологической (или систематической) группы крайне рискованно.

¹³ Генеты относятся к семейству виверновых, отряду хищных млекопитающих. В Африке широко распространена пятнистая генета. Это небольшой зверь с вытянутым телом, пушистым хвостом; масса тела 1—2 кг. Сервал — стройная длинноногая кошка, оран-

жѐво-коричневая, с пятнами; распространена в Африке к югу от Сахары; населяет кустарники, реже — леса.

¹⁴ В тропических лесах иногда встречаются леопарды-меланисты, которых называют черными пантерами. Они особенно распространены на Яве. Черные особи могут появиться в одном выводке с обычно окрашенными.

¹⁵ Водяные козлы входят в семейство полорогих подсемейства водяных козлов. Эти антилопы образуют 3 рода и 9 видов, распространенных только в Африке.

¹⁶ Тростниковые козлы относятся к одноименному роду, входящему в подсемейство водяных козлов.

¹⁷ Автор упоминает только родовые названия мышей. Род полосатых мышей содержит 4 вида, травяных — 4 вида и лазающих — 5 видов.

¹⁸ Антилопа сунни относится к роду карликовых антилоп. Это самые мелкие представители семейства полорогих.

¹⁹ Хотя возможность нахождения нового вида дукера полностью не исключена, все же не следует ее преувеличивать. Невозможность определения вида животного в чаще леса еще не дает основания для надежды на нахождение нового вида.

²⁰ *Colobus abyssinicus* правильнее считать не самостоятельным видом, а подвидом королевского толстотела (*C. polykomos*).

²¹ Формирование подвидов птиц происходит не менее чем за 10 тыс. лет.

²² Турако относится к семейству бананоедов, отряду кукушек. Это семейство включает более чем 20 видов. Питаются фруктами, ягодами, почками деревьев и кустарников.

²³ Пеликаны выстраиваются цепочкой и, опустив клювы в воду, гонят рыбу на мелководье прибрежных участков, где и захватывают ее.

²⁴ Оптимизм автора малообоснован. Она сама же чуть выше отмечает, что быстро растущий город постоянно сбрасывает загрязненные воды в озеро. Надо также добавить, что сюда поступают и загрязненные воды с сельскохозяйственных угодий, что, несомненно, угрожает природе озера.

²⁵ Плювиальный период характерен для областей, не охваченных оледенением. Это время, более или менее соответствующее ледниковой эпохе, отличалось высокой влажностью из-за обильных осадков.

²⁶ В Олдовайском ущелье в конце 50-х — начале 60-х годов XX в. были обнаружены костные остатки человекообразных обезьян зинджантропов, которые существовали примерно 1 млн. 750 тыс. лет назад. Более близким к человеку оказался презинджантроп, названный человеком умелым. Некоторые ученые считают его одним из географических вариантов популяции австралопитека.

²⁷ Здесь можно позволить себе не согласиться с автором. Продуктивность африканских саванн необычайно велика. Так, в саванне Заира на 1 кв. км приходится 29 000 кг биомассы, в то время как в Северном полушарии на два-три порядка ниже.

²⁸ Викторианская эпоха — период правления королевы Виктории в Англии (1837—1901).

²⁹ Выделяют *Kobus defassa* в качестве вида. Правильнее его отнести к обыкновенному водяному козлу в качестве подвида.

³⁰ В Туркмении гепард исчез, видимо, в конце 60-х годов. Занесен в Красную книгу МСОП и СССР.

³¹ Мангусты, как и генеты, относятся к семейству виверровых, отряду хищных млекопитающих.

³² Имеются в виду представители подотряда зубатых китов (дельфины, косатки).

³³ Земляной волк относится к семейству гиеновых, отряду хищных млекопитающих. Активен ночью, день проводит в норе. Держится поодиночке, иногда семейными группами. Питается в основном термитами и личинками насекомых, поедает мелких насекомых, птиц и их яйца.

³⁴ Даманы — своеобразные млекопитающие, выделенные в самостоятельный отряд. Его представители имеют морфологические черты сходства как со слонами, так и с непарнокопытными. Размер тела 30—60 см. По внешнему виду напоминают сурков, хвост или отсутствует, или невелик. Ведут наземный и древесный образ жизни. Образуют одно семейство с 11 видами.

³⁵ Если жираф опустит голову, а затем внезапно поднимает ее, то должен возникнуть резкий перепад кровяного давления в головном мозгу. Кровь из шейной вены перегрузит сердце. Однако этого не происходит, так как у жирафа в большой шейной вене имеются клапаны, регулирующие потоки крови и выравнивающие кровяное давление в головном мозгу.

³⁶ В старых сводках и описаниях жизни животных страусу приписывается моногамия, современные исследования показали, что эта птица в большей степени полигамна.

³⁷ Птица-секретарь относится к отряду дневных хищных птиц.

³⁸ Пастушки относятся к отряду пастушковых, куда входят коростель, лысуха и др.

³⁹ Это мелкие певчие птицы, относящиеся к отряду воробьиных.

⁴⁰ Гиеновые (или гиеновидные) собаки относятся к семейству волчьих. Это некрупные животные, масса 16—23 кг. Держатся и охотятся стаями из 40—60 особей. Активны круглосуточно.

⁴¹ Муха цеце (*Glossina morsitans*) передает домашнему скоту смертельную трипаномную инфекцию — болезнь нгана. Другой вид (*Glossina palpalis*) — разносчик трипаномы, вызывающих у человека сонную болезнь. Трипаномы — паразитические простейшие организмы, встречающиеся у антилоп, которые служат природным их резервуаром.

⁴² Вокруг охраняемых территорий (национальных парков, резерватов, заповедников) может быть устроена буферная (охранная) зона, где местному населению разрешается такой вид природопользования, который не оказывает негативного влияния на соседнюю охраняемую природу.

⁴³ Босх Хиеронимус — нидерландский живописец конца XV — начала XVI в. В сюжетах его картин сочетались фантастика, фольклор, сатирические и реалистические тенденции.

⁴⁴ Антилопа пуку относится к роду водяных козлов, обитающих в Ботсване, Анголе, Замбии, на юго-востоке Заира.

⁴⁵ Характеристика знаменитого английского исследователя и путешественника дана несколько однобоко. Д. Ливингстон (1813—1873) совершил ряд длительных путешествий по Южной и Централь-

ной Африке (с 1840 г.). Исследовал бассейн р. Замбези, оз. Ньяса, открыл водопад Виктория и др. Вместе с Г. Стенли исследовал оз. Танганьика. Во время своих путешествий на основании наблюдений и изучения орографии он пришел к правильному выводу о том, что рельеф Южной Африки представляет собой блюдце с приподнятыми краями, обрывающимися в океаны. Все трудности и невзгоды путешествий с ним разделяла его жена, которую он любил и после смерти которой очень горевал. После очередного путешествия, продолжавшегося 16 лет, он вернулся в Англию, где пользовался большой популярностью. О нем говорили, его нарасхват приглашали с докладами в различные общества. В своих выступлениях он проводил линию равенства между белой и черной расой. Английское правительство решило использовать авторитет ученого-путешественника в своих колонизаторских целях (подробнее о нем см.: *Вотте Г. Давид Ливингстон. М., 1984*).

⁴⁶ Имеется в виду *Haliaeetus vocifer* — орлан-крикун, или речной орлан.

⁴⁷ Интенсивная охота может изменить и половую, и возрастную структуру популяции животных и повлиять на ее численность. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, проведенные в нашей стране и за рубежом (см., например: *Дежкин В. В. Охота и охотничье хозяйство мира. М., 1983*).

⁴⁸ Лактация у слонов продолжается около двух лет.

⁴⁹ Бивни слона — это сильно развившиеся резцы, а не клыки, как часто считают. Из щечных зубов у слона одновременно функционируют по одному зубу в каждой половине челюсти. По мере снашивания зубов они замещаются новыми, которые прорезаются сзади и продвигаются на место выпавших.

⁵⁰ У гиеновых собак, как и у волков, взрослые животные заглатывавшие куски мяса своих жертв, у логова отгрызают их щенятам. Чтобы быстрее вызвать у них рвотные движения, щенята используют некоторые приемы, в частности берут морду взрослого зверя в свою пасть.

⁵¹ Леопарды прячут свою добычу на деревьях.

⁵² Трубокозубы — своеобразные млекопитающие, относящиеся к одноименному отряду. Тело массивное, с удлинённой головой, заканчивающейся пяточком, как у свиньи; масса тела 50—70 кг. Длинный язык высовывается из рта примерно на 30 см. Ведут одиночный образ жизни, питаются муравьями и термитами, живут в норах.

⁵³ О бушменах см. также: *Волков В. В., Чирков В. С. Ботсвана. М., 1985, с. 85—87*.

⁵⁴ На мысе Доброй Надежды впервые высадился португальский мореплаватель Б. Диаш в 1488 г. Значительно позже, в XVII в., южную часть Африки колонизовали голландцы.

⁵⁶ Буры — потомки голландских, французских и немецких колонистов Юга Африки. Вели жестокую борьбу против местных племен, в частности против бушменов.

⁵⁶ Название «Калахари» происходит от слова «карри-карри», что на языке тсвана означает «мучимая жаждой». Тсвана часто добавляют к названию пустыни слово «кхофу» («страшная»).

⁵⁷ Долгоног — относительно небольшой грызун с массой тела 3—4 кг. Относится к одноименному семейству; внешне напоминает

большого тушканчика; обитает в полупустынных и пустынных равнинах.

⁵⁸ В 80-е годы в Южно-Африканской Республике насчитывалось 9 национальных парков, не менее 150 парков и резерватов-провинций общей площадью 13,6 млн. га (*Борисов В. А., Белоусова Л. С., Винокуров А. А.* Охраняемые природные территории мира. М., 1985). В 1931 г. в Калахари был образован национальный парк «Калахари-Гемсбок» площадью более 950 тыс. га.

⁵⁹ Альтамира — пещера в провинции Сантандер (Испания) с красочными настенными изображениями (бизонов и других животных) мадленской культуры позднего палеолита.

К. П. Филонов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Улла-Лена Лундберг — профессиональная писательница. Она родилась в 1947 г. на Аландских островах (Ботнический залив, Финляндия) в семье учителей народной школы. Из-под ее пера вышло более десяти произведений самого различного жанра — романов, повестей, путевых очерков.

Книги Лундберг подкупают своей правдивостью и гуманизмом. Она далеко не безразлична к судьбе человека, его повседневным нуждам и заботам. Особенно ее волнует состояние окружающей среды. Этому вопросу она посвятила несколько работ, в том числе и книгу, с которой познакомился читатель. Любовь и интерес к Африке, ее природе и людям, не угасли с выходом книги «Острова в сердце Африки». В самое последнее время она работала над романом в двух частях, посвященным проблемам Африканского континента.

Сюжеты для своих произведений Улла-Лена Лундберг черпает из жизни, с которой она знакомится во время поездок по Америке, Японии, Африке. К последней она сохранила особенно трогательное отношение.

Книга «Острова в сердце Африки» посвящена интереснейшим районам — Восточной и Южной Африке, их экзотической природе и населению. Восторженная оценка автором красот природы и болезненное восприятие всех негативных явлений в состоянии охраны природы — это не просто выражение свойств характера. Ее реакцию можно объяснить и тем, что Лундберг выросла в суровых условиях скандинавской природы, которая резко отличается от африканской и которую она подсознательно сравнивает с природой высоких широт. Это вызывает особое отношение ко всему виденному в Африке. Будучи человеком гуманным, автор глубоко чувствует несправедливость как по отношению к коренному населению, так и к среде его обитания.

У.-Л. Лундберг посещала Африку неоднократно. В качестве туриста и исследователя она побывала во многих частях континента, и везде ее интересовали прежде всего люди и их окружение.

Название «Острова в сердце Африки» говорит о том, что мар-

шруты У.-Л. Лундберг проходят прежде всего по охраняемым природным территориям. Она посетила такие национальные парки, как Абердэр (Кения), Серенгети (Танзания), резерват Луангва-Вэлли (Замбия), Калахари-Гемсбок (Ботсвана). В этих местах природа сохранила свой исконный облик и отличается от обширных антропогенно преобразованных пространств, прилегающих к охраняемым природным территориям.

Положение национальных парков и резерватов напоминает положение островов в океане — как те окружены водным пространством, которое изолирует участки суши от материков и других островов, так и национальные парки находятся среди безбрежного моря преобразованных человеком ландшафтов. Обитатели этих природных охраняемых территорий могут быть изолированы от аналогичных участков соседних территорий, и эта изоляция в ряде случаев бывает достаточно сильной. Возможности выселения за рубежи национального парка или резервата у них ограничены; невелики шансы и на регулярное вселение сюда животных из прилежащих угодий из-за того, что они значительно изменены человеком и их коренное население исчезло или нарушено как в качественном, так и в количественном отношении.

Богатство жизни на островах зависит от их размеров и удаленности или от материков, или от более крупных островов и полуостровов: на меньшем острове живет меньшее число организмов, чем на крупном, а на более удаленном острове жизнь менее разнообразна, чем на соседнем с материком. Хотя природные охраняемые территории можно сравнивать с островами, но проводить полную аналогию между ними нельзя.

Автор пытается как можно подробнее описать животный мир национальных парков и попутно обсудить некоторые проблемы, возникшие в связи со стремлением сохранить природу на относительно небольших (по сравнению с окружающими угодьями) территориях. У.-Л. Лундберг не ограничивается только этими вопросами, она рассматривает природу Африки значительно шире — как среду обитания, от состояния которой будет зависеть благополучие населяющих ее народов. Прибегая к сравнительному описанию природы в национальных парках и на соседних угодьях, автор наглядно демонстрирует степень ее общего оскудения. А от этого зависят судьбы многих тысяч коренных обитателей, тесно связанных своим образом жизни с той природой, которая исчезает на наших глазах.

Проблема национальных парков (или других типов охраняемых природных территорий) остро стоит во всех странах мира, но особенно она злободневна в развивающихся странах, в частности в странах Восточной и Южной Африки, заселенных различными народами, для которых примитивный способ использования природных ресурсов является основным. Последнее входит в противоречие с не-

обходимостью отторжения больших территорий, чтобы сохранить в целостности весь природный комплекс, т. е. все многообразие растительных и животных форм. А поскольку Африканский континент единственный, где с древнейших времен сохранились в большом количестве разнообразные виды крупных животных, то возможность их сбережения целиком зависит от того, насколько велика охраняемая территория и как много таких территорий. Это же связано с отторжением земель, жизненно необходимых для коренного населения Африки. Отсюда комплекс острых природоохранных и социальных проблем, которые автор книги не обходит молчанием.

У.-Л. Лундберг болезненно воспринимает состояние аборигенного населения и искренне переживает за его судьбу. Чтобы лучше представить настоящее положение и перспективы развития коренных жителей, автор иногда делает исторические экскурсы, интересные по фактическому материалу, но не всегда верные по своим выводам. В ряде случаев автор с излишней эмоциональностью оценивает события социальной жизни. Но с главной мыслью автора о том, что некоторые социальные проблемы сводятся к тому, чтобы «прогнать бедных с земли богатых», нельзя не согласиться. Футурологические замечания в книге наивны, хотя описание жизни коренных жителей, их общественного уклада, обычаев интересны и в ряде случаев поучительны для тех, кто завладел их землями. Восторженное описание образа жизни некоторых народов, например бушменов Калахари, воспринимается как призыв назад, к дикости. Правда, сам автор свою позицию называет ироническими «романтическими сентенциями». Явления колониализма и расизма возмущают У.-Л. Лундберг, о них она пишет с отвращением и осуждением. Автор считает, что право распоряжаться природными ресурсами Африки неотъемлемо принадлежит ее аборигенам.

Проблема национальных парков имеет два аспекта — социально-экономический и природоохранный. Первый связан с тем фактом, что отторжение земельных участков, на которых расположены пастбища и охотничьи угодья коренного населения, ухудшает его экологию, а площади, окружающие национальные парки, в таких случаях более интенсивно используются и быстрее деградируют. Ко второму относится то, что в национальных парках действительно сохраняется более или менее нетронутая природная среда, но в них в конце концов возникает перенаселение какого-либо вида крупных млекопитающих. Вследствие этого природа национального парка начинает утрачивать свои первоначальные черты и также деградирует. Ярким примером, иллюстрирующим это положение, может служить проблема слонов в национальном парке Цаво.

В книге неоднократно поднимается вопрос о значении национальных парков и об отношении местного населения к их администрации и наоборот, но, к сожалению, ни в одном случае мы не

Находим конкретные рекомендации по преодолению возникших там противоречий. И, возможно, не случайно, так как автор не преследовал подобной цели. Личное отношение автора к национальным паркам противоречиво. Она понимает необходимость их организации и вместе с тем сетует на то, что коренное население при этом теряет земли, на которых оно ведет свое хозяйство. Правда, автор признает в ряде случаев, что именно национальные парки обеспечили население постоянной работой и оно не всегда враждебно относится к национальному парку и его администрации, но это скорее исключение из правила.

В книге делается попытка найти компромисс между необходимостью сохранить как уникальные природные участки Африки, так и традиционное природопользование в национальных парках в виде ограниченной охоты или выпаса скота. Такого рода подход чреват негативными последствиями и не решает проблемы в целом, а она очень сложна и для ее решения требуются не эмоциональные всплески, а социально-экономические преобразования, учитывающие интересы как охраняемой природы, так и местного населения.

Следует различать охраняемые природные территории (национальные парки, резерваты), образованные в прошлом, в период колониализма, и те, что были учреждены самостоятельными африканскими государствами. В первом случае создавались очень большие по площади национальные парки не только для поддержания нормальных условий жизни крупных животных, но и одновременно для ведения фермерского хозяйства, для чего резервировались необходимые в перспективе земли. При образовании таких огромных национальных парков с их территории изгонялось местное население без какой-либо компенсации и без учета его интересов. Во втором случае национальные правительства во вновь возникших африканских государствах, организовывая национальный парк или поддерживая уже существующий, не сбрасывают со счетов нужд коренных обитателей и пытаются найти взаимоприемлемое решение. Этот момент в книге отнесен недостаточно четко, и у читателя может создаться не совсем точное представление о природоохранительной стратегии нынешних африканских правительств.

Природе Африки посвящено немало и научной, и популярной литературы. Тем не менее интерес к этому континенту не ослаб. У.-Л. Лундберг дает несколько необычное описание фауны восточной и южной части Африки. По существу, это путевые впечатления, чередующиеся с эссе о состоянии природы и положении коренного населения. Животный мир Африки чрезвычайно богат и разнообразен. Он сохранил элементы далеких геологических времен, которых на других континентах не осталось. Поэтому Африку рассматривают как своеобразный живой музей, изучение которого откроет человеку много нового и полезного для его практических нужд.

Особенно богата фауна крупных млекопитающих Африки. Ее богатство поражает воображение даже самого искушенного путешественника и наблюдателя. Надо заметить, что после прихода на этот континент белых численность ряда видов животных сильно уменьшилась. Хищническая охота привела к резкому сокращению ранее многочисленных видов, а некоторые стали настолько редки, что попали в Красную книгу МСОП. И тем не менее в целом состав фауны Африки изменился мало. Животное население Африки требует чрезвычайно бережного отношения и должно быть сохранено для грядущих поколений. Однако очевидно, что африканское население всегда испытывало и испытывает недостаток в белковой пище. Периодические засухи или болезни домашних и диких животных подрывали его хозяйство. Как уже упоминалось, среди африканцев существуют настроения, направленные против национальных парков и других мер по охране природы и ее ресурсов. Возникает вопрос: как же быть?

По всей видимости, для спасения редкой и уникальной фауны Африки, для поддержания хозяйства коренных народов, сохранения их уклада жизни с его вековыми традициями потребуются строгая государственная регламентация всех видов природопользования, введение жесткого контроля за численностью и нормами добычи животных, дальнейшее пристальное изучение как фауны так и уклада жизни африканских народов, перспектив развития сельского хозяйства с возможностью использования огромных резервов диких копытных животных. Такое направление в ряде районов Африки, особенно засушливых, уже развивается.

В 1961 г. состоялась Африканская конференция, на которой была представлена 21 страна. На ней был подписан Манифест об охране природы Африки. В ряде африканских стран имеются национальные законы, направленные на сохранение уникальной природы этого континента. После этого были проведены специальные ассамблеи, посвященные охране животного мира Африки. Проблема национальных парков как мест, где исконная природа континента может быть сохранена в первую очередь, стала одной из ведущих. В 1974 г. III Конференция по охране природы в Серенгети подтвердила кооперацию восточноафриканских стран в организации национальных парков и наметила наиболее актуальные направления научных исследований.

Различные международные организации (ЮНЕСКО, Международный союз охраны природы, Международный фонд охраны дикой природы и др.) уделяли и уделяют большое внимание научному обоснованию организации национальных парков и сохранению в них неповторимых природных фондов. В связи с этим возникает задача углубленного изучения растительного и животного мира, и прежде всего в национальных парках. В этом направлении сделано немало.

Широко известны имена таких исследователей, как Б. Гржимек, К. Карри-Линдал, Д. Шаллер, Х. Круук, Д. Гудалл, Д. Адамсон и др., которые жили и работали в национальных парках и провели много интересных и неповторимых наблюдений за крупными животными.

Хотя наблюдения У.-Л. Лундберг не могут быть отнесены к строго научным прежде всего из-за их несистематичности и методического несовершенства, многие из них достаточно точны и представляют познавательный интерес. Описания различных видов животных, их повадок, образа жизни сделаны необычайно удачно и верно. Кстати сказать, в своих рассказах о животных автор нередко прибегает к антропоморфизму, т. е. наделяет их человеческими свойствами. Такой прием достаточно широко распространен среди натуралистов-популяризаторов и преследует одну цель — придать живость изложению. В целом читатель получит удовольствие — от общения с дикой природой Африки, ее четвероногими обитателями и коренными жителями.

К. П. Филонов

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЛЕС. ГОРЫ АБЕРДЭР	5
САВАННА. СЕРЕНГЕТИ — НГОРОНГОРО	72
ДОЛИНА РЕКИ ЛУАНГВЫ	146
ПУСТЫНЯ КАЛАХАРИ	229
ЛИТЕРАТУРА	300
ПРИМЕЧАНИЯ	303
К. П. ФИЛОНОВ. ПОСЛЕСЛОВИЕ	308

- Л84** **Лундберг У.-Л.** Острова в сердце Африки. Сокр. пер. со шведск. Л. Р. Серебряного. Примеч. и послесл. К. П. Филонова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

314 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»)

Книга финляндской писательницы У.-Л. Лундберг, пишущей на шведском языке, представляет собой научно-художественное описание четырех районов Внутренней Африки: влажного тропического леса (горы Абердэр), саванны (Серенгети-Нгоронгоро), долины реки Луангвы и пустыни Калахари.

Автор рассказывает о богатой природе Африки, о жизни коренного населения, особое внимание уделяя взаимоотношению человека с окружающей средой.

Л 1905020000-018 68-86
013(02)-87

ББКл8

Улла-Лена Лундберг
ОСТРОВА В СЕРДЦЕ АФРИКИ

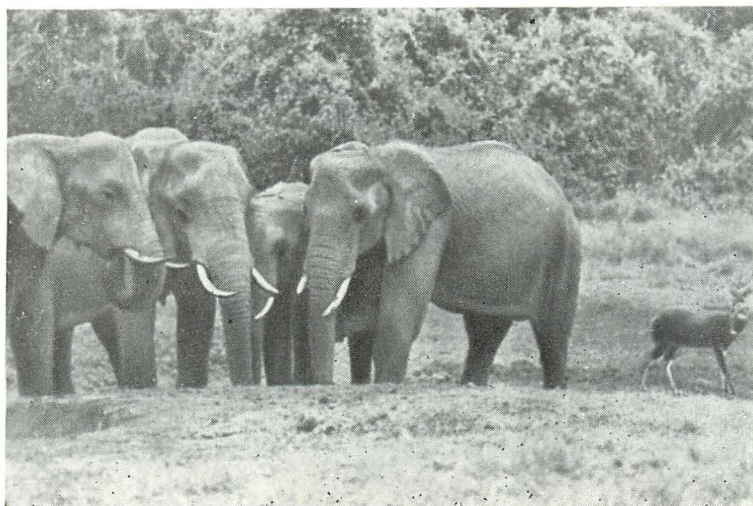
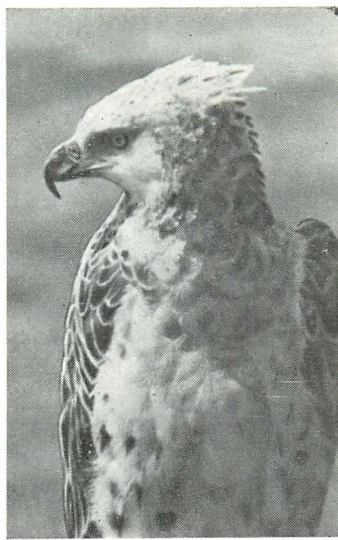
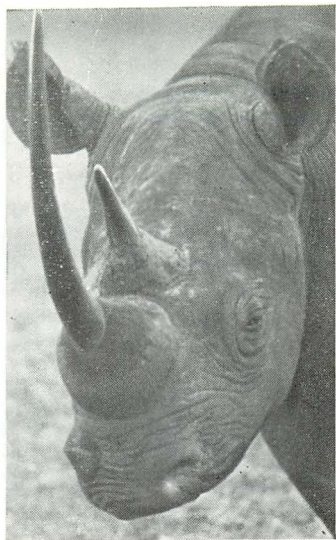
*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *М. С. Грикурова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синско*
Корректоры *Т. А. Алаева*
и *Н. В. Морозова*

ИБ № 15537

Сдано в набор 04.07.86. Подписано к печати 18.12.86. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Вкл. отпечатана на мелозанной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,80+0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 17,85. Уч.-изд. л. 18,41. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6057. Зак. № 744. Цена 2 р.

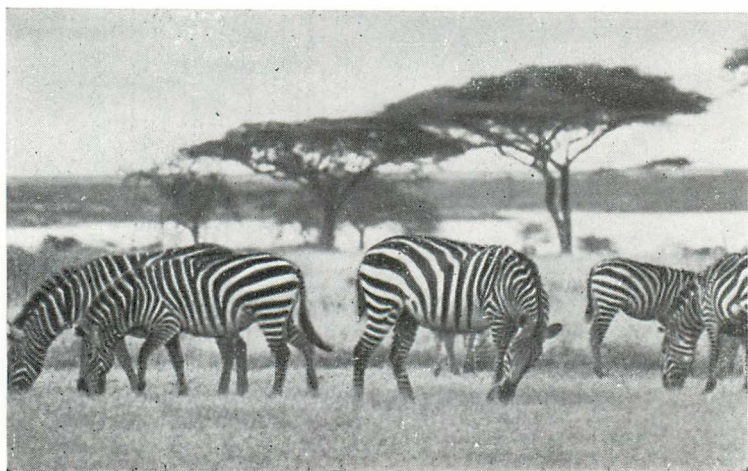
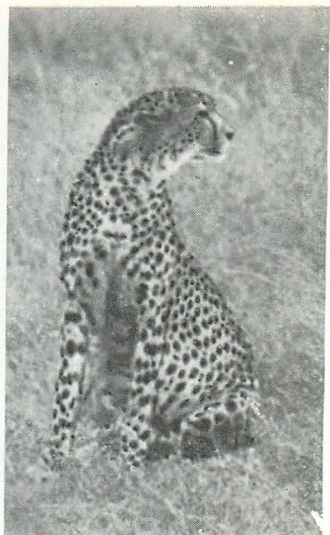
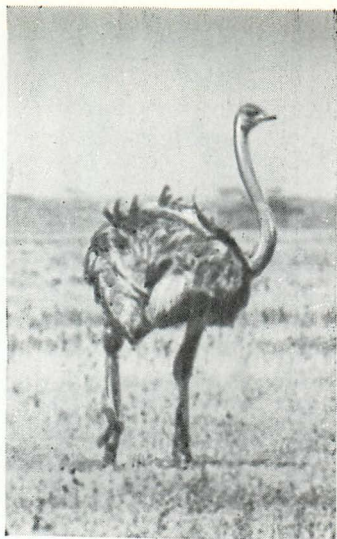
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Е-143, Открытое шоссе, 28



Голова носорога

Восточный орел

Бушбок и слоны



Страусица в Серенгети

Гепард на равнине
у озера Ндугу

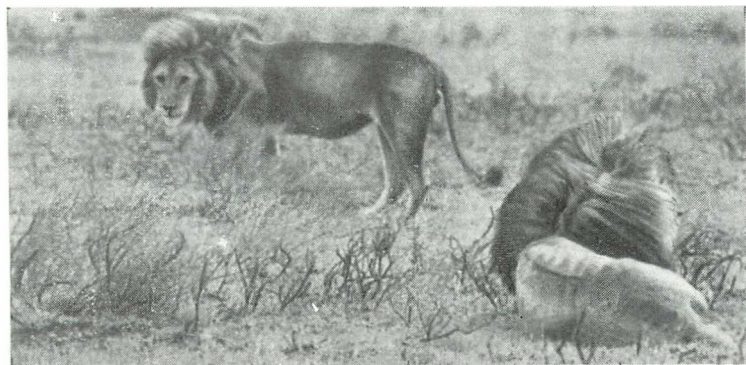
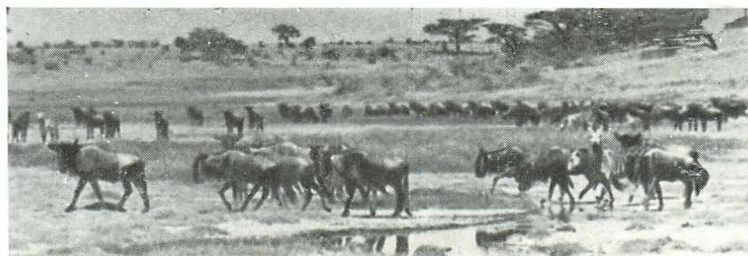
Зебры в районе
Олдовайского ущелья



Седлоклювый аист
на берегу Ндуту

Колония гну

Львы Серенгети



Гненовидная собака
в долине Луангвы

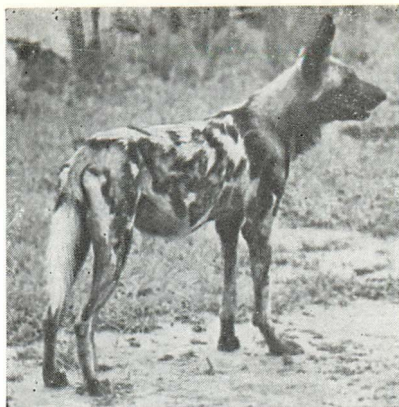
Имналы — главная
добыча гненовидных
собак

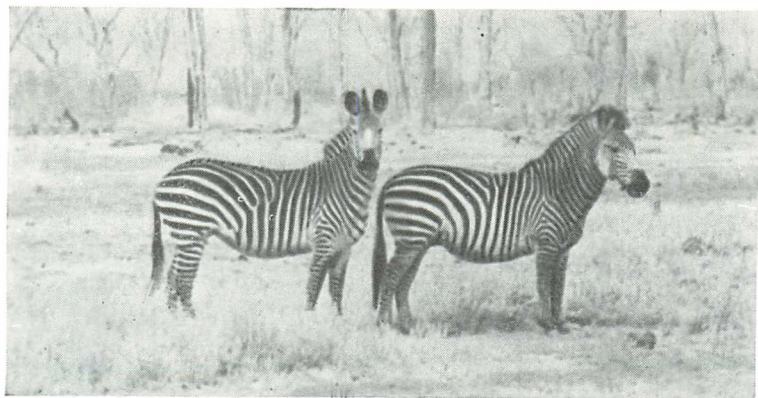
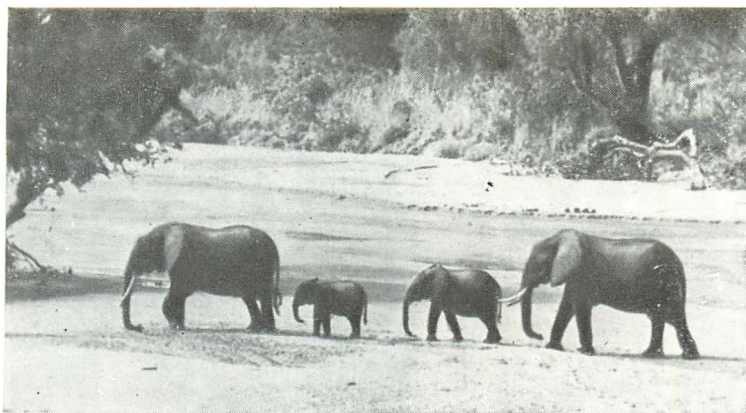
Река Луангва.
Следы половодья

Слоны в долине
Луангвы

Водяные козлы
на пойменных лугах

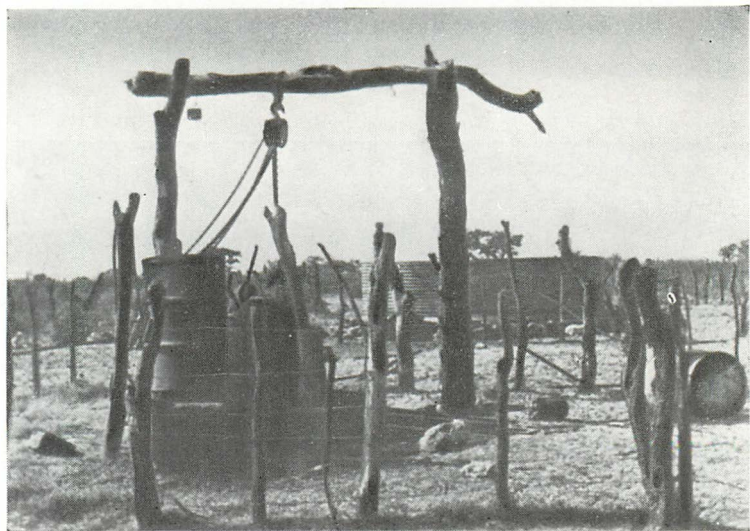
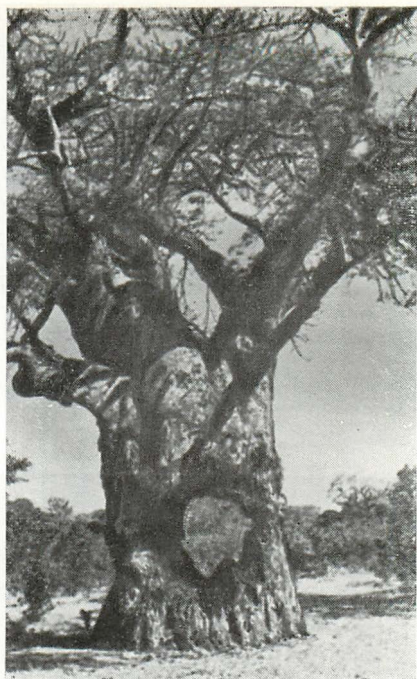
Луангвские зебры





Отверстие
в стволе баобаба,
сделанное слонами

Буровая скважина
и насосная установка
в Калахари





Бушменка

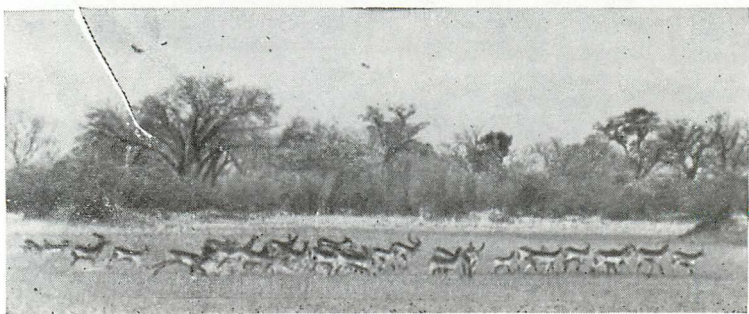
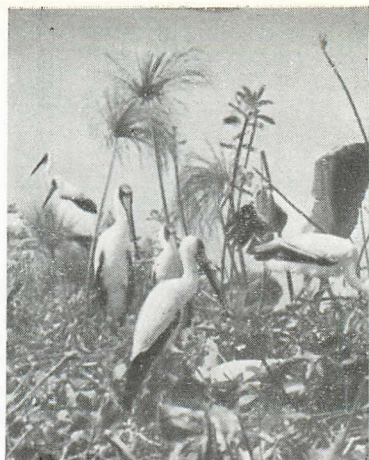
Жители Калахари



Аисты в зарослях папируса

Бушмены демонстрируют
стрельбу из лука

Антилопы личи
в дельте Окаванго





УЛЛА-ЛЕНА ЛУНДБЕРГ

**ОСТРОВА
В СЕРДЦЕ
АФРИКИ**



Название книги «Острова в сердце Африки» говорит о том, что маршруты финляндской писательницы Уллы-Лены Лундберг проходили прежде всего по охраняемым природным территориям. Она посетила такие национальные парки, как Абердэр (Кения), Серенгети (Танзания), резерват Луангва-Вэлли (Замбия), Калахари-Гемсбок (Ботсвана). В этих местах природа сохранила свой исконный облик и отличается от обширных антропогенно преобразованных пространств, прилегающих к этим охраняемым территориям.